

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 11, № 5, 2018

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscs.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тозин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Ли, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентий С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окреплов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 11, no. 5, 2018

**The journal
was founded in 2008**

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Doc. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. И снова к вопросу о будущем российской государственности.....	9
--	---

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Глазьев С.Ю. Потенциальные возможности роста российской экономики и денежно-кредитная политика Банка России	30
---	----

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Возможности обеспечения экономического роста России с темпами не ниже мировых	49
---	----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Печенская М.А. Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты	61
---	----

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Шаров В.Ф., Пинская М.Р., Богачев С.В. Совершенствование государственной поддержки экспортного кредитования внешней торговли в евразийском пространстве	74
---	----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Чичканов В.П., Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Общая оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах России	87
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Леонов С.Н. Состояние и особенности размещения малого предпринимательства по регионам России	103
Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение	120

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

- Юсупов К.Н., Тимирьянова В.М., Токтамышева Ю.С., Попов Д.В.
Иерархические и пространственные эффекты в развитии
муниципальных образований 137

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Королева Л.П., Колосков Д.А.
Рециклинг ресурсов в современной России: необходимость,
проблемы и перспективы развития 155
- Ануфриев В.В., Михайлова Г. В., Давыдов Р.А., Киселев С.Б. Влияние
социально-экономических и экологических изменений
на использование охотничьих ресурсов автохтонным населением
Арктики 171

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Налетина Д., Ачкара И., Вулетич А., Петляк К., Штулец И. Развитие линейных
морских пассажирских перевозок в Республике Хорватия 182

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Белехова Г.В., Россошанский А.И. Оценка факторов финансового
поведения населения: опыт применения регрессионного анализа
по панельным данным 198
- Барсуков В.Н. Барьеры социальной интеграции старшего поколения
в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций 214
- Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З. Учащаяся и работающая молодёжь:
трансформационный переход от конкурентоориентированности
к конкурентоспособности 231

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 247
- Правила приёма статей 254
- Информация о подписке 260

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. Revisiting the Issue Concerning the Future of Russian Statehood	9
--	---

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

Glazyev S.Yu. Potential Opportunities for the Growth of the Russian Economy and the Monetary Policy of the Bank of Russia	30
---	----

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

Baranov S.V., Skufina T.P. Opportunities to Promote Economic Growth in Russia at a Rate Not Lower Than the World Average	49
--	----

THEORETICAL ISSUES

Pechenskaya M.A. Budget Capacity in the System of Capacities of the Territory: Theoretical Issues	61
---	----

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Sharov V.F., Pinskaya M.R., Bogachev S.V. Improving Governmental Support for the Export Credit of Foreign Trade in the Eurasian Space	74
---	----

PUBLIC FINANCE

Chichkanov V.P., Chistova E.V., Tyrsin A.N. General Assessment of the Effectiveness of Social Sphere Financing in Russia's Regions	87
--	----

REGIONAL ECONOMY

Leonov S.N. Current State and the Features of Location of Small Business in Regions of Russia	103
Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Sustainable Development in Russia's Northern Regions: Labor Dimension	120

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Yusupov K.N., Timir'yanova V.M., Toktamysheva Yu.S., Popov D.V. Hierarchical and Spatial Effects in the Development of Municipalities 137

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koroleva L.P., Koloskov D.A. Recycling in Modern Russia: Need, Challenges, and Prospects 155
- Anufriev V.V., Mikhailova G.V., Davydov R.A., Kiselev S.B. Impact of Socio-Economic and Environmental Changes on the Use of Hunting Resources by the Autochthonous Population of the Arctic 171

FOREIGN EXPERIENCE

- Naletina D., Ačkar I., Vuletić A., Petljak K., Štulec I. Development Opportunities of Liner Maritime Passenger Traffic in the Republic of Croatia 182

SOCIAL DEVELOPMENT

- Belekhova G.V., Rossoshanskii A.I. Assessing the Factors That Determine People's Financial Behavior: an Experience of Using Regression Analysis Based on Panel Data 198
- Barsukov V.N. Barriers to Social Integration of the Older Generation in the Context of Intergenerational Communication Issues 214
- Shafranov-Kutsev G.F., Efimova G.Z. Students and Income-Earning Youths: a Transformational Transition from Competition-Based Approach to Competitiveness 231

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 247
- Manuscript Submission Guidelines 254
- Subscription Information 260

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.1

УДК 323(470), ББК 60.3(2Рос)3

© Ильин В.А., Морев М.В.

И снова к вопросу о будущем российской государственности...

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. Общероссийские и региональные опросы показывают, что в экспертном сообществе преобладает пессимистическая оценка перспектив будущего России. В статье рассматривается вопрос о причинах этого. Приведены данные итогов голосования на выборах на должность губернатора, прошедших 9 сентября 2018 г. и показавших снижение поддержки кандидатов от партии действующей власти «Единая Россия». Кроме того, анализируются сведения официальной открытой отчетности крупнейших корпораций пяти российских регионов, позволяющие сделать вывод о существовании в России законодательных условий, благодаря которым основным налогоплательщикам удастся минимизировать налоговую базу, что приводит к значительным потерям бюджетов субъектов РФ. В статье сделан вывод о необходимости принятия Президентом жестких решений, направленных на повышение эффективности системы государственного управления.

Ключевые слова: прогноз, экспертная оценка, эффективность государственного управления, региональные выборы, бюджет.

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. И снова к вопросу о будущем российской государственности... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 9-29. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Revisiting the issue concerning the future of Russian statehood. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 9-29. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.1

На протяжении последних лет в российском экспертном сообществе широко обсуждаются проблемы качества управленческих кадров и легитимности принимаемых властью управленческих решений; скандальные факты коррупции и многие другие проявления «капитализма для избранных», сложившегося в политической системе постсоветской России; несовершенство статистики и организации выборных процедур; усиливающееся социально-экономическое расслоение социума и во многом обусловленные им негативные изменения в динамике психологического состояния населения, включая различные формы проявления социального недовольства по поводу положения дел в стране. Все эти темы отражают степень эффективности государственного управления, и значительное количество научных публикаций, принадлежащих специалистам самой разной направленности (экономистам, социологам, общественным деятелям и т.д.)¹, свидетельствует об их актуальности для современной России.

Однако вышеуказанные проблемы объединяются не только их репрезентативностью в плане оценки эффективности государственного управления, но и тем, что все они в совокупности приводят, пожалуй, к главному во-

просу – о перспективах будущего российской государственности, что становится особенно актуальным на фоне последнего (согласно действующей Конституции РФ) президентского срока В. Путина. Отметим, что этот вопрос важен не только с точки зрения таких сравнительно инструментальных аспектов, как достижение/недостижение целевых показателей, заложенных в «майском указе» 2018 г., или в плане того, в каком состоянии будет передавать страну В. Путин своему преемнику (в какой обстановке будут проходить президентские выборы 2024 г.), но и с более широких позиций, таких как существующие тенденции общественных настроений, динамика уровня и качества жизни населения, мировое противоборство капиталистической и социалистической парадигм развития, процессы глобализации и роль национальных государств; национальные интересы страны, которая является одним из ведущих участников геополитической конкуренции и потенциально одним из центров многополярного мира, которая в ближайшие десятилетия, а может быть, и 100-летия будет определять ответ всей человеческой цивилизации на глобальные социально-экономические и природно-климатические вызовы завтрашнего дня.

¹ См. например: Белоусов А.Р. Выступление на Восточном экономическом форуме (г. Владивосток, 11–13 сентября);

Глазьев С.Ю. Почему не растет российская экономика (29.06.2017) // Официальный сайт С.Ю. Глазьева. Режим доступа: <https://www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/54326-pochemu-ne-rastet-rossi-skaja-jekonomika>;

Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68–82.

Гринберг Р.С. Пенсионная реформа как самодискредитация русского либерализма // Независимая газета. 2018. 24 сент. URL:http://www.ng.ru/scenario/2018-09-24/10_7317_pensii.html;

Губанов С.С. Замечания о системных основах экономической безопасности России // Экономист. 2017. № 6. С. 3–12;

Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 26–55;

Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии) / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. М.: Наука и политика, 2016. 712 с.;

Стариков Н.В. От Беловежского консенсуса к консенсусу Крымскому // Официальный блог Н. Старикова. <https://nstarikov.ru/blog/80284>;

Титов Б.Ю., Широков А.А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 24–39;

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.;

Полтерович В.М. Реформаторам науки не хватает квалификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 28–31.

Данные крупномасштабных российских², а также региональных³ опросов, проведенных (подчеркнем) не среди «рядовых» россиян, а именно в экспертном сообществе, то есть среди авторитетных специалистов, обладающих специализированными знаниями, опытом, более взвешенной позицией, позволяют сделать один очень важный вывод, отражающий перспективы нашей страны в этот сложный исторический период времени, который (и здесь нельзя не согласиться с В. Путиным) носит по-настоящему «рубежный характер»⁴.

В пятилетней перспективе, по мнению экспертов, необходимыми факторами для **желательного развития ситуации в России** являются «ротация политической элиты в центре и на местах», «стабильность законодательства и правил игры», «проведение прозрачных (с общественным контролем) и легитимных выборов на всех уровнях власти», «изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой

сферы», «усиление роли представительных органов власти, развитие многопартийности». Все эти позиции по 10-балльной шкале набрали более 7 баллов как среди российских, так и среди региональных экспертов, что означает наиболее высокую оценку степени их «желательности» для будущего России (*вкладка 1*).

Вместе с тем и российские, и региональные эксперты в унисон назвали **наиболее вероятными негативными факторами, под влиянием которых будет формироваться будущее нашей страны**. Среди них: «сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица», «продолжение санкций западных стран в отношении России; потеря возможности импорта критически важных товаров, ресурсов, технологий, идей»; «резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет»; «разрушение инфраструктуры „социалки“ (здравоохранение, образование, культура), уход профессионалов, сокращение персонала и учреждений, развал внутриотраслевых коммуникаций»; «ужесточение внутренней политики, сокращение прав и свобод граждан, введение формальной и/или неформальной цензуры в СМИ и т. п.» (*вкладка 2*)⁵.

Вывод из представленных данных очевиден: желаемое будущее России и реально прогнозируемая в ней ситуация в среднесрочной перспективе (на ближайшие 5 лет) не просто различаются, а во многом являются противоположными, и, к сожалению, то, какой видят эксперты ситуацию в стране в ближайшем будущем, носит очевидный пессимистический характер.

Следует при этом отметить, что многие события из тех, которые прогнозировались российскими экспертами еще в 2015 г., в 2018 г. уже стали фактом. В частности, это касается «успешного проведения президентских выборов»; «продления санкций»; «повышения пенсионного возраста» (соответствующий

² Экспертный опрос проводился Институтом социологии РАН при участии Исследовательской группы ЦИРКОН в июле – октябре 2015 г. В опросе приняли участие 154 эксперта: 94 – из Москвы, 64 – из различных регионов страны. Канкетированию были привлечены пять типов специалистов: государственные и муниципальные служащие, чиновники, управленцы высокого уровня, руководители государственных вузов; представители (руководители) бизнес-структур и бизнес-ассоциаций, коммерческих консалтинговых центров; представители (руководители) общественных объединений, НКО, независимых интеллектуальных организаций, клубов и т. п.; журналисты, публицисты, активно выступающие в СМИ с материалами по тематике исследования; исследователи, ученые, специалисты аналитических центров, профессионально занимающиеся изучением проблем и перспектив развития страны (источник: Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.).

³ Опрос проводился ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в феврале – марте 2018 г. Выборку составили авторитетные в своих кругах специалисты (руководители, их заместители, люди со значительным трудовым стажем, кандидаты и доктора наук и т.д.), представляющие те сферы, которые, на наш взгляд, наиболее полно отражают ситуацию в российском обществе: власть; бизнес; «третий сектор» (некоммерческие организации); средства массовой информации; наука. В каждой из 5 ключевых сфер было опрошено 5–7 человек. Общий объем выборки составил 30 чел.

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

⁵ Все перечисленные позиции по 10-балльной шкале набрали от 5 до 7 баллов (1 балл – маловероятно, 10 баллов – наиболее вероятно). Расхождение во мнениях между российскими и региональными экспертами проявилось в отношении только к одному фактору – «резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет». Средняя оценка вероятности влияния данного фактора на будущее России, по мнению российских экспертов, составляет 6,7 балла, по мнению региональных экспертов – 4,6 балла.

Федеральный закон № 350 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» был подписан Президентом РФ 3 октября 2018 г.); «повышения налогов, акцизов»⁶... Другими словами, нет поводов сомневаться ни в авторитете опрошенных экспертов, ни в том, что и остальные их прогнозы осуществляются с высокой долей вероятности.

... Поскольку отчетливо диагностируется так называемый «Проект АнтиРоссия», ставящий целью геополитическое уничтожение России, то и прогнозирование сценариев развития страны становится более определенным. **Никаких существенных изменений в либеральной модели страны на протяжении многих лет, и даже кризисных 2014–2015 гг., не произошло. Приверженность либеральной модели только подтверждается. Соответственно, деграционные процессы, переходящие в кризисные, также обретают форму устойчивого типа процессов.** Кадровая политика – предельно консервативна. Система рефлексии в управлении практически подавлена, управляющий центр оказался в построенной им самим ловушке недостоверной информации. Система исходных ценностей и целей, по-видимому, окончательно выдавила из своих перечней интересы страны в целом, большинства населения, устойчивости развития, позиционирования страны в мире, успешности в классическом наборе целей развития страны... Таким образом, стал более определенным новейший исторический процесс, в который погружена Россия. Исходя из его качественного видения, неудивительными становятся наиболее вероятные по данным исследования консервативные варианты. **Это сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития...**⁷

Чем объясняются столь пессимистические прогнозы экспертов относительно будущего России? Ответ на этот вопрос представляется весьма очевидным. Как отмечают эксперты, «в

⁶ Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Вест Мир, 2016. С. 342.

⁷ Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии) / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. М.: Наука и политика, 2016. С. 669–670.

соответствии с либертарианской установкой команда Ельцина, а потом и команда Путина стали проводить непопулярные реформы только в интересах меньшинства»⁸. Таким образом, в основу этого пессимизма легли результаты данной политики – многолетняя (а точнее – почти 20-летняя) нерешенность актуальных проблем: неэффективная экономика, в которой отсутствуют инновационные источники роста; «ручное управление» политической системой, которая всё больше напоминает не механизм, призванный создавать условия для реализации национальных интересов, а «кипящий котел», в котором бурлят ингредиенты личных интересов представителей крупного капитала и остатков «ельцинской» политической элиты; кризисное состояние науки и образования, лишаящее Россию возможности использовать главную силу, которая в будущем будет определять уровень развития страны и ее положение на международной политической арене – человеческий и интеллектуальный потенциал; и в довершение ко всему – всё более увеличивающийся разрыв между властью и обществом, обусловленный игнорированием национальных интересов со стороны первых, и усталостью от коррупции, социального неравенства, социальной несправедливости и невозможности повлиять на сложившееся положение дел в стране со стороны вторых.

Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причём во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам. Нужно принять давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения. Отсесть всё, что тормозит наше движение, мешает людям раскрыться в полную силу и реализовать себя... Не сделаем этого – не будет будущего ни у нас, ни у наших детей, ни у нашей страны⁹.

⁸ Гринберг Р.С. Пенсионная реформа как самодискредитация русского либерализма // Независимая газета. 2018. 24 сент. URL: http://www.ng.ru/scenario/2018-09-24/10_7317_pensii.html

⁹ Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

Вкладка 1

Распределение оценок необходимости различных факторов (условий) для достижения к 2020 г. желательной ситуации в российском обществе (средняя оценка по шкале от 1 — нет необходимости до 10 — совершенно необходимо — баллов)*

Данные общероссийского опроса (ИС РАН, 2015 г.)	Данные опроса, проведенного на территории Вологодской области (ВолНЦ РАН, 2018 г.)
1. Ротация политической элиты в центре и на местах	1. Изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой сферы
2. Проведение прозрачных (с общественным контролем) и легитимных выборов на всех уровнях власти	2. Стабильность законодательства, «правил игры»
3. Стабильность законодательства, «правил игры»	3. Проведение прозрачных (с общественным контролем) и легитимных выборов на всех уровнях власти
4. Изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой сферы	4. Сохранение внешнеполитического курса на восстановление сильной роли России в мировой политике и самостоятельность, активная защита национальных интересов
5. Усиление роли представительных органов власти, развитие многопартийности	5. Ротация политической элиты в центре и на местах
6. Отмена санкций со стороны стран Запада, восстановление диалога и отношений с Западом	6. Усиление роли представительных органов власти, развитие многопартийности
7. Сохранение внешнеполитического курса на восстановление сильной роли России в мировой политике и самостоятельность, активная защита национальных интересов	7. Отмена санкций со стороны стран Запада, восстановление диалога и отношений с Западом
8. Усиление влияния Русской православной церкви, расширение сети ее приходов	8. Усиление влияния Русской Православной Церкви, расширение сети её приходов
9. Продолжение приоритетного развития сырьевого сектора экономики с учётом конкурентных преимуществ России в мировом разделении труда; поддержание относительно низких цен на труд и сырьё	9. Продолжение приоритетного развития сырьевого сектора экономики с учётом конкурентных преимуществ в России в мировом разделении труда; поддержание относительно низких цен на труд и сырьё

* Зеленой заливкой выделены те факторы, которые по шкале от 1 до 10 набрали более 5 баллов, то есть, по мнению экспертов, являются самыми необходимыми.

Вкладка 2

Распределение оценок вероятности факторов (условий), в контексте которых будет проходить развитие российского общества в ближайшие пять лет (средняя оценка степени вероятности по шкале от 1 — мало вероятно до 10 — наиболее вероятно — баллов)*

Данные общероссийского опроса (ИС РАН, 2015 г.)	Данные опроса, проведенного на территории Вологодской области (ВолНЦ РАН, 2018 г.)
1. Сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица	1. Пролонгация санкций западных стран в отношении России; потеря возможности импорта критически важных товаров, ресурсов, технологий, идей
2. Пролонгация санкций западных стран в отношении России; потеря возможности импорта критически важных товаров, ресурсов, технологий, идей	2. Резкое повышение востребованности инженерно-технических профессий и специальности, спроса на ИТР, переориентация рынка труда со сферы услуг на сферу производства
3. Резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет	3. Сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица
4. Разрушение инфраструктуры «социалки» (здравоохранение, образование, культура), уход профессионалов, сокращение персонала и учреждений, развал внутриотраслевых коммуникаций	4. Разрушение инфраструктуры «социалки» (здравоохранение, образование, культура), уход профессионалов, сокращение персонала и учреждений, развал внутриотраслевых коммуникаций
5. Ужесточение внутренней политики, сокращение прав и свобод граждан, введение формальной и/или неформальной цензуры в СМИ и т.п.	5. Ужесточение внутренней политики, сокращение прав и свобод граждан, введение формальной и/или неформальной цензуры в СМИ и т.п.
6. Массовое распространение технологий слежения за поведением граждан, тотальная потеря приватности	6. Успешное импортозамещение, развитие несырьевых отраслей экономики, улучшение инвестиционного климата
7. Техногенные и иные катастрофы, крупные аварии, в т. ч. вызванные человеческим фактором	7. Массовое распространение технологий слежения за поведением граждан, тотальная потеря приватности
8. Усиление террористического давления на Россию (теракты, диверсии, запугивание)	8. Усиление террористического давления на Россию (теракты, диверсии, запугивание)
9. Резкое повышение востребованности инженерно-технических профессий и специальности, спроса на ИТР, переориентация рынка труда со сферы услуг на сферу производства	9. Резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет
10. Масштабная война на Украине с прямым или косвенным участием России и стран НАТО	10. Техногенные и иные катастрофы, крупные аварии, в т. ч. вызванные человеческим фактором
11. Уменьшение притока в страну мигрантов из стран Азии, рост миграции (рабочие, специалисты) из стран Европы	11. Масштабная война на Украине с прямым или косвенным участием России и стран НАТО
12. Успешное импортозамещение, развитие несырьевых отраслей экономики, улучшение инвестиционного климата	12. Уменьшение притока в страну мигрантов из стран Азии, рост миграции (рабочие, специалисты) из стран Европы

* Зеленой заливкой выделены те факторы, которые по шкале от 1 до 10 набрали более 5 баллов, то есть, по мнению экспертов, являются наиболее вероятными.

Следует отметить, что своими представлениями о будущем обладают все субъекты общественного развития: государство, общество, наука, бизнес и т.д. Представления российского Президента о будущем (о которых можно судить по его публичным выступлениям) находят поддержку в обществе, свидетельством чему служит его безоговорочная поддержка на выборах, а также значительный отрыв в уровне доверия по сравнению со всеми прочими государственными и общественными институтами.

Однако совершенно иначе выглядят представления о будущем у политических элит (что, кстати, само по себе говорит о глубоком противоречии в сложившейся системе государственного управления, от которой в современных условиях, как никогда, требуется консолидация усилий для реализации генеральной цели — прорывного развития как единственной возможности преодоления отстающего, «вассального» положения). В эти представления вполне укладывается то, что «государство не должно гарантировать трудящимся никаких прав»¹⁰, и обесценивание человеческой жизни. Чего стоят, например, такие высказывания, как «Денег нет, но вы держитесь» (Д. Медведев) или призывы к тому, чтобы «сдавать родителей в дом престарелых» (Г. Греф).

Если в стране готовится кардинальная смена экономической и в целом внутренней политики, то все начинается со смены премьера. В данном случае перемен никаких: всё идет по пути консервации безынициативной работы, направленной лишь на поддержание текущей жизнедеятельности государства¹¹.

Как отмечают эксперты, «в Послании прозвучала программа развития, но она запомнилась во многом второй, внешнеполитической частью. В итоге в обществе возникли ожидания быстрого социально-экономического рывка, но не понимание, что для него придется чем-то

пожертвовать и всем перестроиться...Обещан прорыв, серьезные внутренние изменения, общество реально сплотилось вокруг президента и этой повестки, а руководство правительства мало изменилось, оно ассоциируется с продолжением прежней политики, статус-кво (понятно, что некоторые министры поменялись, вице-премьеры, но люди мало их знают)»¹².

В этой связи возникает закономерный вопрос о том, почему и в начале последней своей «шестилетки» Президентом так и не были проведены соответствующие кадровые перестановки в Правительстве. И возникает он даже не у экспертов, а у широких слоев российского общества, поскольку ответ на него В. Путин дал именно в ходе «прямой линии» с населением: «Если бы мы 100 процентов зачистили всё Правительство и привели бы абсолютно новых людей, даже людей очень грамотных, хорошо подготовленных, минимум два года потребовалось бы на то, чтобы сформулировать или уже имеющиеся задачи, или новые. Мы потеряли бы минимум два года. У нас нет этих двух лет»¹³.

Мы имеем дело с очень серьезной, страшной геополитической игрой, направленной против Путина. В ней соучаствуют сторонники Запада, Америки и либералы в самой России. Они оказались гораздо сильнее, чем многие думали. Кажется, что Путин их за последние годы проредил, сместил пятую колонну, и в политическом истеблишменте России они представляют меньшинство. Не тут-то было! Они до сих пор держат руку на пульсе, сохраняя контроль, до сих пор управляют основными политическими процессами...Мой прогноз пессимистичен: Путин захвачен группой людей, которые выполняют заказ внешних центров по его блокированию. Он дезориентирован, дезинформирован, попал под какую-то форму шантажа, именно геополитического шантажа, представителями этих глобальных кругов и их сетей, которые умудрились, по сути дела, кардинально изменить внутреннюю информационную политику России¹⁴.

¹⁰ Иванов А. Автор пенсионной реформы, знакомьтесь // Газета «Завтра». 2018. 24 июня. URL: http://zavtra.ru/events/avtor_pensionnoj_reformi_znakom_tes_

¹¹ Башкатова А. Новое Правительство становится кабинетом одного министра // Независимая газета. 2018. 11 мая. http://www.ng.ru/economics/2018-05-11/1_7222_siluanov.html (мнение директора Института актуальной экономики Н. Исаева).

¹² Скоробогатый П. Ориентир — 2021 // Эксперт. 2018. № 41. 8–14 окт. С. 53.

¹³ «Прямая линия» с В. Путиным 7 июня 2018 г. // Официальный сайт Президента. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57692>

¹⁴ Дугин А.Г. Либеральный ответ Русской весне / Изборский клуб. 2014. 27 окт. URL: <https://izborsk-club.ru/4129>

На фоне этих вынужденных условий Президент, таким образом, сталкивается с необходимостью вести войну, что называется, на два фронта: с неослабевающими гибридными атаками наших «зарубежных партнеров» и с собственным политическим истеблишментом. Бурное начало нового политического сезона и те процессы, которые происходят вокруг и внутри России в 2018 г., наталкивают на мысль о том, что в начале последнего президентского срока В. Путина **против него лично** вновь разворачивается широкомасштабная война, имеющая своей единственной целью крах российской государственности и повтор того, что не удалось довести до «победного конца» в 1991 году.

Напомним, что в начале 2018 г. Президент озвучил основные стратегические цели и задачи развития России на ближайшие 6 лет. Согласно этим планам, к 2024 г. наша страна должна занять одно из ведущих мест в мире, в том числе по ожидаемой продолжительности жизни и темпам роста экономики. Были названы конкретные сроки, ресурсы, за счет которых планируется решить поставленные задачи.

Отметим также, что значительная часть Послания Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. была посвящена презентации новейших достижений российских Вооруженных Сил, что, очевидно, преследовало только одну цель – «безопасность на длительную перспективу»¹⁵. Немаловажен и тот факт, что к началу 2018 г. между государством и российским обществом сложился определенный консенсус, общее понимание целей и задач развития, что являлось важным фактором для достижения поставленных стратегических целей. Прибавим к этому последний (согласно действующей Конституции РФ) президентский срок В. Путина, то есть «финишную прямую» в достижении задач, которые он ставил еще в 1999 г., и получим фактически полный комплект **готовности и возможности одной из ведущих мировых держав в ближайшие 6 лет осуществить мощный рынок вперед, опередив тем самым США в рамках геополитической конкуренции.**

¹⁵ Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

США и не собираются меряться ядерными силами с Россией. Опыт развала СССР показал, что значительно эффективнее действовать через компрадорскую элиту и санкции... У России две главные угрозы:

– внешняя угроза будет исходить с территории Украины, превращенной США в свою колонию и военную базу. Минские соглашения – это ловушка для России и предательство Русского мира. Толку нет и быть не может, а процесс захвата Украины США и разделение народов активно идет. США и Западу это выгодно. Потеряем Украину, потеряем и Россию;

– внутренняя угроза – компрадорская элита, которая продаст Путина и Россию за сохранность своих капиталов и имущества (5 этап), и недальновидная экономическая политика власти, невозможность гармоничного развития экономики при данной экономической модели¹⁶.

Такая ситуация по понятным причинам не могла устраивать силы коллективного Запада, продолжающего преследовать (или, можно сказать, отчаянно цепляющегося) только одну цель – доминирование на мировой арене. При этом опыт информационных (таких как «дело Скрипаля»), открыто вооруженных (как, например, ситуация в Украине) и даже экономических (санкции) атак показал, что подобные меры неспособны стать действительно серьезным препятствием в реализации намеченных Россией планов.

И тогда было использовано самое мощное из имеющихся в арсенале наших «зарубежных партнеров» оружие, которое уже дважды (в 1917-м и 1991 г.) доказывало свою эффективность в XX веке – либеральная часть самой российской политической элиты.

В июле 2018 г. в Вашингтоне состоялось заседание банковского комитета Сената США, на котором сенаторы единогласно поддержали продление санкций против России. Это событие в очередной раз доказало ограниченность возможностей Президента США Д. Трампа в установлении партнерских отношений

¹⁶ Васильев А. Обращение к российской власти // Завтра. 2018. 12 сент. URL: http://zavtra.ru/blogs/obrashenie_k_vlasti_rossii

с Россией¹⁷, однако само по себе оно не привлекло бы нашего внимания (все-таки санкции против России принимаются не в первый и, скорее всего, не в последний раз), если бы не два нюанса.

Во-первых, под санкции в очередной раз попали не все «приближенные Путина», а лишь те, кто находится в возглавляемом им «патриотическом лагере». Как отмечают эксперты, «...пока в России есть и другие олигархи – от либералов и от ельцинской Семьи. Вот их деньги Путин не контролирует. Всякие Мамуты, Фридманы, Шохины – это группа старых либералов, их деньги – это не деньги Путина и не деньги России. Это они отказались отдать 500 миллиардов на общегосударственные цели в момент войны России с США. Но заметьте – именно к ним у США как раз и нет никаких вопросов. А Тимченко, которого называют кошельком Путина, продал нефтяную компанию в Швейцарии и деньги вложил в инфраструктуру Крымского моста. Тимченко под санкциями»¹⁸.

Во-вторых, сенатор М. Макфол на данном заседании фактически поименно назвал людей, которых, по мнению экспертов, можно считать «главными опорными агентами влияния США в России»: «Я хорошо знаю Грефа, Костина, Шувалова – руководителей трех крупнейших государственных банков. Мы должны вовлекать их в переговорный процесс до введения санкций, а не после. Когда санкции уже введены, они не могут повлиять на Путина»¹⁹.

Анализируя выступление М. Макфола, эксперты также пришли к выводу о том, что он «прямо делает ставку на падение популярности президента Путина на фоне „непопу-

лярной пенсионной реформы”»²⁰. И, к сожалению, нельзя не признать, что эта ставка пока играет.

По утверждению Макфола, главная цель США состоит в том, чтобы сменить Путина и его соратников... Для того, чтобы отстранить Путина и его команду от власти, не нужно отключать от мировой расчётно-финансовой системы Россию и её ключевые банки – говорит Макфол. Это бессмысленно. Применённая угроза теряет своё значение. Отключение от долларовой системы должно действовать как угроза, как инструмент шантажа, а не реализовываться на практике. Макфол это говорит прямым текстом: Грефу будет проще давить на Путина, если угроза будет не реализована, а лишь возможна. То есть Греф, Костин, Набиуллина, Кудрин и Шувалов – вот главные опорные агенты влияния США в России, через которых те намерены оказывать жесточайшее давление на Путина²¹.

Проект пенсионной реформы (самый резонансный из первых шагов Правительства в новом политическом сезоне) потребовал личного вмешательства главы государства, что само по себе говорит об отсутствии в нынешнем Правительстве людей, которые пользуются доверием и авторитетом среди населения. Однако даже непосредственное телеобращение Президента к россиянам 29 августа по федеральным телеканалам не повлияло существенно на ситуацию: так, по данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности В. Путина с января по май 2018 года составлял около 81–82%; по итогам июня (когда начались дискуссии по поводу повышения пенсионного возраста) поддержка Президента снизилась до 73%; в июле – августе она составляла 64%, так же как и в период со 2 по 16 сентября (то есть уже после телеобращения В. Путина). По данным мониторинга общественного мнения, проводимого ВолНЦ РАН

¹⁷ Напомним, что накануне (16 июля) в Хельсинки состоялась первая официальная встреча Д. Трампа с Президентом России В. Путиным, по итогам которой эксперты отметили, что «лидеры нашли общий язык. Сделан первый шаг для начала диалога» (источник: Итоги встречи Путина и Трампа вызвали в Вашингтоне настоящее бешенство // Взгляд. ru. Реж. дост.: https://vz.ru/politics/2018/7/16/932798.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com)

¹⁸ Халдей А. Что такое активы Путина? // Завтра. 2018. 10 сент. URL: http://zavtra.ru/blogs/kak_amerikantci_protiv_vladimira_putina_sanktcii_vvodili

¹⁹ Халдей А. Как Вашингтон вводил санкции против Владимира Путина. Реж. дост.: <https://regnum.ru/news/2477932.html>

²⁰ Емельянов Е. Банки, энергетика и технологии. В Конгрессе обсудили новые санкции против России // Информационный портал Life 7 сент. 2018 URL: https://life.ru/t/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/1149862/banki_energhietika_i_tiekhnologhii_v_konghriessie_obsudili_novyie_sanktsii_protiv_rossii

²¹ Халдей А. Как Вашингтон вводил санкции против Владимира Путина. Реж. дост.: <https://regnum.ru/news/2477932.html>

на территории Вологодской области, уровень поддержки главы государства неуклонно снижается с июня 2018 г.: в июне доля одобряющих деятельность Президента составила 70%, в августе – 66%, в октябре – 64%.

...Нет никаких гарантий, что дожившие до нового пенсионного срока трудящиеся будут получать, как уверяют правительственные чиновники и отдельные эксперты, приличные пенсии. Что такое приличные? Сегодня, как известно, россияне в среднем получают пенсию в размере 200 долл. США, а для 1,5 млн. наших граждан ее величина составляет всего 100 долл. **Так что, когда президент с самым серьезным видом обещает ежегодно увеличивать среднюю пенсию аж на 15 долл. (!), ликуют не все.**

Если к тому же вспомнить тот непреложный факт, что среднестатистический россиянин предпенсионного возраста уже в первом году его продления утрачивает право на получение ранее согласованного с государством пособия в размере около 170 тыс. руб. (14x12), то всплеск массового возмущения непопулярной, но якобы неминуемой реформой не должен удивлять.

Пенсионное новшество по определению углубляет и без того громадное материальное неравенство в России, так как увеличение пенсионного возраста прямо лишает весьма значительных для них доходов именно малообеспеченных россияне²².

Не менее показательными стали и региональные выборы 9 сентября. Несмотря на заверения лидера «Единой России» и Председателя Правительства РФ Д. Медведева о том, что «практически все они (временно исполняющие обязанности губернаторов. – «Газета.Ру») выступили весьма достойно», эксперты отмечают, что эти выборы «прошли для власти весьма нетипично»²³. Речь идет не только о том, что в Хакасии, Хабаровском, Приморском краях, а также во Владимирской области потребовался второй тур голосования, но и, прежде всего, о том, что в целом эти выборы показали крайне низкую явку. Так, по официальным данным

²² Гринберг Р.С. Пенсионная реформа как самодискредитация русского либерализма // Независимая газета. 2018. 24 сент. URL: http://www.ng.ru/scenario/2018-09-24/10_7317_pensii.html

²³ Винокуров А. Тяжелый выбор: «Единую Россию» ждет второй тур // Газета.ру. 2018. 10 сент. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/09/10_a_11957329.shtml

Обычно считается, что на региональных выборах важно разговаривать о ситуации на местах. Но обсуждение федеральной пенсионной реформы и повлекло за собой ряд вопросов о качестве жизни «на земле»: **что у нас с доступностью здравоохранения после его оптимизации, условиями и рынком легального труда, социальными льготами, реальными доходами домохозяйств в провинции, где пусть и невысокая, зато гарантированная пенсия старшего поколения служит важным источником наличных средств и льгот** (неслучайно банки говорят о росте числа кредитов, которые берут пенсионеры). **В рекламной кампании по пенсионному закону в первый месяц этих насущных для общества вопросов будто и не было.** С этой точки зрения понятно, почему недовольство в регионах перевысило повестку конструктивных изменений для региональной инфраструктуры, которую по традиции предлагала «Единая Россия»²⁴.

Центральной избирательной комиссии, явка на выборы (по сравнению с предыдущим голосованием) снизилась в 13 из 21 регионов. В целом по всем субъектам РФ, в которых проходили выборы в 2018 г., число людей, принявших участие в голосовании, сократилось почти на 2 млн. (вкладка 3).

К слову сказать, в августе 2018 г. «Справедливая Россия» предлагала перенести Единый день голосования с сентября на октябрь, поскольку «сентябрь – крайне неудачный месяц для голосования. Многие россияне в это время еще не вернулись из отпусков. Кроме того, дачники и садоводы заняты на своих приусадебных участках. Им в это время совсем не до выборов»²⁵. Однако это предложение кабинетом министров было отклонено.

Что касается непосредственно результатов голосования, то по сравнению с предыдущими выборами доля голосов, отданных за кандидатов от «Единой России», снизилась в 16 из 21 субъекта РФ. По нашим подсчетам, в абсолютном выражении партия власти потеряла более 4 млн. голосов (вкладка 4).

²⁴ Скоробогатый П. Ориентир – 2021 // Эксперт. 2018. № 41. 8–14 окт. С. 53.

²⁵ Заякин А. Кабмин не одобрил перенос Единого дня голосования на октябрь // Экспресс газета. 2018. 1 авг. URL: <https://www.eg.ru/politics/588579-kabmin-ne-odobril-perenos-edinogo-dnya-golosovaniya-na-oktyabr-062299/>

Вкладка 3

Явка на выборы на должность губернатора, в чел.

Территория	2014 г.*	2018 г.	Изменение +/-, 2018 к 2014 г.
Кемеровская область	1882274	1337419	-544855
Нижегородская область	1533021	1046586	-486435
Самарская область	1421746	1143198	-278548
Воронежская область	1072796	831091	-241705
Тюменская область	1467923	1241452	-226471
Приморский край	605200	443199	-162001
Красноярский край	672300	593401	-78899
Ивановская область	311593	265768	-45825
Орловская область	410155	364850	-45305
Новосибирская область	653136	628945	-24191
Амурская область	214017	194752	-19265
Псковская область	213248	195407	-17841
Чукотский автономный округ	19501	17987	-1514
<i>ИТОГО сумма отрицательных изменений по регионам</i>	<i>10476910</i>	<i>8304055</i>	<i>-2172655</i>
Хабаровский край	350232	354084	+3852
Республика Саха (Якутия)	317501	321536	+4035
Магаданская область	34391	38737	+4346
Республика Хакасия	147279	160090	+12811
Алтайский край	658808	683339	+24531
Владимирская область	339121	372616	+33495
Московская область	2101697	2144961	+43264
Омская область	528167	666627	+138460
<i>ИТОГО сумма положительных изменений по регионам</i>	<i>4477196</i>	<i>4741990</i>	<i>+264794</i>
Общий итог по регионам	14954106	13046045	-1908061

* Источник: рассчитано по данным сайта Центральной избирательной комиссии РФ. Ранжировано по изменению 2018 г. к 2014 г.

Вкладка 4

Итоги выборов на должность губернатора, в чел.

Территория	2014 г.*					2018 г.					Изменение +/-, 2018 к 2014 г. (тыс. чел.)					
	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	СР	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	СР	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	СР	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	СР
	Кемеровская область	1818087	9840	33411	6889	1084392	66005	66537	44853	-733,7	+56,2	+33,1	+38,0	-	-	-
Нижегородская область	1328867	-	40124	86429	708807	174037	68035	45559	-620,1	-	+27,9	-40,9	-	-	-	-
Самарская область	1362676	58963	25237	16833	829118	114090	65362	29900	-533,6	+55,1	+40,1	-	-	-	-	-
Тюменская область	1269069	-	91093	78560	816253	159081	161068	71569	-452,8	-	+70,00	-6,9	-	-	-	-
Воронежская область	952271	82030	12081	-	602638	113655	51953	18471	-349,6	+31,6	+39,9	-	-	-	-	-
Московская область	1655479	161969	52938	38315	1338029	278148	123542	98995	-317,5	+116,2	+70,6	-	-	-	-	-
Приморский край**	466654	76345	28731	-	206300	109129	41066	21416	-260,4	+32,8	+12,3	-	-	-	-	-
Амурская область	108363	31822	60545	-	108245	51715	-	15307	-118,0	+19,9	-	-	-	-	-	-
Владимирская область**	253343	36063	13147	-	135633	-	116135	65105	-117,7	-	+103,0	-	-	-	-	-
Алтайский край	480086	73808	33958	49577	366277	-	110694	96617	-113,8	-	+76,7	+47,0	-	-	-	-
Хабаровский край**	223542	34020	66920	13943	126018	55695	126693	19426	-97,5	+21,7	+59,8	+5,5	-	-	-	-
Ивановская область	250048	24386	19951	8988	174449	31619	25086	13984	-75,6	+7,2	+5,1	-	-	-	-	-
Красноярский край	425017	94067	36011	11448	356820	-	138364	73037	-68,2	-	+102,4	+61,6	-	-	-	-
Республика Хакасия**	93324	12740	14621	5321	51771	71553	-	17930	-41,6	+58,9	-	+12,6	-	-	-	-
Псковская область	166613	23859	5637	11230	138020	27011	10525	-	-28,6	+3,2	+4,9	-	-	-	-	-
Новосибирская область	423855	-	122757	88000	405722	-	109076	21300	-18,1	-	-13,7	-66,7	-	-	-	-
Чукотский авт. округ	15563	-	1911	1449	10398	2200	3319	1292	-5,2	-	+1,4	-0,157	-	-	-	-
Магаданская область	25127	5101	1829	1569	31598	3915	1810	-	+6,5	-1,2	-0,019	-	-	-	-	-
Республика Саха (Якутия)	186471	16850	10121	-	229314	38648	19962	21139	+42,8	+21,8	+9,9	-	-	-	-	-
Омская область****	316527	148501	19372	-	-	-	56659	-	-	-	+37,3	-	-	-	-	-
Орловская область	-***	365392	15310	6661	-	304801	10609	17671	-	-	-4,7	-	-	-	-	-
Сумма по регионам (абс.)	11820982	1255756	705705	425212	7719802	1601302	1308495	693571	-4101,2	+345,6	+600,8	+268,4	-	-	-	-

Ранжировано по изменению голосов, отданных за представителей «Единой России» в 2018 к 2014 г.

Методические ограничения по вкладке 1 и табл. 1:

* Цель вкладки 1 – сравнить результаты выборов 9 сентября 2018 г. с итогами предыдущего голосования. В большинстве регионов оно проходило 14 сентября 2014 г., однако в Республике Хакасия, Хабаровском крае, Чукотском автономном округе, а также во Владимирской, Магаданской и Московской областях последние выборы проходили 8 сентября 2013 г.; в Кемеровской, Амурской и Омской – 13 сентября 2015 г.

** По итогам выборов 9 сентября 2018 г. в Республике Хакасия, Приморском, Хабаровском краях, а также во Владимирской области потребовался второй тур голосования. В данной таблице представлены результаты первого тура, поскольку нас интересовало именно первичное волеизъявление избирателей.

*** Знаком «—» отмечено отсутствие кандидата от соответствующей партии.

**** КПРФ и «Единая Россия» отказались от выдвижения своих кандидатов, заявив о поддержке врио губернатора Буркова. Он – самовыдвиженец.

Как отмечают эксперты, **«у общества есть запрос на перемены, но с акцентом на социальную справедливость: на прогрессивное налогообложение, самоограничение элит, а это расходится в общественном восприятии с тем, что было предложено правительством и отстаивалось „Единой Россией” этим летом... „Единая Россия” отвечает за решения правительства в социально-экономической сфере... Но сейчас уже сама „Единая Россия” начинает восприниматься как партия непопулярных экономических преобразований»²⁶.**

Реакция общества на правительственные решения (особенно последних месяцев) вполне понятна. Ученые еще в 2000-х гг. отмечали, что «именно неучастие, а не протестное голосование становится в большей степени самым распространённым средством выражения политического недовольства граждан»²⁷. Характеризуя ситуацию вокруг Единого дня голосования в сентябре 2018 г., эксперты также говорят о том, что «протест не остался на улице, а пришел на выборы», что, впрочем, можно трактовать и позитивно для политической системы в целом, поскольку «это значит, что институт выборов выполняет функцию обратной связи общества с властью. И сами итоги выборов должны только укрепить людей во мнении, что можно менять местную власть через голосование, а не на улицах»²⁸.

Однако как можно охарактеризовать реакцию со стороны официальных лиц на снижение явки? Ситуацию с явкой на конкретном избирательном участке в Подмоскowie в Истре Э. Памфилова прокомментировала так: «Сколько придет — столько и придет. Значит, это активные, ответственные граждане, которым не все равно, что происходит в стране и области»²⁹.

²⁶ Скоробогатый П. Ориентир — 2021 // Эксперт. 2018. № 41. 8–14 окт. С. 54.

²⁷ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с представителем Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf

²⁸ Скоробогатый П. Ориентир — 2021 // Эксперт. 2018. № 41. 8–14 окт. С. 56.

²⁹ Глава ЦИКа Элла Памфилова проголосовала на выборах губернатора в Подмоскowie в Истре // Неделя в округе. 2018. 9 сент. URL: <http://nedelya-v-okruge.ru/index.php/nedelya-v-okruge/4048-glava-tsika-ella-pamfilova-progolosovala-na-vyborakh-gubernatora-v-podmoskove-v-istre>

Такое заявление можно назвать как минимум странным; ведь при игнорировании мнения, по сути, 60% граждан (не явившихся на выборы 9 сентября) сложно говорить о какой-то ориентированности власти на национальные интересы (впрочем, так же как при игнорировании мнения 90% россиян по поводу пенсионной реформы). Однако, с другой стороны, всё становится вполне логичным, если учесть, что «при более низкой явке больше доля управляемого электората, голосующего за „партию власти” и ее кандидатов»³⁰. Поэтому, например (как отмечают эксперты), «тактика снижения явки сознательно была использована властью на выборах в Государственную Думу VI созыва»³¹ (что, напомним, принесло конституционное большинство «Единой России» в Парламенте и в конечном итоге привело к реализации пенсионной реформы).

Таким образом, если существует американская «агентура в России»³² и если ее цель — разрушить «режим Путина» изнутри, то в этом контексте лоббируемые либеральным блоком Правительства непопулярные, а по сути, противоречащие национальным интересам, реформы последних месяцев (повышение НДС, проект пенсионной реформы и в то же время — отмена штрафов за невозвращение валютной выручки, создание фактически офшорных зон на территории России) вполне логичны и объяснимы. **Однако в них нет ничего общего с официально декларируемой целью повышения уровня и качества жизни населения.**

Наряду с конкретными представителями политических и экономических элит, существует еще один субъект, действия которого, если не прямо, то как минимум косвенно, увеличивают разрыв между Президентом и обществом, играя, тем самым, «на руку» западным стратегам. Речь идет о влиянии крупнейших корпораций, являющихся основными налогоплательщиками бюджетной системы, на Правительство с целью создания для себя максимально выгодных условий, позволяющих «уходить» от уплаты налогов в бюджеты регионов, страны в целом.

³⁰ Любарев А. (эксперт Комитета гражданских инициатив): Низкая явка спасла «Единую Россию» // Информационный портал «Газета.ru». 2016. 16 окт. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2012/10/16_x_4813741.shtml

³¹ Там же.

³² Там же.

Обеспечение условий, необходимых для функционирования системы общественных услуг, повышения качества жизни населения, выступает одной из основных задач государства, которые выполняются с помощью бюджета. Однако исходя из официальной отчетности крупнейших корпораций пяти российских регионов мы можем говорить о том, что в результате использования крупнейшими налогоплательщиками всевозможных способов минимизации величины налоговой базы обеспеченность населения субъектов РФ собственными доходами существенно уменьшается: в Вологодской области, например, на 102,1 тыс. руб. в расчете на одного жителя; в Липецкой – на 72 тыс. руб. и т.д. (табл. 1).

Дальнейшие расчёты по первичной документации крупнейших корпораций показали, что при ограничении обширного перечня предоставленных им налоговых льгот подушевая обеспеченность собственными доходами бюджета могла бы быть выше среднероссийского уровня, как это и должно соответствовать регионам с дислокацией крупнейших налогоплательщиков. В частности, в той же Вологодской области – на 94,4 тыс. руб. (или в 2,6 раза), в Липецкой – на 58 тыс. руб. (то есть в 2 раза) и т.д. (табл. 2).

Следует также отметить, что за последние почти 10 лет доля поступления налогов в бюджет от крупнейших металлургических корпораций увеличилась лишь на 8%, а состояние их

Таблица 1. Источники оптимизации собственных доходов бюджетов регионов присутствия крупнейших металлургических корпораций, руб. на душу населения в год*

Источники	Вологодская область	Липецкая область	Красноярский край	Челябинская область	Иркутская область
Недополученные налоги с экспортной выручки	1488	1479		1176	1031
Увеличение коммерческих, управленческих, процентных расходов	25780	25685	13490	6320	1921
Заниженная ставка налогообложения доходов топ-менеджеров и собственников корпораций	30392	25536	31026	17263	
Списание на убытки расходов по формированию резервов под обесценение финансовых вложений в иностранные компании и ликвидацию этих компаний	28434	5907	4455	2822	
Взаимозачёт прибылей и убытков участников КГН с целью оптимизации налогообложения	11974	3248			
Возврат экспортного НДС	4040	10118	4990	1875	966
Всего недополучено собственных доходов	102108	71973	53961	29456	3918

* Данные на 2017 г.

Таблица 2. Расчётная обеспеченность собственными доходами бюджета в субъектах РФ при условии отмены налоговых льгот, используемых крупнейшими металлургическими корпорациями, 2017 г.

Показатели	Вологодская область	Липецкая область	Красноярский край	Челябинская область	Иркутская область
Среднегодовая численность населения за 2017 г., чел.	1180274	1153211	2875899	349767	2406548
Собственные доходы бюджета в 2017 г., млн. руб.	62522	54147	210964	151017	142100
Обеспеченность собственными доходами бюджета, руб. на душу населения в 2017 г.	52972	46953	73356	43176	59047
К среднему уровню по РФ (60706 руб. за 2017 г.), %	87,3	77,3	120,8	71,1	97,3
Расчётное увеличение обеспеченности собственными доходами с учетом оптимизации налоговых льгот, предоставленных крупнейшим корпорациям металлургии, руб. на душу населения	155081	118746	127317	72632	62965
К среднему уровню по РФ (60706 руб. за 2017 г.), %	255,5	195,6	209,7	119,6	103,7

Таблица 3. Поступление налогов от металлургического производства в бюджет и состояние собственников крупнейших металлургических корпораций в 2007–2016 гг., млрд. руб.

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016 к 2007, %
Поступление налогов	218	196	15	112	143	123	126	175	240	235	
Состояние собственников	4097	880	2817	4367	3300	3417	3373	3750	4737	7333	179,0
К поступлениям налогов, раз	19	4	188	39	23	28	27	21	20	31	+ 12

Источники: данные ФНС; журнала «Forbes». URL: <http://www.forbes.ru/raiting/bogateishie>; расчеты ВолНЦ РАН.

собственников – на 79% (табл. 3). Если в 2007 году финансовое состояние собственников корпораций превышало долю налогов в бюджет в 19 раз (что само по себе является весьма впечатляющим показателем), то к 2016 г. этот «разрыв» составил 31 раз.

Вся эта «бухгалтерия» крупнейших корпораций-налогоплательщиков, несмотря на свободный доступ для любого желающего, на самом деле мало что говорит подавляющему большинству россиян, избирателей. Следить за этой статистикой и вовремя реагировать на негативные изменения в её динамике – обязанность Правительства, Совета Федерации, Государственной Думы. И крайне важно, чтобы реакция ответственных лиц была адекватной и своевременной, потому что это является необходимым условием, позволяющим избежать негативных изменений в качестве жизни населения – таких «говорящих» показателей социологических опросов, как, например:

✓ около трети населения (30–33%) негативно оценивают свое материальное благосостояние и отрицательно характеризуют положение дел в российской экономике;

✓ около 40% населения «денег хватает в лучшем случае на еду»; 50% людей денег хватает «на приобретение необходимых товаров», и лишь у 10% «покупка различных товаров не вызывает трудностей»;

✓ около 47–50% населения субъективно причисляют себя к категории «бедных и нищих» (и это больше, чем людей «среднего достатка» – 43%).

Как отмечают эксперты, за период с 2012 по 2017 г. «среднедушевые доходы граждан по курсу рубля к доллару снизились с 730 до 480; среднемесячная зарплата – с 860 до 600 долл. **Иными словами, за пять лет доходы граждан, выраженные в долларах, сократились примерно**

в полтора раза. Сопоставимым было падение потребительских расходов домохозяйств: они снизились за пять лет с 406 до 260 долл. на члена домашнего хозяйства в месяц»³³. При этом одновременно со снижением уровня жизни «простых россиян» в стране продолжается рост числа миллиардеров и их личного благосостояния: за период с 2006 по 2016 г. количество миллиардеров возросло на 60% (с 60 до 96 чел.), а их состояние увеличилось на 50% (со 152,8 до 230 млрд. руб.)³⁴.

Налогообложение доходов индивидуальных предпринимателей устроено таким образом, что после достижения выручки в размере 300 тыс. руб. и более начинается зона снижения налоговых ставок, **то есть чем больше вы зарабатываете, тем меньшая доля от вашего дохода передается в государственную казну.** А если удастся заработать больше 18 млн руб. в год, вас ждет полное освобождение от участия в пополнении Пенсионного фонда. В общем, как говорится, деньги к деньгам. Но **это как раз тот случай, когда вместо социального выравнивания происходит увеличение и без того социально опасного неравенства**³⁵.

Таким образом, речь идет далеко не только о пенсионной реформе, которая хотя и вызвала широкий общественный резонанс и отрица-

³³ Башкатова А. Россияне растеряли свой потребительский потенциал // Независимая газета. Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2018-01-31/1_7162_potencial.html

³⁴ Ильин В.А., Морев М.В. Олигархический капитал и социальная несправедливость // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 4. С. 50. (рассчитано по данным журнала «Forbes»).

³⁵ Гринберг Р.С. Пенсионная реформа как самодискредитация русского либерализма // Независимая газета. 2018. 24 сент. 2018. URL: http://www.ng.ru/scenario/2018-09-24/10_7317_pensii.html

Нелишне напомнить наш исторический опыт. Он убедительно доказывает, что каждая «компрадорская» реформа, начиная с приватизации собственности и либерализации цен, сопровождалась оглушительной канонадой словесной трескотни об общечеловеческих ценностях, свободе и демократии, скором благоденствии и процветании, заботе о благосостоянии людей. В действительности же каждая «реформа» являлась системной войной компрадорского клана против народа и страны, оставляя после себя разруху, нищету, отсталость, потерю социальных завоеваний, забалование и массовую смертность.

Составляет ли исключение «пенсионная реформа», слегка «смягченная» в том варианте, какой мы видим в обращении Президента РФ? Или она продолжает тенденцию, грозящую национальной катастрофой? Не свидетельствует ли повышение пенсионного возраста о кризисе «верхов»? О том, что они не могут жить по-новому, без компрадорских интересов? Вопросы не праздные³⁶.

тельную реакцию со стороны практически всех основных социальных групп (вкладка 5), но все-таки является лишь «верхушкой айсберга». На самом деле речь идет о более глубоких, многолетних тенденциях общественного недовольства. В первую очередь тем, насколько справедливым является современное российское общество. Последние данные долгосрочных социологических исследований ВолНЦ РАН показывают, что **за три года (с 2015 по 2018-й) доля людей, считающих, что современное российское общество устроено несправедливо, увеличилась во всех социально-демографических слоях населения. Сегодня эту точку зрения разделяет более 50% представителей всех основных социальных групп, а в половине из них – более 60%** (вкладка 6).

То ли отдельные представители политических и экономических элит России действуют (как отмечают многие эксперты) непосредственно в интересах и под диктовку Запада, то ли они настолько привыкли к безответственности и несменяемости управленческих кадров, что перестали опасаться за свое будущее, и поэтому случаи, когда от их действий стра-

³⁶ Губанов С.С. Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется // Экономист. 2018. № 9. С. 24.

Из-за принятия пенсионной реформы власть, во-первых, вызвала очень серьезное недовольство в обществе. А во-вторых, тем самым был разрушен так называемый «Крымский консенсус», который сложился в 2014–2015 гг. Людям было сказано: «Должны пострадать, потому что мы в кольце фронтов, у нас – санкции и прочее, всё на защиту Родины!». А сейчас народ видит, что нет, что всё делается в интересах богатых, и ни о каком консенсусе речи не идет³⁷.

дают россияне, становятся всё более и более откровенными, если не сказать вопиющими. Так или иначе, можно констатировать лишь то, что складывающаяся в первые месяцы нового политического сезона ситуация в России пока не располагает к оптимистическим сценариям будущего, которые обрисовал в своих предвыборных выступлениях Президент и которых уже много лет ждут непосредственно россияне.³⁷

Возможно, поэтому на фоне лоббируемых либеральным блоком Правительства реформ в первые месяцы нового политического сезона наблюдается всё более жесткая позиция экспертов, акцентирующих внимание на приоритетной реализации национальных, общественных интересов. Симптоматично, например, что даже помощник Президента А. Белоусов в ходе IV Восточного экономического форума, проходившего с 11 по 13 сентября во Владивостоке, высказался в крайне жесткой и предельно ясной форме (очевидно, говорящей о соответствующем эмоциональном состоянии, которое можно было бы охарактеризовать не иначе как «крик души»): «Классную систему мы создали, при которой жулики и преступники чувствуют себя комфортно. То есть у нас получается так, что мы создали такую систему контрольно-надзорной деятельности, когда люди, которые занимаются незаконным предпринимательством, по которому, вообще-то говоря, есть уголовная статья, чувствуют себя комфортнее, с ними ничего нельзя сделать»³⁸.

³⁷ Ушко: И ЦИК, и левая оппозиция выступили за отмену муниципального фильтра на выборах (мнение Д. Аграновского) // Завтра. 2018. 28 сент. URL: http://zavtra.ru/word_of_day/ushko_2018-09-28

³⁸ Белоусов А.Р. Выступление на Восточном экономическом форуме (г. Владивосток, 11 – 13 сентября). Источник: РИА-новости. 2018. 12 сент. URL: <https://ria.ru/economy/20180912/1528347713.html>

Вкладка 5

**Как Вы относитесь к решению повысить возраст выхода на пенсию –
положительно, отрицательно или безразлично? (в % от числа опрошенных)**

Категории населения	Положительно			Отрицательно		
	авг.18	окт.18	Изменение (+/-), окт.18 к авг.18	авг.18	окт.18	Изменение (+/-), окт.18 к авг.18
Пол						
Мужской	8,8	10,2	+1	69,6	71,1	+2
Женский	5,2	7,2	+2	75,7	76,9	+1
Возраст						
До 30 лет	8,4	9,0	+1	70,6	65,1	-6
30–55 лет	6,2	7,1	+1	73,9	77,4	+4
Старше 55 лет	6,8	10,1	+3	72,8	74,8	+2
Образование						
Среднее и н/среднее	5,4	5,8	0	68,7	78,0	+9
Среднее специальное	8,1	10,9	+3	72,6	73,7	+1
Высшее и н/высшее	6,4	8,4	+2	77,7	71,0	-7
Доходные группы						
20% наименее обеспеченных	4,7	7,4	+3	69,7	69,5	0
60% среднеобеспеченных	7,3	9,7	+2	73,6	73,3	0
20% наиболее обеспеченных	7,9	7,4	-1	71,8	77,6	+6
Территории						
Вологда	3,8	8,5	+5	82,2	71,0	-11
Череповец	4,7	5,2	+1	68,2	79,7	+11
Районы	9,7	10,5	+1	70,4	73,2	+3
Область	6,8	8,5	+2	72,9	74,3	+1

**Как Вы считаете, современное российское общество в целом устроено
справедливо или несправедливо? (в % от числа опрошенных)**

Категории населения	Справедливо					Несправедливо				
	дек.15	фев.16	окт.18	Изменение (+/-), ОКТ. 18 к ...		дек.15	фев.16	окт.18	Изменение (+/-), ОКТ.18 к ...	
				дек.15	фев.16				дек.15	фев.16
Пол										
Мужской	18,2	11,9	14,7	-4	+3	49,4	59,2	56,7	+7	-3
Женский	14,0	10,0	13,7	0	+4	52,3	55,8	62,7	+10	+7
Возраст										
До 30 лет	19,7	16,1	15,3	-4	-1	43,8	53,5	54,9	+11	+1
30–55 лет	16,6	10,0	12,5	-4	+3	51,2	57,9	61,7	+11	+4
Старше 55 лет	12,6	9,0	15,7	+3	+7	55,0	58,7	60,4	+5	+2
Образование										
Среднее и н/среднее	18,1	10,8	10,9	-7	0	45,1	52,9	61,2	+16	+8
Среднее специальное	13,9	9,5	14,4	+1	+5	51,0	57,8	59,3	+8	+2
Высшее и н/высшее	15,9	12,6	17,1	+1	+5	56,7	61,9	60,0	+3	-2
Доходные группы										
20% наименее обеспеченных	11,2	7,6	10,3	-1	+3	42,1	47,1	53,3	+11	+6
60% среднеобеспеченных	15,8	10,5	12,3	-4	+2	54,8	59,1	62,9	+8	+4
20% наиболее обеспеченных	16,6	13,7	25,7	+9	+12	53,3	63,5	57,7	+4	-6
Территории										
Вологда	15,9	9,5	15,5	0	+6	56,5	64,8	62,5	+6	-2
Череповец	14,1	11,9	7,2	-7	-5	68,5	68,9	74,9	+6	+6
Районы	16,8	11,0	17,4	+1	+6	37,7	46,4	50,1	+12	+4
Область	15,9	10,9	14,1	-2	+3	51,0	57,3	60,1	+9	+3

Я выделяю три категории «заинтересантов». **Первая категория** – это государственные и крупные частные банки. Государственные банки имеют подпитку от Центрального банка и в любом случае всегда выживут. Крупные частные банки имеют подпитку из-за границы, они там получают займы и спокойно себе живут...

Вторая группа бенефициаров проводимой кредитно-денежной политики – валютные спекулянты. Когда ЦБ ушёл с валютно-финансового рынка, господствующее положение на нём заняли крупные валютные спекулянты, которые начали раскачивать курс рубля для того, чтобы срывать прибыли на дестабилизации экономики. Мы подсчитали: когда рубль в 2014 году обвалился до 80 рублей за доллар, спекулянты на этом получили до 40 миллиардов долларов прибыли на курсовых колебаниях.

Третья группа «кровососов» – это экспортёры сырья, которые, пользуясь отсутствием валютного контроля и девальвацией рубля, получают сверхприбыли, оставляя их за рубежом. Они добились того, что невозврат валютной выручки больше не штрафуются. Это при том, что сверхприбыли от экспорта металлов и углеводородов сегодня намного превышают разумную норму рентабельности.

Эти три группы бенефициаров чрезвычайно влиятельны. Они контролируют прессу, проводят гигантские «экономические» форумы, заставляют экономическое экспертное сообщество плясать под их дудку. Я, как учёный-экономист, честно скажу, что основной массив информации, которая выдаётся от имени экономической науки, – это обслуживание интересов указанных категорий властвующей элиты.

Советник главы государства С. Глазьев в одной из своих статей чуть ли не поименно называет тех бенефициаров, которые «находятся в плену самых нелепых догм, навязываемых вашингтонскими финансовыми организациями туземцам, чтобы лишить их возможностей самостоятельного развития»³⁹.

Наконец, сам Президент, как отмечают эксперты, проводит совещания с министрами так, что заставляет делать вывод о том, что «в Кремле что-то готовится. Есть основание предпо-

³⁹ Глазьев С.Ю. О бенефициарах проводимой экономической политики. Часть 2 // Аргументы недели. 2018. 6 сент. URL: <http://argumenti.ru/society/2018/09/584670?typerlink=openlink>

лагать, что Путин, соблюдая равновесие сил и консенсус элит, тем не менее не доволен тем, что эта ничем не рискующая группа самодовольных непотопляемых чиновников сделала за 3 месяца с плодами его многолетних усилий. Нужно совершенно не знать Путина, чтобы верить, что он станет бесстрастно наблюдать за тем, как они продолжают своё увлекательное занятие. Отставка правительства может произойти раньше запланированных сроков... Госссовет – это та структура, в которой Владимир Путин осуществляет стратегическое руководство достижением глобальных целей России. При необходимости эта структура может быть развёрнута в основу системы власти в России с изменением функций Президента в сторону увеличения полномочий Председателя Госсвета». При этом «Путин лично руководит министрами и губернаторами, минуя Администрацию Президента и Д. Медведева», и проявляет владение «детальными обсуждаемой темы; он внимателен к мелочам, информирован больше любого собеседника, ловит министров мгновенно на неточностях, и нет никакой возможности спрятать от него свою неготовность ответить на вопрос»⁴⁰.

... Единственная разумная альтернатива теперешнему российскому «выборному самодержавию» – это союз либералов, то есть людей, заботящихся о свободе **для всех, а не только для себя**, и социалистов, **заботящихся о справедливости**, не жертвуя при этом такой великой ценностью, как свобода. Но что ждет страну, если первые уверенно шагают к полной самодискредитации, а самоорганизация вторых вот уже четверть века остается в эмбриональном состоянии?⁴¹

Таким образом, на новом витке очередного политического сезона в России мы наблюдаем, как с новыми силами вспыхивает борьба во внутренней политической элите страны между представителями патриотического и либерального блоков. Цена вопроса, по сути, одна –

⁴⁰ Халдей А. Путин уничтожил Силуанова // Завтра. 2018. 13 сент. URL: http://zavtra.ru/blogs/putin_unichtozhil_siluanova

⁴¹ Гринберг Р.С. Пенсионная реформа как самодискредитация русского либерализма // Независимая газета. 2018. 24 сент. URL: http://www.ng.ru/scenario/2018-09-24/10_7317_pensii.html

суверенитет страны, возможность реализации независимого курса экономической, социальной, внешней и т.д. политики. К сожалению, нельзя не признать, что по итогам первых месяцев этой «финишной прямой» до выборов 2024 г. либеральному блоку удалось сделать многое из задуманного (провести непопулярные в обществе реформы, «вбить клин» между гражданами и Президентом), однако этот «проигранный бой» не означает «конец войны», а лишь актуализирует вопрос о качестве принимаемых В. Путиным решений. По своим базовым геополитическим преимуществам Российская Федерация была и остается одной из ведущих держав мира, а это означает, что негативные характеристики качества жизни российского населения (о чем свидетельствуют результаты социологических опросов) зависят не от каких-то потерь в имеющихся ресурсах, а от снижения эффективности управления ими.

Президенту следует прислушаться к тому, что говорят эксперты, ставящие «во главу угла» национальные интересы, а не собственное благосостояние или интересы наших «зарубежных партнеров». Потому что без соответствующих

жестких управленческих решений будет невозможно добиться ни «решительного прорыва в сбережении народа России и благополучия наших граждан»⁴², ни элементарной социальной стабильности в стране.

«Очевидно, что „низы“ не хотят жить по-старому, в условиях опостылевшей и беспросветной экономической системы — о том свидетельствует накопленный протестный потенциал. Вопрос в том, могут ли „верхи“ жить по-новому, готовы ли решиться на установление новой экономической системы вместо старой. Именно этот вопрос представляется сейчас судьбоносным для нашей страны, которая вновь очутилась на переломном этапе с запутанной расстановкой социальных сил и непростой социальной динамикой. До финальной фазы системный кризис уже дошел, но во внутривнутриполитический еще не перерос. Поэтому **судьба страны зависит теперь от того, допустят „верхи“ переход системного кризиса из экономической плоскости в политическую, доведут дело до внутривнутриполитического кризиса или сумеют проявить историческую ответственность, уступая высшим государственным интересам**»⁴³.

Литература

1. Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68-82.
2. Губанов С.С. Замечания о системных основах экономической безопасности России // Экономист. 2017. № 6. С. 3-12.
3. Губанов С.С. Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется // Экономист. 2018. № 9. С. 10-24.
4. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. М., 2011. 304 с. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
5. Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 26-55.
6. Ильин В.А., Морев М.В. Олигархический капитал и социальная несправедливость // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. №4. С. 921-932.
7. Полтерович В.М. Реформаторам науки недостает квалификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 28-31.
8. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.

⁴² Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

⁴³ Губанов С.С. Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется // Экономист. 2018. № 9. С. 24.

9. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии) / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. М.: Наука и политика, 2016. 712 с.
10. Титов Б.Ю., Широков А.А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 24-39.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Revisiting the Issue Concerning the Future of Russian Statehood

Abstract. National and regional surveys show that the expert community is dominated by pessimistic assessments concerning the prospects of Russia's future. The paper discusses the reasons for such a situation. We provide the data on the results of the gubernatorial elections that were held September 9, 2018 and showed that the support for candidates from the United Russia, the current ruling party, has decreased. In addition, we analyze the open data of official reporting of major corporations from five Russian regions; it allows us to draw a conclusion about the existence of legislative conditions in Russia that make it possible for major taxpayers to minimize the tax base, which leads to significant losses of the budgets of constituent entities of the Russian Federation. The paper concludes that it is necessary for the President to make tough decisions aimed at improving the efficiency of the public administration system.

Key words: forecast, expert evaluation, public administration efficiency, regional elections, budget.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.2

УДК 338.12.017, 338.22.021.2, ББК 65.050

© Глазьев С.Ю.

Потенциальные возможности роста российской экономики и денежно-кредитная политика Банка России*

**Сергей Юрьевич
ГЛАЗЬЕВ**

Государственный университет управления
Москва, Российская Федерация, 109542, Рязанский пр-т, 99
E-mail: sy_glazyev@guu.ru

Аннотация. В работе рассматривается роль и место денежно-кредитной политики в обеспечении воспроизводства современной экономики. Проводимая Банком России денежно-кредитная политика исходит из универсальных рекомендаций МВФ, которые не соответствуют как условиям воспроизводства российской экономики, так и особенностям современного периода структурных изменений мировой экономики. Происходящая смена технологических и мирохозяйственных укладов сопровождается кардинальными изменениями в составе определяющих экономический рост производств, а также в системе институтов управления воспроизводством экономики. Возникающие при этом возможности рывка в развитии российской экономики могут быть реализованы только при соответствующей денежно-кредитной политике, ориентированной на кредитование перспективных направлений экономического роста в пределах имеющихся факторов производства. Цель работы – обосновать несоответствие денежно-кредитной политики потенциальным возможностям роста российской экономики в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов. В статье критикуется проект Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020–2021 годов как неадекватный современным знаниям о закономерностях экономического развития и возможностям роста российской экономики.

* Исследование поддержано Российским научным фондом, проект 18-18-00488.

Для цитирования: Глазьев С.Ю. Потенциальные возможности роста российской экономики и денежно-кредитная политика Банка России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 30–48. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.2

For citation: Glazyev S.Yu. Potential opportunities for the growth of the Russian economy and the monetary policy of the Bank of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 30–48. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.2

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, экономическая политика, экономический рост, воспроизводство российской экономики, смена технологических укладов, экономическое развитие.

Введение. Осуществление поставленной Президентом России задачи «прорывного научно-технологического и социально-экономического развития» [1] требует проведения системной макроэкономической политики, нацеленной на стимулирование инвестиций в перспективных направлениях роста нового технологического уклада. Ее важнейшей составляющей является денежно-кредитная политика, обеспечивающая финансовую составляющую расширенного воспроизводства экономики.

Современный экономический рост невозможен без постоянного расширения кредита в целях финансирования инновационной и инвестиционной активности хозяйствующих субъектов. По своей сути создаваемый государством кредит призван авансировать рост производства, без его последовательного наращивания развитие экономики невозможно. При этом кредитная ставка процента не должна превышать рентабельности производства, Й. Шумпетер называл ссудный процент налогом на инновации [2]. В противном случае создаваемый государством кредит будет использоваться на финансирование спекуляций во вред развитию реального сектора экономики. Именно это происходит в российской экономике.

Завышение процентных ставок сверх уровня рентабельности большинства предприятий реального сектора влечет сокращение производства и инвестиций при перетоке денег на валютно-финансовые спекуляции. Отток денег из реального сектора в банковский создает иллюзию профицита ликвидности, который отсасывается Центральным банком (ЦБ) из экономики. В отличие от общепринятой уже два столетия мировой практики создания кредитных ресурсов национальными центральными денежными властями, Банк России изымает деньги из экономики, искусственно сжимая кредитование производственной сферы. Тем самым он блокирует рост инвестиционной и инновационной активности, делая невозможным развитие экономики.

Чтобы правильно оценить политику Банка России, следует разобраться в роли и месте денежно-кредитной политики в обеспечении воспроизводства современной экономики.

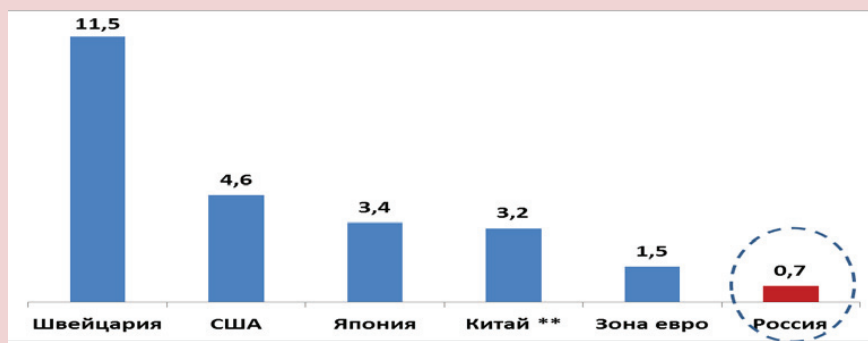
Значение кредита для развития экономики. Расширение кредита особенно важно в периоды структурных изменений экономики, когда хозяйствующие субъекты не имеют возможностей для быстрого обновления стремительно устаревающих основных фондов. Именно поэтому все ведущие страны мира с 2014 по 2018 год стремительно наращивают объемы денежного предложения (*рис. 1*), обеспечивая кредитование модернизации и роста производства под символические ставки процента (*рис. 2*).

Тем самым они стимулируют инвестиционную и инновационную активность своих хозяйствующих субъектов, облегчая им создание производств нового технологического уклада [3] и обеспечивая его опережающий рост.

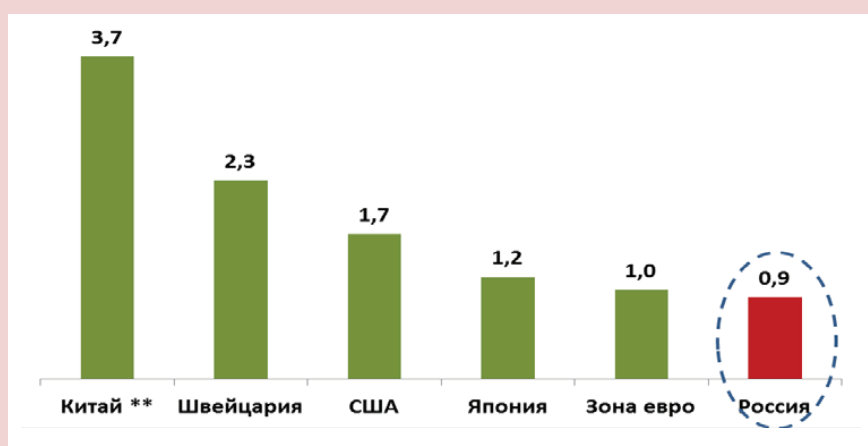
Источником этого стремительного расширения кредита в передовых и успешно развивающихся странах является денежная эмиссия, направляемая на финансирование установленных государством приоритетных направлений социально-экономической политики.

Денежные власти ведущих стран научились создавать деньги под долговые обязательства государства и бизнеса для финансирования расширенного воспроизводства экономики. Сегодня в условиях структурного кризиса они прибегают к значительной денежной эмиссии для стимулирования инвестиций в освоение нового технологического уклада. Ее основным каналом является покупка ЦБ низкодоходных долговых обязательств государства с целью финансирования дефицита бюджета. В рамках политики «количественного смягчения» ФРС США и ЕЦБ эмитируют деньги также под приобретение обязательств крупных банков и корпораций. Китай и другие успешно развивающиеся страны «печатают» деньги под инвестиционные планы экономических агентов в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами (*рис. 3-6*) [4, 5].

Рис. 1. Прирост денежной массы в разных странах

А. Прирост денежной базы ряда валют, 2007–2015 гг., раз*

Б. Прирост денежной массы (M2), 2007–2015 гг., раз*

* Рассчитано в долларах США по соответствующему курсу.

** Данные за 2017 г.

Источник: центральные банки соответствующих стран.

Рис. 2. Реальный уровень ключевых ставок центральных банков в ряде стран (на 27.09.2018, %)

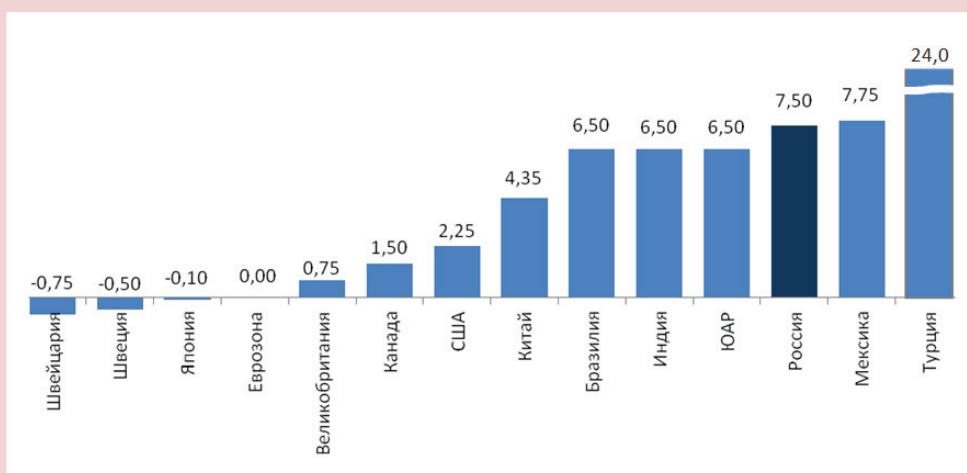
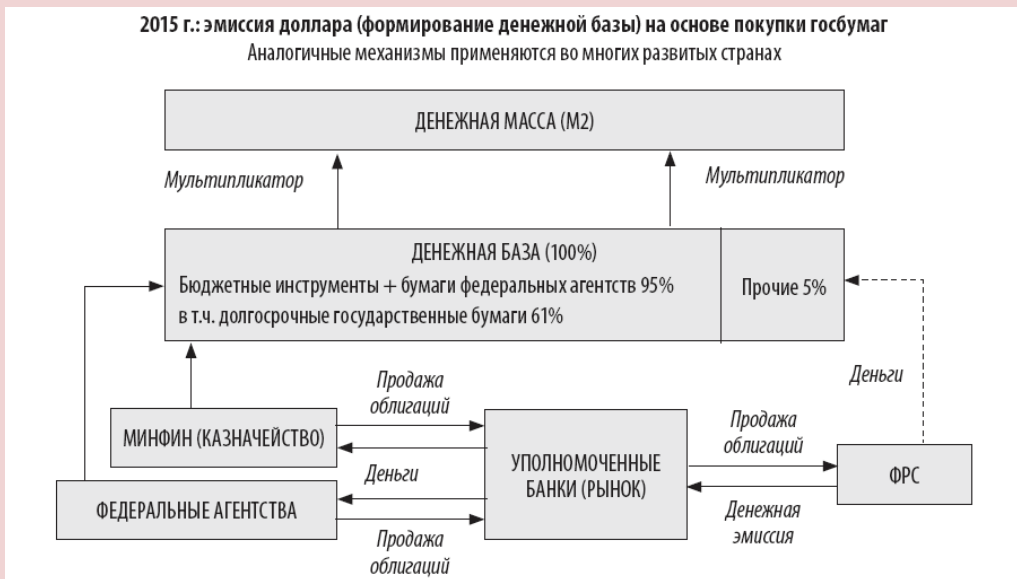
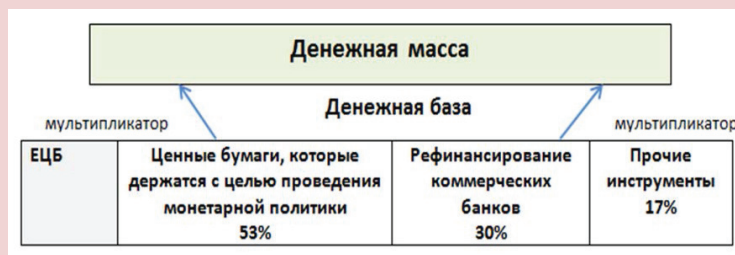

Рис. 3. Схема денежной эмиссии в США

Источник: Ершов М. по данным ФРС США.

Рис. 4. Механизм формирования денежного предложения ЕЦБ

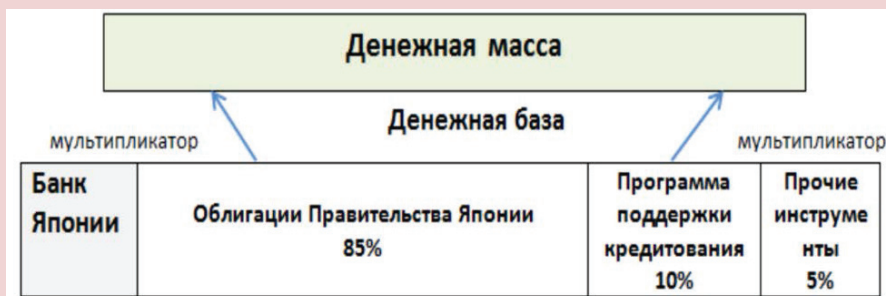
Источник: Ершов М. по данным ЕЦБ.

Рис. 5. Схема организации денежного предложения в КНР

Источник: Yu Yonging, 2017.

Рис. 6. Механизм формирования денежного предложения Банком Японии

Источник: Ершов М. по данным Банка Японии.

В отличие от Банка России центральные банки-эмитенты резервных валют обеспечивают широкое предложение дешевых кредитных ресурсов по квази нулевым процентным ставкам. Это не приводит к инфляции благодаря направлению кредитов на финансирование инвестиций в модернизацию и рост производства, вследствие чего снижаются издержки и растет предложение товаров, а значит – повышается покупательная способность денег.

Опыт Китая демонстрирует широкие возможности использования целевой денежной эмиссии для кредитования роста инвестиций и производства без инфляционных последствий. Так, 10-кратный рост ВВП в Китае с 1993 по 2016 год сопровождался ростом инвестиций в 28 раз, денежной массы и банковского кредита производственной сфере – соответственно в 19 и 15 раз. На единицу прироста ВВП приходится почти три единицы прироста инвестиций и около двух единиц прироста денежной массы и объема кредита. Это иллюстрирует действие механизма роста китайской экономики: увеличение экономической активности, измеряемое ВВП, обеспечивается опережающим приростом инвестиций, большая часть которого финансируется за счет расширения кредита государственной банковской системы. Несмотря на многократное опережение роста денежной массы по отношению к росту производства, инфляция в Китае за весь период бурной монетизации экономики осталась в пределах 4–7%.

Низкая инфляция обеспечивалась постоянным повышением эффективности и объемов производства товаров благодаря удержанию денежных потоков в следующем контуре: кредитная эмиссия – рост инвестиций – увеличение объемов и эффективности производства – рост массы товаров при снижении удельных издержек их производства и цены единицы потребительской стоимости – увеличение доходов – расширение сбережений – рост инвестиций. Достигалось это путем привязки кредитов государственных банков к инвестиционным проектам развития производства при соблюдении валютных ограничений на операции с капиталом, «сквозной» ответственности органов государственной власти за достижение индикаторов роста производства и инвестиций, а также системной борьбе с коррупцией.

Аналогичные способы использования эмиссии фиатных денег для кредитования роста инвестиций успешно применяются в Японии, Индии, Вьетнаме, Ю. Корее, Малайзии, Сингапуре и других успешно развивающихся странах. Их характерной чертой является опережающее наращивание целевой кредитной эмиссии для финансирования инвестиций в соответствии с определяемыми государством приоритетами. За счет этого достигалось резкое увеличение нормы накопления при низких доходах и сбережениях населения. Основным источником финансирования капитальных вложений в развитие всех стран, совершивших экономическое чудо, была и остается целевая кредитная эмиссия.

Несостоятельность исходных предпосылок *Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики*. Судя по опубликованному проекту *Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики* (далее – ОНЕГДКП) [6] до 2021 г., руководство Банка России незнакомо закономерности долгосрочного развития экономики и современная практика передовых и успешно развивающихся стран в использовании инструментария денежно-кредитной политики для обеспечения экономического роста. Оно также не представляет себе реальных возможностей развития российской экономики, занижая ее потенциал до текущего объема производимой продукции. Связано это с весьма популярными, но поверхностными и нереалистичными представлениями о развитии экономики и взаимозависимости денежного предложения, инфляции и роста производства. Основанные на этих представлениях ОНЕГДКП будут сдерживать развитие российской экономики, обрекая ее на нарастающее технологическое отставание и деградацию.

В основе логики ОНЕГДКП лежит «Концепция равновесного состояния экономики и отклонения от него основных макроэкономических переменных (разрывов)», в котором «экономика может находиться сколько угодно долго в отсутствие реализации в ней различных шоков, приводящих к краткосрочным отклонениям экономики от него» (с. 25; здесь и далее указание на соответствующую страницу проекта ОНЕГДКП на период 2019–2021 гг.). Согласно этой концепции, «в долгосрочном равновесии все ключевые показатели в экономике растут с постоянным темпом, который определяется фундаментальными факторами. То есть долгосрочное равновесие – это не конкретная точка, а устойчивая траектория, по которой движется экономика. При проведении денежно-кредитной политики в рамках режима таргетирования инфляции в долгосрочном равновесии потребительские цены растут с темпом, соответствующим целевому уровню инфляции, а темпы роста экономики равны потенциальным и определяются темпами роста производительности факторов производства, а также скоростью технологического развития» (с. 25).

Это представление столь же далеко от реальности, как популярная в СССР политэкономия социализма или теория оптимального функционирования экономики. Авторами ОНЕГДКП оно принимается на веру как некая абсолютная истина, не требующая доказательств. В реальности состояния долгосрочного равновесия не существует. Экономическому развитию свойствен нелинейный, неравновесный и часто неопределенный характер. Под влиянием НТП постоянно открываются новые технологические возможности, раздвигающие прежние ограничения экономического роста. Подходящим для описания долгосрочного развития экономики образом является не устойчивая траектория, а волнообразное движение, при котором этапы быстрого роста в восходящих фазах длинных волн Кондратьева перемежаются со структурными кризисами, опосредующими смену технологических укладов.

В экономической науке хорошо изучены деловые, инвестиционные, научно-производственные циклы, доказана ключевая роль НТП и инноваций в обеспечении экономического развития [7], внедрение которых вызывает отклонения от гипотетического состояния равновесия и создает новые аттракторы движения экономики. Последняя движется от одного аттрактора к другому, никогда не достигая равновесного состояния под влиянием непрерывно генерируемых хозяйствующими субъектами нововведений. В современном представлении об инновационном развитии экономики равновесное состояние выглядит как нелепая умозрительная абстракция, теоретически допустимая в статичной экономике Средневековья, в которой не было кредита, а новаторы преследовались инквизицией.

Уже более 50 лет концепция равновесного состояния экономики отвергнута академической наукой как не отражающая действительности и вводящая в заблуждение лиц, принимающих решения. Ни в одной из развитых и успешно развивающихся стран эта концепция не применяется на практике и используется в идеологических целях для оправдания нужной крупному капиталу политики дерегулирования экономики [8]. Доказывая вредность государственного вмешательства, которое якобы мешает равновесному росту

экономики, финансовый капитал подчиняет своим интересам максимизации прибыли факторы производства, в том числе путем создания противоречащих концепции равновесия монополий.

Концепция равновесия заложена в мейн-стриме экономической мысли, навязывающей обществу сознанию наукообразное представление о логичности и естественности либеральной глобализации. Такой подход свойствен религиозному мышлению, у которого в данном случае есть свои носители «абсолютного знания» в лице МВФ и других международных организаций и регуляторов, реализующих глобальные интересы финансового капитала США и других стран-эмитентов мировых валют в безграничной экспансии за счет искусственного ограничения возможностей национального кредита в других странах. Практическое применение этого подхода в России и других пост-социалистических государствах так же, как до этого во многих странах Африки и Латинской Америки, неизменно приводило к деградации экономики и подчинению ее воспроизводства интересам транснациональных корпораций, рефинансируемых эмитентами доллара и других мировых валют.

Ошибочная трактовка возможностей роста экономики. Неадекватность теоретических представлений о развитии экономики влечет ошибочные оценки ее фактического состояния и возможностей развития. Авторы ОНЕГДКП считают, что «в условиях открытой экономики временные отклонения от равновесия могут быть связаны как с изменениями внутренних экономических условий, так и с изменениями со стороны внешнеэкономической конъюнктуры. Реакция со стороны макроэкономической, в том числе денежно-кредитной, политики на реализацию шоков позволяет минимизировать их последствия для экономики и способствовать ее скорейшему возвращению к своему долгосрочному равновесию» (с. 25). Однако, поскольку оно существует только в авторском воображении, планируемые в ОНЕГДКП меры не возвращают экономику в состояние равновесия, а ориентированы на удержание ее текущего состояния, которое авторами трактуется как равновесное. Так, авторы документа считают, что «увеличение

внутреннего и внешнего спроса обеспечивало рост экономики на уровне, соответствующем долгосрочному потенциалу с учетом ее текущей структуры. По оценкам Банка России, годовой темп прироста ВВП в 2018 г. составит 1,5–2%» (с.42). Они также заключают, что «продолжился рост российской экономики темпами, которые оцениваются Банком России как соответствующие ее долгосрочному потенциалу» (с. 36). И далее, переходя к прогнозу, авторы пишут: «под влиянием всех указанных факторов темпы роста экономики по итогам 2019 г. составят 1,2–1,7%, оставаясь вблизи потенциальных» (с. 52).

Воображаемый авторами гипотетический равновесный рост экономики закладывается в целевой прогноз, под который планируются меры денежно-кредитной политики и который, таким образом, становится самоосуществляющимся. Оценивая эффективность проводимой политики, авторы ОНЕГДКП утверждают, что «...экономический рост происходил без нарастания избыточного инфляционного давления, чему способствовала денежно-кредитная политика. Изменения ключевой ставки обеспечивали сохранение привлекательности рублевых сбережений и рост кредита экономике в соответствии с увеличением доходов. В результате увеличение потребительского и инвестиционного спроса не опережало возможности расширения предложения» (с. 36).

В действительности рост экономики, находившийся в пределах статистической погрешности, был замечен только авторам ОНЕГДКП. Вызванное резким удорожанием кредита и сохранением неподъемных для большинства производственных предприятий условий кредитования падение инвестиций и доходов населения повлекло снижение производства намного ниже потенциального уровня [9]. Вопреки мнению авторов ОНЕГДКП, возможности расширения предложения товаров и услуг являются весьма значительными, составляя не менее 25% прироста ВВП при существующем состоянии факторов производства.

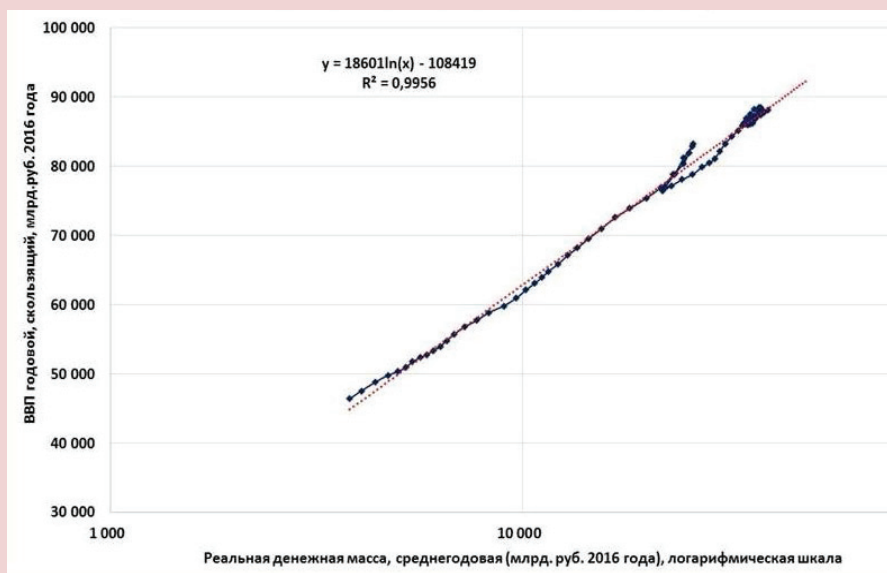
Согласно статистическим данным, загрузка основных производственных фондов в промышленности не превышает 60%, включая новые мощности, введенные в течение последних пяти лет (рис. 7).

Рис. 7. Уровень загрузки производственных мощностей, в %

Источник: ИНП РАН.

Рис. 8. Взаимосвязь ВВП России и реальной денежной массы

Источник: ЦБ, Росстат, расчеты С. Блинова [11].

Остаются значительные возможности расширения использования земельных и водных ресурсов. Имеющиеся данные опросов предприятий свидетельствуют о значительной скрытой безработице, позволяющей нарастить выпуск продукции на 20–25%, не прибегая к соответствующему увеличению персонала, за счет роста производительности труда при повышении загрузки простаивающих мощностей. Безграничный объем предложения рабочей силы из постсоветских государств Средней Азии, а также приток высококвалифицированных работников из Украины превышает в на-

стоящее время спрос на трудовые ресурсы со стороны российских работодателей. У российской экономики нет также ограничений роста по состоянию сырьевой базы: выпуск продукции может быть увеличен в несколько раз при комплексной переработке экспортируемых в настоящее время сырьевых товаров [10]. Не является сдерживающим фактором и научно-технический потенциал, используемый, судя по объемам НИОКР, едва ли на треть.

Таким образом, судя по загрузке основных факторов производства, потенциал роста российской экономики составляет только за счет

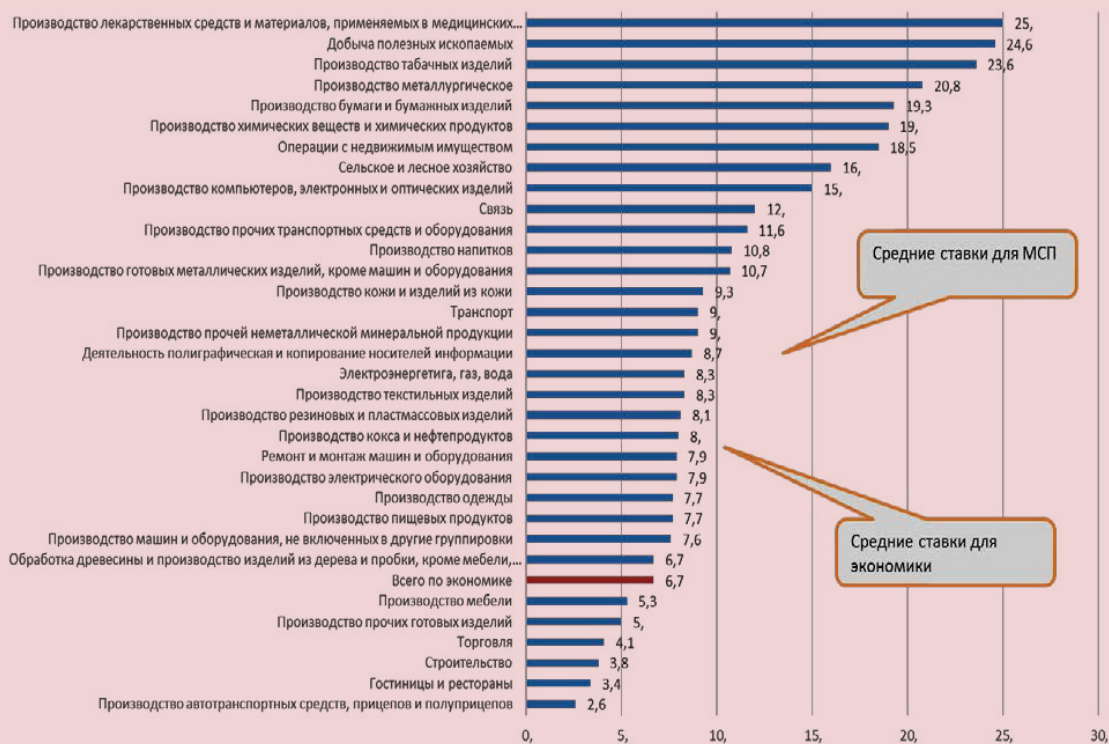
экстенсивного расширения: около 40% прироста промышленного производства, включая более 50% прироста выпуска машиностроительной и химической продукции; не менее 20% прироста выпуска сельскохозяйственной продукции; около 15% прироста оказания транспортных и строительных услуг. При интенсификации использования производственных ресурсов за счет НТП речь может идти об удвоении ВВП в течение десятилетия. Иными словами, российская экономика может расти с темпом не менее 7% ежегодного прироста ВВП в краткосрочной, а при 15%-м приросте инвестиций и в долгосрочной перспективе. Главным лимитирующим фактором является искусственно созданный дефицит кредитных ресурсов, не позволяющий связать в производственном процессе незадействованные факторы производства. Об этом свидетельствует и линейная статистически значимая зависимость, сложившаяся в российской экономике между приростом ВВП и денежной массы (рис. 8).

Если бы объем кредита не был лимитирующим фактором роста, то динамика денежной массы не коррелировала бы со столь высокой статистической значимостью с приростом ВВП и не образовывался бы профицит ликвидности при повышении процентных ставок.

Минимый профицит ликвидности. Вследствие неприемлемо высоких для большинства отраслей обрабатывающей промышленности процентных ставок, превышающих уровень рентабельности производства (рис. 9), загрузка производственных мощностей падает по мере возврата предприятиями кредитов и соответствующего сокращения оборотных средств.

Ориентируясь на ключевую ставку, банки не снижают процентные ставки, сокращая кредитование производственных предприятий. Вследствие этого у них образуются избыточные средства, воспринимаемые авторами ОНЕГДКП как структурный профицит ликвидности, который ЦБ собирает изымать: «В условиях профицита ликвидности банков-

Рис. 9. Уровень рентабельности продаж по видам деятельности и ставки по кредитам (на конец 2017 г.)

Источник: ИНП РАН.

ского сектора Банк России использовал в качестве основного инструмента денежно-кредитной политики депозитные аукционы на срок 1 неделя. В 2018 г. объемы привлекаемых на них средств существенно выросли. Так, в 2017 г. средний объем привлечения средств на недельных депозитных аукционах составил 0,8 трлн. руб., а в январе–августе текущего года – около 2,5 трлн. рублей. Увеличились и объемы размещения купонных облигаций Банка России (КОБР) на срок 3 месяца... В начале 2018 г. объем КОБР в обращении составлял 0,4 трлн. руб., а на 1.09.2018 – уже 1,4 трлн. рублей» (с. 14).

Таким образом, Банк России изъясил из экономики около 4 трлн. руб., планируя продолжать эту практику в предстоящие три года. В совокупности, начиная с 2014 года, как было показано выше, ЦБ изъясил из экономики более 10 трлн. руб., фактически перестав рефинансировать коммерческие банки. Соответственно сократились оборотные средства и инвестиции предприятий, для финансирования которых привлекались банковские кредиты. Результатом такой политики стало сокращение производства и прекращение экономического роста [12, 13]. При этом авторы ОНЕГДКП не видят очевидной связи между повышением процентной ставки сверх уровня средней рентабельности реального сектора экономики и профицитом ликвидности. Вопреки здравому смыслу они не видят «...признаков влияния банковской ликвидности на операции банков на кредитном и депозитном рынках» (с. 87). Это все равно что не видеть признаков голода при массовом недоедании населения на том основании, что на полках магазинов наблюдается профицит за пределами дорогих для потребителей товаров.

Находясь в плену собственных представлений о якобы равновесном развитии экономики вблизи ее долгосрочного потенциального уровня, авторы ОНЕГДКП отрицают возможности ЦБ «воздействовать на производительность факторов производства и внедрение технологий инструментами денежно-кредитной политики» (с. 6). Как пишут авторы, «попытки стимулировать экономический рост мерами денежно-кредитной политики в текущих условиях через необоснованное снижение ключевой ставки могут иметь масштабные негативные последствия. В краткосрочном периоде снижение ключевой

ставки создаст стимулы для роста кредитования и повышения инвестиционного и потребительского спроса. Чтобы данный рост не имел инфляционных последствий, он не должен опережать возможности расширения производства. Значительно увеличить производство за счет имеющихся мощностей в настоящее время невозможно, поскольку экономика функционирует на уровне, близком к потенциальному [14]. Столкнувшись с увеличением спроса, компании будут конкурировать за трудовые ресурсы, повышая заработную плату. Это будет также способствовать расширению потребительского спроса. При этом для увеличения основных фондов во многих отраслях за счет реализации инвестиционных проектов потребуется время. В результате увеличение внутреннего спроса при отсутствии внутренних возможностей для его удовлетворения приведет к существенному ускорению инфляции...» (с. 6).

В действительности, как было показано выше, экономика функционирует намного ниже потенциального уровня и существуют огромные возможности увеличения производства, не выходя за имеющиеся ресурсные ограничения. В этой ситуации экономическая наука рекомендует наращивать денежное предложение, результатом которого становится рост выпуска продукции при снижающейся инфляции. И наоборот, следование ОНЕГДКП ведет к росту издержек вследствие снижения загрузки производственных мощностей, что влечет повышение цен при падающем объеме выпуска товаров, а также падение конкурентоспособности национальной экономики, платой за которое является девальвация рубля.

К сожалению, авторы ОНЕГДКП руководствуются поверхностными представлениями о взаимосвязи динамики денежной массы, инфляции и производства, следствием которых являются неверные суждения о причинно-следственных механизмах денежно-кредитной политики.

Ошибочная трактовка взаимозависимости макроэкономических параметров. Авторы ОНЕГДКП исходят из поверхностного представления о линейной прямо пропорциональной зависимости между денежной массой и инфляцией. Такая зависимость имеет место только для гипотетического равновесного состояния экономики, в котором «...в условиях

повышения спроса (за счет зарплат и кредитов) при недостатке предложения отечественных товаров цены на них возрастут» (с. 6). Авторы исходят из того, что «денежно-кредитная политика воздействует на отклонения темпа роста экономики от потенциального, но не на сам экономический потенциал» (с. 6). Однако, как уже говорилось выше, экономика никогда не пребывает в состоянии равновесия и в реальной действительности взаимосвязь денежной массы и инфляцией может быть и прямо противоположной, меняясь в зависимости от управления денежными потоками. И, при использовании денежной эмиссии на кредитование производственных инвестиций, денежная политика прямо воздействует на увеличение производственного потенциала.

Если исключить из ранее процитированного фрагмента ОНЕГДКП ошибочное утверждение от том, что «увеличить производство за счет имеющихся мощностей невозможно», то логика рассуждений об инфляционных последствиях расширения кредита меняется на противоположную. Если кредит направляется на пополнение оборотного капитала под имеющийся спрос на выпускаемую продукцию, то результатом станет расширение выпуска товаров и снижение условно-постоянных издержек их производства, благодаря чему, при прочих равных условиях, произойдет снижение цен. Аналогичный эффект будет достигнут при использовании кредита на финансирование инвестиций в целях расширения и модернизации производства. Именно такие последствия

имели место в последние годы на рынке сельхозпродукции в результате расширения кредитования ее производства под разумный, не превышающий его рентабельность процент.

Международный опыт успешного экономического развития свидетельствует о ключевом значении расширения кредита для финансирования производственных инвестиций. Все, без исключения, страны, совершившие рывок в своем развитии, начинали его с масштабного кредитования инвестиций в освоение передовых технологий в перспективных направлениях экономического роста. *Таблицы 1 и 2* иллюстрируют положительную обратную связь между расширением кредитной эмиссии и ростом инвестиций в странах экономического чуда последних десятилетий. Правильно определив приоритетные направления развития национальной экономики, денежные власти этих стран предоставили целевые низкопроцентные долгосрочные кредиты своим хозяйствующим субъектам для инвестиций в передовые технологии. Последовавшее вслед за этим расширение выпуска пользующихся спросом на мировом рынке товаров обеспечило рост доходов и сбережений, создававших основу дальнейшего наращивания инвестиций. При этом инфляция в этих странах оставалась умеренной, а в некоторые периоды цены даже снижались, несмотря на бурный рост денежной массы. Так, в период особенно быстрого роста в КНР (до 10% ежегодного прироста ВВП) денежная масса росла до 40% в год при снижающихся ценах на бытовую технику и другие промышленные товары.

Таблица 1. Масштаб кредитования экономического рывка в странах мира

Год	Южная Корея	Сингапур	Китай	Гонконг	Индия
1950	х	х	х	х	15,6
1955	х	х	х	х	18,9
1960	9,1	х	х	х	24,9
1963	16,6	7,2	х	х	25,8
1970	35,3	20	х	х	24,8
1978	38,4	30,7	38,5	х	36,4
1980	46,9	42,4	52,8	х	40,7
1990	57,2	61,7	86,3	х	51,5
1991	57,8	63,1	88,7	130,4	51,3
2000	79,5	79,2	119,7	136	53
2009	109,4	93,9	147,5	166,8	72,9
2010	103,2	83,9	172,3	199	76,2

Источник: Я. Миркин [15].

Таблица 2. Повышение нормы накопления в периоды экономического рывка

Год	Япония	Южная Корея	Сингапур	Малайзия	Китай	Индия
1950	х	х	х	х	х	10,4
1955	19,4	10,6	х	9,2	х	12,5
1960	29	11,1	6,5	11	х	13,3
1965	29,8	14,9	21,3	18,3	х	15,8
1970	35,5	25,5	32,6	14,9	х	14,6
1975	32,5	26,8	35,1	25,1	х	16,9
1980	31,7	32,4	40,6	31,1	28,8	19,3
1985	27,7	28,8	42,2	29,8	29,4	20,7
1990	32,1	37,3	32,3	33	25	22,9
1995	27,9	37,3	33,4	43,6	33	24,4
2000	25,2	30	30,6	25,3	34,1	22,7
2005	23,3	28,9	21,3	20,5	42,2	30,4
2009	20,6	29,3	27,9	20,4	46,7	30,8
2010	20,5	28,6	25	20,3	46,1	29,5

Источник: Я. Миркин [15].

Результаты и выводы. Денежно-кредитная политика создает условия для экономического роста и обеспечивает увеличение экономического потенциала путем расширения кредита. Разумеется, для этого в экономике должны быть свободные ресурсы, для связывания которых в производственном процессе предприниматели привлекают кредиты. В российской экономике все необходимые для расширения производства ресурсы имеются в избытке. Судя по масштабам произошедшего после резкого повышения процентных ставок сжатия рефинансирования Банком России, падения производства и инвестиций, дефицит кредитных ресурсов для расширения производства до потенциального уровня составляет около 14 трлн. руб. Если эти деньги будут направлены на кредитование роста производства, можно ожидать повышения темпов прироста ВВП до 10% в 2019–2021 годах при удержании инфляции вблизи целевого уровня в 4%.

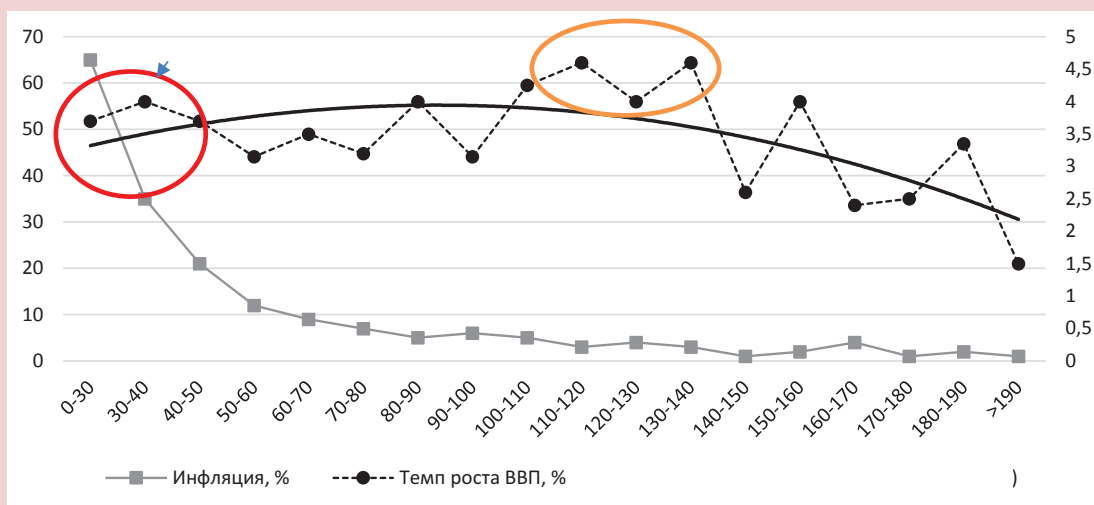
Но даже если в экономике задействованы все производственные ресурсы и она функционирует на потенциальном уровне, расширение кредита на цели разработки и внедрения новых технологий позволяет повысить этот потенциальный уровень. Именно так происходит переход от экстенсивного экономического роста к интенсивному, главным фактором которого становится НТП. Этот фактор обеспечивает подавляющую часть прироста производства в развитых странах. Расширение его предложе-

ния достигается за счет увеличения расходов на НИОКР, образование, развитие информационной инфраструктуры, половина которых финансируется за счет кредита. Поэтому монетизация экономики растет пропорционально уровню технического развития стран, использующих расширение кредита для финансирования инноваций. При этом чем эффективнее работает система целевого кредитования инвестиционной и инновационной активности, тем быстрее может происходить неинфляционное расширение кредитной эмиссии и выше уровень монетизации (рис. 10).

Все развитые и успешно развивающиеся страны в ответ на начавшийся в 2008 году мировой кризис, для поддержания экономической, и особенно – инвестиционной, активности, стали проводить политику количественного смягчения, сопровождавшуюся резким увеличением денежной базы при снижавшихся вплоть до нуля процентных ставках. Это позволило им избежать депрессии, типичной для подобных периодов структурных кризисов экономики, опосредующих смену технологических укладов. При этом инфляция оставалась на низком уровне.

Россия оказалась единственной страной из группы ведущих 20 стран, которая ответила на кризис ужесточением денежной политики, вследствие чего оказалась в стагфляционной ловушке. Повышение процентных ставок и сжатие кредита повлекло спад объемов и рост

Рис. 10. Зависимость прироста ВВП и инфляции от монетизации экономики (усреднение по 203 странам, 1992–2012 гг.)

Источник: МВФ [16, 17].

издержек производства, а также резкое сокращение инвестиций, следствием чего стало снижение конкурентоспособности экономики и девальвация рубля, усугубившаяся манипуляциями спекулянтов после перехода к режиму свободного плавания его обменного курса. В результате образовалась инфляционная волна, которую удалось погасить только через три года путем искусственного сжатия спроса ценой прекращения развития экономики и падения доходов населения. Через некоторое время после кризиса к подобной политике с такими же последствиями перешли денежные власти Бразилии, в результате чего разразился острый социально-политический кризис, сопровождавшийся импичментом главе государства.

Авторы ОНЕГДКП не понимают, что инфляция может расти не только при увеличении денежной массы в условиях полного использования экономического потенциала, но и при снижении денежной массы в реальных условиях функционирования экономики. Это происходит вследствие роста издержек из-за падения загрузки производственных мощностей, а также девальвации национальной валюты из-за снижения конкурентоспособности национальной экономики в связи с сокращением инвестиций в ее развитие. Статистические исследования зависимости между динамикой денежной

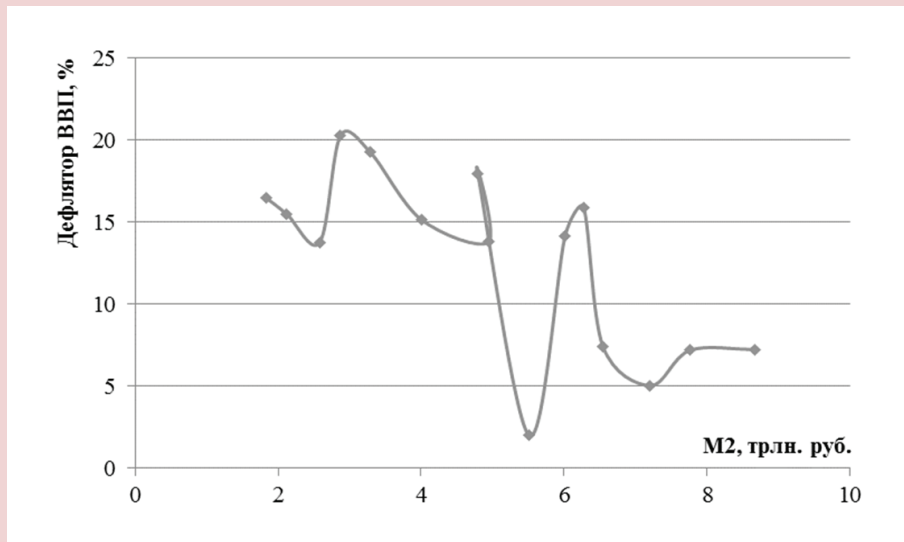
массы и инфляцией [18], проведенные по большому количеству стран, свидетельствуют о том, что инфляция может расти как при увеличении, так и при снижении объема денежной массы (рис. 11). Это говорит о том, что для каждого состояния экономики существует свой оптимальный уровень монетизации, при котором достигается минимальная инфляция. Он соответствует потребности экономики в кредитовании ее расширенного воспроизводства в рамках имеющихся ресурсных ограничений.

Вопреки мнению авторов ОНЕГДКП о том, что снижение инфляции до целевого уровня автоматически создает условия для устойчивого развития экономики, в действительности для каждой экономической системы существует свой уровень инфляции, при котором достигаются максимальные темпы экономического роста (рис. 12).

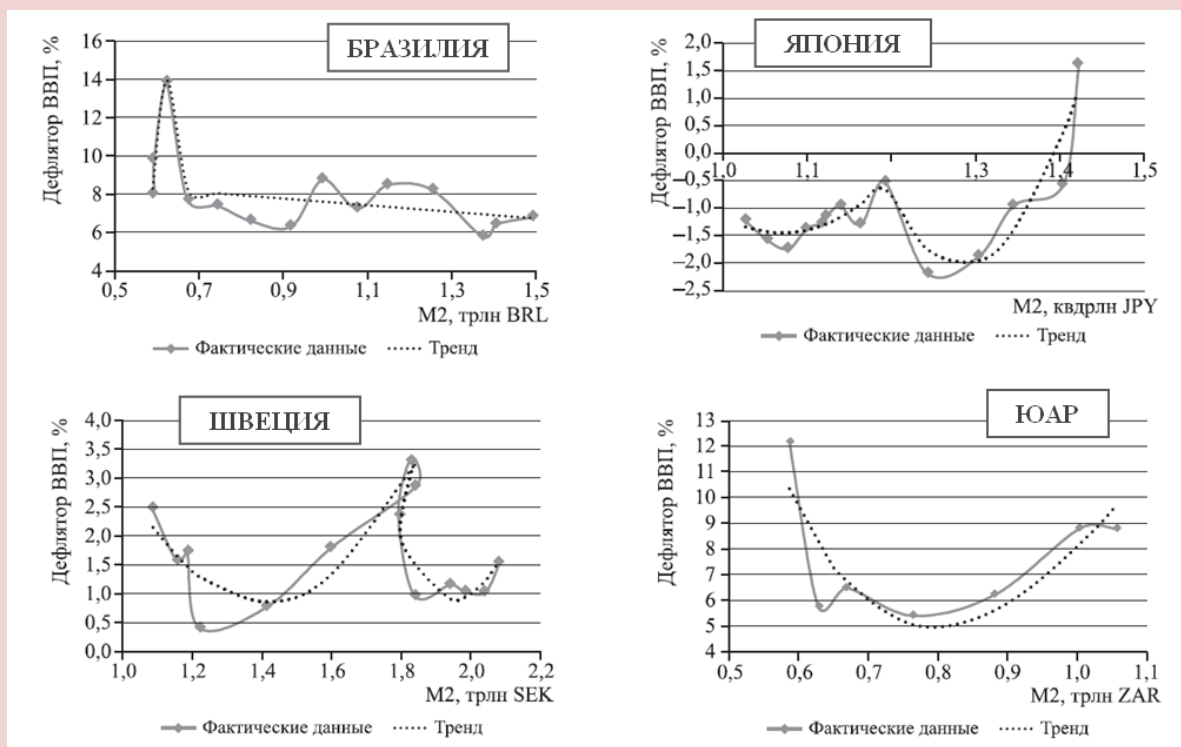
Он может зависеть от эффективности регулирования экономики, ее технического уровня, конкурентоспособности, инфляционных ожиданий. Низкая инфляция действительно облегчает хозяйствующим субъектам планирование инвестиций и способствует накоплению сбережений. Но, в отсутствие их достаточного для расширенного воспроизводства экономики объема, роста экономики может и не произойти.

Рис. 11. Связь между темпом инфляции и объемом денежной массы в России и странах мира

А. Связь между темпом инфляции и объемом денежной массы в России, 2001–2015 гг.

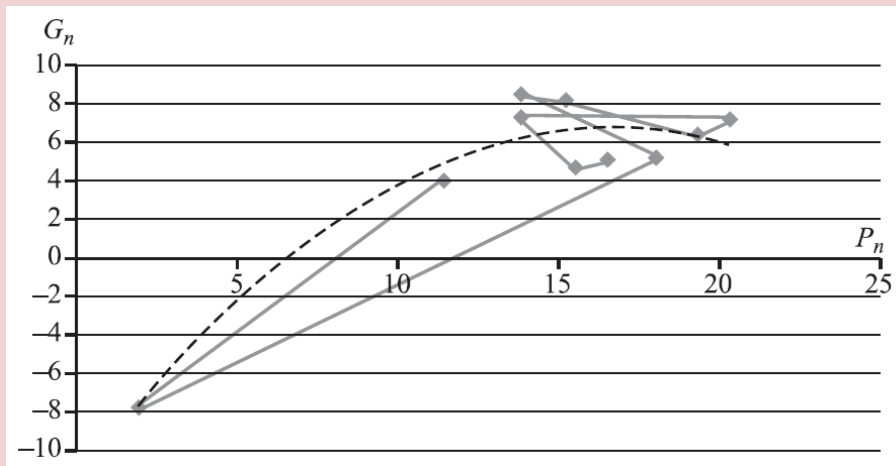
Б. Связь между темпом инфляции и объемом денежной массы в странах мира, 2001–2014 гг.

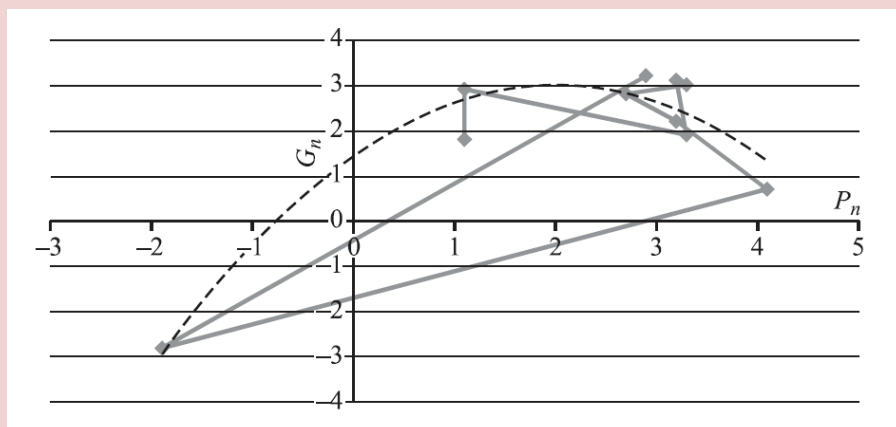
Источник: Р. Нижегородцев, Н. Горидько [19].

Рис. 12. Квадратичная зависимость между темпами роста ВВП и уровнем инфляции в России и Канаде

А. Квадратичная зависимость между темпами роста ВВП и уровнем инфляции в России, 2001–2010 гг.

Б. Квадратичная зависимость между темпами роста ВВП и уровнем инфляции в Канаде, 2001–2010 гг.

Источник: Р. Нижегородцев, Н. Горидько [20].

Существует много примеров стран с низкой инфляцией и низкими темпами экономического роста. И наоборот, есть немало примеров стран с двузначной инфляцией и высокими темпами экономического роста. При этом наблюдается достаточно высокий инфляционный фон, который не поддается подавлению мерами денежной политики. Так, высокая коррумпированность государственного управления, как правило, сопровождается высокой инфляцией. Увеличение кредитной эмиссии в условиях коррумпированного госсектора и слабого валютного контроля может повлечь рост валют-

ных спекуляций и вывоза капитала. В этом случае, как показал российский опыт расширения кредитной эмиссии в 2008 г. в целях спасения крупных банков, которые полученные от ЦБ кредиты направили на покупку валюты, увеличение денежной массы может сопровождаться повышением инфляции и не приводит к росту инвестиций и производства. Чтобы добиться трансформации выделяемых кредитов в инвестиции, необходимо контролировать их использование на предмет соответствия целям кредитования и эффективности финансируемых за их счет инвестиций.

Хотя авторы ОНЕГДКП утверждают, что «для разработки прогноза Банк России использует современные макроэкономические модели» (с. 8), никаких ссылок на описание этих моделей не приводится. По-видимому, речь идет о стандартных эконометрических моделях общего равновесия, которые давно отвергнуты научным сообществом как неадекватные реальной экономической динамике и непригодные для достоверного прогнозирования. Поскольку авторы ОНЕГДКП упорно игнорируют факт низкой загруженности производственных мощностей, скорее всего, они оперируют моделями, интерпретирующими уровень безработицы как показатель близости экономики к гипотетически равновесному уровню. В этом случае все оценки операционных целей и инструментов денежно-кредитной политики нельзя считать обоснованными. Они лишь отражают субъективные оценки авторов, подкрепленные расчетами по неадекватным реальности примитивным моделям, подгонкой расчетов к желаемым результатам с целью придания наукообразности приводимой аргументации.

Неадекватность операционных целей и инструментов целям опережающего развития экономики. Закладываемые в ОНЕГДКП ориентиры экономического роста явно не соответствуют установке Президента Российской Федерации о выводе экономики страны на траекторию опережающего развития. Даже в оптимистическом сценарии «темпы прироста ВВП в 2019 г. будут несколько выше уровней базового сценария и составит 1,5–2%» (с. 59). Это существенно ниже прогнозируемого в 3,9% среднемирового темпа экономического роста и более чем втрое ниже, чем в КНР и других странах Юго-Восточной Азии, куда перемещается центр развития мировой экономики.

Как было показано выше, основные производственные фонды российской экономики загружены на 60%, и она не имеет ограничений роста ни по одному из факторов производства. Отрицательный разрыв выпуска составляет не менее 25%, а потенциально возможные темпы экономического роста — от 7 до 10% ежегодного прироста ВВП на период до 2021 года в зависимости от выбора воспроизводственной модели — экстенсивной или интенсивной.

Главной причиной невыполнения поставленной Президентом России задачи опережающего развития является ограничительная денежная политика, проводимая в силу субъективных представлений Совета директоров Банка России о возможностях роста российской экономики. Она стала основной причиной рецессии, перешедшей в длительную стагнацию экономики, а также нарастающего падения инвестиций в основной капитал на фоне существенного прироста производства инвестиционных товаров с 2014 г. Ежегодно наблюдаемая разница в 50% между темпами прироста этих показателей (с. 42) свидетельствует о том, что не объективные ограничения прироста факторов производства, а искусственно созданные Банком России ограничения кредитной эмиссии стали ключевой причиной прекращения роста российской экономики.

К сожалению, в ОНЕГДКП не рассматриваются отличающиеся от субъективных представлений руководства Банка России научно обоснованные подходы к проведению денежно-кредитной политики: «Банк России рассматривает два основных сценария среднесрочного прогноза развития экономики: базовый и с неизменными ценами на нефть» (с. 46).

Согласно ОНЕГДКП, «темпы прироста кредита экономике, а вслед за ним и денежной массы сложатся вблизи оценок базового сценария, составив 8–12% в 2019 г. и 7–12% в среднесрочной перспективе» (с. 59); «в 2019–2021 гг. требования к экономике и денежная масса будут увеличиваться годовым темпом 7–12%» (с. 54); «темпы прироста требований к организациям в 2019–2021 гг. составит 6–10%» (с. 55); «... годовые темпы прироста валового накопления основного капитала составят 3–3,5% в 2020 г. и 3,5–4,5% в 2021 г.» (с. 53).

Этот прирост планируется достигнуть без увеличения кредитов со стороны Банка России. Последний останется нетто-заемщиком банковской системы, высасывая из нее от 3 до 5 трлн. руб.: «Банк России и далее будет абсорбировать избыточные средства с помощью депозитных аукционов и размещения КОБР» (с. 17). С учетом стабилизационных фондов правительства всего денежные власти изымают из экономики в разные годы прогнозного

периода от 16 до 26 трлн. руб. При этом сворачивается не только рефинансирование коммерческих банков, но и специальные инструменты рефинансирования, за счет которых финансируются кредиты малому и среднему бизнесу, льготные кредиты для расширения несырьевого экспорта, гарантированные правительством инвестиционные проекты: «По мере повышения доступности рыночного фондирования Банк России планирует продолжить реализацию стратегии выхода из применения специализированных инструментов рефинансирования» (с. 49).

Чистый вклад денежных властей в развитие российской экономики соответствует объему изымаемых из нее денег и составляет около 20 трлн. руб. искусственно сокращенной экономической активности. Аналогичную оценку дает расчет разрыва выпуска между потенциально возможным и фактическим объемом ВВП исходя из загрузки основных факторов производства. По сравнению с потенциально возможным темпом прироста ВВП реализация ОНЕГДКП повлечет искусственное замедление экономического роста более чем на 5%, что соответствует 5 трлн. руб. недопроизведенной продукции в будущем году и 18 трлн. руб. на предстоящие три года. При этом инвестиции в основной капитал в течение всего прогнозного периода остаются ниже уровня 2014 года, в котором Банк России перешел к политике сжатия кредита. Устойчивое падение инвестиций в течение семи лет при том, что их объем остается вдвое ниже уровня 1990 г. и явно недостаточен даже для простого воспроизводства экономики, будет иметь катастрофические последствия для России. Нарастающее технологическое отставание уже не только от передовых, но и развивающихся азиатских стран в скором времени повлечет очередной виток девальвации рубля и новую инфляционную волну [21]. В рамках заложенных ОНЕГДКП принципов денежные власти ответят на это новым циклом ужесточения денежной политики с теми же негативными последствиями: падением экономической активности и доходов населения. ОНЕГДКП обрекают

Россию на скольжение вниз по спирали сужающегося воспроизводства вследствие заложенной в ней отрицательной обратной связи: повышение процентных ставок — сжатие кредита — падение инвестиций — технологическая деградация экономики — снижение ее конкурентоспособности — девальвация рубля — всплеск инфляции — повышение процентных ставок... Наряду с этой долгосрочной отрицательной обратной связью между денежной политикой и развитием экономики действует отрицательная краткосрочная связь: повышение процентных ставок — сжатие кредита — сокращение оборотного капитала предприятий — падение производства — сокращение доходов — снижение спроса — падение производства — рост издержек — повышение инфляции — повышение процентных ставок.

Приведение ОНЕГДКП в соответствие с целями опережающего развития российской экономики. Для выхода из порочного круга сужающегося воспроизводства и деградации российской экономики необходим переход к денежно-кредитной политике, ориентированной на рост инвестиций и опережающее развитие экономики. Согласно научно обоснованным рекомендациям, опирающимся на знание закономерностей развития экономики и реальные возможности роста производства в России, она должна предусматривать целевое наращивание кредита на финансирование инвестиций в перспективных направлениях развития российской экономики в объеме не менее 10 трлн. руб. в год. Предоставление этих средств хозяйствующим субъектам должно вестись в формате частно-государственного партнерства посредством специнвестконтрактов в соответствии со стратегическими и индикативными планами социально-экономического развития, предусмотренными Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ). Для контроля за целевым использованием этих денег могут применяться современные цифровые технологии, позволяющие контролировать их обращение посредством криптографических средств и блокчейна.

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития / пер. В.С. Автономова. М.: Прогресс, 1982.
3. Глазьев С.Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // Экономика и математические методы. 2018. №3. С. 17-30.
4. Ершов М.В. Возможности роста в условиях валютных провалов в России и финансовых пузырей в мире // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 32-50.
5. Ершов М.В. Россия и мир: насколько устойчив экономический рост? Риски и препятствия // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 63-80.
6. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов: проект от 01.10.18. / Центральный банк Российской Федерации. М., 2018. URL: [http://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019\(2020-2021\).pdf](http://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019(2020-2021).pdf)
7. Сухарев О.С. Экономический рост быстро изменяющейся экономики: теоретическая постановка // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 2. С. 359-370.
8. Глазьев С.Ю. О новой парадигме в экономической науке // Экономическая наука современной России. 2016. №3. С. 7-17, №4. С. 10-22.
9. Глазьев С.Ю., Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. Критика формулы Ирвинга Фишера и иллюзии современной монетарной политики // Экономика и математические методы. 2016. Том 52. №4. С. 3-23.
10. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России. М.: Научный консультант, 2017. 195 с.
11. Блинов С. Реальные деньги и экономический рост. URL: https://mpira.ub.uni-muenchen.de/67256/1/MPRA_paper_67256.pdf
12. Russian Federation: 2015 article IV consultation IMF Staff Country Report. №15/211.
13. Crozet M., Hinz J. *Collateral Damage: The impact of the Russia Sanctions on Sanctioning Countries' Exports. Research and Expertise on the World Economy. CEPII Working Paper. 2016-16-June.*
14. Obstfeld M., Shambaugh J., Taylor A. Monetary Sovereignty, Exchange Rates, and Capital Controls: The Trilemma in the Interwar Period. *IMF Staff Papers*. 2004. Special Issue. Vol. 51.
15. Финансовые рынки Евразии: устройство, динамика, будущее / коллектив авторов; под ред. Я.М. Миркина. – М.: Магистр, 2017.
16. *Global Financial Stability Report, April 2018: A Bumpy Road Ahead.* USA: International Monetary Fund. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781484338292.082>. URL: [https://www.elibrary.imf.org/view/IMF082/24893-9781484338292/24893-9781484338292](https://www.elibrary.imf.org/view/IMF082/24893-9781484338292/24893-9781484338292/24893-9781484338292)
17. Adrian T., Laxton D., Obstfeld M. *Advancing the Frontiers of Monetary Policy.* USA: International Monetary Fund, 2018. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781484325940.071>. URL: [https://www.elibrary.imf.org/view/IMF071/24708-9781484325940/24708-9781484325940](https://www.elibrary.imf.org/view/IMF071/24708-9781484325940/24708-9781484325940/24708-9781484325940)
18. Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 3-24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1
19. Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M. Elaborating of long-run lag regressional models of Cobb-Douglas type. *Problemy upravleniya=Control Sciences*, 2012, no. 3, pp. 55–63. (In Russian).
20. Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M. *Sovremennyy ekonomicheskiy rost. Teoriya i regressionnyy analiz* [Contemporary Economic Growth: Theory and Regression Analysis: Monograph]. Moscow: Infra-M Publ., 2016. 343 p. DOI: 10.1237/7711. (In Russian).
21. Demytyev V.E. Structural factors of technological development. *Ekonomika i matematicheskie metody=Economics and Mathematical Methods*, 2013, no. 49 (4), pp. 33–46. (In Russian).

Сведения об авторе

Сергей Юрьевич Глазьев – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Государственный университет управления (109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский пр-т, 99; e-mail: sy_glazyev@guu.ru)

Glazyev S.Yu.

Potential Opportunities for the Growth of the Russian Economy and the Monetary Policy of the Bank of Russia

Abstract. The paper considers the role and place of monetary policy in ensuring the reproduction of modern economy. Monetary policy conducted by the Bank of Russia is based on the IMF's universal recommendations, which are inconsistent both with the conditions of reproduction of the Russian economy and with specific features of the current period of structural changes in the world economy. The ongoing change of technological and world economic orders is accompanied by fundamental changes in the composition of the industries that determine economic growth, as well as in the system of institutions for managing economic reproduction. The resulting opportunities for a breakthrough in the development of the Russian economy can be implemented only in conditions of an appropriate monetary policy focused on lending to promising areas of economic growth within the existing production factors. The goal of the present paper is to substantiate the mismatch between the monetary policy and the potential opportunities for the growth of the Russian economy in the conditions of changing technological and global economic orders. The paper criticizes the draft major directions of the unified state monetary policy for 2019 and for the period of 2020–2021 and proves that they are inconsistent with modern knowledge about the laws of economic development and growth opportunities of the Russian economy.

Key words: monetary policy, economic policy, economic growth, reproduction of the Russian economy, change of technological modes, economic development.

Information about the Author

Sergei Yu. Glazyev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, State University of Management (99, Ryazansky Avenue, Moscow, 109542, Russian Federation; e-mail: sy_glazyev@guu.ru)

Статья поступила 10.10.2018.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.3

УДК 338.1, ББК 65.05

© Баранов С.В., Скуфьина Т.П.

Возможности обеспечения экономического роста России с темпами не ниже мировых*

Сергей Владимирович

БАРАНОВ

Кольский научный центр РАН

Апатиты, Мурманская область, Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24 а

E-mail: bars.vl@gmail.com

Татьяна Петровна

СКУФЬИНА

Кольский научный центр РАН

Апатиты, Мурманская область, Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24 а

E-mail: skufina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается экономический рост России в контексте фундаментальных представлений, включающих формализацию механизмов экономического развития с позиций определения связи, обоснования оптимальных соотношений факторов производства ВВП России. В рамках исследования решены четыре задачи. Во-первых, обоснована модель производства ВВП России, выражающая функциональную связь между объемом ВВП, с одной стороны,

* Публикация включает результаты выполнения Программы фундаментальных исследований РАН по приоритетным направлениям, определяемым Президиумом РАН, № 20 «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы» (в части рассмотрения теоретической составляющей исследования, основных проблем производства), выполнения государственного задания ФИЦ КНЦ РАН (в части рассмотрения современных проблем управления; специфики построения и исследования эконометрических моделей).

Для цитирования: Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Возможности обеспечения экономического роста России с темпами не ниже мировых // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2108. Т. 11. № 5. С. 49-60. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.3

For citation: Baranov S.V., Skufina T.P. Opportunities to promote economic growth in Russia at a rate not lower than the world average. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 49-60. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.3

и используемыми факторами производства – труда (численность занятых в экономике России) и капитала (инвестиции в основной капитал). Обоснованная модель хорошо соответствует исходным статистическим данным, так, коэффициент детерминации между модельными и реальными данными более 99%. Во-вторых, обоснованы оптимальные соотношения между инвестициями и численностью занятых для повышения ВВП России. В-третьих, проведен детальный анализ соответствия этих оптимальных соотношений реальным процессам производства ВВП. На этой основе выделены фундаментальные проблемы и определены возможности обеспечения экономического роста в рамках сложившейся экономической модели с учетом влияния пенсионной реформы. Доказано, что увеличение ВВП в России при сложившейся структуре экономики возможно в основном за счет роста инвестиций. В-четвертых, на основе моделирования (соответствие построенной модели исходным данным хорошее, коэффициент детерминации более 98%) рассмотрена возможность увеличения ВВП России за счет инвестиций. Оценка показала, что для обеспечения роста ВВП на уровне не ниже 3% в год, определяемого майским Указом Президента 2018 г., рост инвестиций в основной капитал должен составлять не менее 5,4% в год.

Ключевые слова: Россия, экономический рост, моделирование, валовой внутренний продукт, труд, капитал, оптимальные соотношения.

Введение

В последнее время актуальность и значимость исследований, направленных на поиск возможностей обеспечения экономического роста России на основе оптимальных соотношений между факторами производства, заметно возросла как с позиций теоретической экономики, так и с позиций практики управления. Так, использование реальных статистических данных и соотношений дает основу для естественного развития фундаментальных представлений, формализующих механизмы экономического роста. С позиций практики управления значимость оценки возможностей и проблем обеспечения экономического роста в рамках существующей структуры экономики определяется, как минимум, двумя факторами. Во-первых, очевидной каждодневностью решения задач обеспечения экономического роста, требующих использования надежного инструментария макроэкономических оценок, пригодного для использования в прогностических целях, однозначно интерпретируемого. Во-вторых, существенным изменением официальных оценок перспектив социально-экономического развития страны, обозначенных в Указе Президента от 07.05.2018 (Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», так называемый, «майский указ»). Так, к 2024 году Правительству необходимо обеспечить достижение целей: «вхождение Российской Федерации в число пяти круп-

нейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности». При этом, как справедливо отметил В. Мау, «если ранее экономические прогнозы правительства больше напоминали варианты планы и включали желательные (иногда фантастические) сценарии развития, то с осени 2013 г. официальный прогноз стал исходить преимущественно из экстраполяции существующих тенденций...» [1]. Действительно, Министерство экономического развития Российской Федерации в 2018 году обновило прогноз социально-экономического развития с учетом целей, поставленных Президентом Российской Федерации в майском Указе. В обновленный прогноз заложены предпосылки ускорения темпов экономического роста за счет комплекса мер, в основе которых увеличение факторов производства – капитала (увеличение инвестиционных расходов) и труда (увеличение численности занятых в экономике, в том числе за счет пенсионной реформы). Однако оценить результативность предлагаемых мер затруднительно в связи с явной недостаточностью теоретического обоснования решения задач роста, включая оценки взаимосвязей между макроэкономическими показателями, факторами производства ВВП применительно к российской экономике.

На поверхности достаточно значительного пласта работ фундаментального и научно-практического свойства эта недостаточность прояв-

ляется не только в разнообразии, но и в крайних оценках проблем, возможностей и перспектив экономического роста Российской Федерации [2, 3, 4, 5]. Таким образом, потребность в убедительном диагнозе роста российской экономики обозначает необходимость применения стратегий и методов, которые позволят диагностировать ситуацию с целью выбора правильной модели и средств достижения стратегических показателей, соответствующих конкретным реалиям. Именно такая позиция присутствует в подавляющем большинстве зарубежных исследований моделей роста [6, 7, 8], в противоположность, нередко, категоричной защите того или иного подхода к развитию российской экономики без проведения детального количественного анализа в отечественных исследованиях.

Цель исследования – оценить возможности обеспечения экономического роста России до темпов выше мировых на основе исследования оптимальных соотношений факторов производства ВВП России.

Отметим, что до сих пор отсутствуют подобного рода оценки, что определяет не только фундаментальную новизну, оцениваемую через выявление устойчивых отношений и тенденций экономического роста в России, но и очевидную новизну научно-практического характера.

Теоретико-методологические основания и содержание исследования

Обоснуем содержание исследования, определяемое возможностями и ограничениями современного теоретико-методологического инструментария по профилю предлагаемого исследования.

Теоретико-методологические основания объективных оценок экономического роста, основанных на использовании реальных данных статистики, предлагают формализовать производство через функциональную связь между используемыми факторами труда и капитала [9, 10]. Соответственно, используя классические фундаментальные представления [11, 12, 13], подтвержденные современными исследованиями [14, 15, 16], мы базируемся на общепризнанной позиции, что именно труд и капитал являются ключевыми элементами управления, необходимыми для стимулирова-

ния или обеспечения дальнейшей траектории экономического роста. При этом многочисленные исследования утверждают, что конкретные экономики характеризуют определенные оптимальные соотношения факторов производства, которые относительно постоянны [17, 18, 19, 20]. То есть производственные функции позволяют достигать глубоких представлений, позволяющих рассмотреть экономическую сущность производства. Полагаем, именно с этим связана универсальность использования производственных функций в практических задачах управления макроэкономическими процессами. Производственные функции входят в базисный инструментарий прогнозирования и планирования макроэкономических показателей стран и регионов мира (прогноз экономики Японии, США, Канады, МВФ («World Economic Outlook»), ООН («World Economic Situation and Prospects») и т.д.) [21].

В рамках этого подхода мы предлагаем провести декомпозицию выпуска (ВВП России) с рассмотрением связи между темпами прироста объемных показателей затрат ресурсов.

Используя недавние результаты исследований специфики производства ВВП и ВРП в России [21, 22], будем использовать связь между факторами производства (ВВП и инвестициями), нормированными на численность занятых, сводящуюся к производственной функции Кобба–Дугласа [11]. Такой подход позволяет рассмотреть связи между темпами роста конкретных показателей, связывающих величину совокупного выпуска с затратами труда и капитала, с последующим переходом к определению и выбору оптимальных соотношений факторов производства. Наконец, мы не только обосновываем оптимальные соотношения, но и отражаем их соответствие реальным процессам производства ВВП России. Это позволяет выявить фундаментальные проблемы и определить реальные возможности обеспечения экономического роста в рамках сложившейся экономической модели. Отметим, что прогностический характер оценок предопределяет необходимость учета влияния пенсионной реформы. С целью ответа на вопрос о том, какие темпы роста инвестиций в основной капитал необходимы для обеспечения целевого роста ВВП с учетом существующих демографических

ограничений, строим модель мультипликативной производственной функции, связывающей физический объем ВВП с инвестициями в основной капитал.

Достоинством предлагаемой схемы исследования является: во-первых, математическое обоснование соответствующих утверждений в рамках возможностей современных методов и статистической базы; во-вторых, оценка их соответствия реальным процессам.

Исходные данные и модель производства ВВП

В исследовании использовались данные Федеральной службы государственной статистики: индексы физического объема ВВП в процентах к предыдущему году; инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в сопоставимых ценах в процентах к предыдущему году; численность занятых в экономике. Значения показателей, приведенные к 1995 году, показаны на *рисунке 1*.

Рассмотрим отношение ВВП к численности занятых в экономике и отношение инвестиций в основной капитал к численности занятых в экономике за период 1996–2017 годов (22 наблюдения). Коэффициент корреляции между

этимися величинами равен 0,989, следовательно, имеется статистически значимая линейная связь: наблюдаемое значение F -критерия (894) больше соответствующего табличного значения (8,096) при 1% уровне значимости. А следовательно, значимая линейная связь присутствует и между логарифмами этих отношений (коэффициент корреляции 0,993), которая имеет вид:

$$\ln(Y/L) = p \ln(K/L) + a, \quad (1)$$

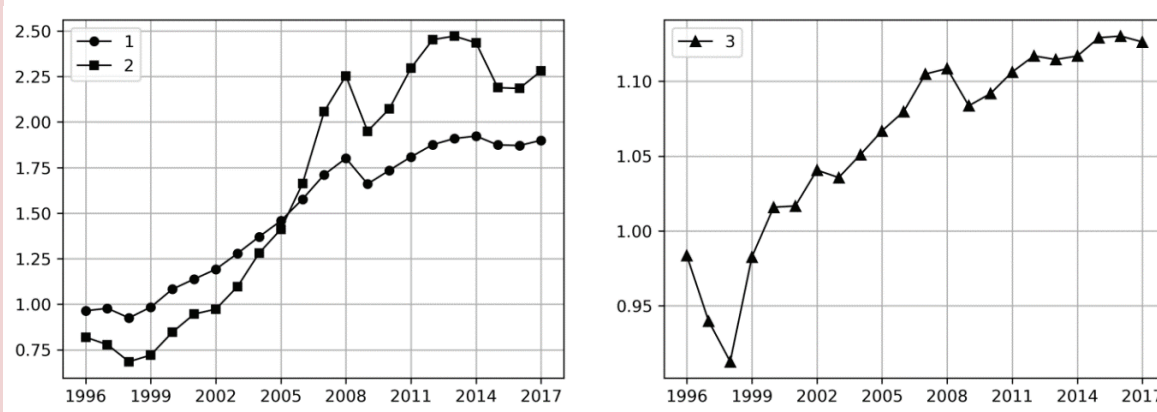
где Y – ВВП; K – капитал, инвестиции в основной капитал; L – труд, численность занятых; p и a – параметры регрессии.

Формула (1) задает связь между нормированными на численность занятых объёмом выпуска и инвестициями. Выражая Y из соотношения (1), получим:

$$Y = AK^p L^q, \quad p + q = 1. \quad (2)$$

Выражение (2) является производственной функцией (ПФ) Кобба–Дугласа [11], где $A = \exp(a)$ – нейтральный технический прогресс, p – коэффициент эластичности по капиталу (инвестиции в основной капитал), $q = 1 - p$ – коэффициент эластичности по труду (численность занятых).

Рис. 1. Физический объем ВВП (1), инвестиций в основной капитал (2) и численность занятых (3) за 1996–2017 годы (данные приведены относительно 1995 года)

Источники: расчеты авторов по данным Росстата.

Индексы физического объема ВВП в процентах к предыдущему году за 1996–2017 годы. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (дата обращения: 08.08.2018); Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в сопоставимых ценах в процентах к предыдущему году за 1995–2017 годы / URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Din-inv.xls (дата обращения: 08.08.2018); Численность занятых в экономике в 1995–2016 годах. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/pril_year17-rus.xls (дата обращения: 08.08.2018); 2017 год. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58713> (дата обращения: 08.08.2018).

Традиционно в функции Кобба–Дугласа в качестве капитала K используется стоимость основных фондов [11, 23]. Однако, в этом случае, коэффициент корреляции между логарифмами отношений равен 0,62, а его квадрат 0,38, то есть только 38% разброса исходных данных определяется моделью, поэтому такая модель не соответствует исходным данным. Эта особенность производственных процессов российской экономики отмечается в ряде исследований [21].

В данном случае использование модели в виде мультипликативной ПФ $Y = AK^pL^q$ (отсутствует условие $p + q = 1$, определяющее нормирование на численность занятых) не оправданно. Причина – значимая корреляция между инвестициями K и численностью занятых L (коэффициент корреляции равен 0,923).

Коэффициент эластичности определяет воздействие изменения ресурса, используемого в производстве, на объем выпуска. Например, если капитал (K) в (2) изменится в x раз, то ВВП изменится в x^p раз. Именно для перехода к эластичностям выполнялось логарифмирование значений ВВП и инвестиций в основной капитал на одного занятого.

Результаты оценивания параметров модели (2) приведены в *таблице 1*. Оценивание выполнялось методом наименьших квадратов по данным за 1996–2017 годы (22 наблюдения), показатели были приведены к индексам физического объема относительно 1995 года (рис. 1).

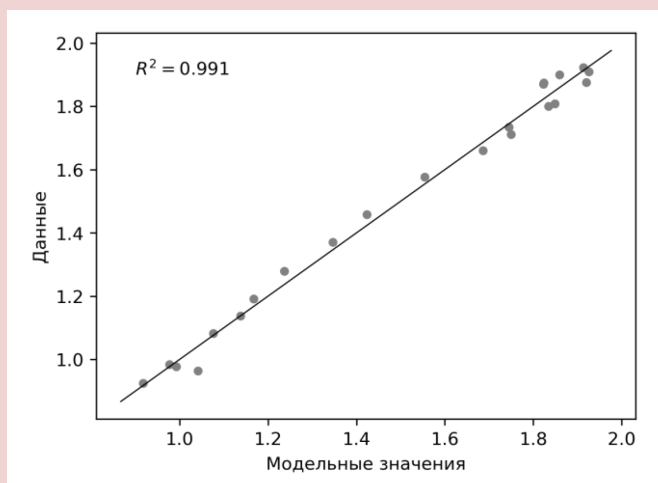
Модель имеет высокий коэффициент детерминации $R^2 = 0.991$, что говорит о хорошем соответствии модели исходным данным (рис. 2). Оцененные значения эластичностей по капиталу (p) и труду (q) укладываются в диапазон от 0 до 1 (табл. 1). Это означает: 1) с увеличением ресурсов (капитала и труда) выпуск ВВП также растет; 2) с ростом ресурсов скорость роста выпуска замедляется [24]. Совпадение эластичностей $p = q = 0,5$ показывает, что производство ВВП в равной степени определяется численностью занятых и инвестициями в основной капитал (вклад этих показателей одинаковый).

Таблица 1. Значения параметров модели (2) с учетом 95% доверительных интервалов, коэффициента детерминации R^2 , оцененные по данным за 1996–2017 гг.

A	p	q	R^2
1.160 ± 0.017	0.500 ± 0.03	0.500 ± 0.03	0.991

Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. Сопоставление фактических и рассчитанных по модели (2) значений индекса физического объема ВВП за 1996–2017 годы относительно 1995 года. R^2 – коэффициент детерминации. Черная линия – прямая наилучшего соответствия.

Источник: расчеты авторов.

Поиск оптимальных соотношений между трудом и капиталом

При сохранении структуры экономики, согласно модели (2), для увеличения ВВП необходимо увеличивать инвестиции в основной капитал и численность занятых. Один и тот же прирост ВВП может быть обеспечен при разных значениях этих факторов.

Пусть требуется увеличить ВВП в r раз, тогда, согласно (2), имеем: $Yr = A(Kr_K)^p (Lr_L)^q$, где множители r_K, r_L показывают, во сколько раз необходимо увеличить капитал и труд, соответственно, чтобы обеспечить прирост ВВП в r раз. Разделив это соотношение на выражение (2), получим:

$$r = r_K^p r_L^q, \quad p + q = 1. \quad (3)$$

Формально достичь требуемого прироста ВВП можно бесконечным числом способов, меняя r_K, r_L вдоль соответствующей линии уровня функции (3). Под оптимальным способом мы будем понимать способ, при котором соотношение между приростами капитала и труда обеспечивает наибольшую скорость роста функции (3). Искомое соотношение определяется градиентом функции (3) $G = (G_K, G_L)$, компоненты которого имеют вид:

$$G_K = p r_K^{p-1} r_L^q, \quad G_L = r_K^p q r_L^{q-1}. \quad (4)$$

Градиент (4) перпендикулярен касательным к линиям уровня функции r (3) в соответствующих точках.

Таким образом, меняя значения r_K, r_L из начальной точки $r_K = r_L = 1$ по направлению градиента в этой точке $G = (p, q)$, мы получим максимально возможную скорость увеличения ВВП:

$$r_K = 1 + sp, \quad r_L = 1 + sq, \quad (5)$$

где p, q – коэффициенты эластичностей по труду и капиталу соответственно; множитель s определяется для требуемого прироста ВВП r из уравнения (3) при подстановке в него выражений (5). Полагая $p = q = 0,5$ (табл. 1), получим $s = 2r - 2$. Подставив это выражение в (5), получим:

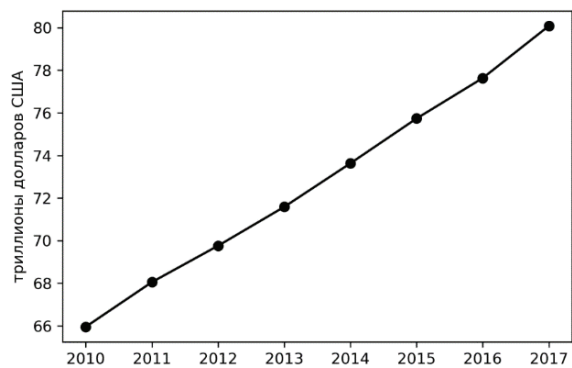
$$r_K = r_L = r. \quad (6)$$

Чтобы обеспечить прирост ВВП России в r раз оптимальным способом, необходимо в эти же r раз увеличить численность занятых и инвестиции в основной капитал. Это основной результат данного исследования.

Отметим, что формула (6) справедлива только при $p = q = 0,5$. При других значениях эластичностей p и q для поиска s уравнение (3) при подстановке в него выражений (5) решается численно для заданного прироста ВВП r .

Согласно Указу Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года планируется обеспечить «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов». По данным мирового банка, среднемировые темпы роста ВВП в 2010–2017 годах составили около 3% в год (рис. 3). Для обеспечения прироста ВВП России 3% в год ($r = 1,03$) оптимальным способом, согласно формуле (6), необходимо ежегодно увеличивать инвестиции в основной капитал и численность занятых также на 3%.

Рис. 3. Значения мирового ВВП за 2010–2017 годы (триллионы долларов США) в ценах 2010 г. (средний темп роста 3% в год)

Источник: составлено по данным Мирового банка
Сайт Мирового банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=1W>
(дата обращения 08.08.2018).

В общем случае, если же численность занятых будет увеличиваться в r_L раз, то для обеспечения прироста ВВП в r раз, из соотношения (3) следует, что инвестиции в основной капитал необходимо увеличить в $r_K = r^{1/p} r_L^{-q/p}$ раз, при $q = p = 0,5$ получаем $r_K = r^2/r_L$ раз.

Обсуждение результатов.

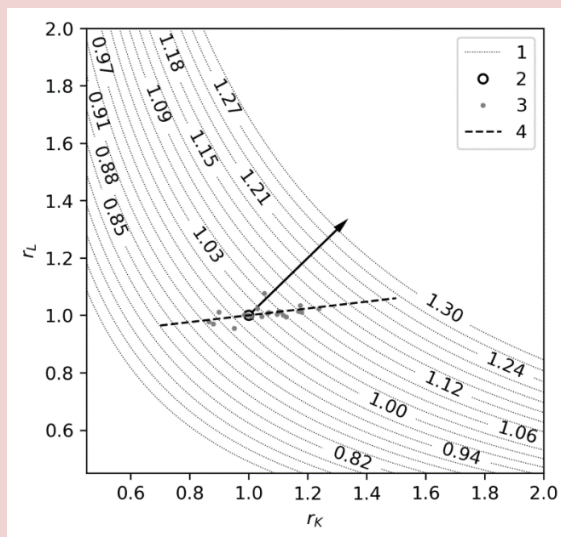
На рисунке 4 приведена графическая иллюстрация, на которой показаны: линии уровня функции (3) при оцененных значениях $p = q = 0,5$ (табл. 1), соответствующие различным значениям прироста ВВП; направление градиента (4) функции (3), выходящего из начальной точки (1,1); фактические приросты капитала и труда за 1996–2017 годы и соответствующая им прямая регрессии.

Обращает на себя внимание, что рост ВВП за указанный период был обеспечен в основном за счет увеличения инвестиций, а не численности занятых. Действительно, почти двукратному росту ВВП, наблюдаемому в 1998–2014 годах, соответствовал рост инвестиций в 3,4 раза и рост численности занятых всего в 1,13 раза

(рис. 1). Это явление также отражается в значительном отклонении значений приростов инвестиций в основной капитал и численности занятых от оптимального направления, задаваемого градиентом функции (3) – угол по часовой стрелке между градиентом и регрессией по фактическим данным равен 38° (рис. 3). Исключения составляют лишь 1999 и 2002 годы, когда прирост ВВП (r) был обеспечен за счет примерно равных приростов инвестиций в основной капитал (r_K) и численности занятых (r_L) относительно предыдущих лет. Так, в 1999 году: $r = 6,5\%$, $r_K = 5,3\%$, $r_L = 7,7\%$ (максимальное значение за 1996–2017 гг.); в 2002 г.: $r = 4,7\%$, $r_K = 2,9\%$, $r_L = 2,4\%$. В остальные же годы прирост ВВП обеспечивался преимущественно повышением инвестиций.

Здесь уместно поставить вопрос: почему прирост ВВП не происходил оптимальным образом? Для ответа на этот вопрос сопоставим динамику отношения численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет к численности занятых, или (что то же самое) 1 минус уровень

Рис. 4. Зависимость приростов труда (r_L) и капитала (r_K), соответствующих различным значениям прироста ВВП

- 1 – линии уровня функции (3), подписи соответствуют значениям прироста ВВП r ;
- 2 – начальное значение приростов труда и капитала – точка (1,1). Стрелкой показано направление градиента (4) функции (3), выходящего из начальной точки (1,1);
- 3 – фактические значения приростов труда и капитала за 1996–2017 гг.;
- 4 – линия тренда, задаваемая прямой регрессии $r_L = 0,119r_K + 0,881$, построенной по фактическим данным за 1996–2017 гг. (Угол по часовой стрелке между прямой 3 и градиентом составляет 38°).

Источник: расчеты авторов.

безработицы (рис. 5) с динамикой роста ВВП (рис. 1). Напомним, рабочей силой являются лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными.

Для примера возьмем десятилетний период с 1999 по 2008 год, когда рост ВВП был наиболее стабильным. В этот период ВВП вырос на 83%, а средние темпы роста были 7% в год. Получается, что при оптимальном росте ВВП численность занятых и инвестиции в основной капитал должны были иметь такие же среднегодовые темпы роста. То есть отношение численности занятых к численности рабочей силы в 2000 году должно было быть 95,6%, а начиная с 2001 года (104%) и далее – более 100%. К 2008 году это отношение достигло бы значения 170%. Обеспечить такие темпы роста численности занятых без повышения уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы; рис. 5) невозможно. Именно поэтому средний темп роста инвестиций в основной капитал за 1999–2008 гг. составил 13,4% в год, а численности занятых 1,3% в год.

Еще острее вопрос численности рабочей силы возникнет при исполнении майского Указа 2018 г., поскольку, в отличие от 1999 года, в

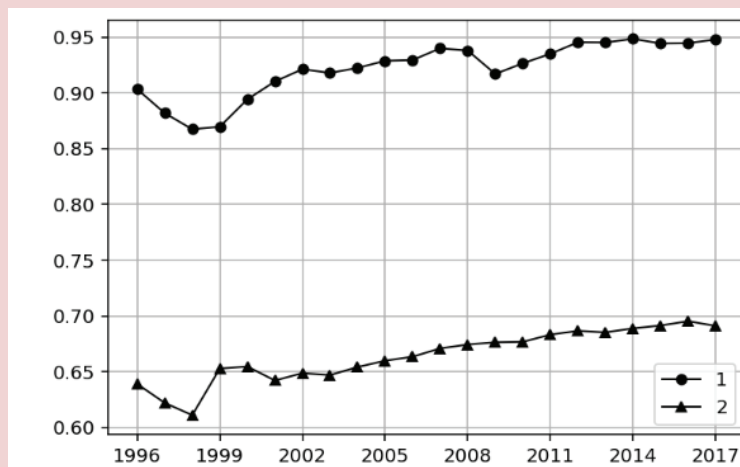
2017 году уровень безработицы в Российской Федерации составляет 5,2% (в 1999 году было больше – 13%).

Так, для оптимального увеличения ВВП на 3% в 2018 г., согласно формуле (6), численность занятых необходимо увеличить также на 3%. То есть отношение этого показателя к численности рабочей силы также увеличится на 3% относительно 2017 г. и составит 97,6% (безработица 2,4%). В 2019 г. численность занятых необходимо снова увеличить на 3%, но уже относительно 2018 года. То есть отношение этого показателя к численности рабочей силы увеличится на 3% (относительно 2019 года) и составит 100,5%. Для обеспечения оптимального роста численности занятых необходимо увеличивать уровень участия в рабочей силе, что эквивалентно снижению численности экономически неактивного населения, доля которого больше 30% (рис. 5).

Согласно принятой в Росстате классификации статистических данных о составе рабочей силы, экономической активности и статусу в занятости [25], экономически неактивное население состоит из лиц шести категорий:

а) учащиеся и студенты, слушатели и курсанты, посещающие дневные учебные заведения (включая дневные аспирантуры и докторантуры);

Рис. 5. Динамика отношения численности занятых к численности рабочей силы (1) и динамика уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы) в возрасте 15–72 лет

Источник: расчеты авторов.

б) лица, получающие пенсии по старости и на льготных условиях, а также получающие пенсии по потере кормильца при достижении ими пенсионного возраста;

в) лица, получающие пенсии по инвалидности (I, II, III групп);

г) лица, занятые ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми, больными родственниками и т.п.;

д) отчаявшиеся найти работу, т.е. лица, которые прекратили поиск работы, исчерпав все возможности ее получения, но которые могут и готовы работать;

е) другие лица, которым нет необходимости работать, независимо от источника их дохода.

Непосредственно регулировать можно только категорию «б». Планируемое повышение пенсионного возраста [25] уменьшит численность этой категории, переведя часть лиц либо в рабочую силу (занятые или безработные), либо в категорию «д» – «отчаявшиеся найти работу». Этот вывод указывает на необходимость проведения тщательного исследования социально-экономических последствий пенсионной реформы до ее принятия с привлечением, в том числе, и научно исследовательских коллективов.

Таким образом, увеличение ВВП в Российской Федерации при сохранении структуры экономики возможно в основном за счет роста инвестиций. Отметим, что аналогичная ситуация должна наблюдаться и в других странах с низким уровнем безработицы. Частично нехватка рабочей силы нивелируется привлечением эмигрантов.

Модель увеличения ВВП за счет роста инвестиций

Завершая исследование, мы ответим на вопрос о возможности увеличения ВВП только за счет роста инвестиций. Для этого рассмотрим связь ВВП и инвестиций.

Корреляция между физическим объемом ВВП относительно 1995 г. и инвестициями в основной капитал в сопоставимых ценах относительно 1995 г. (рис. 1) составляет 0,989. Рассуждая так же, как и при построении модели (2), получим соотношение, являющееся мультипликативной производственной функцией:

$$Y = A K^p, \tag{7}$$

где Y – ВВП; K – инвестиции в основной капитал; A и p (коэффициент эластичности по инвестициям) – параметры модели.

Модель (7) имеет простую интерпретацию. Государство регулирует инвестиции в основной капитал, а необходимая численность занятых определяется исходя из сложившейся институциональной среды, действующей нормативно-правовой базы, экономической ситуации.

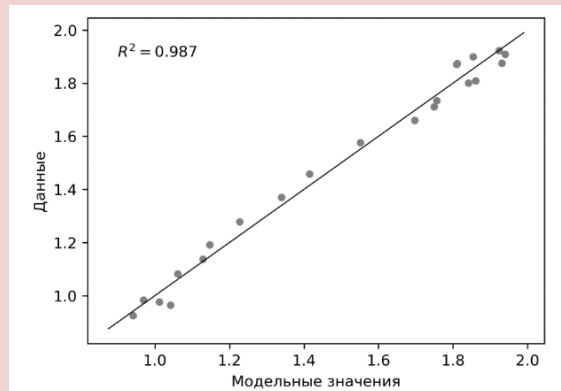
Результаты оценивания параметров модели (7) приведены в *таблице 2*. Модель имеет высокий коэффициент детерминации $R^2 = 0.987$, что говорит о хорошем соответствии модели исходным данным (*рис. 6*). Оценка значения эластичности по капиталу $p = 0,563$, показывает, что для увеличения ВВП в r раз необходимо увеличить инвестиции в $r_K = r^{1/p} = r^{1.776}$ раз (*рис. 7*). Таким образом, для обеспечения роста ВВП на уровне не ниже 3% в год, определяемого майским указом 2018 года, увеличение инвестиций в основной капитал должно составлять не ниже 5,4% в год.

Таблица 2. Значения параметров модели (7) с учетом 95% доверительных интервалов, коэффициента детерминации R^2 , оцененные по данным за 1996–2017 гг.

A	p	R^2
1.165 ± 0.02	0.563 ± 0.03	0.987

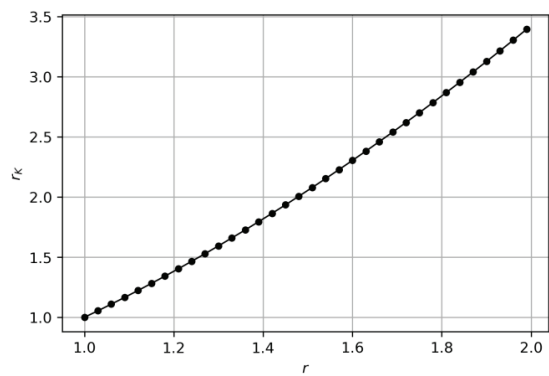
Источник: расчеты авторов.

Рис. 6. Сопоставление фактических и рассчитанных по модели (7) значений индекса физического объема ВВП за 1996–2017 гг. относительно 1995 г. R^2 – коэффициент детерминации. Черная линия – прямая наилучшего соответствия

Источник: расчеты авторов.

Рис. 7. Прирост инвестиций в основной капитал r_k , рассчитанный по модели (7), необходимых для увеличения ВВП в r раз

Источник: расчеты авторов.

Заключение

Рассмотрение экономического роста России в контексте фундаментальных представлений, формализуя механизмы экономического развития с позиций определения связи и обоснования оптимальных соотношений факторов производства ВВП, позволило сформировать новые теоретические знания. Во-первых, обоснована модель производства ВВП России, выражающая функциональную связь между индексами физического объема ВВП, с одной стороны, и используемыми факторами труда (численность занятых в экономике России) и капитала (инвестиции в основной капитал). Обоснованная модель хорошо соответствует

исходным статистическим данным, так, коэффициент детерминации между модельными и реальными данными более 99%. Во-вторых, обоснованы оптимальные соотношения между инвестициями и численностью занятых для повышения ВВП России. В-третьих, проведен детальный анализ соответствия этих оптимальных соотношений реальным процессам производства ВВП. На этой основе выделены фундаментальные проблемы и определены возможности обеспечения экономического роста в рамках сложившейся экономической модели с учетом влияния пенсионной реформы. Доказано, что увеличение ВВП в России при сложившейся структуре экономики возможно преимущественно за счет роста инвестиций. В-четвертых, на основе моделирования (соответствие построенной модели исходным данным хорошее, коэффициент детерминации более 98%) рассмотрена возможность увеличения ВВП России за счет инвестиций. Оценка показала, что для обеспечения роста ВВП на уровне не ниже 3% в год, определяемого майским Указом Президента 2018 г., рост инвестиций в основной капитал должен составлять не менее 5,4% в год.

Развитие теоретических представлений дало знания, имеющие безусловный научно-практический смысл, о ресурсах и пределах обеспечения экономического роста, возможностях управления обеспечить максимальную эффективность принимаемых решений, уменьшить риски управления макроэкономическими факторами производства, определить инвестиционные условия роста экономики.

Литература

1. Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 21.
2. Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Анализ экономической динамики США, СССР и России с помощью модели ПРВ // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 82-95.
3. Акиндинова Н.В., Чекина К.С., Яркин А.М. Экономический рост в России с учетом демографических изменений и вклада человеческого капитала // Экономический журнал ВШЭ. 2017. № 4 (21). С. 533-561.
4. Ильин В.А., Морев М.В. Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 1. С. 9-31.
5. Минакир П.А. «Указная» экономика // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 8-16.
6. Rodrik D. Diagnostics before prescription. *Journal of Economic Perspectives*, 2010, vol. 24 (3), pp. 33-44.

7. Hausmann R., Klinger B. *Growth Diagnostic: Belize*. Harvard: Center for International Development Harvard University, 2007. 43 p.
8. Robinson J., Acemoglu D., Johnson S. Institutions as a fundamental cause of long-run growth. In: Aghion P. (Ed.). *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier, North Holland, 2005. Vol. 1. Pp. 386-472.
9. Greenwood J., Zvi H., Per K. Long-Run implications of investment-specific technological change. *American Economic Review*, 1997, no. 87 (3), June, pp. 342-362.
10. Nicola P.C. *Mainstream Mathematical Economics in the 20th Century*. Springer Science & Business Media, 2013. 527 p.
11. Cobb C.W., Douglas P.H. A theory of production. *American Economic Review*, 1928, 18 (supplement), pp. 139-165.
12. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. 5th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 544-546.
13. Houthakker H.S. The Pareto distribution and the Cobb-Douglas production function in activity analysis. *Review of Economic Studies*, 1955, vol. 23 (1), pp. 27-31.
14. Duffy J., Papageorgiou C. A Cross-country empirical investigation of the aggregate production function specification. *Journal of Economic Growth*, 2000, vol. 5 (1), pp. 87-120.
15. Mallick D. The role of the elasticity of substitution in economic growth: a cross-country investigation. *Labour Economics*, 2012, vol. 19 (5), pp. 682-694.
16. La Grandville O., Klump R. Economic growth and the elasticity of substitution: two theorems and some suggestions. *American Economic Review*, 2000, vol. 90 (1), pp. 282-291.
17. Antras P. Is the US aggregate production function Cobb-Douglas? New estimates of the elasticity of substitution. *Journal of Macroeconomics*, 2004, vol. 4 (1), pp. 1-36.
18. Karabarbounis L., Neiman B. The global decline of the labor share. *The Quarterly Journal of Economics*, 2014, vol. 129 (1), pp. 61-103.
19. Jones I. The facts of economic growth. *Handbook of Macroeconomics*, 2016, vol. 2, pp. 3-69.
20. Hsieh C.T., Klenow P.J. Development accounting. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2010, vol. 2 (1), pp. 20-23.
21. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Shatalova T. Production functions in identifying the specifics of producing gross regional product of Russian Federation. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6 (5), pp. 265-270.
22. Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Корчак Е.А. Оценка влияния динамики инвестиций на рост валового регионального продукта в регионах Севера и Арктической зоны Российской Федерации // Вопросы статистики. 2018. № 6. С. 25-35.
23. Felipe J., Adams F. G. A theory of production: the estimation of the Cobb-Douglas function: a retrospective view. *Eastern Economic Journal*, 2005, vol. 31 (3), pp. 427-445.
24. Колемаев В.А. Экономико-математическое моделирование. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 399 с.
25. Методологические положения по статистике. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000080r.htm (дата обращения: 8.08.2018).

Сведения об авторах

Сергей Владимирович Баранов – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24 а; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Татьяна Петровна Скуфьина – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24 а; e-mail: skufina@gmail.com)

Baranov S.V., Skufina T.P.

Opportunities to Promote Economic Growth in Russia at a Rate Not Lower Than the World Average

Abstract. The article considers economic growth in Russia in the context of fundamental concepts that include the formalization of the mechanisms of economic development from the standpoint of determining the relationship and substantiating the optimal ratio of production factors for Russia's GDP. In the framework of the study, we address four problems. First, we substantiate the model of production of Russia's GDP, expressing the functional relationship between the volume of GDP, on the one hand, and the production factors such as labor (number of people employed in the Russian economy) and capital (investment in fixed capital). The model is consistent with the initial statistical data, so that the coefficient of determination between the model data and real data is more than 99%. Second, we substantiate the optimal ratio between investment and employment for the purpose of increasing Russia's GDP. Third, we analyze in detail how these optimal ratios correspond to the real processes of GDP production. On this basis, we identify the fundamental problems and possibilities of economic growth in the current economic model, taking into account the impact of the pension reform. We prove that the increase in GDP in Russia, given the current structure of the economy, is possible mainly due to the growth of investment. Fourth, on the basis of modeling, we consider the possibility of increasing Russia's GDP through investment (compliance of the model with the initial data is good, the coefficient of determination is more than 98%). Our assessment shows that in order to provide GDP growth at the level not lower than 3% per year, which is set out in the May 2018 Decree of the President, the growth of investments in fixed capital should be at least 5.4% per year.

Key words: Russia, economic growth, modeling, gross domestic product, labor, capital, optimal ratios.

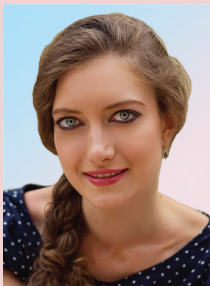
Information about the Authors

Sergei V. Baranov – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, leading researcher, Kola Science Center of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Murmansk Oblast, Russian Federation; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Tatiana P. Skufina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, chief researcher, head of department, Kola Science Center of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Murmansk Oblast, Russian Federation; e-mail: skufina@gmail.com)

Статья поступила 05.09.2018.

Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты

**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: marileen@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-методологических аспектов бюджетного потенциала. Целью статьи является определение места и роли бюджетного потенциала в структуре системы потенциалов территории посредством исследования его сущности. Раскрыто понятие «потенциал» и обобщена содержательная характеристика ключевых элементов системы территориальных потенциалов. На основании изучения отечественных и зарубежных трудов проанализированы эволюция и современная интерпретация термина «бюджетный потенциал территории». Выявлено, что однозначного подхода к содержанию бюджетного потенциала ни отечественной, ни зарубежной финансовой наукой до сих пор не выработано. Научная новизна статьи раскрывается в следующих результатах. Проведена систематизация и критический анализ существующих методологических подходов к определению бюджетного потенциала. Структурировано концептуальное содержание шести основных и факультативных подходов. Выявлено пять ключевых дискуссионных вопросов методологии бюджетного потенциала. Во-первых, многие ученые, а также российское законодательство исследуют проблемы только налогового потенциала. Во-вторых, отсутствует единая точка зрения на саму сущность термина «бюджетный потенциал». В-третьих, существует подмена понятий «потенциал», «ресурс», «резервы», «возможности», «достигнутый уровень развития». В-четвертых, нет единого понимания относительно целевой установки термина бюджетного потенциала. В-пятых, рассматриваются различные стадии образования бюджетного потенциала. Предложено авторское видение возможных

Для цитирования: Печенская М.А. Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 61-73. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.4

For citation: Pechenskaya M.A. Budget capacity in the system of capacities of the territory: theoretical issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 61-73. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.4

путей разрешения дискуссионных вопросов. Уточнена трактовка термина «бюджетный потенциал», которая, в отличие от существующих, актуализирует основные элементы, необходимые для раскрытия содержания данной экономической категории, такие как целевая установка, взаимосвязь с устойчивым развитием территории, формирующие факторы и учет носителей. На следующих этапах исследования предполагается уделить внимание структурной составляющей бюджетного потенциала территории и методам его оценки. Материалы статьи могут быть использованы научными сотрудниками в качестве базы для дальнейших исследований и органами управления при принятии управленческих решений, а также в образовательной сфере в процессе обучения бакалавров, магистров и аспирантов.

Ключевые слова: потенциал, ресурсы, резервы, элементы системы, методологические подходы, социально-экономическое развитие, бюджетный потенциал, теория финансов, методология, бюджет.

Введение

Ускорение экономического роста как фактор повышения качества жизни населения является одним из главных современных приоритетов российского государства. Особое значение при этом имеет пространственный аспект достижения этой цели, связанный с формированием условий для устойчивого развития территорий. Как отметил академик А.Д. Некипелов, подтолкнуть развитие экономики необходимо путем перестройки всех механизмов ее функционирования на различных уровнях [1].

Вполне очевидно, что пространственная система страны не может на протяжении длительного времени устойчиво и эффективно развиваться на основе слабой территориальной базы. Наблюдаемое в последнее время в России повышение роли территорий в народнохозяйственном комплексе страны, рост региональной самостоятельности, усиление ответственности территориальных органов управления за результаты решений, принимаемых в области социально-экономического развития, придают региональным исследованиям все большую актуальность в контексте задач проведения модернизации социально-экономических систем.

Не случайно в мировой практике набирает обороты такой экономический подход, который предполагает, что государство создает предпосылки для интенсивного развития различных территорий, учитывая их внутренний потенциал и возможности его роста. При этом актуализируются сразу две важнейшие, но, по своей сути, противоположные государственные задачи. Первая задача связана с необходимостью

сохранения локомотивов роста и опоры на сильные регионы и муниципалитеты. Вторая задача преследует сокращение глубоких межтерриториальных диспропорций.

Для современной России актуальность решения данных задач невозможно переоценить ввиду неравномерного распределения экономической активности по территориям страны. Региональная дифференциация по ключевому показателю социально-экономического развития – валовому продукту на душу населения – достигла в 2017 году 34 раз, что в несколько раз превысило значения в экономически развитых зарубежных государствах. Так, по данным Eurostat за 2016 год, разница между территориями с минимальным и максимальным значениями ВРП на душу населения составила 2,8 раза в Германии, 2,5 раза в Канаде, 5 раз в США, 7 раз в Китае. В силу пространственной неоднородности более половины налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации мобилизуется на 1/8 территории страны (*табл. 1*), при том что на ней проживает только треть населения.

Данные таблицы красноречиво говорят об отсутствии в России эффективных организационно-экономических механизмов, нацеленных не только на выравнивание территорий как устранение последствий, но и на развитие их потенциала.

Названные обстоятельства требуют поиска путей эффективного использования и развития заложенного в российских территориях потенциала. Сегодня этот вопрос оживленно обсуждается на высшем государственном уровне.

Таблица 1. Налоговые и неналоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ и доходы консолидированного бюджета РФ

Субъект	2000 г.		2010 г.		2015 г.		2017 г.	
	Млрд. руб.	Уд. вес, %	Млрд. руб.	Уд. вес, %	Млрд. руб.	Уд. вес, %	Млрд. руб.	Уд. вес, %
Регионы РФ с наибольшими доходами консолидированных бюджетов	428	53,2	2590	52,0	4056	53,2	4819	53,6
Всего по РФ	804	100,0	4980	100,0	7625	100,0	8987	100,0
Межрегиональная дифференциация по ВРП на душу населения, раз	26,5		20,3		29,5		34,4	

Источник: рассчитано по данным отчетности Федерального казначейства России, данным Росстата [2].

Вместе с тем решение данной задачи не представляется возможным при отсутствии методологической, методической базы и научного обоснования активной региональной политики по развитию потенциала. Реальные формы и методы реализации управленческих решений во многом зависят от продуманности и корректности использования понятийного аппарата.

Методология исследования

Решение такой задачи основывается на научных трудах отечественных и зарубежных исследователей по теории и методологии развития территории.

Если обратиться к словарю [3], то термин «потенциал» трактуется как все имеющиеся возможности или средства в какой-то сфере, области либо степень мощности (военный, интеллектуальный потенциал и т.д.). Заметим, что широкое использование рассматриваемого термина стало характерно для экономической науки СССР еще с конца 1960-х годов. Это было связано, с одной стороны, с осознанием исчерпания ресурсов для экстенсивного экономического роста, а с другой – со стремлением ввести в действие заложенные, но не реализованные на практике резервы.

В советской экономической литературе понятие «потенциал» включало факторы производства (природно-климатические ресурсы, основные фонды, трудовые ресурсы) в их количественной и качественной оценке. При плановой экономике задача их соединения рассматривалась по большому счету лишь как организационная. Но уже в 1970-е годы пришло осмысление того, что сами по себе природные ресурсы, рабочая сила и материальное богатство не способны полностью отразить весь комплекс возможностей развития экономики. Потребовался системный подход, учитыва-

ющий такой важнейший фактор социально-экономического развития, как качество самой системы [4].

В перестроечный и постперестроечный периоды исследованием потенциала занимался известный отечественный ученый В.Г. Лебедев [5]. Он предложил рассматривать потенциал с позиций развития производительных сил, научно-технической революции, преобразования общественных производственных отношений и реализации преимуществ планового развития.

В современных исследованиях [6] потенциал любой экономической системы определяется как совокупность имеющихся ресурсов (трудовых, природных, физических и т.д.), которые в рамках накопленного уровня знаний и технологичности системы, зависимой от действующих социальных институтов, позволяют обеспечивать некоторый уровень ее развития в текущем и будущем режиме. С этой точки зрения реализация потенциала представляется в качестве дополнительного источника ресурсов.

Под потенциалом территорий исследователи в большинстве случаев подразумевают социально-экономический потенциал. Это обусловлено тесной взаимосвязью общественных отношений с процессом формирования и использования экономических благ. Величину социально-экономического потенциала и ее динамику определяют сложившаяся структура экономики и состояние ее отдельных подсистем. Как следствие, социально-экономический потенциал также имеет структурный характер. Безусловно, все его элементы изменяются с течением времени, и кризис экономической системы, выражающийся в снижении производимого продукта и душевого дохода, сокращает возможность использования потенциала страны, не говоря уже о его наращивании.

Место и роль бюджетного потенциала в структуре социально-экономического потенциала территории

В научной литературе имеют место различные взгляды на структурный состав системы потенциалов территорий. Для наиболее полного понимания его содержательной стороны требуется систематизация ключевых элементов (табл. 2).

Проведенная систематизация всего многообразия элементов системы территориальных потенциалов территории, выделенных различными авторами, выявила сложность и многоаспектность искомой дефиниции. В свою очередь, это обстоятельство побудило исследователей данного вопроса к формированию классификации потенциалов по различным признакам.

Таблица 2. Содержательная характеристика ключевых элементов системы потенциалов территории

Элемент	Характеристика	Авторы
Производственный потенциал	Совокупный результат хозяйственной деятельности всех структурных составляющих производственного комплекса	О.Ф. Балацкий Е.В. Лапин В.Л. Акуленко А.Е. Когут В.Е. Рохчин И.О. Калиникова
Трудовой потенциал	Характеристика меры и качества совокупности способностей к общественно полезной деятельности, которыми определяются возможности всего трудоспособного населения по их участию в труде	И.С. Маслова Г.В. Леонидова Е.А. Чекмарева П.М. Советов
Природно-ресурсный потенциал	Характеристика возможностей развития региона за счет рационального использования его земельных, минерально-сырьевых, лесных, водных, рекреационных и иных ресурсов (определяется количеством и качеством запасов ресурсов, условиями их добычи, транспортировки и т. д.)	А.А. Шалмуев А.О. Польшнев А.Е. Когут В.Е. Рохчин О.Ф. Балацкий Е.В. Лапин В.Л. Акуленко
Финансовый потенциал	Максимально возможный объем финансовых средств, гипотетически доступный для мобилизации всеми экономическими субъектами той или иной территории	Л.Н. Лыкова А.Е. Когут В.Е. Рохчин О.С. Кириллова Н.М. Сабитова А.Л. Коломниец А.И. Новикова К.М. Менькова М.А. Репченко О.М. Фокина
Инвестиционный	Характеристика возможностей в привлечении и использовании средств отечественных и зарубежных инвесторов, предпринимателей, населения для решения территориальных проблем	В.Ю. Катасонов Г.С. Полтавченко А.А. Мирюдов О.Ф. Балацкий Е.В. Лапин В.Л. Акуленко А.А. Шалмуев
Научно-инновационный	Характеристика возможностей в сфере повышения конкурентоспособности продукции, работ, услуг на основе рационального использования достижений науки и техники	О.Ф. Балацкий Е.В. Лапин В.Л. Акуленко К.А. Гулин А.Е. Когут В.Е. Рохчин
Демографический потенциал	Характеристика возможностей улучшения качества населения территории (определяется общей численностью населения, его половозрастным составом, динамикой роста/убыли населения, миграционными процессами и т. п.)	А.Е. Когут В.Е. Рохчин А.А. Шалмуев

Окончание таблицы 2

Элемент	Характеристика	Авторы
Интеллектуальный	Условия, возможности и результаты инновационной деятельности, созданные на территории	Г.В. Леонидова О.В. Лосева О.Ф. Балацкий Е.В. Лапин В.Л. Акуленко К.В. Суслов Н.Я. Калюжнова
Социально-инфраструктурный потенциал	Характеристика возможностей территории в сфере улучшения медицинского, бытового, культурного, транспортного и жилищно-коммунального обслуживания населения на основе расширения номенклатуры и повышения качества услуг, обеспечения их доступности для населения	А.Е. Когут В.Е. Рохчин О.Г. Дмитриева А.А. Шалмуев Т.В. Ускова
Информационный потенциал	Совокупные возможности и условия, позволяющие активизировать и эффективно использовать информационные ресурсы	И.О. Калиникова С.А. Корсукова
Территориально-географический потенциал	Характеристика возможных резервов развития территории путем эффективного использования его транспортно-географического положения, климатических и ландшафтных условий, размещения нового или расширения существующего производства	А.Е. Когут В.Е. Рохчин А.А. Шалмуев
Бюджетный потенциал	Характеристика возможностей территории в увеличении доходной части бюджета (определяется величиной налогов и сборов, отчислений от налогов, а также поступлений от приватизации имущества, сдачи его в аренду, внешнеэкономической деятельности, объемами трансфертов и т. п.)	А.А. Шалмуев С.В. Зенченко Т.П. Николаева Ж.А. Мингалева Н.П. Паздникова Т.Ю. Ткачева Ж.Г. Голодова С.Н. Яшин Н.И. Яшина
Экспортно-импортный потенциал	Совокупность ресурсов, необходимых для организации и осуществления внешнеэкономической деятельности, наличие системы управления, обеспечивающей функционирование внешнеэкономической составляющей отдельного региона и достаточный уровень развития потенциала	А.А. Шалмуев А.А. Анненкова Е.К. Самсонова О.А. Федорова
Организационный потенциал	Способы и приемы, обеспечивающие согласованность действий при достижении поставленной цели развития территории (информационные технологии, стиль и методы управления, выбор вариантов развития, планирование и прогнозирование и т.д.)	И.О. Калиникова А.А. Татуев А.С. Боровик
Аграрный потенциал	Совокупные возможности территориально локализованных хозяйствующих субъектов по производству сельскохозяйственной продукции и получению валового дохода, как основного источника расширенного воспроизводства ресурсов, задействованных в процессе аграрного производства	Т.В. Савченко Ю.А. Просянникова И.О. Калиникова А.Г. Бурда Л.Н. Титова Н.В. Дешевова С.А. Шанин
Материально-технический потенциал	Характеристика возможностей развития территории на основе эффективного использования всех структурных составляющих его производственного комплекса (определяется структурой и объемом производства, величиной и эффективностью использования производственных фондов, состоянием развития инфраструктуры и т. п.)	А.А. Шалмуев К.О. Виноградова О.А. Ломовцева
Рекреационный потенциал	Совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации рекреационной деятельности на определенной территории	И.О. Калиникова Т.В. Николаенко И.В. Зорин В.А. Квартальнов В.М. Разумовский
Источники: составлено автором по [7–33].		

Так, А.А. Шалмуев [11] предлагает выделять три блока потенциалов:

1. Ресурсные (базовые) потенциалы территории, к которым относятся природно-ресурсный, экономико-географический и демографический.

2. Потенциалы, способствующие реализации базовых ресурсных потенциалов, среди которых трудовой, материально-технический, научно-инновационный, бюджетный, социально-инфраструктурный, экспортно-импортный и инвестиционный.

3. Потенциалы готовности региона к социально-экономическим преобразованиям: социально-психологической готовности населения и властных структур к проведению преобразований, нормативно-правовой и научно-методической готовности.

Ученые [27] также подразделяют систему потенциалов развития региона на ресурсные и обеспечивающие, но при этом выделяют в отдельный блок так называемые потенциалы развития предыдущих блоков (табл. 3).

Бюджетный потенциал, являясь обеспечивающим потенциалом и составной частью финансово-экономического блока, занимает одно из ключевых мест в структуре системы потенциалов территории. Это обусловлено тем существенным обстоятельством, что бюджет представляет собой ни с чем не сравнимый по объему фонд денежных ресурсов, обладающий огромным инвестиционным потенциалом. Посредством бюджета государство образует централизованные фонды и воздействует на формирование децентрализованных фондов денежных средств, обеспечивая возможность выполнения возложенных на государственные органы функций. То, как будет использован бюджетный потенциал, решающим об-

разом предопределяет направления развития и обусловит устойчивость региональной экономики. Как указали ученые Института экономики РАН М.Ю. Головнин, Л.Н. Лыкова и И.С. Букина [34], одной из ключевых проблем реализации бюджетной политики стало серьезное отставание принятия решений в ходе активно разворачивавшихся кризисных процессов как 2008–2009, так и 2014–2016 годов. В свою очередь, произошло запаздывание направления бюджетных ресурсов на решение важнейших социальных вопросов. И.В. Караваева и Е.А. Иванов [35] подчеркнули первоочередную роль государственного бюджета в переориентации интересов участников рынка на активные инвестиционные и потребительские траты, то есть активизацию совокупного спроса, необходимого в качестве движущей силы экономического развития страны и ее территорий. Следовательно, бюджетный потенциал оказывает непосредственное влияние на формирование всех элементов социально-экономического потенциала. В интерпретации ученых [23] бюджетный потенциал – это основной базовый ресурсный потенциал. На наш взгляд, его следует рассматривать как исходную базовую категорию при создании административно-правовой и социально-экономической основы осуществления модернизации и перехода к инновационной модели развития экономики территорий. В связи с названными обстоятельствами целесообразно дальнейшее изучение вопроса с использованием метода диалектического восхождения от абстрактного к конкретному, который был разработан К. Марксом [33] и согласно которому абстрактной категорией выступает социально-экономический потенциал, а конкретной – бюджетный.

Таблица 3. Структура социально-экономического потенциала территории

Ресурсные потенциалы		Обеспечивающие потенциалы		Потенциалы развития	
Материально-технический блок	Природно-ресурсный	Финансово-экономический блок	Социально-инфраструктурный	Инновационно-институциональный блок	Научно-инновационный
	Экономико-географический		Производственный		Нормативно-правовой
	Демографический		Трудовой		Инвестиционный
	Бюджетный потенциал				
			Экспортно-импортный		

Источник: составлено по [27].

Методологические подходы к сущности бюджетного потенциала

Бюджетный потенциал стал предметом исследований зарубежных ученых с 70-х годов XX столетия, когда акценты региональной политики сместились на максимальное использование внутреннего потенциала региона [36]. При этом популярность термина «fiscal (budget) capacity» возросла с появлением в 1990-е годы модифицированной политики так называемой прогрессивной финансовой консолидации, итогом которой стало определение возможного уровня реализации бюджетного потенциала [37]. По мнению J. Martinez-Vazquez и L.F. Jameson Boex [38], уровень бюджетного потенциала должен

быть важным фактором при распределении межправительственных субсидий для выравнивания объема региональных ресурсов.

Действительно, термин «бюджетный потенциал» весьма широко используется как в научном сообществе, так и в управленческой практике. Вместе с тем Бюджетный кодекс РФ как основной нормативно-правовой документ, регулирующий бюджетные процессы в стране, не раскрывает понятие «бюджетный потенциал», затрагивая только индекс налогового потенциала¹. Отсутствие нормативной формулировки подтолкнуло исследователей проблем бюджетного потенциала по-своему определять его смысл. Изучение эволюции и современной

Таблица 4. Характеристика подходов к трактовке понятия «бюджетный потенциал»

Наименование подхода	Бюджетный потенциал территории – это...	Представители подхода
Ресурсный	Совокупность финансовых ресурсов, аккумулируемых в бюджете в течение определенного периода	Ж.Г. Голодова L. Haffert, Ph. Mehrtens, С.В. Зенченко, Ж.А. Мингалева, Н.П. Паздникова, Т.П. Николаева, А.В. Сидорович
Фискальный	Способность региональной экономики и органов управления генерировать и максимизировать бюджетные доходы	А.А. Шамлуев, Ю.А. Петров, S.M. Barro, J. Martinez-Vazquez, L.F. Jameson Boex, В.А. Воробьева
Ресурсно-фискальный	Диалектическое развитие и смешение ресурсного и фискального подходов, наблюдаемое с 90-х годов 20 века	М.В. Владыка, А.Н. Индутько, Л.Д. Сангинова, Ю.Н. Северина О.С. Кириллова
Расходный	Максимально возможные бюджетные расходы исходя из доходных поступлений	О.А. Гришанова, Т.А. Найденова, И.Н. Швецова
Институциональный	Совокупность нормативно-правовых и экономических условий, позволяющих сформировать оптимальную величину доходов бюджета	Н.И. Яшина, С.Н. Яшин, Ф.Ф. Ханафеев, Е.В. Поющева
Императивный	Бюджетно-налоговые отношения, в результате которых формируется комплексная система экономических показателей	Т.Ю. Ткачева, Л.В. Афанасьева, Н.А. Толкачева
Источник: составлено автором по [11, 21, 22, 23, 25, 26, 39, 40, 41, 42].		

¹ Соотношение между расчетными налоговыми доходами на одного жителя, которые могут быть получены консолидированным бюджетом субъекта РФ исходя из уровня развития и структуры экономики / налоговой базы, и аналогичным показателем в среднем по консолидированным бюджетам субъектов РФ с учетом структуры населения, социально-экономических, географических, климатических и иных объективных факторов и условий, влияющих на стоимость предоставления одного и того же объема государственных и муниципальных услуг в расчете на одного жителя [Бюджетный кодекс РФ].

интерпретации термина «бюджетный потенциал территории» позволило нам критически осмыслить, систематизировать и структурировать существующие методологические подходы к его определению, выделив шесть основных и факультативных подходов, отмеченных в рамках конкретных трактовок. Их концептуальное содержание обобщено в *таблице 4*.

Исходя из обобщенных характеристик представленных подходов, можно отметить следующее: однозначного подхода к сущности бюджетного потенциала ни отечественная, ни зарубежная финансовая наука пока не выработала. При этом, опираясь на результаты проведенного анализа, мы выделили ряд дискуссионных методологических вопросов (*табл. 5*).

Во-первых, многие ученые, а также российское законодательство исследуют проблемы лишь налогового потенциала. Не отрицая углубленного изучения данного вопроса, особо подчеркнем, что, на наш взгляд, категория бюджетного потенциала заметно расширяет возможности территорий влиять на экономический рост. Л.Н. Лыкова в своем исследовании [32] указывает на то, что для России, в отличие от стран с развитой рыночной экономикой, представляется принципиально важным рас-

сматривать не только проблему налогового потенциала, поскольку некоторые из финансовых ресурсов не являются частично или полностью объектом налогообложения.

Кроме того, исследование бюджетного потенциала не ограничивает устранение несбалансированности бюджетной системы как главной стратегической угрозы национальной безопасности в области экономики² только за счет налоговых доходов. Более того, Бюджетный кодекс предусматривает среди принципов бюджетной системы Российской Федерации принцип минимизации размера дефицита бюджета (сбалансированности бюджета), достижение которого возможно лишь при учёте всех доходов³.

Во-вторых, отсутствует единая точка зрения на саму сущность искомого термина. Одни ученые трактуют бюджетный потенциал как совокупность ресурсов, другие исследователи предлагают рассматривать его как совокупность возможностей, третьи – как результат бюджетных отношений. В целом в экономической литературе мы выделили шесть подходов к трактовке бюджетного потенциала: ресурсный, фискальный, ресурсно-фискальный, расходный, институциональный, императивный.

Таблица 5. Дискуссионные вопросы методологии сущности бюджетного потенциала и возможные пути их разрешения

№ п/п	Дискуссионный методологический вопрос	Предлагаемый авторский ответ
1.	Бюджетный или налоговый потенциал?	Категория бюджетного потенциала расширяет возможности территорий решать проблемы несбалансированности бюджетной системы и влиять на экономический рост с учетом всей совокупности бюджетных доходов.
2.	Какой подход к сущности бюджетного потенциала наиболее эффективен в условиях необходимости экономического роста?	Интегративный подход к исследованию сущности бюджетного потенциала учитывает ресурсные, институциональные и фискальные факторы, что позволяет наиболее эффективно в современных условиях отразить и текущий уровень бюджетного потенциала, и эффективность его использования.
3.	Идентичны ли понятия «потенциал», «ресурс», «достигнутый уровень развития»?	Этимологически «потенциал» должен предполагать вероятностный характер. При этом потенциальные возможности могут находиться как в состоянии невостребованных ресурсов (неиспользуемые возможности), так и в состоянии развития и актуализации.
4.	Какова цель повышения бюджетного потенциала?	Для территориального развития на основе формирования экономики инновационного типа и повышения качества жизни населения.
5.	С какой стадией территориального развития следует идентифицировать бюджетный потенциал?	Бюджетный потенциал, являясь элементом системы социально-экономического потенциала, должен рассматриваться в единстве ключевых стадий его образования: формирования, использования и воспроизводства.
Источник: составлено автором.		

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

³ Статья 33 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

На наш взгляд, каждый подход сам по себе представляет собой узкую интерпретацию термина «бюджетный потенциал», что неоправданно ограничивает методологическую основу исследования. Как представляется, исследование проблем развития бюджетного потенциала требует такого подхода к пониманию данной экономической категории, при котором в комплексе учитывается его факторная, ресурсная, институциональная и фискальная сущность. По нашему мнению, это позволит отразить и текущий уровень бюджетного потенциала, и эффективность его использования. Можно заключить, что интегративный подход как комплекс указанных характеристик в наибольшей мере соответствует современному содержанию термина «бюджетный потенциал», а интеграция выделенных подходов к его определению станет разрешением данного дискуссионного вопроса.

В-третьих, рассматривая тот или иной подход по отдельности, мы обнаружили подмену понятий «потенциал», «ресурс», «резервы», «возможности», «достигнутый уровень развития». Комплексность и фундаментальность бюджетного потенциала как экономической категории связана с аккумулярованием в ней временного параметра. Как отмечают в своих исследованиях авторы [43, 44, 45, 46], термины «ресурсы», «резервы» и «возможности» характеризуют разные временные стадии проявления потенциала: предшествующий период — характеризуется процессом формирования и накопления ресурсов; настоящий период — предполагает реализацию накопленных резервов; период будущего развития — отражает процесс воспроизводства новых возможностей. Согласимся с мнением [11], что достигнутый уровень развития — это своего рода результат, возникающий при соединении потенциальных возможностей, имеющихся территориальных ресурсов и эффективных инструментов их преобразования (тактические и стратегические приоритеты регионального и муниципального развития, бюджетная политика, особенности бюджетного процесса и т.д.). Важно учитывать, что этимологическая суть термина «потенциал» подразумевает вероятностный характер данной категории. При этом вполне логична позиция Ф.Ф. Ханафеева [47], который считает, что

потенциальные возможности могут находиться как в состоянии невостребованных ресурсов (неиспользуемые возможности), так и в состоянии развития и актуализации.

В-четвертых, нет единого понимания относительно целевой установки термина бюджетного потенциала. Нам представляется, что без постановки цели образования сам по себе бюджетный потенциал существовать не может, поскольку необходимо понимание того, для чего требуются резервы и возможности, т.е. достижение некоторого конечного результата. Одни авторы рассматривают это с позиций финансирования текущих расходов. Однако, по нашему мнению, наиболее точен подход, который предполагает решение вопроса о переходе российской экономики на инновационные рельсы.

В-пятых, авторы рассматривают различные стадии образования бюджетного потенциала. На наш взгляд, при толковании данной экономической категории необходимо использовать системный подход. Он подразумевает, что бюджетный потенциал должен восприниматься как целое, состоящее из взаимосвязанных частей и являющееся одновременно частью системы более высокого порядка. Следовательно, как элемент системы социально-экономического потенциала, бюджетный потенциал должен рассматриваться в единстве ключевых стадий его образования: формирования, использования и воспроизводства. Это означает, что в трактовке бюджетного потенциала следует учесть как процессы формирования, так и реализации территориальных возможностей.

Кроме того, исследование теоретико-методологических подходов показало, что большинство авторов при раскрытии сущности бюджетного потенциала не учитывают его привязку к территории как носителю такого свойства.

Проанализированный дискуссионный характер содержания бюджетного потенциала показал несовершенство методологической проработки его сущности, что привело к наличию недостаточной научной основы в условиях необходимости повышения уровня бюджетного потенциала российских территорий в современный период нестабильности, внешних и внутренних ограничений экономического роста, необходимого для перехода страны на инновационный путь развития.

Таким образом, требуется интегрированный подход, при котором будут актуализированы основные элементы, раскрывающие содержание экономической категории «бюджетный потенциал»: целевая установка, взаимосвязь с устойчивым развитием территории, формирующие факторы, учет носителей. Учёт такого подхода, обобщение мнений, содержащихся в изученных нормативно-правовых актах и научных трудах по проблемам развития бюджетного потенциала, а также обозначенные авторские позиции по наиболее дискуссионным вопросам методологии позволили сделать вывод, что наиболее ёмко экономическая сущность категории «бюджетный потенциал» может быть отражена в следующей трактовке. Бюджетный потенциал – это совокупность бюджетных ресурсов, а также экономических, социальных, институциональных и иных возможностей формирования и исполнения бюджета в целях выполнения органами региональной власти и местного самоуправления задач по обеспечению устойчивого развития территории и повышения качества жизни населения.

Выводы

Заключая, отметим следующее.

1. В исследовании показаны место и роль бюджетного потенциала в системе территориальных потенциалов. То, как будет использован бюджетный потенциал, являющийся обеспечивающим потенциалом и составной частью финансово-экономического блока потенциала, решающим образом предопределяет направления социально-экономического развития территории.

2. Проведенный анализ различных подходов к сущности экономической категории «бюджетный потенциал» позволил выделить ряд дискуссионных вопросов. Тщательное изучение каждого из них побудило автора обосновать собственное видение возможных ответов.

3. Обосновано, что содержание термина «бюджетный потенциал» должно раскрываться через его основные элементы: целевую установку, взаимосвязь с устойчивым развитием территории, формирующие факторы, носители. С учетом этого предложено использование интегративного подхода при раскрытии содержания бюджетного потенциала.

Литература

1. Некипелов А.Д. Кризис в России: логика развития и варианты экономической политики // Общество и экономика. 2009. № 8-9. С. 5-21.
2. Печенская М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности : монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
4. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий : монография / кол. авт.; под научн. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, К.А. Гулина, Т.В. Усковой, О.Н. Калачиковой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 386 с.
5. Лебедев В. Г. Производительные силы и социальный прогресс. М. : Книга и бизнес, 1997. 348 с.
6. Сухарев О.С. Развитие социально-экономического потенциала России: теория и практика // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 315-321.
7. Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества. Вопросы теории и методологии исследования. М.: Политиздат, 1987. 125 с.
8. Трудовой потенциал сельских территорий: методологические аспекты оценки / Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева, П.М. Советов, М.М. Панов. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 78 с.
9. Балацкий О.Ф. Экономический потенциал административных и производственных систем: монография / О.Ф. Балацкий, Е.В. Лапин, В.Л. Акуленко; под общ. ред. О.Ф. Балацкого. Сумы : Университетская книга, 2006. 972 с.
10. Когут А.Е., Рохчи В.Е. Информационные основы регионального социально-экономического мониторинга. СПб.: ИЭСП РАН, 1995. 142 с.
11. Шалмуев А.А. Основные составляющие потенциалов регионального развития // Экономическое возрождение России. 2006. № 4. С. 57-61.

12. Калиникова И.О. Управление социально-экономическим потенциалом региона: учеб. пособ. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
13. Польшев А.О. Конкурентные возможности регионов: методология исследования и пути повышения. М.: Красанд, 2010. 208 с.
14. Бурда А.Г. Экономические проблемы параметризации аграрных предприятий / А.Г. Бурда; под ред. И.Т. Трубилина. Краснодар, 2001. 508 с.
15. Титова Л.Н. Использование совокупного агропотенциала для управления экономикой аграрного сектора субъекта РФ // Проблемы современной экономики. 2008. № 2 (26). С. 307-310.
16. Шанин С.А. Теоретические подходы к воспроизводству ресурсного потенциала аграрного сектора экономики России (региональный аспект) // Белгородский экономический вестник. 2014. № 2 (74). С. 21-29.
17. Дешевова Н.В., Шанин С.А. Специфика формирования системы ресурсного потенциала аграрного сектора экономики // Вестник АПК Ставрополя. 2013. № 3 (11). С. 111-113.
18. Корсукова С.А. Информационный потенциал как ресурс экономического развития России в современных условиях : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.03 Саратов, 2005, 132 с.
19. Присянникова Ю.А. Аграрный потенциал сельских территорий: сущность и факторы формирования // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. №15(186). Вып. 31/1. С. 66-76.
20. Лосева О.В. Интеллектуальный потенциал региона: оценка и механизм управления в инновационной деятельности // Управленческие науки. 2016. №2. С. 38-47.
21. Зенченко С.В. Бюджетный потенциал региона и методические подходы к его оценке // Региональные проблемы преобразования экономики. РАН ИСЭИ ДНЦ, г. Махачкала. 2008. №1(14). С. 186-198.
22. Николаева Т.П. Бюджетная система РФ. Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 234 с.
23. Мингалева Ж.А., Паздникова Н.П. Развитие методов управления бюджетным потенциалом региона // Экономика региона. 2007. № 2. С. 263-267.
24. Ткачева Т.Ю. Региональные особенности формирования бюджетного потенциала в современной бюджетно-налоговой политике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 2. С. 67-74.
25. Голодова Ж.Г. Оценка бюджетно-налогового потенциала региона в условиях реформирования системы межбюджетных отношений // Финансы и кредит. 2009. № 5. С. 33-40.
26. Яшин С.Н., Яшина Н.И. Некоторые аспекты анализа бюджетного потенциала муниципальных образований // Финансы и кредит. 2003. № 5 (119). С. 35-44.
27. Виноградова К.О., Ломовцева О.А. Сущность и структура потенциала развития региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. №3. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9620>
28. Сабитова Н.М. О понятии финансового потенциала региона и методологии его оценки // Финансы. 2003. № 2. С. 63-68.
29. Коломниец А.Л., Новикова А.И. О соотношении финансового и налогового потенциалов в региональном разрезе // Налоговый вестник. 2000. №3. С. 4-7.
30. Менькова К.М. Теоретические и методологические подходы к оценке финансового потенциала муниципальных образований в условиях реформирования территориальной организации местного самоуправления // Финансы и кредит. 2008. №14. С. 32-39.
31. Репченко М.А., Фокина О.М. Оценка инвестиционной привлекательности региона с учетом инновационного и бюджетно-финансового потенциала региона // Инновации. 2007. № 7. С. 64-67.
32. Лыкова Л.Н. Финансовый потенциал субъектов Федерации // Федерализм. 2008. № 3 (51). С. 41-59.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 46. 560 с.

34. Головнин М. Ю., Лыкова Л. Н., Букина И. С. Реакция денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России на вызовы глобализации // *Финансы: теория и практика*. 2017. Т. 21. Вып. 5. С. 6-21.
35. Караваева И.В., Иванов Е.А. Тенденции и риски развития института бюджетирования в системе государственного управления Российской Федерации // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2017. № 6. С. 7-22.
36. Ускова Т.В. Теория и методология управления устойчивым социально-экономическим развитием региона: диссертация на соискание уч. ст. д-ра экон. наук. Вологда, 2010. 411 с.
37. Haffert L., Mehrtens Ph. *From Austerity to Expansion? Consolidation, Budget Surpluses, and the Decline of Fiscal Capacity*. MPIfG Discussion Paper 13/16. Koln, December 2013.
38. Martinez-Vazquez J., Jameson Boex L.F. *Fiscal capacity: an overview of concepts and measurement issues and their applicability in the Russian Federation*. Georgia State University, 1997. p. 23.
39. Петров Ю.А. Селективная финансовая политика: повышение собираемости налогов, увеличение налогового потенциала и стимулирование развития экономики // *Российский экономический журнал*. 1999. № 4. С. 44-46.
40. Толкачева Н.А. Налоговый потенциал: подходы к трактовке и структура // *Российское предпринимательство*. 2010. Том 11. № 12. С. 172-177.
41. Гришанова О.А. Сбалансированность бюджета субъекта РФ и пути повышения его доходов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 220 с.
42. Воробьева В.А. Проблемы формирования бюджетного потенциала муниципалитетов в реализации финансовой политики региона // *Управленческое консультирование*. 2002. № 2. С. 58-62.
43. Горшенин В.П. Управление инновационным потенциалом персонала корпорации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Челябинск, 2006. 42 с.
44. Дрокин С.А. Управление качеством образовательного потенциала машиностроительного предприятия: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Челябинск, 2003. 203 с.
45. Реанович Е.А. Смысловые значения понятия «потенциал» // *Международный науч.-исслед. журн*. 2012. № 7-2. С. 14-15.
46. Печенская М.А. Региональное развитие: цели и возможности // *Финансы*. 2014. №10. С. 135-145.
47. Ханафеев Ф.Ф. Аналитическое обеспечение управления налоговым потенциалом региона: теория и методология: монография. М.: Проспект, 2008. 232 с.

Сведения об авторе

Мария Александровна Печенская – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru)

Pechenskaya M.A.

Budget Capacity in the System of Capacities of the Territory: Theoretical Issues

Abstract. The paper considers theoretical and methodological aspects of budget capacity. Our goal is to determine the place and role of budget capacity in the system of capacities of the territory by studying the essence of this capacity. We define the concept of “capacity” and summarize the content of key elements of the system of territorial capacities. We analyze the evolution and modern interpretation of the term “budget capacity of the territory” on the basis of domestic and foreign works. We find out that so far there is no unique approach to the content of budget capacity in either domestic or foreign financial science. Scientific novelty of the paper is shown in the following: we carry out systematization and critical analysis of existing methodological approaches to the definition of budget capacity, consider the

conceptual content of six main and optional approaches, and identify five key issues of the budget capacity methodology. First, many scientists, as well as Russian legislation, are investigating the problems of tax capacity alone. Second, there is no single point of view on the very essence of the term “budget capacity”. Third, we observe substitution of the concepts of “capacity”, “resource”, “reserves”, “opportunities”, and “achieved level of development”. Fourth, there is no common understanding of the target setting of the term “budget capacity”. Fifth, various stages of formation of budget capacity are discussed. The paper puts forward our own vision of possible ways to solve the debatable issues. We clarify the interpretation of the term “budget capacity”, which unlike the existing ones actualizes the main elements necessary for the disclosure of the content of this economic category, such as target, relationship with the sustainable development of the territory, constituting factors, and carriers. In the next stages of the study, we plan to consider the structural component of budget capacity of the territory and methods of its evaluation. The materials of the paper can be used by researchers as a basis for further research and by management bodies in making management decisions, as well as in the educational sphere in bachelor’s, master’s, and postgraduate programs.

Key words: capacity, resources, reserves, system elements, methodological approaches, socio-economic development, budget capacity, theory of finance, methodology, budget.

Information about the Author

Mariya A. Pechenskaya – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru)

Статья поступила 14.09.2018.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.5

УДК 339.7 ББК 65.59

© Шаров В.Ф., Пинская М.Р., Богачев С.В.

Совершенствование государственной поддержки экспортного кредитования внешней торговли в евразийском пространстве*

**Виталий Филиппович
ШАРОВ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 101000, Малый Златоустинский пер., д. 7
E-mail: sharov.vff@mail.ru

**Миляуша Рашитовна
ПИНСКАЯ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр-д, д. 4
Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 127006, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2
E-mail: MPinskaya@yandex.ru

**Сергей Валентинович
БОГАЧЕВ**

Правление общественной организации «Институт местного и регионального развития»
Донецк, 83001, ул. Кобозева, 51
E-mail: Sergeybogachov@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект 18-010-00527 «Гармонизация системы налогообложения внешней торговли в евразийском пространстве на современном этапе глобального развития»), 2018 год.

Для цитирования: Шаров В.Ф., Пинская М.Р., Богачев С.В. Совершенствование государственной поддержки экспортного кредитования внешней торговли в евразийском пространстве // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 74-86. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.5

For citation: Sharov V.F., Pinskaya M.R., Bogachev S.V. Improving governmental support for the export credit of foreign trade in the Eurasian Space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 74-86. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.5

Аннотация. Разработка единых подходов к государственной поддержке экспортного кредитования в рамках евразийского экономического пространства создает дополнительные возможности для облегчения выхода национальных производителей на внешние рынки и развития внешней торговли. Основная идея статьи заключается в обосновании необходимости гармонизации правил государственной поддержки внешней торговли внутри Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Проанализированы принципы определения минимально допустимых ставок по экспортным кредитам (CIRR, Commercial Interest Reference Rates) в национальных валютах, охарактеризована методология определения значения CIRR и расчета минимальной премии за кредитные риски, принятая ОЭСР, а также приведены базовые условия предоставления связанного экспортного финансирования в ОЭСР. Новизна проведенного исследования заключается в том, что произведен расчет CIRR для государств – членов ЕАЭС в национальных валютах согласно положениям ДОЭК ОЭСР. Использование предлагаемой методики расчета формирует гармонизированные условия поддержки экспорта производителей промышленной продукции в рамках ЕАЭС. Применены такие методы исследования, как анализ, синтез, обобщение, сравнение. Выявлены зоны риска системы экспортного кредитования и предложены меры по снижению стоимости фондирования для государств-членов ЕАЭС, не являющихся эмитентами свободно конвертируемых (резервных) валют. Аргументирована целесообразность разработки и утверждения методик расчета CIRR внутри ЕАЭС. Показаны преимущества дополнения государственной поддержки экспортного кредитования механизмом связанного экспортного финансирования. Выявлены барьеры, препятствующие созданию унифицированной и стандартизированной системы поддержки экспорта в евразийском пространстве. Обоснованы направления оптимизации механизмов гармонизации экспортной политики на уровне ЕАЭС. Практическая значимость проведенного исследования состоит в разработке алгоритма расчета минимально допустимых ставок экспортных кредитов, денонмированных в национальных валютах стран-членов ЕАЭС (российский рубль, белорусский рубль, казахский тенге, армянский драм и кыргызский сом) на базе договоренностей и практики государственной финансовой поддержки (субсидирования) экспортных кредитов ОЭСР для стимулирования взаимной внешней торговли в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: международная конкуренция, внешняя торговля, ОЭСР, ЕАЭС, экспортное кредитование, CIRR, кредитный риск, связанное экспортное финансирование.

Введение. Государственная поддержка экспансии национальных производителей продукции на внешние рынки является актуальной в условиях международной конкуренции.

Исследованиями формирования и развития системы государственной финансовой поддержки экспорта занимаются с середины 1980-х годов. Согласно данным некоторых исследований, предоставление государственной экспортной субсидии увеличивает объем экспорта получателя субсидии и снижает экспорт его конкурента [1]. Основная идея, к которой приходит большинство исследователей, заключается в том, что практика предоставления субсидий национальным экспортерам способствует росту благосостояния страны, особенно если речь идет об экономике развивающегося государства [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Государственное

регулирование экспорта, включая установление налога на производство или экспорт, дает больший эффект, нежели нейтральная государственная политика, особенно если национальный производитель имеет определенные ожидания относительно увеличения спроса на свою продукцию за рубежом [9].

К настоящему времени сформировалась точка зрения о необходимости создания институциональной инфраструктуры экспортного кредитования с государственной поддержкой [10; 11; 12; 13]. В частности, развитая система государственной поддержки экспортного кредитования создана во всех странах-членах ОЭСР, в первую очередь в США и Германии. В связи с тем, что экспортная квота в обрабатывающих отраслях немецкой промышленности весьма значительна и достигает

зачастую 50–60%, это обстоятельство может классифицироваться как важный составной элемент современной государственной политики Германии в области поддержки экспорта. Финансирование иностранных участников ВЭД осуществляется через специализированные и подконтрольные государству структуры – KfW IPEX Bank (экспортное и проектное финансирование), а также KfW Entwicklungsbank и DEG (развивающиеся страны), входящие в состав Kreditanstalt für Wiederaufbau – KfW [14].

В тройку крупнейших мировых торговых держав, создавших систему поддержки, входит также Китай. В стране основным государственным органом, отвечающим за разработку и реализацию внешнеэкономической политики, является Министерство коммерции КНР. Главное ядро китайской национальной системы содействия экспорту продукции и инвестиций в зарубежные активы составляют Департамент поддержки экспорта и Китайское агентство поддержки инвестиций (англ. China Investment Promotion Agency) [15, с. 50]. Одним из ведущих финансовых институтов поддержки экспорта является Государственный банк развития Китая, который совместно с банком С-ЭКСИМ, начиная с 2010 года, привлекает не менее 112 млрд. долл. внешних займов китайским компаниям, ведущим бизнес за рубежом.

Схожая инфраструктура поддержки экспортного кредитования формируется в настоящее время и в Российской Федерации, а также в странах ЕАЭС. Основными кредиторами на евразийском пространстве являются государственные банки, позиционирующие себя как финансовые институты развития (например, Внешэкономбанк России, Банк развития Казахстана, Банк развития Республики Беларусь) [16].

С учетом вышеизложенного полагаем, что финансово-кредитное стимулирование путем субсидирования экспортного кредитования играет важную роль в решении вопроса о развитии внешней торговли. В условиях международной конкуренции положительный эффект от государственного регулирования может возрасти, если будет осуществлена гармонизация государственной финансовой поддержки в рамках региональных экономических объединений, в частности ЕАЭС.

В связи с этим основной целью настоящей статьи будет выявление проблем государственной поддержки экспортного кредитования внешней торговли и разработка предложений по обеспечению условий для совершенствования поддержки выхода на внешний рынок национальных производителей государств-членов ЕАЭС.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора. Как известно, минимально допустимые ставки по экспортным кредитам (CIRR) являются предметом согласования на межгосударственном уровне, и для этого разработаны специальные методики. В частности, согласно статье 19 Договоренности Организации экономического сотрудничества и развития об экспортном кредитовании с государственной поддержкой (ДОЭК ОЭСР), участники договоренности, предоставляющие экспортные кредиты с государственной поддержкой, должны использовать CIRR как минимально возможный уровень ставки по кредиту.

Для целей настоящей статьи проанализируем принципы определения CIRR, охарактеризуем методологию определения значения CIRR и порядок расчета минимальной премии за кредитные риски, а также раскроем особенности так называемого связанного экспортного финансирования с тем, чтобы определить направления совершенствования государственной поддержки внешней торговли в государствах-членах ЕАЭС.

Принципы определения CIRR в национальных валютах заложены в статье 19 ДОЭК ОЭСР:

- 1) CIRR представляет собой окончательную коммерческую процентную ставку на внутреннем рынке соответствующей валюты;
- 2) CIRR максимально близка по значению ставке для внутренних первоклассных заемщиков;
- 3) CIRR основывается на затратах на фондирование, предоставляемое с фиксированной процентной ставкой экспортного кредита;
- 4) CIRR не должна нарушать условия конкуренции на внутреннем рынке;
- 5) CIRR максимально близка по значению ставке, доступной иностранным первоклассным заемщикам.

Первый принцип устанавливает два важнейших субпринципа. Указание на то, что CIRR

представляет собой окончательную ставку, подразумевает, что при определении CIRR в национальных валютах необходимо опираться на «эффективные» процентные ставки, т.е. ставки с учетом всех возможных комиссий и дополнительных расходов, а не на номинальные значения. В свою очередь, указание на то, что CIRR представляет собой коммерческую ставку, подразумевает, что опираться нужно на рыночные значения процентных ставок, а не льготные, субсидируемые заимствования, предоставляемые национальным заемщикам государствами в целях их поддержки.

Второй принцип, по нашему мнению, имеет первостепенное практическое применение при установлении CIRR в национальных валютах. Согласно данному принципу в качестве основы для определения значений CIRR могут использоваться значения ставок не только государств, но и иных местных заемщиков при условии, что они отнесены к категории первоклассных, т.е. имеющих наивысший кредитный рейтинг в национальных валютах.

Третий принцип открывает экономическую природу CIRR. Согласно данному принципу CIRR отражает стоимость фондирования финансового института, предоставляющего экспортный кредит, и не включает в себя какие-либо маржи или премии, например премию за риск. Предоставление экспортных кредитов по ставке ниже, чем CIRR, означало бы предоставление заведомо убыточного кредита, что противоречит принципам ВТО.

По нашему мнению, задача четвертого принципа – призыв для государств воздержаться от манипулирования внутренним рынком путем искусственного занижения стоимости фондирования отдельных заемщиков в целях установления более низких значений CIRR.

Пятый принцип дублирует второй принцип, однако расширяя его действие на первоклассных иностранных заемщиков. Данное расширение предоставляет еще больше возможностей для определения значений CIRR в национальных валютах.

Методологию определения значения CIRR непосредственно устанавливает статья 20 ДОЭК ОЭСР. Суть методологии состоит в следующем. В соответствии с пунктом а) статьи 20 ДОЭК ОЭСР каждый участник ДОЭК ОЭСР, желаю-

щий установить значение CIRR в национальной валюте, должен, в первую очередь, выбрать одну из схем определения основной ставки для своей национальной валюты: одноуровневую или трехуровневую.

При одноуровневой схеме базой исчисления CIRR для кредитов со сроком погашения от 2 до 10 лет является доходность по государственным облигациям с остаточным сроком обращения пять лет. Для некоторых экспортных проектов могут быть установлены более длительные сроки погашения.

При трехуровневой схеме действует следующий алгоритм:

1. Базой исчисления CIRR для кредитов со сроком погашения от 2 до 5 лет включительно является доходность по государственным облигациям с остаточным сроком обращения три года.

2. Базой исчисления CIRR для кредитов со сроком погашения от 5 до 8,5 лет включительно является доходность по государственным облигациям с остаточным сроком обращения пять лет.

3. Базой исчисления CIRR для кредитов со сроком погашения от 8,5 до 10 лет является доходность по государственным облигациям с остаточным сроком обращения семь лет. Для некоторых экспортных проектов могут быть установлены более длительные сроки погашения.

В соответствии с пунктом б) статьи 20 ДОЭК ОЭСР после определения основной ставки к ней необходимо прибавить маржу в размере 100 базисных пунктов. Экономическая суть данного пункта опирается на принцип, в соответствии с которым страны-эмитенты валют не должны осуществлять поддержку экспорта себе в убыток, и данная надбавка обеспечивает соблюдение этого принципа.

Значения CIRR устанавливаются ежемесячно, фиксируются с 15-го числа каждого месяца до 14-го числа следующего за ним месяца и подлежат опубликованию на официальном сайте ОЭСР. Другие страны-участники ДОЭК ОЭСР должны использовать CIRR, установленную для определенной национальной валюты в соответствии с вышеуказанной методологией, в случае предоставления финансирования в данной валюте. Каждый участник ДОЭК ОЭСР

имеет право изменить систему определения основной ставки с предварительным уведомлением за шесть месяцев до ее изменения и после обсуждения с другими участниками ДОЭК ОЭСР, однако данное положение не применяется к странам, не являющимся участниками ДОЭК ОЭСР, то есть к государствам-членам ЕАЭС.

Помимо требования ДОЭК ОЭСР о минимальной процентной ставке по экспортным кредитам с государственной поддержкой, участники ДОЭК ОЭСР должны обеспечить взимание с получателя своеобразной платы за риск – минимальной премии за кредитные риски (англ. *minimum premium rates for credit risks*). Данная премия рассчитывается в соответствии с положением статьи 23 ДОЭК ОЭСР специальными уполномоченными организациями. Расчет минимальной премии за кредитные риски базируется на кредитном рейтинге страны-импортера и кредитном качестве иностранного заемщика. При этом минимальная премия за кредитные риски, установленная в ДОЭК ОЭСР, никак не зависит от кредитного странового рейтинга страны-экспортера и финансового состояния экспортера.

При расчете минимальной премии за риск коммерческие риски ДОЭК ОЭСР классифицируются в рамках категорий (SOV+, SOV / CC0, CC1, CC2, CC3, CC4, CC5), где страны с рейтингом SOV+ обладают наиболее устойчивым состоянием по критериям экономической и финансовой устойчивости, страны с рейтингом CC5 – наименее устойчивым состоянием соответственно. Коэффициент коммерческого риска (риска покупателя) привязан к категории странового риска экспортера. При этом наиболее благоприятные условия поддержки кредитования производителей в рамках условий ДОЭК ОЭСР будут достигаться при экспорте продукции в страны с высокими показателями экономической и финансовой устойчивости.

Государственная поддержка экспортного кредитования может также дополняться механизмом связанного экспортного финансирования. Положения главы II ДОЭК ОЭСР устанавливают требования к финансовым параметрам экспортных кредитов коммерческих банков, которые пользуются отдельными мерами государственной поддержки. При этом межго-

сударственные экспортные кредиты предоставляются на основе главы III ДОЭК ОЭСР. В соответствии со статьей 33 ДОЭК ОЭСР связанные государственные кредиты участников ДОЭК ОЭСР обеспечивают доступ к финансовым ресурсам развивающимся странам в сегменте финансирования, недоступного для коммерческого сектора. «Связанное экспортное финансирование» может предоставляться в виде кредитов, грантов либо финансовых пакетов на льготных (некоммерческих) условиях. Обычно они предоставляются как комбинация гранта и кредита на коммерческих условиях.

Базовыми условиями предоставления связанного экспортного финансирования в ОЭСР являются:

1) отсутствие у иностранной страны-заемщика возможностей по привлечению финансирования проекта на коммерческих условиях (статья 37 ДОЭК ОЭСР);

2) связанное экспортное финансирование возможно предоставлять только в страны из перечня, определяемого секретариатом ОЭСР на основе классификации Всемирного Банка (статья 36 ДОЭК ОЭСР). На сегодняшний день к числу стран-реципиентов относится более 90 государств [17]; в их числе традиционные торговые партнеры Российской Федерации: государства-члены ЕАЭС, а также Вьетнам, Египет, Индия, Индонезия, Ирак, Молдавия, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан и другие;

3) в зависимости от уровня валового национального дохода на душу населения страны-реципиента нормами ДОЭК ОЭСР предусматривается требование по минимальному уровню льготности «связанного экспортного финансирования» (для наименее развитых стран минимальный уровень льготности составляет 50%, для остальных стран – 35%) (статья 38 ДОЭК ОЭСР).

В случае грантов уровень льготности составляет 100%. В случае кредитов уровень льготности определяется как разница между номинальной стоимостью кредита и дисконтированной стоимостью будущих платежей заемщика по обслуживанию долга. Эта разница выражается в виде процента от номинальной стоимости кредита. Расчет уровня льготности кредита производится на основе положений статьи 40

ДОЭК ОЭСР. Уровень льготности связанного экспортного кредита зависит от ставки по кредиту, льготного периода, периода использования кредита, порядка погашения тела кредита и процентов по нему, срока погашения кредита, ставки дисконтирования и не зависит от объема кредита.

Результаты исследования. Как показал анализ вышеприведенных принципов определения значений CIRR в национальных валютах, базой для расчета соответствующих уровней CIRR является доходность по государственным облигациям стран-участниц соглашения, размещаемым на внутреннем рынке данной страны и выраженным в национальных валютах. Очевидно, что применительно к национальным валютам стран-членов ЕАЭС, отражающим соответствующий экономический потенциал и размеры рынка той или иной валюты, ставки, рассчитанные по методике ДОЭК ОЭСР, будут выше, чем в развитых странах. В результате производители государств-членов ЕАЭС находятся в менее конкурентоспособных условиях из-за правил ВТО, определяющих проценты по экспортным кредитам.

Анализ методологии определения значений CIRR позволил выявить, что ставки устанавливаются в отношении национальных валют всех стран-участников ДОЭК ОЭСР, для 15 валют. Так, для экспортных кредитов со сроком погашения от 8,5 лет CIRR установлена на уровне 3,78% годовых для долларов США и 1,40% для евро. Из 15 государств, которые принимают участие в определении значений CIRR в своих валютах, девять выбрали трехуровневую схему определения ставок, а шесть – одноуровневую схему [18].

Для рубля и национальных валют Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана ставка CIRR не определена, поскольку государства-члены ЕАЭС не являются членами ОЭСР. При этом многие страны – члены ОЭСР заинтересованы в установлении CIRR в рублях уже на данном этапе, несмотря на санкции. Подобные предложения возникают в связи с тем, что большое количество импорта в Россию поступает при финансовой поддержке зарубежных экспортных кредитных агентств. При этом довольно часто российские контрагенты нуждаются в рублевых кредитах. В частности, экс-

портные кредитные агентства стран ОЭСР заинтересованы в установлении CIRR в рублях для снижения издержек, связанных с хеджированием валютных рисков при выдаче экспортных кредитов с государственной поддержкой покупателям своей продукции в Российской Федерации и странах ЕАЭС, а также для создания более предсказуемой и благоприятной системы инвестирования через российские региональные государственные организации в совместные проекты на территории Российской Федерации.

В таких странах, как Кыргызская Республика и Республика Армения, до их вступления в ЕАЭС имела место деятельность различных некоммерческих организаций, а также информационно-аналитических и обучающих центров, финансируемых из-за рубежа. В то же время разброс значений доходности российских государственных облигаций весьма значителен, данное обстоятельство характерно и для Казахстана. В этой связи возможная CIRR в рублях может достигать весьма высоких значений, что невыгодно для Российской Федерации в части расширения практики предоставления экспортных кредитов с использованием государственных мер содействия иностранным покупателям отечественной продукции в рублях.

Как было установлено на основании ранее проведенного анализа положений ДОЭК ОЭСР, участник договоренности, желающий установить значение ставок CIRR в национальной валюте, должен в первую очередь выбрать систему определения основной ставки для своей национальной валюты. Полагаем, что в целях определения возможности установления значений CIRR в национальных валютах стран ЕАЭС необходимо установить наличие в обращении государственных облигаций со сроком погашения 3, 5 и 7 лет.

Нами был проведен анализ и обобщение информации о состоянии внутреннего долгового рынка для расчета значений CIRR. В результате проведенного анализа государственных облигаций государств-членов ЕАЭС, денонмированных в национальной валюте (российских рублях, казахстанских тенге, белорусских рублях, армянских драма, кыргызских сомах) и находящихся в обращении на март 2018 года, нами были отобраны ценные

**Значение CIRР в национальных валютах государств-членов ЕАЭС
с учетом доходности государственных облигаций, %**

	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан
Доходность государственных облигаций					
3 года	8,02	8,7	12,68	14,24	16,27
5 лет	10,11	10,4	16,47	17,08	18,41
7 лет	11,58	12,5	19,2	19,45	-
Значение CIRР в национальной валюте для экспортного кредита					
Со сроком погашения до 5 лет	9,02	9,7	13,68	15,24	17,27
Со сроком погашения от 5 лет до 8,5 лет	11,11	11,4	17,47	18,08	19,41
Со сроком погашения свыше 8,5 лет	12,58	13,5	20,2	20,45	-*
* Принимая во внимание, что деноминированные в кыргызских сомах долговые ценные бумаги Кыргызской Республики или кыргызских государственных компаний отсутствуют, установить значение ставки CIRР для кредитов со сроком погашения больше 8,5 лет не представляется возможным. Источники: рассчитано по данным центральных банков и фондовых бирж государств-членов ЕАЭС: Банка Российской Федерации (http://www.cbr.ru/gcurve/GDB.asp ; https://smart-lab.ru/q/ofz/), Национального банка Республики Беларусь (http://www.nbrb.by/statistics/MonetaryPolicyInstruments/RefinancingRate/), Национального Банка Республики Казахстан (http://kase.kz/ru/gsecs/ ; http://cbonds.ru/kazakhstan-bonds/), Центрального банка Армении (www.cba.am ; http://cbonds.ru/armenia-bonds/), Национального банка Кыргызской Республики (http://www.senti.kg/article/fondoviy_rinok_kirgizctana_itogi_2015_goda), а также информационного агентства Cbonds.ru (http://ru.cbonds.info/pages/Cbonds), специализирующегося в сфере финансовых рынков (Московской биржи, АО «Белорусская валютно-фондовая биржа», KASE, определенной в качестве специальной торговой площадки регионального финансового центра города Алма-Аты, Армянской фондовой биржи, Кыргызской фондовой биржи).					

бумаги, наиболее подходящие для целей определения значений CIRР, и рассчитаны соответствующие ставки по странам (*таблица*).

Расчет соответствующих уровней процентных ставок CIRР осуществлялся согласно нормам ВТО и методике ОЭСР на базе доходности по государственным облигациям стран-участниц соглашения, размещаемым на внутреннем рынке данной страны с соответствующими остаточными сроками погашения (3, 5, 7 и более лет), которая выражена в национальных валютах. Уровень такой доходности увеличивается на 100 базисных пунктов (условная разница в стоимости фондирования банков по сравнению с эмитентами гособлигаций, являющимися суверенными заемщиками) и в результате получается базовое значение CIRР в соответствующей валюте.

Как видно из данных таблицы, стоимость фондирования и финансовые условия экспортного финансирования стран-членов ЕАЭС с учетом норм ВТО и ОЭСР находятся на высоком уровне, что снижает конкурентоспособность производителей на внешнем рынке. Искусственно снизить стоимость фондирования

для стран, не являющихся эмитентами свободно конвертируемых (резервных) валют, можно за счет перехода к экспортному кредитованию в валютах стран ЕАЭС. Этого эффекта также возможно достичь в случае использования национальных валют в торговле в рамках ЕАЭС. Для Российской Федерации в условиях санкционного давления со стороны западных стран данное обстоятельство является первостепенной задачей.

Вторым возможным направлением по снижению стоимости фондирования в свободно конвертируемых валютах является фондирование национальных институтов стран ЕАЭС за счет государственных источников, имеющих запасы в резервных валютах. В Российской Федерации, например, таким источником фондирования в иностранной валюте может стать Фонд национального благосостояния.

Третьим направлением снижения стоимости фондирования может стать участие государственных структур стран ЕАЭС в различных программах поддержки со стороны международных финансовых институтов, в частности со стороны Всемирного банка, МВФ, ЕБРР и др.

Четвертым направлением является создание в рамках интеграционных объединений региональных банков развития, задачами которых станет льготное фондирование кредитных институтов стран-участниц объединений для целей последующей поддержки экспортных проектов.

Результаты исследования действующего законодательства государств-членов ЕАЭС и правил предоставления национальными институтами целевых кредитов с государственной поддержкой свидетельствуют о выявлении «материального преимущества» в понимании норм ВТО и Договора о ЕАЭС в части условий кредитования экспорта в соответствии с рыночными условиями (при кредитовании в валютах стран ЕАЭС). Таким образом, альтернативный метод установления условий экспортного кредитования в национальных валютах стран ЕАЭС с государственной поддержкой в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России «де-факто» не работает. В то же время при организации экспортного кредитования в свободно конвертируемых валютах отдельные условия ДОЭК ОЭСР, включая уровень ставок CIRR, государствами-членами ЕАЭС соблюдаются.

Зоной риска системы экспортного кредитования с государственной поддержкой у государств-членов ЕАЭС является отсутствие легитимных индикаторов минимального уровня ставок при предоставлении средств в российских и белорусских рублях, армянских драмах, казахстанском тенге. В киргизских сомах до настоящего времени осуществляется только предэкспортное финансирование в самой Киргизии, которое не регулируется нормами ОЭСР. В этой связи требуется разработать и утвердить общие подходы по установлению минимально допустимых ставок экспортного кредитования в национальных валютах на основе описанных норм и правил ДОЭК ОЭСР и ССКМ ВТО в сфере экспортного кредитования.

Следовательно, для соблюдения правил предоставления экспортных субсидий внутри ЕАЭС необходимо разработать и утвердить методики определения минимально допустимых ставок экспортного кредитования в национальных валютах на основе описанных подходов ДОЭК ОЭСР и ССКМ ВТО.

Сверх указанной ставки кредиторы взимают премию за кредитный риск по каждой конкретной кредитной организации, причем методика ОЭСР по аналогии с CIRR предусматривает определенный алгоритм расчета минимально допустимых значений такой премии (Minimum Premium Rate). Эта методика учитывает такие факторы, как отнесение страны-заемщика к той или иной категории риска, сроки кредита, объем государственного страхового покрытия политических и коммерческих рисков экспортного кредита, качество структурирования экспортной сделки и меры по снижению страновых и корпоративных рисков [19; 20; 21; 22].

Анализ порядка расчета минимальной премии за кредитные риски показал, что она определяется с учетом кредитного рейтинга той или иной страны по классификации ОЭСР, использующей семиуровневую шкалу (1 – наименьший риск, 7 – наибольший). Национальные институты поддержки экспорта стран-участниц ДОЭК ОЭСР устанавливают ограничения по размеру максимального покрытия экспортного кредита гарантией либо страховкой в зависимости от категории риска страны-импорта по классификации ОЭСР (чем выше категория, тем ниже размер максимального покрытия). Решение о повышении или сохранении на прежнем уровне рейтинга стран принимается на регулярных заседаниях подгруппы ОЭСР по определению страновых кредитных рисков [23]. К полномочиям указанной подгруппы относится распределение стран (как членов, так и не членов ОЭСР), а также отдельных международных финансовых организаций по категориям страновых кредитных рисков ОЭСР для оценки размера премии (платы), взимаемой при финансировании экспорта с государственной поддержкой. При этом в соответствии с положениями ДОЭК ОЭСР страны-члены ОЭСР с высоким уровнем дохода на душу населения (как и высокодоходные страны ЕС) классифицируются в рамках данной модели в категории «1». В седьмой категории риска представлены страны, по мнению участников ДОЭК ОЭСР, с самым высоким уровнем кредитного риска.

В рамках классификации ОЭСР сформированы кредитные рейтинги для более чем 200 государств. Российская Федерация включена в

четвертую категорию классификации ОЭСР, Республика Казахстан и Республика Армения – в шестую, Республика Беларусь и Кыргызская Республика – в седьмую [24].

Выше нами упоминался механизм связанного финансирования как способ, дополняющий государственную поддержку экспортного кредитования. Получателем связанного экспортного финансирования может выступать иностранный покупатель промышленной продукции (товаров, работ и услуг) из страны-донора либо его кредитор. При объеме связанного экспортного финансирования менее 2 млн. специальных правил заимствования (англ. *Special drawing rights*), что составляет около 3 млн. долл. США, необходимо соблюдать только одно условие, а именно: заемщик должен быть включен в список стран-реципиентов связанной помощи. Связанные экспортные кредиты с уровнем льготности свыше 80% могут предоставляться на любых условиях.

На протяжении эволюции ДОЭК ОЭСР условия связанного финансирования только ужесточались; так, в 1985 году минимальный уровень льготности (концессиональности) составлял 25%. С 1987 года по настоящее время грант-элемент составляет не менее 35%, то есть предоставлять связанную помощь с более низким уровнем льготности запрещено.

До предоставления связанного экспортного финансирования страна-кредитор должна предварительно уведомлять через секретариат ОЭСР иных участников ДОЭК ОЭСР о предоставлении такой помощи. В соответствии со статьей 41 ДОЭК ОЭСР условия и порядок предоставления связанного экспортного финансирования не должны быть зафиксированы более чем на два года (в связи с изменением экономической ситуации в странах-реципиентах). Главной мотивировкой такого запрета является убежденность стран ОЭСР в том, что при низком уровне льготности начинается конкуренция с коммерческим финансированием и экспортным кредитованием с государственной поддержкой.

Таким образом, при несоблюдении одного из условий Главы III ДОЭК ОЭСР по связанному экспортному финансированию (уровень льготности связанного финансирования ниже 35%, страна-получатель не включена в перечень стран-реципиентов связанной помощи, проект

может быть реализован на коммерческих условиях) предоставить экспортный кредит возможно только при выполнении всех требований главы II ДОЭК ОЭСР, предъявляемых к экспортному кредиту с государственной поддержкой (размер авансового платежа, срок кредитования, порядок погашения кредита, уровень процентной ставки, премии за риски и др.).

Анализ и пояснение полученных результатов

Указанные выше причины обуславливают целесообразность разработки и утверждения методик расчета минимальных процентных ставок экспортного кредитования с государственной поддержкой в валютах государств-членов ЕАЭС.

Данные методики позволяют:

- 1) защитить внутренний рынок государств-членов ЕАЭС от недобросовестной конкуренции;
 - 2) способствовать синхронизации процессов гармонизации законодательства в смежных сферах: поддержка экспорта, финансовые рынки, валютное регулирование;
 - 3) вывести на новый уровень межведомственное взаимодействие как на национальном, так и на наднациональном уровне;
 - 4) обеспечить здоровую конкуренцию, основанную на признанной ведущими странами мира методике расчетов процентных ставок экспортного кредитования, что позволит государствам ЕАЭС получить рост экспорта в торговле с внешним миром;
 - 5) учитывать фактор использования методик во взаимной торговле государств-членов ЕАЭС, что позволит не привязывать практику предоставления экспортных кредитов к положениям ДОЭК ОЭСР;
 - 6) рассматривать данные методики с точки зрения рыночной меры оказания поддержки экспорту промышленной продукции, что позволит соответствовать положениям Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам.
- Осуществляемая гармонизация национальных систем поддержки экспорта и принятие методических рекомендаций будут иметь не только экономическое, политическое, но и репутационное значение для ЕАЭС, создаст благоприятный регулятивный фон для активизации взаимодействия государств-членов ЕАЭС с ВТО, ОЭСР и иными международными организациями.

Повышение роли взаимодействия государственных структур при формировании финансовых элементов поддержки несырьевых экспортеров в евразийском пространстве обеспечивается деятельностью основанной в 2000 году Евразийской Экономической комиссией (ЕЭК), которая осуществляет координацию взаимодействия по вопросам выявления и устранения барьеров, изъятий и ограничений торговли на внутреннем рынке ЕАЭС, а также развитию интеграционных процессов. Серьезным шагом в этом направлении стало создание международной Конвенции о борьбе с картелями и Инструментария по противодействию ограничительным деловым практикам транснациональных корпораций и нарушениям правил конкуренции, носящим трансграничный характер. Указанная Конвенция уже была одобрена в рамках существующего эффективного формата взаимодействия глав антимонопольных органов стран ЕАЭС и Министра ЕЭК «5+1» [25, с. 68]. При этом «критерием укрепления евразийской интеграции является степень ориентации финансовой политики на стимулирование экономического роста в регионе» [26, с. 109-110].

Полемика по поводу результатов. Возможности имплементации существующей в настоящее время практики государственной финансовой поддержки экспорта в государствах-членах ЕАЭС в унифицированную и стандартизованную систему поддержки экспорта на сегодняшний день осложняются следующими обстоятельствами:

- 1) разным уровнем юридической техники законодательства стран-членов ЕАЭС, в том числе техники экспортного законодательства;
- 2) низким уровнем развития организационно-правовых основ и практики государственной поддержки экспорта и в Республике Армения, и в Кыргызской Республике;
- 2) разным уровнем восприятия государствами положений ДОЭК ОЭСР;
- 4) отсутствием механизма мониторинга и оценки эффективности принимаемых ЕЭК решений, заключаемых международных договоров.

В то же время при оптимизации механизмов гармонизации законодательства, сближении экспортной политики, отладке направлений координации усилий между ЕЭК, государственными органами и институтами развития, уни-

фикации и стандартизации на уровне ЕАЭС могут подлежать:

- требования к минимальной институциональной структуре национальных систем поддержки экспорта;
- терминология (установление единообразия в понимании таких терминов, как «экспортный кредит», «субсидирование процентных ставок» и др.);
- принципы государственной поддержки экспорта;
- минимальный набор и единообразное толкование мер государственной поддержки экспорта;
- перечень недобросовестных практик в государственной поддержке экспорта и меры воздействия в отношении государств за их применение;
- позиционирование государств-членов ЕАЭС по отношению к ДОЭК ОЭСР;
- методика расчета аналога CIRR на базе национальных валют государств-членов ЕАЭС.

Предложенный нами алгоритм расчета минимально допустимых процентных ставок по экспортным кредитам в национальных валютах стран ЕАЭС может быть использован на различных сегментах, не относящихся к сегментам сырьевой и сельскохозяйственной продукции, торгово-экономических отношений стран, в целях оценки финансово-экономических результатов соответствующих экспортных операций для их участников.

За последние годы все большее значение приобретают не связанные обязательствами финансовые кредиты стран ОЭСР в пользу развивающихся стран. Как правило, связанное экспортное финансирование предоставляется на основе двусторонних межгосударственных соглашений между страной-донором и страной-реципиентом, что соответствует российской практике и может быть активно использовано в рамках ЕАЭС.

По нашему мнению, сформулированные в настоящей статье предложения направлены на активизацию промышленно-экономического взаимодействия в рамках ЕАЭС, на формирование гармонизированных условий экспортного кредитования с государственной поддержкой в целях стимулирования интеграционных процессов в евразийском экономическом пространстве.

Литература

1. Brander J. Spencer B. Export Subsidies and International Market Share Rivalry. *Journal of International Economics*, 1985, Vol. 18, No 1-2, pp. 83-100.
2. Rodriguez R. *Ex-Im Bank: Overview, Challenges and Policy Options*. Ex-Im Bank in the 21st Century. Washington DC: Institute for International Economics, 2002, pp. 3-34.
3. Артемьев П.П. Стимулирование экспорта продукции промышленности: опыт зарубежных стран, направления совершенствования в Республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2015. № 3. С. 38-59.
4. Hogan P. Kacsing D., Singer A. (eds.). *Some Institutional Aspects of Export Promotion in Developing Countries. The Role of Support Services in Expanding Manufactured Exports in Developing Countries*. Economic Development Institute, World Bank, 1991.
5. Пищик В.Я., Алексеев П.В. Формирование общего финансового рынка государств – членов ЕАЭС // Финансовый журнал НИФИ. 2017. № 5. С. 102-111.
6. Корден У.М. Стратегическая внешнеторговая политика // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринэуэй. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 328-350.
7. Corden W.M. Strategic Trade Policy: How New? How Sensible? *World Bank Working Paper Series*, 1990, No 396.
8. Liang N. *Beyond Import Substitution and Export Promotion: a New Typology of Trade Strategies with Empirical Verification and Policy Analysis*. Indiana University, 1990.
9. Eaton J. Grossman G. Optimal Trade and Industrial Policy under Oligopoly. *Quarterly Journal of Economics*, 1986, Vol. 101, No 2, pp. 383-406.
10. Gianturco D.E. *Export Credit Agencies: the Unsung Giants of International Trade and Finance*. London: Quorum Books, 2001. 198 p.
11. Mendelowitz A. *The New World of Government-Supported International Finance*. Ex-Im Bank in the 21st Century. Washington DC: Institute for International Economics, 2002, pp. 159-189.
12. Артемьев П.П. О некоторых возможностях взаимодействия стран-членов ЕАЭС при определении и использовании справочных коммерческих процентных ставок (CIRR) в национальных валютах // Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, региональная экономика. Новосибирск, 2016. С. 7-13.
13. Аксенов В.С., Овчинников А.А. Экспортные кредитные агентства развивающихся стран в системе международного торгового финансирования: новые тенденции // Экономический журнал. 2012. № 25. С. 43-51.
14. Официальный сайт KfW IPEX-Bank. URL: www.kfw-ipex-bank.de (дата обращения: 25.09.2018).
15. Официальный сайт Торгового представительства Российской Федерации в Китайской Народной Республике. URL: <http://www.russchinatrade.ru> (дата обращения: 25.09.2018).
16. Глушко Н. Банки развития в Беларуси, России и Казахстане: общая характеристика, результаты и особенности деятельности // Банкаўскі веснік. 2017. Жнівень. С. 50-59.
17. *OECD: Country Classification for aid and repayment terms*. Available at: <http://www.oecd.org/tad/xcred/country-classification.htm> (дата обращения: 07.04.2018 г.)
18. *OECD: The Arrangement for Officially Supported Export Credits. Valid as of April 2018*. Available at: <http://www.oecd.org/tad/xcred/cirrs.pdf>. (дата обращения: 07.04.2018 г.)
19. Смирнов А.Л. ЕАЭС: государственная поддержка экспорта // Банковское дело. 2015. № 4.
20. Пашкевич И. Стимулирование экспортной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства // Банковский вестник. 2014. № 8 (613). С. 30-35.
21. Подосенков Н.С. Система торгового финансирования // Проблемы современной экономики: научн. журн. 2013. № 2 (46). С. 156-159.
22. Навой А.В. Концепция валютно-финансового регулирования национальной экономики в условиях нестабильности глобальных финансов // Финансовый журнал НИФИ. 2018. № 1. С. 71-86.

23. Кредитный рейтинг стран. URL: <http://ru.tradingeconomics.com/country-list/rating> (дата обращения: 07.04.2018г.)
24. *OECD: Country Risk Classifications of the Participants to the Arrangement on Officially Supported Export Credits. Valid as of 26 January 2018.* Available at: <http://www.oecd.org/tad/xcred/cre-crc-current-english.pdf> (дата обращения: 07.04.2018г.)
25. Цыганов А.Г. Сотрудничество государств-членов ЕАЭС с ОЭСР в контексте развития интеграционной повестки ЕАЭС. Возможности использования наилучших практик ОЭСР в работе ЕАЭС // Сотрудничество государств-членов ЕАЭС с ОЭСР в контексте развития интеграционной повестки Союза. Возможности использования наилучших практик ОЭСР в работе ЕАЭС: сборник публикаций. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2017. С. 68.
26. Пищик В.Я., Алексеев П.В. Формирование общего финансового рынка государств-членов ЕАЭС // Финансовый журнал. 2015. № 7. С. 102-111.

Сведения об авторах

Виталий Филиппович Шаров – доктор экономических наук, доцент, профессор департамента общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (101000, Российская Федерация, г. Москва, Малый Златоустынский пер., д. 7; e-mail: sharov.vff@mail.ru)

Миляуша Рашитовна Пинская – доктор экономических наук, доцент, профессор департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр-д, д. 4), руководитель Центра налоговой политики НИФИ, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (127006, Российская Федерация, г. Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2; e-mail: MPinskaya@yandex.ru)

Сергей Валентинович Богачев – доктор экономических наук, профессор, председатель, Правление общественной организации «Институт местного и регионального развития» (83001, г. Донецк, ул. Кобозева, 51; e-mail: Sergeybogachov@yandex.ru)

Sharov V.F., Pinskaya M.R., Bogachev S.V.

Improving Governmental Support for the Export Credit of Foreign Trade in the Eurasian Space

Abstract. The development of common approaches to the provision of governmental support to export credit within the Eurasian Economic Space streamlines the entry of national producers into foreign markets and the development of foreign trade. The paper aims to justify the need to harmonize the rules according to which the government provides support to foreign trade within the Eurasian Economic Union (EAEU). We analyze principles for determining the minimum rates on export credits (CIRR, Commercial Interest Reference Rates) in national currencies, describe a methodology for determining the value of CIRR and calculating the minimum premium for credit risks adopted by the OECD, and define basic conditions for the provision of related export financing in the OECD. The novelty of our research consists in the fact that we calculate CIRR for EAEU member states in their national currencies in accordance with the provisions of the OECD Arrangement on Export Credits. The calculation technique that we propose contributes to the establishment of harmonized conditions to support the export of industrial products within the EAEU. We use research methods such as analysis, synthesis, generalization, and comparison. We identify risk zones of the export credit system and measures to reduce

the cost of funding for the EAEU member states that do not issue freely convertible (reserve) currencies. We substantiate the expediency of developing and approving CIRR calculation techniques within the EAEU. We point out the advantages of supplementing the state support of export crediting with the mechanism of linked export financing. We reveal the barriers to establishing a unified and standardized system of export support in the Eurasian Space. We substantiate the ways to streamline the mechanisms of export policy at the level of the EAEU. Practical significance of our research consists in the fact that we develop an algorithm for calculating the minimum allowable rates of export credits denominated in the national currencies of EAEU member states (Russian ruble, Belarusian ruble, Kazakhstani tenge, Armenian Dram, and Kyrgyzstani som) on the basis of agreements and practices of state financial support (subsidies) for OECD export credits to stimulate mutual foreign trade within the EAEU.

Key words: international competition, foreign trade, OECD, EAEU, export crediting, CIRR, credit risk, linked export financing.

Information about the Authors

Vitalii F. Sharov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at the public finances department, Financial University under the Government of the Russian Federation (7, Maly Zlatoustinsky Lane, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: sharov.vff@mail.ru)

Milyausha R. Pinskaya – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at the department for tax policy and customs and tariff regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation), head of FRI Center for Tax Policy, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (3, building 2, Nastasyinsky Lane, Moscow, 127006, Russian Federation; e-mail: MPinskaya@yandex.ru)

Sergei V. Bogachev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, chairperson, Managing board of the public organization “Institute for Local and Regional Development” (51, Kobozev Street, 83001, Donetsk, e-mail: Sergeybogachov@yandex.ru)

Статья поступила 16.04.2018.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.6

УДК 338.24 + 332.146.2, ББК 65.05

© Чичканов В.П., Чистова Е.В., Тырсин А.Н.

Общая оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах России*

**Валерий Петрович
ЧИЧКАНОВ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29, оф. 523
E-mail: vpchichkanov@ya.ru

**Елена Витальевна
ЧИСТОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29, оф. 523
E-mail: elvitvas@ya.ru

**Александр Николаевич
ТЫРСИН**

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, г. ул. Софьи Ковалевской, 5
E-mail: at2001@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-00493).

Для цитирования: Чичканов В.П., Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Общая оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 87-102. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.6

For citation: Chichkanov V.P., Chistova E.V., Tyrsin A.N. General assessment of the effectiveness of social sphere financing in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 87-102. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.6

Аннотация. В статье представлен подход к оценке эффективности финансирования социальной сферы (здравоохранения, образования и жилищно-коммунального хозяйства) в регионах России. В рамках исследования проверена гипотеза, которая заключается в следующем: с улучшением социально-экономического положения региона эффективность финансирования социальной сферы в нем снижается. В методологию исследования эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем социально-экономического развития заложена оценка зависимости динамики достигнутых ими показателей и объема бюджетных расходов. Для проведения оценки были отобраны 9 результирующих показателей функционирования отраслей социальной сферы, с учетом утвержденного в ноябре 2017 г. Указом Президента РФ перечня показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, а также на основе наличия статистической связи между ними и индексом человеческого развития как итоговым индикатором. Кроме того, для учета региональной специфики развития в оценке эффективности расходования бюджетных средств осуществлена группировка субъектов РФ. Значения показателей для построения модели рассчитаны или взяты напрямую из статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики, Федерального казначейства и докладов Аналитического центра при Правительстве РФ. Для моделирования взаимосвязи между финансированием социальной сферы и результирующими показателями использован многомерный корреляционный анализ. Оценка, проведенная за десятилетний период, показала невысокую эффективность финансирования социальной сферы в России. В регионах с различным уровнем социально-экономического развития она носит четко выраженный дифференцированный характер в периоды экономической нестабильности. Только по мере преодоления кризисных явлений в социально-экономическом развитии слаборазвитого региона (высокая безработица, сверхвысокая смертность и др.) повышается актуальность расходов на развитие человеческого капитала. С достижением наилучших показателей социально-экономического развития в регионе уменьшается влияние бюджетного финансирования на качество жизни его населения, что объясняется снижением эффективности финансирования социальной сферы у развитых регионов.

Ключевые слова: эффективность финансирования, качество жизни, регион России, социальная сфера, многомерный корреляционный анализ.

Введение

В условиях, когда существенно возрастает самостоятельность регионов, повышается необходимость эффективного управления финансовыми потоками именно на региональном уровне. Тем более что в настоящее время сложилась определенная дестабилизация бюджетов регионов, в частности, вызванная выполнением «майских» указов, поскольку на них легла основная часть дополнительных расходов. По оценкам Н.В. Зубаревич [1], в 2013 и 2014 годах они несли 70% расходов во исполнение этих указов, а в 2015 г. — 80%. Кроме того, как показали исследования Вологодского научного центра РАН [2], дисбаланс территориальных бюджетных систем был предопределен и действиями по оптимизации налоговой нагрузки крупнейших налогоплательщиков. Такая ситуация безусловно ведет к жестким бюджетным

ограничениям, что актуализирует исследования по проблемам эффективности использования бюджетных ресурсов регионов [3–5] как дополнительного «источника финансирования».

Классический анализ экономической эффективности финансовых вложений предполагает оценку соотношения результатов и затрат в денежном выражении. Однако на практике эффективность расходования бюджетных средств таким подходом сложно оценить, особенно когда речь идет о социальной сфере. Как правило, социально значимые результаты достигаются совместными действиями многих органов власти [6]. Отсюда и сложности определения влияния той или иной статьи расходов на качество жизни населения как итогового показателя финансирования социальной сферы.

На государственном уровне с 2007 г. утверждена система оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ¹, включающая перечень основных показателей социально-экономического развития. За этот период данная система не раз совершенствовалась. С 2012 г. упрощена методика оценки эффективности, сокращен перечень показателей, отменен расчет неэффективных расходов, введен учет среднегодовых значений показателей, что позволило сделать мониторинг оценки эффективности более понятным и целеориентированным [7]. Тем не менее данная методика периодически подвергалась научной критике. В первую очередь исследователи [8] отмечают терминологическую неточность в подходе к понятию эффективности. Согласно утвержденной методике, предметом оценки являются результаты деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, а не их эффективность. Оценка эффективности все же должна основываться на соотношении результатов и использованных для их достижения ресурсов. Кроме того, сами показатели системы оценки эффективности вызвали дискуссии среди ученых. Отмечалась необоснованность большого количества показателей, которые зачастую дублировали друг друга, не имели четкой методики расчетов и не отражали объективную картину в той или иной отрасли [7]. Ряд исследователей [9–10] раскритиковали и состав показателей, поскольку некоторые показатели были ориентированы не на интересы населения, а скорее на отчетность региона. В целях совершенствования системы оценки эффективности деятельности региональных органов власти в ноябре 2017 г. был утвержден новый перечень показателей², а ранее действовавшие в этой сфере указы Президента России признаны утратившими силу. В этот перечень, помимо статистических показателей (ожидаемая продолжительность жизни,

суммарный коэффициент рождаемости и др.), вошли социологические оценки населения (оценка населением эффективности деятельности, оценка населением условий для самореализации и др.).

По результатам оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ составляется рейтинг регионов, который характеризует качество жизни их населения. Также эта оценка служит основой для выделения грантов в целях содействия и поощрения достижений наилучших значений показателей в субъектах РФ. В соответствии с правилами³, утвержденными в апреле 2018 г., количество регионов, которые могут поощряться грантами по итогам оценки, увеличено с 20 до 40. А размер грантов будет определяться в зависимости от числа жителей региона и индекса его бюджетных расходов. Однако исторически сложившиеся социально-экономические различия регионов оказывают значительное влияние на итоговую оценку эффективности деятельности региональных органов власти [11]. Регион, имеющий изначально высокий уровень социально-экономического развития, может занять высокую строчку в рейтинге при низкой эффективности своих финансовых вложений. Ю.П. Воронов справедливо отмечает, что любое процедурное несовершенство методики определения рейтинга будет искажать общее представление о качестве управления и может потенциально наносить вред соответствующим субъектам Федерации во взаимодействии с органами федеральной власти [12]. Таким образом, сталкиваясь с проблемой межрегионального сравнения [13–14], данный подход к оценке может исказить реальную ситуацию. В этой связи в рамках этого исследования проверена гипотеза, которая заключается в следующем: с улучшением социально-экономического положения региона эффективность финансирования социальной сферы в нем снижается.

¹ Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 825.

² Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 548.

³ Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 19.04.2018 г. №472.

Методология и данные исследования

В методологию исследования эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем развития заложена оценка зависимости динамики достигнутых ими показателей и объема бюджетных расходов. Исследование было проведено на примере финансирования отраслей социальной сферы, поскольку, с одной стороны, основной целью деятельности органов власти является повышение качества жизни населения [15–16]. А с другой стороны, с точки зрения общества и государства как института защиты интересов нации целью инвестиций в развитие социальной сферы является прирост человеческого капитала [17]. В рамках данного исследования в качестве общего индикатора качества жизни населения региона был использован широко распространенный показатель – индекс человеческого развития (ИЧР), потому что, как отмечают многие исследователи [18–20], является простым и многомерным индикатором развития территории. На основе недавно утвержденного перечня показателей для оценки эффективности деятельности органов ис-

полнительной власти субъектов РФ отобраны 9 результирующих показателей функционирования отраслей социальной сферы (показатели социально-экономического развития в регионе). Список используемых для моделирования показателей представлен в *таблице 1*.

Условием отбора результирующих показателей финансирования социальной сферы регионов, помимо их распространенного использования в качестве индикаторов качества жизни (в т.ч. в нормативно-правовых документах), стало наличие статистической связи между ними и ИЧР. Был проведен дискриминантный анализ [21] для ежегодных данных результирующих показателей Y_1, Y_2, \dots, Y_9 для трех групп ($IND = 1, IND = 2, IND = 3$) за ретроспективный период. Результаты показали устойчивое распознавание трех групп. Неправильное распознавание для каждой группы ограничивалось в среднем в 5% регионов, соседних с другой группой, что является приемлемым и объяснимым, т.к. значения ИЧР в этих случаях были близки, а иногда даже совпадали у соседних пограничных регионов из разных групп. Дискриминантный анализ данных проведен в пакете *Statistica*.

Таблица 1. Показатели, используемые при моделировании эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем развития

№ п/п	Показатель, единицы измерения	Условное обозначение
<i>Общий показатель развития региона</i>		
1.	ИЧР, ед.	<i>IND</i>
<i>Показатели финансирования социальной сферы в регионе</i>		
2.	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда на здравоохранение, руб. на человека	X_1
3.	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда на образование, руб. на человека	X_2
4.	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда на ЖКХ, руб. на человека	X_3
<i>Результирующие показатели регионального социально-экономического развития</i>		
5.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Y_1
6.	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Y_2
7.	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг на конец года, руб.	Y_3
8.	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	Y_4
9.	Суммарный коэффициент рождаемости	Y_5
10.	Количество зарегистрированных преступлений, случ. на 100 тыс. человек населения	Y_6
11.	Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	Y_7
12.	Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	Y_8
13.	Смертность населения от внешних причин, чел. на 100 тыс. человек населения	Y_9

С целью учета региональной специфики развития в оценке эффективности финансирования социальной сферы осуществлена группировка субъектов РФ на основе значения ИЧР. Для обеспечения статистической устойчивости результатов не учтены при построении модели 17 субъектов РФ с наиболее высокими и наименее низкими значениями ИЧР, а также с аномальными значениями или с отсутствующими статистическими данными по отдельным показателям. Таким образом, в модель вошли 68 субъектов РФ, разбитых на три группы – по 23 субъекта в первой (низкие значения ИЧР) и второй (средние значения ИЧР) группах и 22 субъекта в третьей (высокие значения ИЧР). Поскольку регионы развиваются неравномерно, состав групп за рассматриваемый период меняется в зависимости от значений ИЧР. Наиболее «подвижной» группой оказалась II группа. В таблице 2 указаны типичные представители каждой группы (те субъекты РФ, которые за рассмотренный период «сохранили свое место» в группе).

Значения показателей для построения модели рассчитаны или взяты напрямую из статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики, Федерального казначейства и докладов Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации.

Математическая модель взаимосвязи между показателями финансирования и результирующими показателями

Для моделирования взаимосвязи между финансированием здравоохранения, образования и ЖКХ и результирующими показателями воспользуемся многомерным корреляционным анализом. Имеем случайные векторы:

$X=(X_1, X_2, X_3)$ – показатели финансирования социальной сферы в регионе; $Y=(Y_1, Y_2, \dots, Y_9)$ – результирующие показатели регионального социально-экономического развития; $Z = X \cup Y = (X_1, X_2, X_3, Y_1, Y_2, \dots, Y_9)$ – все показатели. Проверка выборочных данных на нормальность распределения в целом показала непротиворечивость данной статистической гипотезы. Поэтому считаем, что векторы можно рассматривать как гауссовские.

Оценка тесноты корреляционной взаимосвязи между компонентами гауссовского случайного вектора U находится как [22]:

$$D_e(U) = 1 - |R_U|^{1/m}, \tag{1}$$

где m – размерность вектора U , R_U – корреляционная матрица случайного вектора U .

Формула (1) численно оценивает, насколько тесно связаны между собой компоненты многомерной случайной величины U , причем $0 \leq D_e(U) \leq 1$. Отметим, что $D_e(U)=0$ соответствует случаю взаимной линейной некоррелированности величины U_1, U_2, \dots, U_m и $D_e(U)=1$ тогда и только тогда, когда хотя бы две случайных величины U_i и U_j являются функционально линейно зависимыми [23].

Согласно (1), имеем:

$$\begin{aligned} D_e(X) &= 1 - |R_X|^{1/3}, \\ D_e(Y) &= 1 - |R_Y|^{1/9}, \\ D_e(Z) &= 1 - |R_Z|^{1/12}. \end{aligned} \tag{2}$$

Формула (1) позволяет оценить тесноту корреляционной связи между компонентами гауссовского случайного вектора. Для оценки тес-

Таблица 2. Типичные представители группировки субъектов РФ для моделирования эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем развития

Группа	Субъекты РФ
I группа субъектов РФ с низкими значениями ИЧР	Республика Адыгея, Республика Алтай, Алтайский край, Республика Бурятия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Амурская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Псковская область, Тверская область, Еврейская автономная область
II группа субъектов РФ со средними значениями ИЧР	Калининградская область, Орловская область, Рязанская область, Ульяновская область
III группа субъектов РФ с высокими значениями ИЧР	Республика Коми, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Краснодарский край, Красноярский край, Белгородская область, Липецкая область, Омская область, Оренбургская область, Самарская область, Свердловская область, Томская область, Ярославская область

ноты корреляционной связи между двумя гауссовскими векторами U и V с размерностями m и l в исследовании [24] предложен коэффициент:

$$D_e(U, V) = 1 - \left(\frac{|R_{U \cup V}|}{|R_U| \cdot |R_V|} \right)^{\frac{2}{m+l}}. \quad (3)$$

Коэффициент $D_e(U, V)$ удовлетворяет следующим свойствам:

1. $0 \leq D_e(U, V) \leq 1$.
 2. Случай $D_e(U, V) = 0$ соответствует независимости между U и V .
 3. Случай $D_e(U, V) = 1$ означает наличие функциональной зависимости между U и V , т.е. хотя бы одна из компонент вектора V функционально связана с компонентами вектора U .
 4. $D_e(U, V) = D_e(V, U)$.
- Согласно (3), имеем:

$$D_e(X, Y) = 1 - \left(\frac{|R_Z|}{|R_X| \cdot |R_Y|} \right)^{1/6}. \quad (4)$$

Результаты моделирования

Оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем социально-экономического развития была проведена за десятилетний период – с 2007 по 2016 г. Исследуем вначале стабильность пребывания регионов в трех группах. Результаты приведены в *таблице 3*.

Определим далее по формуле (2) тесноту взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе (вектор X) и между показателями социально-экономического развития в регионе (вектор Y). Результаты оценивания тесноты корреляционной взаимосвязи $D_e(X)$ и $D_e(Y)$ для каждой группы и в целом по всем группам приведены в *таблице 4*.

Анализ результатов, приведенных в *таблицах 3 и 4*, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Теснота взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе растет с повышением ИЧР. Это означает, что финансирование социальной сферы у развитых регионов более скоординировано.

Таблица 3. Оценка стабильности пребывания регионов в трех группах

Показатель	I группа	II группа	III группа
Доля регионов, попавших хотя бы один раз за десятилетний период в группу, %	51,5	58,8	51,5
Доля регионов, попавших не менее семи раз за десятилетний период в одну группу, %	30,9	26,5	27,9

Таблица 4. Результаты оценивания тесноты корреляционной взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе и между показателями регионального социально-экономического развития

Год	$D_e(X)$				$D_e(Y)$			
	I группа	II группа	III группа	все группы	I группа	II группа	III группа	все группы
2007	0,381	0,481	0,530	0,428	0,621	0,644	0,558	0,516
2008	0,430	0,486	0,406	0,433	0,599	0,617	0,571	0,502
2009	0,381	0,474	0,397	0,427	0,665	0,570	0,525	0,504
2010	0,489	0,234	0,551	0,389	0,655	0,560	0,494	0,488
2011	0,488	0,423	0,470	0,437	0,661	0,604	0,567	0,521
2012	0,467	0,425	0,604	0,511	0,685	0,599	0,528	0,534
2013	0,464	0,633	0,622	0,534	0,658	0,591	0,567	0,534
2014	0,398	0,672	0,530	0,498	0,590	0,635	0,575	0,478
2015	0,531	0,527	0,616	0,454	0,590	0,561	0,557	0,499
2016	0,367	0,461	0,597	0,420	0,592	0,590	0,527	0,509
Среднее	0,440	0,481	0,532	0,453	0,632	0,597	0,547	0,509

2. Теснота взаимосвязи между результирующими показателями регионального социально-экономического развития уменьшается с повышением ИЧР. Это можно объяснить замедлением скоординированного развития регионов⁴. Данный вывод согласуется с результатами таблицы 3, из которых видна высокая нестабильность пребывания регионов в одной и той же группе, особенно для II и III групп.

3. Таким образом, наблюдаются противоположные тенденции у тесноты взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе и между результирующими показателями регионального социально-экономического развития с изменением ИЧР.

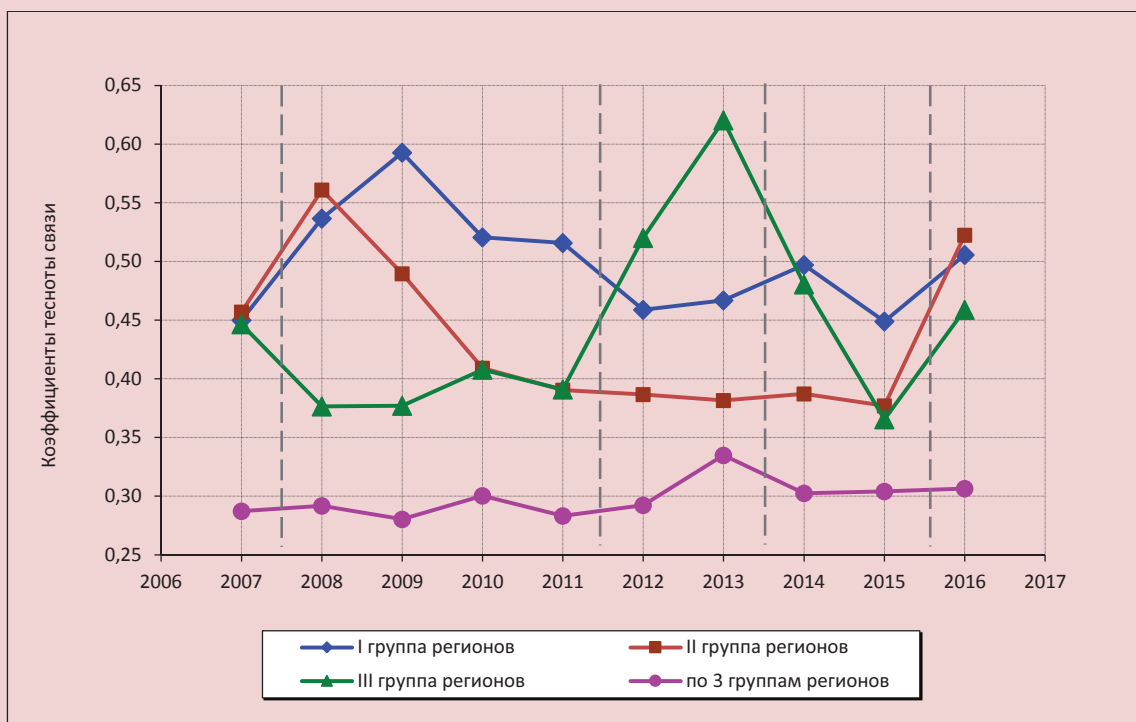
Далее определим по формуле (4) тесноту корреляционной взаимосвязи между финансированием системы здравоохранения, образования и ЖКХ и результирующими показате-

лями по трем группам регионов и в среднем по ним. Результаты оценивания представлены на рисунке 1.

Полученные оценки тесноты корреляционной связи между результирующими показателями и показателями финансирования продемонстрировали, что эффективность расходования бюджетных средств в среднем по регионам низкая, но наблюдается ее общий рост за рассматриваемый период. В то же время связь между показателями в разрезе отдельных групп регионов сильнее, особенно у группы регионов с низкими значениями ИЧР (I группа), что указывает на более высокую эффективность расходования их бюджетных средств.

Смоделированная динамика коэффициентов тесноты по выделенным группам регионов «рельефно» отразила произошедшие макроэкономические потрясения и принятые политические решения за анализируемые годы. В

Рис. 1. Результаты оценивания взаимосвязи между финансированием системы здравоохранения, образования и ЖКХ и результирующими показателями

⁴ Скоординированное развитие территорий – с увеличением финансирования улучшаются социально-экономические показатели развития территории.

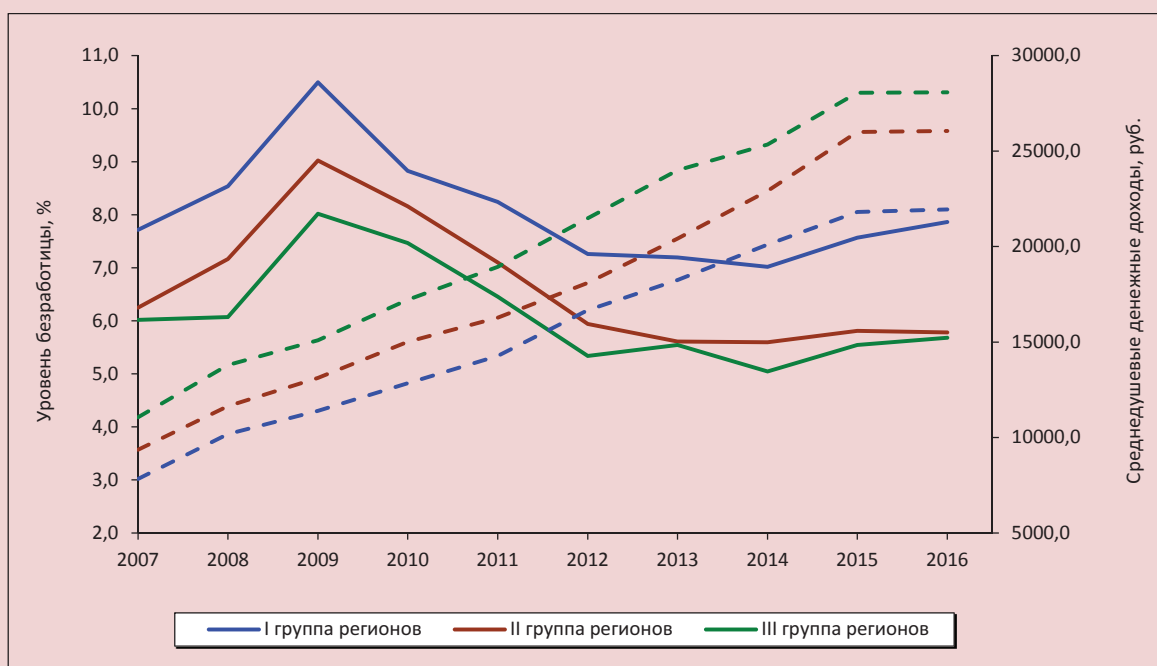
зависимости от случившихся событий и сложившихся тенденций в России можно условно выделить пять периодов.

Первый период, описывающий полученные результаты оценки за 2007 г., характеризуется инерционно положительной динамикой социально-экономического развития регионов, заданной еще с начала 2000-х годов. К этому времени продолжился процесс снижения безработицы. Постепенно росло благосостояние населения, к 2007 г. реальная заработная плата достигла своего максимального уровня (117,2% к предыдущему году) [25]. Динамика изменения уровня безработицы и размера денежных доходов населения по трем группам регионов представлена на *рисунке 2*.

Благоприятная экономическая конъюнктура и высокие темпы роста доходов бюджета создали возможность направить дополнительные «инвестиции в человека», с 2006 г. стали реали-

зовываться приоритетные национальные проекты. Как отмечает В. Мау [26], одним из результатов позитивных тенденций того периода является повышение интереса к долгосрочным проблемам развития страны, основой для чего стали стабилизация и экономический рост. В частности, в октябре 2007 г. была утверждена Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г., направленная на решение социально-демографических проблем и развитие человеческого капитала. Реализация масштабных государственных программ с привлечением значительных средств федерального бюджета, безусловно, положительно сказалась на развитии материально-технической инфраструктуры отраслей социальной сферы [27] и на качестве жизни населения регионов⁵. Хотя, как подчеркивается в ряде исследований [28, 29], и отмечалась резкая региональная дифференциация по достигнутым результатам. В целом эффек-

Рис. 2. Уровень безработицы (сплошная линия, левая ось) и среднедушевые денежные доходы (пунктирная линия, правая ось) по группам регионов с различным уровнем социально-экономического развития

⁵ Социальная политика в России: долгосрочные тенденции и изменения последних лет: доклад / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. URL: <http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2016/03/Sotsialnaya-politika-v-Rossii-dolgosrochnyi..entsii-i-izmeneniya-poslednih-let.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

тивность расходования на социальную сферу в 2007 г. была невысокая у всех групп регионов. Коэффициент тесноты связи находился примерно на одном уровне: от 0,447 (III группа) до 0,457 (II группа), однако дальнейшие тренды расходятся, что связано в первую очередь с внешним фактором развития.

Этим внешним фактором стал мировой финансовый кризис 2008 г., воздействие и последствия которого очертили второй период. В 2008 г. эффективность финансовых вложений в человеческий капитал в регионах с низкими и средними значениями ИЧР (I и II группы) существенно повысилась (до 0,537 и 0,561 соответственно), а в группе регионов с высокими значениями ИЧР она упала (до 0,377). Кризис затронул все сферы экономики, в т.ч. и социальный сектор. К началу 2009 г. российская экономика вступила в промышленную рецессию, сопровождавшуюся обесценением рубля, ростом безработицы и приостановкой инвестиционных программ [30]. Тем не менее воздействие кризиса на регионы России оказалось неоднородным [31, 32]. Расчеты Н. Зубаревич [33, 34] показали, что сильный спад пережили в регионах металлургической и машиностроительной специализации, а также в агломерациях страны. Меньше пострадали регионы Юга, Дальнего Востока и Забайкалья, районы нефтедобычи, а положительная динамика была в экономически слаборазвитых республиках Северного Кавказа. Такая региональная дифференциация сказалась и на полученных оценках эффективности бюджетных расходов, направленных на повышение качества жизни населения, в регионах с различным уровнем социально-экономического развития (см. рис. 1).

В период кризиса социальная защита стала наиболее крупным и динамичным направлением бюджетных расходов [35]. Для предотвращения социальной напряженности уже к марту 2009 г. была разработана Программа антикризисных мер, которая охватывала в том числе различные аспекты социальной защиты (пенсионное обеспечение, социальная защита семей с детьми, поддержка нетрудоустроенных и др.). По оценкам С. Дробышевского, С. Синельникова-Мурылева и И. Соколова [36], в 2008 г. на антикризисные меры было направлено 1,1 трлн. руб. (2,7% ВВП), а в 2009 г. —

2,4 трлн. руб. (6,2% ВВП) бюджетных и квазибюджетных средств. Но, как показали исследования Института современного развития [30], эффективность пакета антикризисных мер, который предусматривал вливание в экономику огромных средств, в ряде случаев не очевидна. Что вполне объяснимо, поскольку эти меры в первую очередь были направлены на поддержание наименее защищенных слоев населения, а не на развитие человеческого капитала. Поэтому результаты нашей оценки получились вполне ожидаемыми для трех групп с разным уровнем социально-экономического развития. В тех регионах, где были не решены проблемы с безработицей и бедностью населения, финансирование антикризисных мер (социальные доплаты, индексация пенсий, содействие в сфере занятости и пр.) обеспечило более эффективное расходование бюджетных средств. Коэффициент тесноты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей у группы регионов с низкими значениями ИЧР в 2009 г. возрос до 0,593 (это максимальное значение за 2007–2016 гг.). Только в 2010 г. он начал снижаться под влиянием пересмотра политики наращивания государственных расходов и обязательств [36]. Снижение эффективности финансирования на социальную сферу в этой группе наблюдалось до 2012 г. Во II группе регионов понижение коэффициента произошло уже в 2009 г. — до 0,490 (которое также продолжилось до 2012 г.). В 2010–2011 гг. значения коэффициентов во II и III группах были примерно в одном диапазоне (от 0,390 до 0,409). Для регионов с высокими значениями ИЧР сформированный Правительством РФ пакет антикризисных мер только смягчил удар от экономического спада. В 2010 г. в условиях улучшения внешнеэкономической конъюнктуры и влияния масштабных антикризисных мер российская экономика вышла на положительную динамику. Этому способствовали стабильность национальной валюты, постепенное восстановление потребительского спроса и возобновившийся рост инвестиций (во многом за счет выполнения госпроектов)⁶.

⁶ Тенденции российской экономики. Итоги 2010 года. Аналитический бюллетень / Центр экономических исследований «РИА-Аналитика». М: РИА-Новости, 2011. 35 с. URL: <http://vid-1.rian.ru/ig/ratings/macro2011.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

В сложившейся ситуации в 2010 г. только более благополучные регионы (III группа) отреагировали небольшим ростом эффективности финансовых вложений в социальную сферу. В 2010–2011 гг. динамика эффективности финансирования социальной сферы во всех группах регионов была, что называется, «плоской», без резкого снижения.

Однако во время и после кризиса произошел существенный рост социальных расходов региональных бюджетов, который не был обеспечен ростом доходной базы, что фактически привело к потере финансовой самостоятельности регионов и их зависимости от межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. По расчетам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования⁷, коэффициент обеспеченности собственными средствами бюджетов субъектов РФ в 2011 г. составил всего 78,1%. В этот период были направлены значительные объемы безвозмездных поступлений не только в регионы-аутсайдеры, ограниченные в ресурсах для выполнения социальных обязательств перед гражданами, но и в регионы-лидеры. По итогам оценки эффективности органов исполнительной власти за 2010 г. были выделены гранты 10 субъектам РФ (размер которых варьировался от 63 млн. до 116 млн. руб.). В конце 2011 г. принят дополнительный механизм по стимулированию тех регионов, которым удалось достичь наилучших результатов в развитии экономики и привлечении инвестиций. Эти стимулирующие дотации были выделены 20 субъектам РФ, в зависимости от результатов получившим от 206,8 млн. до 2 млрд. руб. В обоих случаях дополнительное финансирование получили регионы-лидеры, обладающие высоким социально-экономическим потенциалом. Подобные механизмы не только не устраняют региональные диспропорции социально-экономического развития, но и усиливают эту тенденцию [37]. Поэтому не удивительно, что к 2012 г., по результатам нашей оценки, III группа регионов значительно повысила уровень эффективности финансирования социальной сферы (см. рис. 1). Коэффициент тесно-

⁷ Итоги 2011 года и прогноз экономического развития на среднесрочную перспективу. Обзор макроэкономических тенденций. 2012. № 72. 136 с. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/MONITORING/2012/Y2011/MOn2011.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

ты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей в этой группе регионов в 2012 г. составил 0,520.

Третий период анализа описывает 2012–2013 гг. и связан с так называемыми «майскими указами», касающимися образования, науки, здравоохранения, экономики, демографической и жилищно-коммунальной сферы. Эти указы определили общую стратегию развития человеческого капитала до 2018–2020 гг. и содержат четкие социальные ориентиры. К настоящему времени формально удалось выполнить 190 поручений (из 202-х), содержащихся в указах⁸. Но эксперты общественного движения «Общероссийский народный фронт»⁹, привлеченного Президентом РФ к мониторингу выполнения этих указов, считают, что большинство из выполненных поручений нуждается в доработке. Проведенный ими мониторинг «Зарплата и нагрузка учителя»¹⁰ показал, что реальная заработная плата учителей существенно ниже официальной. Для достижения целевых показателей, поставленных в указах, к зарплате учителей иногда приписывают компенсации за коммунальные услуги, проезд и др. С такой проблемой столкнулись не только образовательные учреждения, но и медицинские, поскольку резервы для повышения зарплаты работникам они вынуждены изыскивать самостоятельно. Как отмечают многие исследователи¹¹, исполнение указов стало серьезной нагрузкой на бюджеты регионов на фоне сокращения поступлений налога на прибыль и федеральных трансфертов. Посколь-

⁸ О состоянии исполнения поручений Правительству Российской Федерации, содержащихся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596-606, и связанных с ними поручений и указаний. URL: <http://government.ru/orders/selection/406/32587/> (дата обращения: 08.06.2018).

⁹ Бречалов А. С марта 2014 г. ОНФ рекомендовал снять с контроля только 24 поручения. URL: <http://onf.ru/2016/05/16/brechalov-s-marta-2014-goda-onf-rekomendoval-snyat-s-kontrolya-tolko-24-porucheniya/> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁰ Мониторинг «Зарплата и нагрузка учителя». ОНФ. URL: <http://onf.ru/2017/03/09/monitoring-zarplata-i-nagruzka-uchitelya/> (дата обращения: 08.06.2018).

¹¹ Заключение Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара на проект федерального бюджета на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов // Вестник Европы. 2012. №34–35. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2012/34/z9.html> (дата обращения: 08.06.2018).

ку региональные бюджеты не были готовы к таким расходам, практически всем регионам пришлось перераспределять средства на решение данных задач в ущерб бюджетам развития, в частности, инвестиций в инфраструктуру и другие объекты [38]. В результате такого перераспределения эффективность финансирования социальной сферы в I группе регионов за 2012–2013 гг. снизилась. В благополучных регионах (III группа), обладающих большими средствами, ресурсами и возможностями развития, сложилась противоположная ситуация. В 2013 г. эффективность их расходов на социальную сферу резко возросла – до 0,620 (максимальное значение за 2007–2016 гг.). Коэффициент тесноты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей во II группе за 2012–2013 гг. практически не изменился.

Серьезные изменения в макроэкономической ситуации в 2014 г. очертили следующий период исследования эффективности финансирования социальной сферы в регионах России. В 2014 г. начался спад российской экономики под влиянием внешних факторов: снижения цен на нефть на мировых рынках, введения санкций в отношении России и контрсанкций. Одной из наиболее важных проблем эффективности финансирования был продолжавшийся рост дефицита региональных бюджетов, спровоцированный резким сокращением налоговых поступлений с одновременным увеличением расходов по социальным обязательствам субъектов. По расчетам М.А. Печенской [39], к концу 2014 г. дефицит региональных бюджетных систем достиг 450 млрд. рублей, или 6,3% к собственным доходам бюджетов. Как отмечает Аналитический центр при Правительстве РФ¹², дефициты характерны в первую очередь для бюджетов развитых и среднеразвитых регионов – в 2014 году на них пришлось почти 90% от суммарного дефицита по стране при 55% от суммарных доходов региональных консолидированных бюджетов. В ряде субъектов объём государственного долга превысил 80–100% налоговых и неналоговых доходов [39].

¹² Положение регионов России в условиях кризиса. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2015. № 3. / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5976.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

В качестве базовой задачи в тот момент Министерство финансов РФ¹³ ставило «ограничить темпы роста бюджетных расходов, в том числе на социальные выплаты, заработные платы, государственный аппарат, и выйти на бездефицитный федеральный бюджет в среднесрочной перспективе». В 2015 г. Правительство РФ приняло пакет антикризисных мер, включая пересмотр бюджета с сокращением расходов в среднем на 10% [40]. Как справедливо отмечает В.Г. Басарева [41], управление, ориентированное на результат, фактически «исчезает из употребления», за 2014–2015 гг. эффективность финансирования социальной сферы в регионах России снизилась. Поскольку наибольшее падение было в промышленно развитых и средне-развитых регионах¹⁴, более сильное снижение эффективности наблюдается именно во II и III группах регионов. Но в отличие от регионов со средними значениями ИЧР, у которых коэффициент тесноты корреляционной связи упал за 2014 г. уже с 0,461 до 0,387, регионы с высокими значениями ИЧР, имея больший «запас прочности», сократили эффективность финансирования социальной сферы позднее. Коэффициент тесноты корреляционной связи у III группы регионов снизился за 2015 г. с 0,480 до 0,364. Снижение эффективности финансирования социальной сферы в I группе регионов, в меньшей степени пострадавших от ухудшения макроэкономической ситуации, было более плавным.

В 2016 г. российская экономика адаптировалась к новым макроэкономическим условиям, сформированным в 2014–2015 гг., и произошел перелом негативных тенденций. Как отмечают ведущие экономисты [42], к началу 2017 г. практически остановлен экономический спад, а отрасли материального производства и оптовая торговля вышли на положительную динамику

¹³ Доклад об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2015. 124 с. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/07/main/doklad_ob_osnovnykh_napravleniyakh_povysheniya_effektivnosti_raskhodov_federalnogo_budzheta.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁴ Положение регионов России в условиях кризиса. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2015. № 3 / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5976.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

уже в 2016 г. За счет сдерживания роста расходов удалось контролировать размер дефицита федерального бюджета и долга региональных бюджетов. Как отмечено в Докладе Министерства труда и социальной защиты РФ¹⁵, несмотря на непростую финансово-экономическую ситуацию, проводимые мероприятия позволили сохранить положительные тенденции в социально-демографической ситуации, занятости населения, повысить оплату труда отдельных категорий работников (учреждений здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания и науки). Основываясь на данных Росстата, можно отметить, что спад по отдельным аспектам качества жизни был умеренным и «не вполне кризисным» [43], а по ряду показателей социального развития удалось обеспечить положительные результаты (рис. 2). Учитывая такую динамику социально-экономических показателей регионов, которая наблюдалась на фоне снижения расходов на социальную сферу, можно говорить об эффективности этих расходов. Как показали расчеты, в 2016 г. коэффициенты тесноты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей во всех группах возросли.

С преодолением кризисных явлений на первый план выходит задача обеспечения социально-экономического развития. В 2016 г. возобновился государственный интерес к реализации долгосрочных национальных проектов. В целях повышения эффективности государственной социально-экономической политики, реализации целей и задач стратегии развития на основе проектного подхода был сформирован Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам¹⁶. К числу приоритетных проектов относятся здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и под-

¹⁵ Доклад об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2016 году и задачах на 2017 год / Коллегия Минтруда России. 31 марта 2017. URL: http://minsoc.gov-murman.ru/files/doklad-na-kollegiyu-2017_2016.03.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁶ О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам: Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2016 г. № 306.

держка индивидуальной предпринимательской инициативы, реформа контрольной и надзорной деятельности, бесплатные и качественные дороги, моногорода, экология. При всех недостатках проектного подхода, как справедливо отмечают исследователи [44, 45], он является более оперативной и гибкой формой управления социальной сферой.

Выводы

В целом результаты исследования показали невысокую эффективность финансирования социальной сферы. Социально-экономическое развитие регионов скорее определяется не региональной политикой и уровнем ее финансирования, а уровнем и характеристиками самого региона (наличием ресурсов и благоприятной конъюнктуры). Основываясь на полученных оценках, можно сделать вывод, что эффективность финансирования социальной сферы для регионов с различным уровнем социально-экономического развития носит четко выраженный дифференцированный характер в периоды экономической нестабильности. Финансирование антикризисных мер, направленных не на социально-экономическое развитие, а на поддержание текущей ситуации и смягчение негативных последствий, эффективнее для менее развитых регионов России. Как это произошло в 2009 и 2014 годах. Противоположная картина наблюдалась в 2012 и 2016 годах в относительно благополучных регионах России. Поэтому по мере преодоления кризисных явлений в социально-экономическом развитии слаборазвитого региона (высокая безработица, сверхвысокая смертность и др.) повышается актуальность расходов на развитие человеческого капитала. Однако это не означает, что только при достижении минимальных критериев социально-экономического развития необходимо финансировать долгосрочные проекты, просто они будут менее эффективными.

В стабильные же периоды развития (2007 г., 2016 г.) эффективность финансирования социальной сферы в различных регионах находится примерно на одном уровне. Поэтому, как отмечает В.Г. Басарева [46], в условиях замедления темпов экономического роста необходимо корректировать объем обязательств, финансируемый за счет региональных бюджетов, учитывать факт разбалансированности при резком увеличении дефицита и государственного долга.

Представленные расчеты продемонстрировали, что у регионов с невысокими значениями ИЧР теснота корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей выше, чем у более развитых регионов. С увеличением значения ИЧР региона уменьшается влияние бюджетного финансирования на качество жизни его населения, что объясняется снижением эффективности финансирования социальной сферы у развитых регионов. Поэтому сложившийся механизм поощрения субъектов РФ, достигших максимального уровня социально-экономического развития, как уже отмечали многие исследователи, без учета дополнительных параметров эффективности финансирования является не совсем справедливым. Таким образом, в ус-

ловиях экономической нестабильности, помимо потребности в росте финансирования социальной сферы регионов России, существенной задачей становится повышение его эффективности, более рациональное использование имеющихся средств. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что проводимая политика повышения эффективности финансирования социальной сферы должна иметь дифференцированный подход по регионам.

Представленный подход к общей оценке эффективности финансирования социальной сферы может быть учтен при выделении грантов для содействия и поощрения достижения наилучших значений показателей в субъектах РФ.

Литература

1. Зубаревич Н. Что бюджеты регионов России надорвутся, было предопределено // Полит.ру. 2015. 7 декабря. URL: http://polit.ru/news/2015/12/07/regions_com/ (дата обращения: 08.06.2018).
2. Ильин В.А., Поварова А.И. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. 2017. № 1. С. 25-37. DOI: 10.17059/2017-1-3
3. Поварова А.И. Региональный бюджет 2017–2019: профицит или экономический рост? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 236-258. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.13
4. Рудник Б.Л., Романова В.В. Бюджетное финансирование социально-культурной сферы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 124-142.
5. Vasileva A. Forecast of labor migration, reproduction of population, and economic development of Russia. *4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts. Conference Proceedings. Book 1, vol. IV, August 22-31, 2017*. Pp. 339-346. DOI 10.5593/sgemsocial2017/14/S04.045.
6. de Bruijn H. *Managing Performance in the Public Sector*. London; New York: Routledge, 2002. 129 p.
7. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2014 года / А.В. Чепус, Ю.Н. Трифионов, А.В. Иванов, А.Б. Кондратенко, С.В. Беспалов, В.Г. Марача, Н.Н. Калмыков, Т.С. Сатырь // Professional Science. 2016. № 3. С. 47-74.
8. Бахтаирова Е.А., Дербенёв Е.А. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти на примере службы ЗАГС Иркутской области // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. С. 1.
9. Ляпина И.Р. Классификация регионов России: «результативность управления социально-экономическим развитием» как основание типологизации // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Экономика. 2012. № 4 (108). С. 54-63.
10. Бочарова А.К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: препринт WP14/2012/05. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 68 с.
11. Петрова Е.А., Шевандрин А.В., Калинина В.В. Формирование системы оценки эффективности территориального управления // Государственное управление: электронный вестник. 2016. № 54. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk__54._fevral_2016_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/petrova_shevandrin_kalinina.pdf (дата обращения: 08.06.2018).
12. Воронов Ю.П. Рейтинги субъектов Федерации: методические проблемы оценки // Регион: экономика и социология. 2008. № 3. С. 46-66.
13. Суспицын С.А. Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. 2005. № 2. С. 97-111.

14. Малкина М.Ю. К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К.П. Глушенко) // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. С. 163-184. DOI: 10.14530/se.2016.1.163-184.
15. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // *Экономика региона*. 2014. № 3 (39). С. 48-63.
16. Mau V. Human capital: challenges for Russia. *Social Sciences*, 2013, vol. 44, no. 1, pp. 3-19.
17. Бухонова С.М., Дорошенко Ю.А. Основные эффекты вложения капитала в социальную сферу // *Экономический анализ: теория и практика*. 2006. № 11. С. 10-16.
18. Sagar A.D, Najam A. The human development index: a critical review. *Ecological Economics*, 1998, no. 25, pp. 249-264.
19. Grimm M., Harttgen K., Klasen S., Misselhorn M. *A human development index by income groups. Discussion papers*. Ibero America Institute for Economic Research. 2006. No. 155. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/27445/1/52523781X.PDF> (Дата обращения: 08.06.2018).
20. Chakravarty S.R. A generalized human development index. *Review of Development Economics*, 2003, vol. 7, pp. 99-114.
21. Прикладная статистика: классификация и снижение размерности / С.А. Айвазян, В.М. Бухштабер, И.С. Енюков, Л.Д. Мешалкин. М.: Финансы и статистика, 1989. 607 с.
22. Pena D., Rodriguez J. Descriptive measures of multivariate scatter and linear dependence. *Journal of Multivariate Analysis*, 2003, vol. 85, no. 2, pp. 361-374.
23. Тырсин А.Н. Мера совместной корреляционной зависимости многомерных случайных величин // *Заводская лаборатория. Диагностика материалов*. 2014. Т. 80. № 1. С. 76-80.
24. Тырсин А.Н. Мера взаимозависимости между случайными векторами произвольных размерностей // *Обзорные прикладной и промышленной математики*. 2018. Т. 25. В. 1. С. 72-73. URL: <http://www.tvp.ru/conferen/vsppmXIX/repso026.pdf> (дата обращения: 29.05.2018).
25. Kuklin A.A., Chistova E.V., Pyhov P.A. Measurement of welfare of the individual and areas of residence. In: *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017*. 2017. Book 1. Vol. 4. Pp. 479-486. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/14/S04.063.
26. Мау В. Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // *Вопросы экономики*. 2008. № 2. С. 4-25.
27. Канаева Л.П. Эффективность реализации приоритетных национальных проектов в регионе // *Регионоведение*. 2014. № 3. С. 14-20.
28. Лёжин Н.М. Основные принципы программно-целевого подхода к разработке и реализации приоритетных национальных проектов // *Финансы и кредит*. 2007. № 17 (257). С. 44-46.
29. Логинов С.В. Основные итоги приоритетных национальных проектов в Уральском федеральном округе // *Экономика региона*. 2008. № 2. С. 209-215.
30. *Экономический кризис в России: экспертный взгляд / под общ. ред. И.Ю. Юргенса*. М.: Экон-Информ, 2009. 112 с.
31. Korobitsyn B., Kuklin A. Regional resilience of Russia to economic shocks and crisis. In: *2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM*. 2015. Book 2. Vol. 3. Pp. 707-714. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B23/S7.090
32. Nikulina N.L., Pecherikina M.S. The Welfare in Individual and Area of Residence: Risk Assessment. In: *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. Conference Proceedings*. 2017. Book 1. Vol. 4. Pp. 937-944. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/14/S04.121
33. Зубаревич Н. Выход из кризиса: региональная проекция // *Вопросы экономики*. 2012. № 4. С. 67-83.
34. Zubarevich N.V. Crises in post-Soviet Russia: regional projection. *Regional Research of Russia*, 2016, vol. 6, no. 2, pp. 95-104.
35. Айзинова И.М. Антикризисные меры социальной защиты населения // *Проблемы прогнозирования*. 2010. № 3 (120). С. 93-114.
36. Дробышевский С., Синельников-Мурылев С., Соколов И. Эволюция бюджетной политики России в 2000-е годы: в поисках финансовой устойчивости национальной бюджетной системы // *Вопросы экономики*. 2011. № 1. С. 4-25.
37. Соболева Г.В., Попова И.Н. Стимулирование экономического развития регионов средствами бюджетной и налоговой политики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2014. № 1. С. 5-26.

38. Петров А.В. Разрыв бюджетной обеспеченности регионов и качество жизни граждан РФ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 3 (31). С. 141-154.
39. Печенская М.А., Поварова А.И. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы / под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. 110 с.
40. Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. Вып. 37 / В. Мау и др.; под ред. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.; Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 472 с.
41. Басарева В.Г. Ориентация на результат в государственном управлении // Экономика и менеджмент в условиях глобальной конкуренции: проблемы и перспективы: труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. А.В. Бабкина. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 16-29.
42. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы. Вып. 38 / В. Мау и др.; под ред. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.; Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
43. 2017: социальные итоги и уроки для экономической политики / под ред. Т.М. Малевой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 122 с.
44. Переверзева В.В., Юрьева Т.В. Проекты развития в системе стратегического управления // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 4. С. 42-52.
45. Вилисов М.В. Государственная политика: проектный подход // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 110-126.
46. Басарева В.Г. Регионы России: адаптация к мерам государственного регулирования // Регион: экономика и социология. 2015. № 2 (86). С. 29-48. DOI: 10.15372/REG20150602.

Сведения об авторах

Валерий Петрович Чичканов – д.э.н., чл.-корр., ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, оф. 523; e-mail: vpchichkanov@ya.ru)

Елена Витальевна Чистова – к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, оф. 523; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Александр Николаевич Тырсин – д.т.н., профессор, зав. кафедрой, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 5; e-mail: at2001@yandex.ru)

Chichkanov V.P., Chistova E.V., Tyrsin A.N.

General Assessment of the Effectiveness of Social Sphere Financing in Russia's Regions

Abstract. The paper presents an approach to assessing the effectiveness of social sphere financing (healthcare, education, housing and utilities sector) in regions of Russia. In the framework of the study, we test the following hypothesis: when the socio-economic situation in a region gets better, the effectiveness of social sphere financing in it reduces. The methodology for studying the effectiveness of social sphere financing in regions with different levels of socio-economic development is based on assessing the dependence of the dynamics of the indicators achieved by them and the amount of budget expenditures. To carry out the assessment, we select nine resulting indicators of the functioning of social sectors, taking into account the list of indicators for assessing the effectiveness of performance of executive authorities of constituent entities of the Russian Federation (the list was approved in November 2017 by the decree of the

President of the Russian Federation) and on the basis of the presence of a statistical relation between them and the Human Development Index as a final indicator. In addition, in order to take into account regional development specifics in the assessment of budget spending effectiveness, we arrange constituent entities of the Russian Federation into groups. The values of the indicators for the model are either calculated or taken directly from statistical reports of the Federal State Statistics Service, the Federal Treasury and the reports of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation. We use multivariate correlation analysis to simulate the relationship between the financing of the social sphere and the resulting indicators. The evaluation carried out over a ten-year period shows low efficiency of financing of the social sphere in Russia. In regions with different levels of socio-economic development, it is clearly differentiated in the periods of economic instability. Only with the resolution of crisis phenomena in the socio-economic development of an underdeveloped region (high unemployment, ultra-high mortality, etc.) the urgency of spending on the development of human capital increases. With the achievement of best indicators of social and economic development in the region, the impact of budget financing on the quality of life of its population is reduced, which is explained by the decrease in the effectiveness of social financing in developed regions.

Key words: efficiency of financing, quality of life, region of Russia, social sphere, multidimensional correlation analysis.

Information about the Authors

Valerii P Chichkanov – Doctor of Sciences (Economics), corresponding member, leading researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 523, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vpchichkanov@ya.ru)

Elena V. Chistova – Candidate of Sciences (Economics), chief researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 523, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Aleksandr N. Tyrsin – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, head of department, senior researcher, Ural Federal University, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (5, Sophya Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: at2001@yandex.ru)

Статья поступила 13.06.2018.

Состояние и особенности размещения малого предпринимательства по регионам России

Сергей Николаевич
ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: Leonov@ecrin.ru

Аннотация. Мировой опыт показывает, что своеобразным катализатором развития экономических отношений в странах с рыночной экономикой выступает состояние малого предпринимательства. Возрождение малого предпринимательства в России насчитывает три десятилетия, но его потенциальные преимущества пока слабо ощутимы. В работе предпринята попытка оценить динамику состояния и особенности дифференциации малого предпринимательства в регионах современной России; показаны проблемы организации данного процесса, заключающиеся в изменчивости критериев определения малого предпринимательства, неполноте информационной базы и отсутствии общепринятых подходов к оценке дифференциации малого предпринимательства; обоснована необходимость использования в качестве информационной базы данных сплошных федеральных статистических наблюдений за деятельностью малого предпринимательства, проведенных в России в 2010 и 2015 гг.; показано, что подход к мониторингу развития малого предпринимательства в регионах РФ должен носить комплексный характер, учитывая состояние как индивидуальных предпринимателей, так и малых предприятий на территории. Интегральная оценка состояния малого предпринимательства в субъектах РФ была выполнена с помощью метода максимина, позволившего рассчитать для каждого региона интегральный индекс состояния малого предпринимательства. Реализация предложенного подхода позволила выявить высокую степень территориальной концентрации субъектов малого предпринимательства по регионам России; показать, что динамика сектора малого предпринимательства в целом

Для цитирования: Леонов С.Н. Состояние и особенности размещения малого предпринимательства по регионам России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 5. С. 103-119. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.7

For citation: Leonov S.N. Current state and the features of location of small business in regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 103-119. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.7

по стране в решающей мере зависит от его состояния в регионах-лидерах; выполнить типологию регионов по группам, отличающимся уровнем развития малого предпринимательства; показать, что в Российской Федерации наблюдается сближение её субъектов по параметрам состояния индивидуального предпринимательства при одновременной дифференциации регионов по состоянию сферы малых предприятий. В целом ситуация с малым предпринимательством в России укладывается в общую закономерность — чем дальше от центра, тем крупнее малые предприятия и тем больше их оборот.

Ключевые слова: региональная экономика, субъекты Федерации, малое предпринимательство, индивидуальные предприниматели, малые предприятия.

Введение

Мировой опыт показывает, что малое предпринимательство (МП) является важнейшей составной частью экономики как конкретных стран, так и отдельных регионов, выступая значимым фактором социальной устойчивости общества и снижения территориального неравенства экономического развития, определяя зачастую специализацию и уровень экономического развития стран и территорий (табл. 1).

В тех странах и регионах, где растет доля МП, растет доля среднего класса, инициативность населения [1; 2]. Малый бизнес (МБ), понимаемый как синоним МП, способствует трудоустройству населения, поступлению средств в бюджетную систему [3; 4]. Существующие исследования показывают, что для регионального экономического благосостояния и обеспечения роста доходов граждан большое значение имеет жизнеспособность сектора малых фирм [5], причем влияние вновь возникающих малых предприятий на региональное развитие проявляется в течение достаточно длительного периода времени [6]. Эмпирические исследования последствий воздействия финансово-экономических кризисов 2008 и 2014 гг. показали, что поступательное развитие национальной и региональной экономик неразрывно связано с

использованием потенциала малого предпринимательства в силу его естественной способности гибко адаптироваться к меняющейся под воздействием внешних шоков конъюнктуре [7; 8]. В переломные кризисные моменты особенно значимы эффекты инновационной активности в малом предпринимательстве, вносящие свой вклад в развитие производства в технически передовых областях [9; 10].

При этом в развитых странах существуют значительные различия в распределении занятости между предприятиями разного размера. Например, в Португалии, Словении, Италии и Греции более 45% занятости приходится на микро предприятия, т.е. фирмы с менее чем десятью сотрудниками, в то время как в Соединенных Штатах и Швейцарии на микропредприятиях трудится менее 20% занятых страны [11]. Размер фирмы имеет значение для производительности. Более крупные фирмы в среднем являются более производительными, чем мелкие, особенно в обрабатывающем секторе, что частично отражает выгоды от роста доходов, например, за счет капиталоемкого производства. Однако это не является общепринятой истиной. Например, в Швейцарии средние фирмы имеют более высокую произ-

Таблица 1. Уровень развития малого предпринимательства (МП) в ряде стран мира

Показатель	Япония	Китайская Народная Республика	Республика Корея	ЕС
Число предприятий МП (% от общего числа предприятий)	99,0	90,0	99,0	98,7
Численность занятых в МП (в % от общей численности занятых)	88,0	75,0	87,7	68,0
Доля ВВП страны, производимая МП (%)	61,0	60,0	50,0	58,0

Источники: составлено по Organization for SME and Regional Innovation of Japan (<http://www.smrj.go.jp>); Малый бизнес в Южной Корее (<http://kreditbusiness.ru/korea.html>); Малый бизнес КНР (http://www.worlds.ru/asia/china/history-malyjj_biznes_v_kitae.shtml); Малый бизнес по-японски (http://www.openbusiness.ru/html_euro/Japan_open6.htm); Малый и средний бизнес в 2012 году: международный опыт регулирования и финансирования <http://oldsmb.economy.gov.ru/content/statistic/analytics/m,f,723847/>

водительность, чем крупные фирмы, что, возможно, отражает специализацию на производстве продукции с более высокой добавленной стоимостью [11].

В современной России возрождение МП берет свой отсчет с принятия в 1988 г. Закона СССР «О кооперации». Закон был призван «раскрыть огромные потенциальные возможности кооперации, возрастание ее роли в ускорении социально-экономического развития страны, усилить процесс демократизации хозяйственной жизни, придать новый импульс колхозному движению, создать условия для вовлечения в кооперативы широких слоев населения. Он направлен на всемерное использование кооперативных форм для удовлетворения растущих потребностей народного хозяйства и населения в продовольствии, товарах народного потребления, жилище, разнообразной продукции производственно-технического назначения, работах и услугах»¹.

С момента принятия закона прошло три десятилетия, но все вышеназванные возможности МП, несмотря на их потенциальную значимость, пока в стране слабо ощутимы. Вклад МП в ВВП современной России составляет по разным оценкам 18–22% [4; 12], а не 50–60%, как в странах с развитой экономикой (см. табл. 1). Не случайно в конце 2017 г. на встрече с немецкими бизнесменами в г. Сочи Президент В.В. Путин поставил задачу к 2030 году довести вклад малого и среднего бизнеса в ВВП Российской Федерации до 40%².

Понимая, что для страны таких масштабов, как Россия, малое предпринимательство вряд ли сможет стать основой экономики, но может выступить связующим звеном, обеспечивающим бесперебойную работу крупных промышленных предприятий, в работе была поставлена цель — выявить и количественно оценить особенности размещения малого предпринимательства по субъектам РФ, обосновать региональные проблемы малого бизнеса в части состояния индивидуальных предпринимателей и сферы малых предприятий.

¹ Закон СССР от 26 мая 1988 года № 8998-ХІ «О кооперации в СССР».

² Путин поставил задачу довести долю малого бизнеса в стране до 40% к 2030 году (<http://www.rosbalt.ru/russia/2017/10/12/1652644.html>).

Для обоснования сформулированных целевых ориентиров были поставлены и решены следующие задачи:

- выявлены проблемы формирования информационной базы учета МП в РФ;
- предложена и апробирована методика количественной оценки состояния малого бизнеса в субъектах РФ на основе расчета интегральных индексов состояния МП методом максимина;
- проанализирована степень концентрации субъектов малого предпринимательства по регионам России;
- показаны объективные и субъективные причины сложившегося распределения малого бизнеса по субъектам Российской Федерации;
- верифицирована гипотеза о разнонаправленной реакции индивидуальных предпринимателей и владельцев малых предприятий на воздействие внешних шоков.

Понятие и особенности определения МП в Российской Федерации

В большинстве развитых стран система статистического учета основана на возможности исследования результатов деятельности хозяйствующих субъектов в зависимости от их размера. Гибкий способ организации статистического наблюдения в ЕС [13] и США [14] позволяет вести мониторинг состояния по каждой размерной группе, разрабатывать дифференцированную политику и отслеживать эффективность принимаемых решений для любой из размерных групп предприятий.

Используемое в Российской Федерации понятие МП отличается от определения МП в ЕС или США. Кроме того, российские критерии определения МП непостоянны, они менялись в 2005, 2009 и 2015 годах, что затрудняет проведение сравнительного анализа и регулярных оценок в отношении этого сегмента как при сравнении с зарубежными странами, так и при выявлении трендов развития российских МП.

Новые критерии отнесения к малым предприятиям используются в российской статистике с 2008 года³. Однако финансовые критерии

³ См. Федеральный закон от 24 июня 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Таблица 2. Критерии отнесения производства к субъектам малого и среднего предпринимательства в России

Тип предприятий	Численность сотрудников, человек	Выручка от реализации без учета НДС за предшествующий календарный год, млн. рублей	Доля сторонних организаций в уставном капитале компании
Микро-	До 15	До 120	Не более 49%
Малые	16–100	До 800	Не более 49%
Средние	101–250	До 2000	Не более 49%

рии, вводящие пороговые значения выручки для микро-, малых и средних предприятий, стали применяться лишь в 2009 году⁴. В 2015 году в рамках плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 98-р, предусматривалось увеличение в 2 раза предельных значений выручки от реализации товаров (работ, услуг) для отнесения хозяйствующих субъектов к категории субъектов малого и среднего бизнеса. Позднее данное положение было закреплено в очередной редакции ФЗ-209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» (табл. 2).

Можно предположить, что подобный рост лимитов по выручке сделан в целях расширения участия высокоэффективных субъектов предпринимательства в программах государственной поддержки. В логику организации новой основы взаимовыгодного сотрудничества между российскими и иностранными компаниями, создания новых технологических связей укладывается признание с 01.10.2013 г. малых и средних предприятий, создаваемых иностранными гражданами.

До этого считалось, что если доля иностранного гражданина в уставном капитале компании превышала 25%, эта компания лишалась статуса МСП. В 2015 году лимит участия в уставном капитале субъектов малого и среднего бизнеса был увеличен с 25 до 49% для юридических лиц, которые ранее не были признаны МСП, а также для иностранных юридических

лиц. По существующей информации⁵, в конце июня 2018 года Госдума приняла в первом чтении законопроект о снятии ограничений на участие иностранных компаний в уставном капитале МСП. Нововведение коснется тех зарубежных компаний, которые соответствуют российским критериям отнесения к субъектам МСП, то есть со штатной численностью не более 250 человек и размером дохода от ведения предпринимательской деятельности не более 2 млрд. рублей в год. При этом юридическое лицо не должно являться офшорной компанией.

Информационная база и статистические проблемы

В РФ учет малых предприятий проводится путем выборочных обследований. Квартальные данные отслеживаются с 2008 года, но только по малым предприятиям, на которых численность занятых более 15 человек. Такой статистический учет приводит к тому, что квартальным мониторингом охвачено лишь 14–15% предприятий, на которых занято менее половины работников малых предприятий. Представляется, что подобная выборка дает лишь очень общее представление о состоянии малого предпринимательства. К недостаткам информации о МП относится и то, что годовую информацию Росстат публикуется только через год, и эти данные также не являются результатом сплошного обследования.

С августа 2016 г. в РФ начал работать Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (интернет-сайт: <https://ofd.nalog.ru/>), сформированный на основе инфор-

⁴ Пороговые значения выручки были определены Постановлением Правительства Российской Федерации № 556 от 22.07.2008 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства».

⁵ См., например: Правительство рассматривает возможность отмены ограничений на иностранный капитал в малом бизнесе (<http://www.klerk.ru/boss/news/446312>); Госдума приняла в первом чтении законопроект о снятии ограничений на участие иностранных компаний в уставном капитале МСП (<http://smb.gov.ru/mediacenter/businessnews/?action=show&id=17993>)

мации о хозяйствующих субъектах, содержащейся в информационных системах Федеральной налоговой службы (ФНС) России. Однако содержащиеся в Едином реестре данные являются несопоставимыми со статистической информацией о субъектах МП, сформированной Росстатом за предыдущие периоды. Это обусловлено как объемом выборки (от 5 до 40% субъектов МП, в зависимости от категории, при этом ФНС России автоматически обрабатывает сведения обо всех хозяйствующих субъектах), так и значительными изменениями критериев отнесения хозяйствующих субъектов к МП, что было отмечено выше.

Поэтому в качестве информационной базы в работе выбраны данные двух раундов сплошных федеральных статистических наблюдений за деятельностью малого и среднего предпринимательства, проведенных Росстатом в 2010 и 2015 гг. Окончательные результаты последнего из сплошных пятилетних обследований были опубликованы в конце 2017 года. Данные сплошного обследования позволяют проанализировать тенденции, складывающиеся в различных категориях МСП, а также рассмотреть ситуацию с малым бизнесом в России в целом и по регионам страны за 2010–2015 гг.

Методология и методика исследования

Интегральная оценка состояния малого предпринимательства в регионе затруднена, поскольку зависит как от «экономического самочувствия» индивидуальных предпринимателей, так и от состояния малых предприятий. Представляется, что подход к мониторингу развития МП в регионах РФ должен носить комплексный характер и учитывать укрупненные тематические группы (блоки) показателей, характеризующие состояние как индивидуальных предпринимателей, так и малых предприятий.

Наиболее полно уровень развития МП в конкретном регионе описывается числом субъектов МП, скорректированным на плотность населения в регионе, численностью занятых в малом предпринимательстве, а также объемами выручки от реализации товаров, работ и услуг субъектами МП.

Подходы к построению интегральных методик комплексной оценки состояния экономи-

ческих процессов в регионе представлены в ряде работ [1; 15; 16; 17; 18]. Общим для рассматриваемых подходов является то, что для расчета интегрального индекса сначала выбираются частные показатели, для которых с использованием одного из трех методов (рейтингового, нормирования показателей, максимина) строятся локальные индексы их изменения, а затем на основе локальных индексов рассчитывается сводный (интегральный) индекс.

С учетом того, что рейтинговый метод, хотя и прост в расчете, недостаточно адекватно отражает межрегиональные различия⁶, а метод нормирования показателей сильно зависит от состояния исходных региональных показателей⁷, количественная оценка состояния МП в российских регионах осуществлялась методом максимина, показавшим свою эффективность в процессе оценки динамики экономических процессов, но не использовавшимся до настоящего времени в оценке состояния малого предпринимательства в регионах.

Метод максимина позволяет для каждого из регионов рассчитывать локальные индексы, количественно характеризующие место региона на нормированной линейке значений по конкретным параметрам МП для анализируемых территорий, а затем определить сводный индекс региона по уровню развития МП и сформировать место (ранг) региона среди всей совокупности рассматриваемых территорий [15].

Локальный индекс региона по конкретному показателю рассчитывался с учетом того факта, что все показатели, характеризующие состояние МП, имеют позитивную динамику, то есть максимальное значение ранжируемого показателя соответствует наилучшей позиции региона в списке («чем больше, тем лучше»). Как след-

⁶ Значение показателей, на основе которых строится рейтинг, может отличаться на сотые доли, а присваиваемые баллы (места) — на единицу, что затрудняет корректный анализ динамики развития анализируемых экономических процессов на территории.

⁷ Значительные различия между регионами по одному показателю могут сильно влиять на интегральный, что допустимо лишь тогда, когда такой исходный показатель имеет ключевое значение, но плохо, когда остальные исходные показатели также важны.

ствие, расчет локальных индексов осуществляется по формуле (1):

$$R_{ir} = \frac{a_{ir} - a_i^{\min}}{a_i^{\max} - a_i^{\min}}, \quad (1)$$

где R_{ir} – локальный индекс r -того региона ($r = \overline{1, n}$) по i -тому параметру состояния малого бизнеса ($i = \overline{1, m}$);

a_{ir} – значение i -того параметра состояния малого бизнеса в r -том регионе;

a_i^{\max} – максимальное значение i -того параметра состояния малого бизнеса по всей рассматриваемой выборке регионов;

a_i^{\min} – минимальное значение i -того параметра состояния малого бизнеса по всей рассматриваемой выборке регионов.

Содержательно локальный индекс понимается как разрыв (величина отставания) регионального значения каждого выделенного показателя с максимальным значением данного показателя среди анализируемых регионов. Данный индекс изменяется в границах от 1 до 0 (или от 100% до 0%). В первом случае это соответствует региону, в котором все параметры состояния МП наилучшие из всей совокупности рассматриваемых регионов, во втором случае речь идет о регионе, где все параметры МП являются наихудшими среди рассматриваемой совокупности регионов.

Интегральный (сводный) индекс состояния МП в r -том регионе (R_r) равен сумме локальных индексов r -того региона, деленной на общее число локальных индексов, т.е. интегральный индекс состояния МП в r -том регионе рассчитывается по формуле (2):

$$R_r = \frac{\sum_{i=1}^m R_{ir}}{m}. \quad (2)$$

В целом подход к интегральной оценке состояния малого бизнеса в регионах может быть проиллюстрирован с помощью многоуровневой «пирамиды», в основании которой находится совокупность исходных показателей, далее – частные индикаторы (локальные) индексы, ведущие к вершине «пирамиды» – сводной оценке индекса состояния малого предпринимательства в регионе.

В рамках описанной методологии оценки экономического потенциала малого предпринимательства анализ состояния малого предпринимательства в регионах предусматривал ряд этапов:

- формирование системы исходных показателей за 2010 и 2015 гг., с последующим их объединением в укрупненные тематические группы (блоки), характеризующие экономическое состояние индивидуальных предпринимателей и малых предприятий в стране и регионах;

- расчет на основе метода максимина локальных индексов, отражающих экономическое состояние как индивидуальных предпринимателей (физических лиц), так и малых предприятий (юридических лиц) в регионах;

- расчет интегрального (сводного) индекса состояния малого предпринимательства по регионам на основе региональных локальных индексов, с последующим ранжированием субъектов Федерации по состоянию малого предпринимательства.

В работе при выборе исходных показателей, характеризующих состояние индивидуальных предпринимателей и малых предприятий в регионах, учитывалась неоднородность выделяемого периода наблюдения, включающего как стадию стабильного развития, так и острую фазу кризиса российской экономики 2014–2015 гг. Поэтому при проведении регионального анализа состояния МП автор ориентировался на объемные характеристики, связанные с числом малых предприятий и индивидуальных предпринимателей в регионе, а также с численностью занятых в МБ работников. Стоимостные характеристики состояния малого бизнеса, характеризующие объемы выручки от реализации товаров, работ и услуг, в большей степени подвержены влиянию теневой экономики и, как следствие, предполагают меньшую достоверность данных. Поэтому в работе для каждого из 83 субъектов Российской Федерации⁸ ($n=83$) за два года наблюдений (2010 и 2015 гг.) по максиминному критерию были рассчитаны 6 локальных индексов

⁸ Из рассмотрения были исключены Республика Крым и г. Севастополь, ввиду неполноты информации по данным регионам.

состояния МП ($m=6$)⁹. Это позволило дать количественную оценку интегральному индексу состояния МП в каждом из субъектов Федерации и определить динамику ранга (места), занимаемого регионом среди других территорий России по рассматриваемым показателям.

Полученные результаты

На первом этапе работы выполнен сравнительный анализ общероссийских тенденций состояния малого и среднего предпринимательства по данным сплошных обследований за 2010 и 2015 гг.

Несмотря на развернувшийся в стране в 2014–2015 гг. кризис, изменение (увеличение) за наблюдаемый период порогового значения отнесения производства к категории малого и среднего предпринимательства, привело к росту общего числа субъектов МСП с 4,6 млн. в 2010 г. до 5 млн. в 2015 г. (табл. 3).

Тем не менее, индивидуальные предприниматели и владельцы малых предприятий по-разному среагировали на кризисные явления. Кризис заметнее сказался на деятельности индивидуальных предпринимателей, число которых за 2010–2015 гг. сократилось и в абсолютном, и в относительном выражении. Если в 2010 г. индивидуальные предпри-

ниматели составляли 63,7% от общего числа субъектов МСП, то в 2015 г. их доля снизилась до 55,5%.

Малые предприятия, несмотря на увеличение их числа, также не были однородными в своей реакции на изменение экономической ситуации. Еще в докризисный период в структуре малых и средних предприятий по числу субъектов предпринимательства преобладали микропредприятия, доля которых в 2010 г. превышала 30,8%. В условиях кризиса, к 2015 году, доля микропредприятий в общем количестве МСП возросла на 8,7 п.п., составив 39,5%.

Объяснять подобное положение дел только влиянием кризиса было бы ошибочно. Во многом это связано с тем, что «быть маленьким» в России выгодно. Именно для этого сегмента снижены налоги, упрощена отчетность и минимизировано число проверок от государственных органов. Можно предположить, что микробизнес зачастую просто не стремится «вырастать» в малый и средний бизнес [21]. Об этом, в частности, говорит и президент общественной организации МСП «ОПОРА России» А. Калинин, отмечающий, что «сейчас для малого бизнеса действуют комфортные налоговые

Таблица 3. Основные характеристики МСП в РФ по данным сплошных обследований

Категория МСП	Структура малого и среднего предпринимательства в России					
	по числу субъектов МСП		по численности занятых		по выручке от реализации товаров, работ, услуг	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015
Всего	4,6 млн. единиц	5,0 млн. единиц	19,1 млн. чел	18,44 млн. чел	30,84 трлн. руб.	62,1 трлн. руб.
В т.ч.: всего, %	100	100	100	100	100	100
- индивидуальные предприниматели	63,7	55,5	28,0	26,7	14,6	12,2
- юридические лица	36,3	44,5	72,0	73,3	85,4	87,8
в т.ч.:						
- микро предприятия	30,8	39,5	20,4	25,0	18,2	30,0
- малые предприятия	5,0	4,6	38,1	36,5	43,2	41,1
- средние предприятия	0,5	0,4	13,5	11,8	24,0	16,7

Источники: рассчитано по [19; 20].

⁹ Расчеты локальных индексов по каждому субъекту РФ, в совокупности формирующих интегральный индекс состояния МП регионов, базировались на учете 3-х показателей, характеризующих состояние индивидуальных предпринимателей (плотность индивидуальных предпринимателей на 10 тыс. жителей; средняя численность работников и выручка от реализации товаров, работ и услуг) и 3-х показателей, описывающих состояние малых предприятий (плотность на 10 тыс. жителей; среднесписочная численность работников и выручка от реализации товаров, работ и услуг).

режимы. Но переход на новый уровень для «малышей» крайне сложен. Если бизнес растет, то и платить налоги предприятию приходится «повзрослому». А к этому готовы не все»¹⁰.

Структура изменения численности занятых в малом и среднем бизнесе также демонстрирует свою специфику. При отмеченном общем росте числа субъектов хозяйствования численность занятых в малом и среднем бизнесе России сократилась с 19,1 млн. человек в 2010 году до 18,44 млн. в 2015 г. Произошел заметный сдвиг в сторону увеличения числа занятых на микропредприятиях (с 20,4 до 25%). Этот сдвиг объясняется снижением как общего числа, так и удельного веса занятых в остальных категориях МСП.

За рассматриваемый период резко выросли объемы и доля выручки, полученной микропредприятиями, в общем объеме выручки малого бизнеса (с 18,2% в 2010 г. до 30% в 2015 г.). Как следствие, по результатам 2015 г. производительность труда на микропредприятиях превысила производительность на малых предприятиях и составила свыше 85% от производительности труда на средних предприятиях. Фактически это означает, что в реальности российское малое предпринимательство является не малым, а микропредпринимательством, представленным предприятиями с числом сотрудников до 15 человек, статистика об экономическом самочувствии которых слабо отслеживается в текущем режиме.

На втором этапе исследования учитывалось, что формирующие Российскую Федерацию регионы (федеральные округа и субъекты Федерации) сильно различаются по величине, численности населения и экономическому потенциалу.

Крайне дифференцированные социально-экономические условия российских регионов предопределяют неравномерный и разнонаправленный характер развития малого бизнеса под влиянием многообразия местных экономических, социальных и политических условий. Как следствие, реакция индивидуальных предпринимателей и владельцев малых предприятий на изменение экономической ситуации в рассматриваемый период имела разнонаправленную динамику.

По федеральным округам в части состояния индивидуального предпринимательства отмечается сравнительно гомогенная ситуация. Если по стране, как было отмечено выше, число индивидуальных предпринимателей за период между сплошными обследованиями уменьшилось с 2,93 до 2,79 млн. (на 4,8%), то среди федеральных округов только Южный федеральный округ продемонстрировал рост числа (на 19%) и плотности индивидуальных предпринимателей за 2010–2015 гг. В остальных федеральных округах отмечалось снижение как общего числа индивидуальных предпринимателей, так и их плотности, подобное общероссийской тенденции.

Общей тенденцией в развитии индивидуального предпринимательства в России является уменьшение размаха вариации показателей, характеризующих его состояние (*табл. 4*) и происходящее на этом фоне сближение российских субъектов Федерации по уровню развития индивидуального предпринимательства.

В части малых предприятий за период 2010–2015 гг. наблюдалась противоположная тенденция – рост числа и плотности малых предприятий во всех федеральных округах на фоне возрастающего размаха вариации показателей по численности работников и выручки от реализации товаров и услуг на одно малое предприятие. Лидерами по числу малых предприятий на протяжении всего рассматриваемого периода выступали Центральный и Приволжский федеральные округа. Подобное распределение числа малых предприятий в целом укладывается в общую картину размещения населения и хозяйства России.

По субъектам Федерации концентрация индивидуальных предпринимателей и малых предприятий выглядит более пестрой, чем по федеральным округам. Более половины малых предприятий сосредоточено в двенадцати субъектах Российской Федерации. Лидерами по числу малых предприятий на протяжении всего периода являлись столичные регионы – Москва и Санкт-Петербург (*табл. 5*). При этом индивидуальное предпринимательство на уровне субъектов Федерации менее концентрировано, в сравнении с размещением малых предприятий. Регионы-лидеры тяготеют к Югу России (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область).

¹⁰ <https://fenryhord.ru/malyi-biznes-v-rossii/>

Таблица 4. Вариация состояния индивидуальных предпринимателей и малых предприятий по регионам России

Индивидуальные предприниматели (ИП)			Малые предприятия (юридические лица)		
Показатель	2010	2015	Показатель	2010	2015
1. Число ИП на 10 тыс. населения (шт.)			1. Число малых предприятий на 10 тыс. населения (шт.)		
Среднее по РФ	204,8	190,5	Среднее по РФ	115,1	151,7
Максимальное	395,1 (Респ. Алтай)	377,2 (Магаданская обл.)	Максимальное	245,3 (СПб.)	317 (СПб.)
Минимальное	63,6 (г. Москва)	71,8 (г. Москва)	Минимальное	11,5 (Респ. Дагестан)	15,4 (Респ. Дагестан)
Размах вариации	6,2	5,3	Размах вариации	21,3	20,6
2. Средняя численность работников, занятых у одного ИП (чел.)			2. Средняя численность работников на 1 малое предприятие (чел.)		
Среднее по РФ	1,83	1,79	Среднее по РФ	5,95	4,67
Максимальное	3,4 (ЕАО)	3,0 (Ингушетия)	Максимальное	9,9 (Псковская обл.)	7,0 (ЧАО)
Минимальное	0,5 (Респ. Ингушетия)	0,98 (респ. Дагестан)	Минимальное	1,6 (Чечня)	0,9 (Ингушетия)
Размах вариации	6,8	3,1	Размах вариации	6,2	7,8
3. Выручка от реализации товаров на 1 ИП, млн. руб			3. Выручка от реализации товаров на 1 малое предприятие, млн. руб.		
Среднее по РФ	1,54	2,83	Среднее по РФ	11,51	19,85
Максимальное	2,94 (ЕАО)	4,6 (Ярославская обл.)	Максимальное	19,81 (г. Москва)	32,6 (г. Москва)
Минимальное	0,06 (Респ. Ингушетия)	0,76 (Респ. Дагестан)	Минимальное	5,57 (Астраханская обл.)	4,31 (Ингушетия)
Размах вариации	49	6,1	Размах вариации	3,6	7,6

Источники: рассчитано по [19; 20].

Таблица 5. Российские регионы-лидеры по числу субъектов малого предпринимательства

Показатель	Индивидуальные предприниматели		Малые предприятия	
	2010	2015	2010	2015
Регионы лидеры по числу субъектов малого предпринимательства (в скобках – число субъектов малого предпринимательства в регионе, тыс. шт.)	Краснодарский край (176) Ростовская обл. (106) Ставропольский край (87,8)	Краснодарский край (196) Ростовская обл. (117) Московская обл. (97)	Москва (202) Санкт-Петербург (119) Московская обл. (68)	Москва (295) Санкт-Петербург (166) Свердловская обл. (87)
Количество регионов, концентрирующих более половины числа субъектов малого предпринимательства	21	18	12	12

Источники: рассчитано по [19; 20].

Сложившееся распределение малого бизнеса по регионам носит в целом по России как объективный, так и субъективный характер. К числу последних относятся отсутствие национальной региональной политики и множественность субъектов Федерации, обладающих немалыми правами по организации местной правовой и

экономической среды [1; 12; 17]. Это привело к тому, что в одних регионах были использованы имеющиеся возможности, а в других – нет.

На третьем этапе был выполнен анализ динамики изменения интегрального (сводного) индекса состояния малого предпринимательства субъектов Федерации, когда на основе

максиминного критерия по формуле (1) были рассчитаны локальные индексы состояния МП в регионах, а затем основные тенденции развития индивидуального предпринимательства и малых предприятий по формуле (2) были сведены в интегральный индекс состояния малого предпринимательства в регионах.

Интегральный (сводный) индекс конкретного региона является сравнительным индексом, показывающим состояние МП в сравнении с другими субъектами РФ и оценивающим количественную близость регионов по состоянию системы МП, измеренную в процентных пунктах приближения к идеальному из возможных на данный момент состояний. Для анализа динамики интегральных индексов состояния малого предпринимательства по регионам России и удобства ранжирования регионов по уровню развития МП была использована шестиразрядная шкала (табл. 6), позволившая выделить 6 групп субъектов Федерации, отличающихся уровнем развития малого предпринимательства:

- группы I–II объединяют регионы с наиболее развитым МП, где интегральный рейтинг составляет свыше половины от наилучшего (идеального) состояния;
- группа VI включает регионы с наихудшим индексом развития МП (от 0 до 30%);
- группы III–V объединяют регионы, занимающие промежуточное положение по состоянию интегрального рейтинга малого предпринимательства.

Следует отметить, что среди регионов нет как абсолютного лидера, так и абсолютно худшего региона по состоянию параметров малого предпринимательства (в первом случае интегральный индекс региона равнялся бы 100%, во втором – 0%).

Как видно из данных таблицы, в целом за 2010–2015 гг. на фоне кризиса возросла дифференциация регионов. С 25 до 36-ти увеличилось число субъектов Федерации во второй группе, где интегральный индекс превышает 50% его наилучшего (идеального) состояния, одновременно с 3 до 5 выросло число проблемных регионов, рейтинг состояния МП в которых находился в пределах 15,3–29,2%. При этом число регионов, занимавших промежуточное положение по уровню развития МП (группы 3–5), уменьшилось с 53 до 40 единиц.

Общая динамика изменения интегрального (сводного) индекса состояния малого предпринимательства по федеральным округам (ФО) и субъектам Российской Федерации представлена в табл. 7.

Как видно из данных таблицы 7, все федеральные округа к 2015 г. в сравнении с 2010 г. улучшили ситуацию с малым предпринимательством, но скорость изменения ситуации с малым предпринимательством по макрорегионам отличалась.

Лучшие значения продемонстрировали Северо-Западный, Дальневосточный и Центральный ФО (прирост за период на 6,3; 4,4 и 3,1 п.п., соответственно), что позволило Дальневосточному и Центральному федеральным округам сохранить первенство среди макрорегионов, а Северо-Западному – войти в тройку лидеров по состоянию МП. Северо-Кавказский, Сибирский и Южный федеральные округа продемонстрировали рост на 2,5; 2,2 и 1,8 п.п., но остались в замыкающей тройке (8, 7 и 6 места среди макрорегионов, соответственно). Приволжский и Уральский округа с минимальным ростом показателя на 0,4 и 0,5 п.п. заняли 5 и 4 места среди российских макрорегионов.

Таблица 6. Классификация субъектов РФ по группам по степени развития МП

Номер группы	Интервалы значений интегрального рейтинга состояния МП по группам (%)	Количество субъектов РФ в группе	
		2010	2015
I группа	100-60	2	2
II группа	60-50	25	36
III группа	50-45	23	18
IV группа	45-40	21	15
V группа	40-30	9	7
VI группа	30-0	3	5

Таблица 7. Расчетные значения интегральных индексов уровня развития МП (в %) и группировка субъектов Федерации в соответствии с величиной индекса

Регион	2010		2015		Отклонение индекса 2015 г. от 2010 г. (п.п.)
	Интегральный индекс	Группа	Интегральный индекс	Группа	
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)=(4)-(2)
Российская Федерация	46,4		49,0		2,6
Центральный ФО	50,8		53,9		3,1
Белгородская область	48,6	3	57,6	2	9,0
Брянская область	45,7	4	49,0	3	3,3
Владимирская область	49,7	3	51,4	2	1,7
Воронежская область	56,9	2	61,5	1	4,6
Ивановская область	49,2	3	53,6	2	4,4
Калужская область	52,3	2	52,0	2	-0,3
Костромская область	63,0	1	66,8	1	3,8
Курская область	50,2	2	50,7	2	0,5
Липецкая область	51,4	2	54,9	2	3,5
Московская область	47,5	3	46,7	3	-0,8
Орловская область	44,1	4	51,7	2	7,6
Рязанская область	52,5	2	54,3	2	1,8
Смоленская область	50,0	3	56,7	2	6,7
Тамбовская область	53,3	2	56,8	2	3,5
Тверская область	48,6	3	45,0	3	-3,6
Тульская область	44,1	5	44,0	4	-0,1
Ярославская область	47,5	3	59,2	2	11,7
г. Москва	52,0	2	56,9	2	4,9
Северо-Западный ФО	46,9		53,2		6,3
Республика Карелия	43,4	4	38,3	5	-5,1
Республика Коми	51,0	2	48,9	3	-2,1
Ненецкий автономный округ	51,0	2	46,1	3	-4,9
Архангельская область	56,2	2	56,2	2	0,0
Вологодская область	52,5	2	55,7	2	3,2
Калининградская область	47,5	3	52,7	2	5,2
Ленинградская область	44,7	4	41,6	4	-3,1
Мурманская область	46,6	3	44,4	4	-2,2
Новгородская область	47,0	3	43,2	4	-3,8
Псковская область	49,7	3	43,5	4	-6,2
г. Санкт-Петербург	44,6	4	59,1	2	14,5
Южный ФО	44,6		46,4		1,8
Республика Адыгея	40,2	4	41,1	4	0,9
Республика Калмыкия	34,1	5	33,3	5	-0,8
Краснодарский край	43,6	4	51,1	2	7,5
Астраханская область	41,0	4	43,2	4	2,2
Волгоградская область	42,0	4	39,1	5	-2,9
Ростовская область	51,0	2	50,7	2	-0,3
Северо-Кавказский ФО	31,9		34,4		2,5
Республика Дагестан	17,0	6	15,3	6	-1,7
Республика Ингушетия	16,3	6	28,6	6	12,3
Кабардино-Балкарская Республика	39,7	5	19,5	6	-10,2
Карачаево-Черкесская Республика	30,6	5	26,5	6	-4,1
Республика Северная Осетия – Алания	34,2	5	29,2	6	-5,0
Чеченская Республика	18,9	6	50,9	2	32,0

Окончание таблицы 7

Регион	2010		2015		Отклонение индекса 2015 г. от 2010 г. (п.п.)
	Интегральный индекс	Группа	Интегральный индекс	Группа	
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)=(4)-(2)
Ставропольский край	44,1	4	46,7	3	2,6
Приволжский ФО	47,0		47,4		0,4
Республика Башкортостан	45,2	3	48,4	3	3,2
Республика Марий Эл	46,4	3	44,5	4	-1,9
Республика Мордовия	48,8	3	42,4	4	-6,4
Республика Татарстан	49,5	3	47,8	3	-1,7
Удмуртская Республика	44,2	4	52,5	2	8,3
Чувашская Республика	43,2	4	41,2	4	-2,0
Пермский край	59,1	2	50,4	2	-8,7
Кировская область	55,3	2	53,6	2	-1,7
Нижегородская область	56,6	2	53,5	2	-3,1
Оренбургская область	37,7	5	44,2	4	6,5
Пензенская область	51,3	2	58,6	2	7,3
Самарская область	41,7	4	39,4	5	-2,3
Саратовская область	38,2	5	45,8	3	7,6
Ульяновская область	44,5	4	41,9	4	-2,6
Уральский ФО	48,6		49,2		0,5
Курганская область	48,5	3	47,6	3	-0,8
Свердловская область	51,6	2	55,5	2	3,9
Ханты-Мансийский АО - Югра	53,3	2	42,0	4	-11,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	50,6	2	47,9	3	-2,7
Тюменская область	46,2	3	42,9	4	-3,3
Челябинская область	47,3	3	49,2	3	1,9
Сибирский ФО	43,3		45,5		2,2
Республика Алтай	42,9	4	39,8	5	-3,1
Республика Бурятия	40,6	4	46,5	3	5,9
Республика Тыва	34,0	5	33,0	5	-1,0
Республика Хакасия	49,2	3	47,5	3	-1,7
Алтайский край	44,7	4	45,2	3	0,5
Забайкальский край	41,1	4	51,5	2	10,3
Красноярский край	48,2	3	44,3	4	-3,9
Иркутская область	45,6	3	50,0	3	4,4
Кемеровская область	42,6	4	39,6	5	-3,0
Новосибирская область	41,1	4	46,1	3	5,0
Омская область	47,6	3	50,0	3	2,4
Томская область	43,6	4	46,0	3	2,4
Дальневосточный ФО	51,1		55,5		4,4
Республика Саха (Якутия)	47,2	3	50,8	2	3,6
Камчатский край	58,2	2	56,6	2	-1,6
Приморский край	50,3	2	58,8	2	8,5
Хабаровский край	50,0	2	55,1	2	5,1
Амурская область	56,3	2	55,8	2	-0,5
Магаданская область	61,6	1	58,9	2	-2,7
Сахалинская область	58,2	2	59,3	2	1,1
Еврейская автономная область	59,3	2	55,6	2	-3,7
Чукотский автономный округ	34,4	5	55,3	2	20,9

Источники: рассчитано по [19; 20].

Другими словами, к 2016 году группу макро-регионов со сравнительно благоприятными условиями развития малого бизнеса сформировали Северо-Западный, Центральный и Дальневосточный федеральные округа, в которых интегральный индекс развития МП составил 53,2, 53,9 и 55,5% соответственно. При этом если лидерство Центрального и Северо-Западного ФО не вызывает сомнений, так как на его формирование влияет состояние малого бизнеса в столичных городах (Москве и Санкт-Петербурге), то высокий индекс развития МП на Дальнем Востоке России требует пояснения. Для этого рассмотрим ситуацию с развитием МП в субъектах Федерации, так как состояние МП в федеральных округах определяется самочувствием последнего в формирующих их субъектах Федерации.

К 2016 году из 83 рассмотренных субъектов Федерации в 43 регионах положение субъектов хозяйствования, оцененное по интегральному индексу состояния малого предпринимательства, улучшилось, а в 40 — ухудшилось.

На протяжении всего анализируемого периода первое место среди субъектов Федерации по уровню развития малого предпринимательства занимала Костромская область, а наиболее сложное положение с развитием малого бизнеса наблюдалось на Северном Кавказе (в республиках Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия — Алания).

При этом динамика изменения интегрального индекса малого предпринимательства по субъектам Федерации характеризовалась двумя разнонаправленными тенденциями.

Ряд регионов сумел резко улучшить состояние МП на своей территории (например, Чеченская Республика нарастила индекс за пять лет на 32 п.п., Чукотский АО — на 20,9 п.п., Санкт-Петербург — на 14,5 п.п.), другие регионы снизили показатели индекса, хотя и не столь радикально (Ханты-Мансийский АО — Югра на 11,3 п.п., Кабардино-Балкария — на 10,2 п.п., Пермский край — на 8,7 п.п.).

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос об источниках произошедших изменений.

Можно предположить, что улучшение/ухудшение ситуации с МП в субъектах РФ связано с воздействием рыночных механизмов или командно-административных методов, включая «бюджетные вливания». Сделать вывод о реальном воздействии на развитие МП тех или иных механизмов возможно только при подробном анализе ситуации в каждом конкретном регионе, так как среди регионов-лидеров по темпам роста интегрального показателя развития МП оказываются как дотационные (Чечня, Ингушетия, Чукотский автономный округ), так и самодостаточные субъекты Федерации (Санкт-Петербург и Ярославская область). Подобная ситуация характерна и для резко ухудшивших свое положение регионов, где соседствуют Ханты-Мансийский АО — Югра и Кабардино-Балкария, Пермский край и Псковская область, Карелия и Республика Алания.

За рассматриваемый период наиболее сильно изменила показатель индекса состояния малого предпринимательства Чеченская Республика — на 32 п.п., что позволило ей по уровню развития МП за пять лет подняться из 6-й группы во вторую, сделав «скачок» с 81 места среди субъектов Федерации на 33 место по состоянию МП. Можно предположить, что столь бурный спурт малого предпринимательства в Чеченской Республике объясняется достижением определенной стабильности в плане борьбы с угрозой терроризма и пресечения деятельности незаконных вооруженных формирований, которые либо были разгромлены, либо переместились в горные местности соседних республик. Соответственно, и бизнес-климат в республике улучшился по мере стабилизации обстановки, связанной с режимом контртеррористической операции. Смущает только один показатель: снижение количества малых предприятий за рассматриваемый период почти на 20%, при том что средняя численность работников и оборот предприятий значительно выросли (в 2,9 и 2,4 раза, соответственно). Можно сделать вывод о тенденции к укрупнению малых предприятий и о вытеснении с локального рынка в Чеченской Республике предприятий с небольшой численностью сотрудников.

При этом следует учитывать, что Чечня, так же как и упомянутые выше Ингушетия и Чукотский автономный округ, резко улучшившие показатели развития МП на своих территориях, являются дотационными регионами. Самостоятельной верификации требует тезис о том, что сложившейся там командно-административной системе удастся решать проблемы малого бизнеса на местном уровне. Так, известен прецедент, когда Рамзан Кадыров поручил Правительству республики привести кредитование малого бизнеса к общероссийскому общему знаменателю. Буквально через 2 дня после поручения Чеченский филиал Россельхозбанка официально заявил, что его кредитный портфель в сегменте малого бизнеса составил 1,9 млрд. рублей [17].

В целом ситуация с малым предпринимательством в Российской Федерации укладывается в общую закономерность — чем дальше от центра, тем крупнее МП и тем больше их оборот. Это в значительной мере объясняет высокие сравнительные индексы развития МП в дальневосточных субъектах Федерации и на Дальнем Востоке в целом. Учитывая высокую базу 2010 года и то, что все дальневосточные субъекты Федерации к 2015 году смогли или сохранить свое место во второй группе, среди наиболее успешных регионов по развитию МП, или войти в нее, Дальний Восток оказался единственным федеральным округом со столь равномерным региональным распределением показателей состояния МП. Именно подобное единообразие, когда интегральный рейтинг во всех регионах Дальнего Востока оказался выше 50%, и объясняет сформировавшийся относительно успешный имидж малого предпринимательства на Дальнем Востоке.

Резюме

Показано, что российское малое предпринимательство является микропредпринимательством, представленным предприятиями с числом сотрудников до 15 человек. При этом оно явно недостаточно охвачено официальными статистическими наблюдениями.

Выявлена высокая степень концентрации субъектов малого предпринимательства по регионам России, когда в двенадцати субъектах Федерации концентрируется более половины

малых предприятий страны. Как следствие, динамика сектора малого бизнеса в целом по России в решающей мере зависит от его состояния в регионах-лидерах. При этом индивидуальное предпринимательство территориально менее концентрировано и в целом болезненнее реагирует на изменения экономической ситуации в стране, чем сектор малых предприятий.

В группу макрорегионов со сравнительно благоприятными для развития малого предпринимательства условиями входят Центральный, Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа. К 2016 году из 83 рассмотренных субъектов Федерации в 43 регионах положение субъектов хозяйствования, оцененное по интегральному рейтингу состояния малого предпринимательства, улучшилось, а в 40 — ухудшилось.

Показано, что российскому предпринимательству свойственны существенные региональные различия в количественных параметрах, в том числе с учетом временной компоненты, что свидетельствует о большой дифференциации между регионами по уровню развития малого предпринимательства. Кризис 2014—2015 гг. в субъектах Федерации по-разному сказался на поведении индивидуальных предпринимателей и владельцев малых предприятий. Если в части сектора малых предприятий можно говорить о росте дифференциации российских регионов за период 2010—2015 гг., то в секторе индивидуального предпринимательства в то же время отмечалась тенденция к территориальному сближению по состоянию его основных характеристик. В целом ситуация с малым предпринимательством в России укладывается в общую закономерность — чем дальше от центра, тем крупнее малые предприятия и тем больше их оборот.

В целом малое предпринимательство российских регионов находится в своеобразной точке бифуркации, представляя в результате постоянных изменений и зачастую экономически нелогичных трансформаций достаточно противоречивую региональную структуру. Одним из путей снижения межрегиональной дифференциации и сближения уровней развития регионов может явиться развитие малого предпринимательства и конвергенция регио-

нов по этому показателю. Первоочередная помощь малому бизнесу как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе может и должна быть оказана государством.

Государственная поддержка малого предпринимательства должна стать рычагом проведения региональной политики. Сейчас у регионов нет стимулов для содействия развитию малого предпринимательства. Федеральный центр может заинтересовать субъекты Федерации, если размер передаваемых регионам субсидий и трансфертов будет положительно зависеть от успехов регионов в сборе налогов с предприятий МБ [12]. Если объемы субсидий и трансфертов не будут уменьшаться при увеличении налогов, поступающих от малого бизнеса, то региональные власти обретут реальные стимулы к развитию малого предпринимательства на собственных территориях. При этом

комплексная программа поддержки и защиты должна быть дополнена адресными мероприятиями поддержки и совершенствования МБ.

Поскольку, как показывают существующие исследования, число малых предприятий в конкретном регионе в значительной степени определяется отраслевой структурой [4; 22] и уровнем взаимодействия властных и предпринимательских структур в регионах [23; 24], важными механизмами совершенствования предпринимательского климата в регионах становятся институты оценки регулирующего воздействия. Этот момент совершенствования качества государственного регулирования в сфере МП целесообразно закрепить при разработке пакета документов, регламентирующих стратегическое планирование в России. Поиск адекватных решений названных проблем явится дальнейшим направлением исследований.

Литература

1. Басарева В.Г. Малый бизнес России: теоретические основы исследования, моделирование, концепция государственного регулирования. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. 296 с.
2. Dobbs M., Hamilton R.T. Small business growth: recent evidence and new directions. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2007, vol. 13. no. 5, pp. 296-322. Available at: <https://doi.org/10.1108/13552550710780885>
3. Бухвальд Е.М. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 66-80.
4. О состоянии малого и среднего предпринимательства в государствах-участниках СНГ (информационно-аналитический обзор). М., 2015, 170 с.
5. Davidsson P., Lindmark L., Olofsson C. Entrepreneurship and economic development: the role of small firm formation and expansion for regional economic well-being. *Journal of Enterprising Culture*, 1994, vol. 1, no. 3, pp. 347-365. DOI: 10.1142/S0218495894000045
6. Fritsch M. How does new business formation affect regional development? Introduction to the special issues. *Small Business Economics*, 2008, vol. 30, pp. 1-14.
7. Остапкович Г.В., Лола И.С., Китрар Л.А. Посткризисные тенденции развития малых промышленных организаций России // Экономический журнал ВШЭ. 2014. № 1. С. 133-155.
8. Drucker P.F. *Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles*. New York: Harper and Row, 1985. 277 p.
9. Леонов С.Н., Домнич Е.О. Государственная инновационная политика Китая // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2010. № 2. С. 167-177.
10. *European Commission. Impact of the Current Economic and Financial Crisis on Potential Output: Occasional Papers No. 43*. Brussels: EC DG ECFIN, 2009. 87 p. DOI: 10.2765/44883 http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication15479_en.pdf
11. *Entrepreneurship at a Glance 2014*. OECD. 15 July 2014. 108 p. Available at: http://dx.doi.org/10.1787/entrepreneur_aag-2014-en
12. Басарева В.Г. Малый бизнес в системе мер восстановления траектории экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5. С. 79-87.

13. *Financing SMEs and Entrepreneurs 2016: An OECD Scoreboard*. Paris: OECD Publishing, 2017. Available at: http://dx.doi.org/10.1787/fin_sme_ent-2016-33-en
14. *US Small Business Administration. Size Standards*. Available at: <https://www.sba.gov/federal-contracting/contracting-guide/size-standards>
15. Барабаш Е.С., Леонов С.Н. Межмуниципальное взаимодействие: потенциал и механизм реализации. Хабаровск : РИНЦ ХГАЭП, 2013, 188 с.
16. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. М. : КомКнига, 2016. 232 с.
17. Мамчиц Р. Рейтинг регионов по динамике развития малого бизнеса, 2017 (<https://www.if24.ru/rejting-regiony-malyi-biznes>)
18. Рой О.М., Бреусова А.Г. Стратегическое территориальное управление : бизнес-стратегии территориальных образований. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 244 с.
19. Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в 2010 году (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog-spn.html).
20. Сплошное наблюдение за деятельностью малого и среднего бизнеса за 2015 год (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/splosh.html).
21. Абраменко Н. Малый бизнес России в 2014–2017 годах. Статистика и мнение предпринимателей, 2017 (http://news.potok.digital/special/malyy_biznes_rossii.html#vyvody).
22. Fritsch M. New firms and regional employment change. *Small Business Economics*, October 1997, vol. 9, no. 5, pp. 437-448. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1007942918390>.
23. Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия / под научной редакцией проф. А.Н. Шохина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 349 с.
24. Леонов С.Н., Вакулюк Е.А. Результативность взаимодействия властных и предпринимательских структур: содержание понятия и опыт количественной оценки // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 3. С. 481-490. DOI: 10.17150/2500-2759. 2018. 28(3). С. 481-490.

Сведения об авторе

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

Current State and the Features of Location of Small Business in Regions of Russia

Abstract. World experience shows that the current state of small business is a kind of catalyst for the development of economic relations in market economies. The revival of small business in Russia is three decades old, but the potential benefits of small business are still weak. The paper attempts to assess the dynamics of the state and features of the differentiation of small business in the regions of modern Russia; we show the problems in the organization of this process, consisting in the variability of criteria for determining small business, incomplete information base and the lack of conventional approaches to assessing the differentiation of small business. We substantiate the need to use as an information base the data from full-scale federal statistical observations of the state of small business in Russia in 2010 and 2015. We prove that the approach to monitoring the development of small business in the regions of the Russian Federation should be comprehensive, taking into account the state of both individual entrepreneurs and small business enterprises in the territory. We carry out integrated assessment of the

state of small business in the subjects of the Russian Federation with the use of the Maximin Method, which allows us to calculate the integral index of the state of small business for each region. With the help of the proposed approach, we identify a high degree of territorial concentration of small business in regions of Russia; we reveal that the dynamics of the small business sector in the country as a whole depends crucially on its state in the leading regions; we classify regions into groups with different levels of small business development and find out that in the Russian Federation there is a convergence of its constituent entities on the parameters of the current state of individual entrepreneurship alongside the differentiation of regions according to the state of the sphere of small enterprises. In general, the situation with small business in Russia fits into the general pattern – the farther from the center, the larger the small businesses and the greater their turnover.

Key words: regional economy, subjects of the Federation, small business, individual entrepreneurs, small enterprises.

Information about the Author

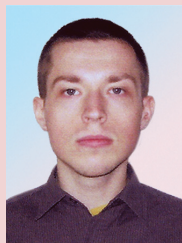
Sergei N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Статья поступила 16.10.2018.

Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение*

**Виктор Вильгельмович
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уро РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru

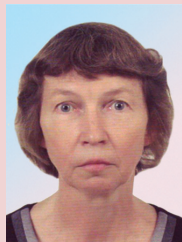
**Андрей Владимирович
СМИРНОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уро РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

**Татьяна Степановна
ЛЫТКИНА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уро РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: tlytkina@yandex.ru

**Галина Николаевна
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уро РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.).

Авторы выражают признательность Анне Гончаренко и Ирине Панариной за помощь в подготовке рукописи к публикации.

Для цитирования: Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 120-136. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.8

For citation: Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Sustainable development in Russia's Northern regions: labor dimension. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 120-136. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.8

Аннотация. В статье отмечается, что устойчивое развитие не конечная цель, а динамический процесс адаптации, познания и деятельности. Показана историческая обусловленность перехода человечества к устойчивому развитию, раскрывается хронология концепций устойчивого развития от доклада Брундтланд до Повестки дня—2030. Проанализированы шесть международных систем показателей устойчивого развития, в каждой из них выделены социально-трудовые и показатели уровня жизни. Отмечается, что общим недостатком всех систем является то, что предлагаемые в них показатели плохо адаптированы к российской статистике. Подчеркивается важность определения набора трудовых показателей и разработки методики по оценке устойчивого развития. Новизна исследования заключается в авторском подходе к оценке устойчивого развития по трудовым показателям. Трудовая устойчивость оценена по четырем факторам, включающим двенадцать трудовых показателей. На основе опроса экспертов определено влияние каждого трудового фактора и показателя на устойчивое развитие. Рассчитан интегральный индекс трудовой устойчивости, с использованием которого все северные регионы ранжированы по степени устойчивости: критическая, низкая, средняя, высокая. Полученные результаты позволили сделать вывод, что трудовая устойчивость северных регионов с 2000 по 2015 г. значительно возросла; нет ни одного региона с критической степенью трудовой устойчивости, только в Тыве она низкая, а пять регионов имеют высокую степень устойчивости. На первом этапе исследований авторами была предложена методика оценки демографической устойчивости с использованием двух подходов: ранжирование регионов по демографическим показателям и на основе интегрального индекса. Предстоит разработать методику прогнозирования устойчивого развития на основе демографических и трудовых показателей. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в качестве теоретико-методологической основы для определения устойчивого развития на разных уровнях управления.

Ключевые слова: северные регионы, устойчивое развитие, трудовые показатели, трудовая устойчивость.

Введение

К проблеме устойчивого развития цивилизаций, обществ, отдельных государств и народов обращались как древние мыслители, так и наши современники, представители разных отраслей знаний. В современном понимании устойчивое развитие обязано ряду обстоятельств.

Во-первых, докладу, подготовленному членами Римского клуба «Пределы роста» (1972). Авторы исследования пришли к выводу, что, если существующие тенденции роста численности населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов останутся неизменными, пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет.

Во-вторых, докладу Международной комиссии по окружающей среде и развитию Организации Объединенных Наций (ООН) «Наше общее будущее»¹. Он расширил концепцию устойчивого развития за пределы вопросов

охраны окружающей среды, включив изучение и оценку социальных аспектов на национальном и международном уровне. В докладе впервые появилась базовая формулировка: «Устойчивое развитие — это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». В ней содержится ключевая идея устойчивого развития — как баланса между поколениями.

В-третьих, конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992), благодаря которой изучение и оценка устойчивого развития начались в планетарном масштабе. На ней были определены 27 принципов поведения мирового сообщества в области защиты окружающей среды и развития².

В-четвертых, двум важным документам ООН: это Декларация тысячелетия (2000), содержащая 8 целей развития до 2015 г. и 21

¹ Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. 1987. URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf>

² Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года. Том I. Резолюции, принятые на Конференции ООН. Нью-Йорк, 1993. С. 3-7.

задачу³, и «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», определив 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития. Многие из целей тесно связаны с трудовыми процессами, такими как ликвидация нищеты, ликвидация голода, хорошее здоровье и благополучие, качественное образование, гендерное равенство, достойная работа и экономический рост, уменьшение неравенства⁴.

Россия, как и всё мировое сообщество, поддерживает принципы устойчивого развития, что нашло отражение в Указе Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996). В концепции отмечается, что переход России к устойчивому развитию возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов⁵.

В контексте принятых документов устойчивое развитие (УР) следует понимать не как конечную цель, а как динамический процесс адаптации, познания и деятельности. Это процесс выявления, изучения и использования взаимосвязей — прежде всего тех, которые существуют между экономикой, обществом и природной средой. Отмечается важность определения набора показателей и разработки методики по оценке устойчивого развития.

В отечественной научной литературе есть ряд работ, отражающих особенности и важность применения принципов устойчивого развития. К числу этих работ можно отнести [1; 2; 3; 4]. В них достаточно подробно изложены теоретико-методологические вопросы устойчивого развития, описаны характеристики методологических подходов к понятию «устойчивость». Однако оценку УР территорий на основе только трудовых показателей никто не проводил. Нам

³ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18 сентября 2000 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/55/2>

⁴ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf

⁵ О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации №440 от 1 апреля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

известна лишь одна зарубежная работа К. ван Треек. В ней предлагается оценить устойчивое развитие с позиции трудовых факторов. Подход состоит в оценке доли доходов от трудовой деятельности в валовом внутреннем продукте, то есть доли дохода, связанной с трудом. Показатель нацелен на достижение цели устойчивого развития — «достойная работа для всех». Высокодоходная работа рассматривается в качестве пути выхода из нищеты и сокращения неравенства в доходах. Однако такой подход не лишен недостатков. Он рассматривает устойчивость лишь с одной стороны, игнорируя и отраслевую структуру занятости, и гендерное неравенство, и многие другие важные факторы устойчивости [5].

Цель статьи — предложить методику оценки устойчивого развития северных регионов на основе трудовых показателей.

Объект исследования — 13 регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям.

Предмет исследования — оценка степени трудовой устойчивости северных регионов с выделением критической, низкой, средней и высокой.

Информационная база — материалы Росстата за 2000–2015 гг. и результаты опроса экспертов 2017 г. Базовым выбран 2000 год, поскольку за предыдущие годы нет полной информации по выбранным трудовым показателям.

Представлены результаты ранжирования северных регионов по устойчивому развитию на основе трудовых показателей.

Показатели, характеризующие устойчивое развитие

В «Повестке дня на XXI век» всем странам и международным организациям было рекомендовано разработать концепцию показателей устойчивого развития (ПУР). А координация работ по широкому использованию ПУР должна осуществляться под руководством Статистического управления Секретариата ООН, поскольку в этом Управлении происходит накопление нового опыта в данной области⁶. Первый набор показателей для целей устойчи-

⁶ Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года. Том I. Резолюции, принятые на Конференции ООН. Нью-Йорк, 1993. С. 505.

вого развития был рекомендован Комиссией ООН по устойчивому развитию (КУР) в 1993 г. и включал 132 показателя⁷. Впервые он был опубликован в 1995 г. Впоследствии этот набор был пересмотрен в 2001 и 2006 гг. Набор, предложенный КУР ООН, не является обязательным и не основан на одной статистической базе данных. Он призван предоставить общую отправную точку для разработки национальных наборов ПУР⁸.

Мировой опыт в области разработки ПУР показал, что существуют два подхода к их построению. Первый подход: построение системы показателей, каждый из которых отражает отдельные аспекты УР. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей: экологические, экономические, социальные, институциональные. Согласно рекомендациям Конференции европейских статистиков (КЕС), система измерения может быть основана на концептуальном мышлении, научной литературе и теоретических представлениях об «устойчивости», «развитии», сохранении устойчивости объекта и пр. Набор ПУР также может быть предназначен для оценки тех областей, которые считаются наиболее важными для лиц, занимающихся разработкой политики, и других заинтересованных сторон.

Второй подход связан с построением интегрального, агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей: эколого-экономических, эколого-социально-экономических, экологических [6, с. 128]. Кроме показателей, для оценки устойчивого развития применяются спутниковые счета (инструмент дополнительного анализа отдельных важных аспектов экономического и социального развития общества на основе подхода системы национальных счетов).

Комплексные показатели, разработанные в 1990-х гг. рядом экономистов, опирались на результаты работы, начатой в 1960-х и 1970-х гг.,

сюда относятся такие показатели, как индекс устойчивого экономического благосостояния [7], подлинный индикатор прогресса [8], индекс экономического благосостояния [9], истинные сбережения [10], показатель устойчивых чистых выгод [11].

В этот период появились и другие комплексные показатели. Самый наглядный пример – индекс развития человека (ИРЧ), который ежегодно публикуется Программой развития ООН (ПРООН) и рассчитывается как средневзвешенное значение показателей, характеризующих экономику, образование и здоровье. Другой важный показатель, появившийся в этот период, – это экологический след (Ecological Footprint), который характеризует площадь биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства используемых людьми ресурсов и поглощения отходов [12]. Другими примерами комплексных показателей являются Индекс счастливой планеты (Международный индекс счастья), индекс устойчивости общества и индекс «живой планеты» (LPI).

Существуют показатели, которые приобрели известность в 1990-е и 2000-е гг. и основаны на измерении субъективного благополучия людей. Эти показатели рассчитываются на основе оценок удовлетворенности самих людей своей жизнью или оценок их чувств по поводу недавних эпизодов своей жизни [13]. Хотя такие субъективные оценки обсуждались экономистами с начала 1970-х гг. [14], в последнее десятилетие эта область получила значительный импульс к развитию [15; 16].

С середины 1990-х гг. все большее число национальных статистических служб и международных организаций стали использовать наборы показателей для оценки устойчивого развития. При таком подходе многомерный характер устойчивого развития не сводится к одной оценке, а представлен широким спектром показателей, которые предоставляют информацию по различным аспектам устойчивого развития. Важным критерием для выбора показателей УР является их соответствие стандартам качества официальных статистических данных⁹.

⁷ Indicators of Sustainable Development. UN Department for Policy Coordination and Sustainable Development, 1994.

⁸ Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. Нью-Йорк и Женева: ООН, 2014. 208 с. URL: http://www.cisstat.com/sdgs/ECE_CES_31_Rus.pdf

⁹ Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. Нью-Йорк и Женева: ООН, 2014. С. 12-13, 15. URL: http://www.cisstat.com/sdgs/ECE_CES_31_Rus.pdf

Трудовые факторы оценки устойчивого развития обычно рассматриваются в социальном блоке систем индикаторов УР либо в рамках отдельных исследований социальной устойчивости, то есть исследований, акцент в которых делается на социальных, а не экономических и экологических составляющих устойчивого развития. Различные теоретические подходы к социальной устойчивости выдвигают на первый план разные индикаторы [17, с. 46]. Так, теории справедливости нацелены на измерение различных видов неравенства: территориального, отраслевого, гендерного, между поколениями и др. Сторонники капитального подхода измеряют показатели человеческого, трудового и социального капитала: качественные характеристики населения, инвестиции в знания, навыки и здоровье, меры сплоченности общества. Приверженцы институциональной теории применяют индикаторы функционирования социальных институтов. Исследователи корпоративных отношений используют показатели социальной ответственности бизнеса.

В первом наборе (1993) все показатели разбиты на три категории с учетом их целевой направленности: показатели – движущая сила, характеризующие человеческую деятельность, процессы и характеристики, которые влияют на устойчивое развитие; показатели состояния, характеризующие текущее состояние различных аспектов устойчивого развития; показатели реагирования, позволяющие осуществлять политический или какой-либо другой способ реагирования для изменения текущего состояния.

В группе социальных индикаторов блока «борьба с бедностью» присутствуют трудовые показатели: темп роста занятости (%); соотношение средних зарплат женщин и мужчин; население, проживающее в абсолютной бедности (%) и соотношение по доходам наиболее богатых и бедных. В других блоках можно отметить индикаторы, связанные с трудом: число женщин на 100 мужчин среди работающих; соотношение оплаты жилья и дохода; доля населения, не обеспеченная должным уровнем питания (%) [18, с. 9-15].

В 2007 г. ООН публикует доклад «Индикаторы устойчивого развития: направления и методология», в котором выделяются два блока с набором трудовых показателей. Блок «бедность»

включает: долю населения, живущего за национальной чертой бедности; долю населения, живущего менее чем на 1 доллар США в день; отношение доли самого высокого квинтиля к самому низкому в национальном доходе. Блок «занятость»: доля занятых в общей численности населения; уязвимая занятость; производительность труда и удельные затраты на рабочую силу; доля женщин, занимающихся оплачиваемым трудом в несельскохозяйственном секторе¹⁰.

С 2008 г. действует официальный перечень показателей целей в области развития «Декларации тысячелетия». Среди показателей для мониторинга прогресса присутствуют и трудовые: рост внутреннего валового продукта (ВВП) на одного работающего; доля занятых в общей численности населения; доля занятых, живущих менее чем на 1,25 доллара США по паритету покупательной способности (ППС) в день; доля занятых индивидуальной трудовой деятельностью и неоплачиваемых работников, занятых в домашнем хозяйстве, в общем числе занятых. Показатели ликвидации нищеты включают: долю населения с доходом по паритету покупательной способности менее 1,25 доллара США в день; коэффициент нищеты (доля неимущего населения и степень нищеты); долю беднейшего 20% населения в структуре потребления. К трудовым могут быть отнесены и показатели гендерного равенства: доля женщин, занимающихся оплачиваемым трудом в несельскохозяйственном секторе; доля женщин среди депутатов национально-го парламента¹¹.

Существенный вклад в разработку ПУР внесла Конференция европейских статистиков (КЕС). На ней были предложены три набора показателей: большой набор на основе концептуальной классификации (60 показателей), большой набор на основе тематической классификации (90 показателей) и малый набор на основе тематической классификации

¹⁰ Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies, UN. 2007. URL: <https://sustainable-development.un.org/index.php?page=view&type=400&nr=108&menu=1515>

¹¹ Официальный перечень показателей целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия // Статистический отдел ООН. 2008. URL: <http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Attach/Indicators/OfficialList2008.ru.doc>

(24 показателя)¹². Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала систему из 131 показателя, с помощью которой оценивают позиции западных стран по достижению этих целей¹³. Существует множество других систем показателей, разработанных различными структурами.

Набор ПУР в России утвержден распоряжением Правительства РФ, согласно которому Федеральный план статистических работ дополнен подразделом «Показатели достижения целей устойчивого развития Российской Федерации». В состав подраздела вошли 90 показателей достижения целей устойчивого развития в России¹⁴.

Для сравнительного анализа на межгосударственном и внутристрановом уровне все показатели должны соответствовать определенным критериям:

1. *Соответствие целям устойчивого развития.* Каждая группа показателей должна отражать все наиболее существенные аспекты развития рынка труда страны или отдельных территорий и быть связанной с устойчивым развитием. Трудовые показатели должны характеризовать доходы, уровень и структуру занятости, а также другие важнейшие характеристики социально-трудовых отношений.

2. *Неизбыточность.* Набор трудовых показателей должен соответствовать методологическому принципу У. Оккама: «Не следует вводить новые сущности без крайней на то необходимости». Показатели не должны дублировать смысловую нагрузку друг друга, характеризовать одни процессы.

3. *Доступность данных.* Достоверные значения всех статистических показателей или результатов социологических исследований, необходимых для определения значений показателей, должны быть доступны.

¹² Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. Нью-Йорк и Женева: ООН, 2014. с. 12-13, 15, 77. URL: http://www.cisstat.com/sdgs/ECE_CES_31_Rus.pdf

¹³ Measuring distance to the SDG targets. An assessment of where OECD countries stand June 2017. С. 24-30. URL: <http://www.oecd.org/std/OECD-Measuring-Distance-to-SDG-Targets.pdf>

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2017 года № 2033-р. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_news.htm

4. *Учет международного и российского опыта.* Для обеспечения сопоставимости с результатами международных исследований необходимо применять те показатели, которые уже успешно используются крупными международными организациями, исследующими УР.

Практически все существующие системы включают показатели социально-трудовых отношений и уровня жизни. Провести между ними четкую грань довольно сложно, сделать это можно лишь условно. Однако в силу того, что каждая группа показателей оценивает разные социально-экономические процессы и стороны жизнедеятельности человека, целесообразно рассмотреть их отдельно. Близкой точки зрения придерживаются и авторы [19; 20; 21].

Показатели устойчивого развития социально-трудовых отношений

Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития ООН¹⁵ включает 14 показателей, отражающих социально-трудовые отношения. На три показателя меньше использует Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств (СНГ)¹⁶ – 11. По десять показателей включают системы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹⁷ и России¹⁸. Всемирный банк (ВБ)¹⁹

¹⁵ Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / ООН. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework_A.RES.71.313%20Annex.Russian.pdf

¹⁶ Перечень показателей достижения Целей в области устойчивого развития для региона СНГ. По итогам обследования мнения статистических служб стран СНГ: Проект / Статкомитет СНГ. URL: <http://www.cisstat.com/sdgs/CIS-SDG%20001%20indicators%20list%2025-11-2016%20rus.pdf>

¹⁷ Measuring distance to the SDG targets. An assessment of where OECD countries stand June 2017. URL: <http://www.oecd.org/std/OECD-Measuring-Distance-to-SDG-Targets.pdf>

¹⁸ Календарь публикации официальной статистической информации по показателям достижения целей устойчивого развития Российской Федерации / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_calendar.htm

¹⁹ World Development Indicators 2017. Sustainable Development Goals / The World Bank. URL: <http://datatopics.worldbank.org/sdgs/>

Таблица 1. Системы показателей устойчивого развития социально-трудовой сферы

Код	Показатель	Система показателей					
		ООН	ВБ	ОЭСР	СНГ	РФ	КЕС
4.3.1	Уровень участия взрослых и молодежи в формальных и неформальных видах обучения и профессиональной подготовки в последние 12 месяцев в разбивке по полу	+	+	+	+		
5.4.1	Доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому, в разбивке по полу, возрасту и месту проживания	+	+	+ ³	+	+ ⁷	
5.5.2	Доля женщин на руководящих должностях	+	+ ¹	+ ⁴	+	+	
8.2.1	Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого (индекс производительности труда)	+	+	+ ⁵	+	+	+
8.3.1	Доля неформальной занятости в несельскохозяйственных секторах в разбивке по полу	+	+		+	+	
8.5.2	Уровень безработицы в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности	+	+	+	+	+	
8.6.1	Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков	+	+	+	+	+	
8.7.1	Доля и число детей в возрасте от 5 до 17 лет, занятых детским трудом, в разбивке по полу и возрасту	+	+ ²		+	+	
8.8.1	Производственный травматизм со смертельным и несмертельным исходом в разбивке по полу и миграционному статусу	+			+	+ ⁸	
8.8.2	Ситуация с соблюдением трудовых прав на национальном уровне в разбивке по полу и миграционному статусу	+					
8.8.2	Индекс напряженности работы (превышение требований работы над ресурсами: нехватка времени, риски для здоровья, невозможность обучения)			+			
8.b.1	Наличие разработанной и осуществляемой национальной стратегии молодежной занятости	+					
8.b.1	Доля государственных расходов на программы социальной защиты и трудоустройства в государственном бюджете и ВВП стран				+		
9.2.2	Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости	+		+	+	+	
9.5.2	Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на миллион жителей	+	+	+ ⁶		+	
10.7.1	Затраты работника на трудоустройство в процентах от его годового дохода в стране назначения	+					
10.7.1	Разница в уровне безработицы между мигрантами и местным населением			+			
	Уровень занятости						+
	Уровень занятости среди женщин						+
	Уровень занятости среди молодежи						+
	Отработанные часы (среднее число часов работы в неделю)						+
	Средний возраст выхода с рынка труда						+

Внесены уточнения: ¹ включая долю женщин в национальных парламентах; ² в возрасте от 7 до 14 лет, ³ разница между мужчинами и женщинами; ⁴ доля мест в советах крупнейших компаний, занятых женщинами; ⁵ на час работы; ⁶ в составе рабочей силы; ⁷ неоплачиваемый труд по уходу за ребенком и работу по дому; ⁸ без разбивки по миграционному статусу.

предлагает 9 показателей. И всего шесть показателей рекомендовала Конференция европейских статистиков²⁰ по измерению устойчивого развития. За исключением показателей КЕС, все показатели пяти систем призваны количественно оценить ту или иную цель «Повестки дня – 2030» (табл. 1).

Анализируя шесть представленных систем показателей устойчивого развития социально-трудовой сферы, можно отметить следующее. Только один показатель имеет сквозное значение – ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого (индекс производительности труда). Три показателя представлены в пяти системах. К их числу относятся: а) доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому, в разбивке по полу, возрасту и месту проживания; б) уровень безработицы в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности; в) доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков.

Еще два показателя: а) доля неформальной занятости в несельскохозяйственных секторах в разбивке по полу; б) доля и число детей в возрасте от 5 до 17 лет, занятых детским трудом, в разбивке по полу и возрасту представлены в четырех системах. Одиннадцать показателей присутствуют только в одной из шести систем.

Показатели устойчивого развития уровня жизни

Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития ООН и Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств включили по семь показателей, отражающих уровень бедности и показатели рынка труда. По пять показателей включают Организация экономического сотрудничества и развития и Россия. Всемирный банк предлагает четыре показателя. И всего два показателя рекомендовала Конференция европейских статистиков по измерению устойчивого развития уровня жизни (табл. 2).

Таблица 2. Системы показателей устойчивого развития уровня жизни

Код	Показатель	Система показателей					
		ООН	ВБ	ОЭСР	СНГ	РФ	КЕС
1.1.1	Доля населения, живущего за международной чертой бедности, в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское)	+	+ ¹	+ ³	+	+	
1.2.1	Доля населения страны, живущего за официальной чертой бедности, в разбивке по полу и возрасту	+	+ ²		+	+	
1.2.1	Отношение дохода к уровню бедности			+			
1.2.2	Доля мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям	+	+ ²		+		
8.5.1	Средний почасовой заработок женщин и мужчин в разбивке по роду занятий, возрасту и признаку инвалидности	+			+	+ ⁴	+
8.5.1	Качество заработка (взаимосвязь доходов и благополучия работников)			+			
10.1.1	Темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40 процентов населения и среди населения в целом	+	+	+	+	+	
10.2.1	Доля людей с доходом ниже 50 процентов медианного дохода в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности	+			+		
10.4.1	Доля доходов трудящихся в ВВП, в том числе заработная плата и выплаты по линии социальной защиты	+		+	+	+	
	Коэффициент Джини						+

Внесены уточнения: ¹ менее 1,25 долл. в день, ² всего, городское и сельское население; ³ менее 1.90 долл. в день, ⁴ без разбивания по признаку инвалидности

²⁰ Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. Нью-Йорк и Женева: ООН, 2014. 208 с. URL: http://www.cisstat.com/sdgs/ECE_CES_31_Rus.pdf

Рассматривая представленные системы показателей устойчивого развития уровня жизни, можно отметить следующее. Два показателя представлены в пяти системах: а) доля населения, живущего за международной чертой бедности, в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское); б) темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40% населения и среди населения в целом. Три показателя в разном сочетании представлены в четырех системах. Еще два показателя используются в трех системах: а) доля населения страны, живущего за официальной чертой бедности, в разбивке по полу и возрасту; б) доля мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям. Три показателя используются только отдельными системами. Два показателя применяет лишь ОЭСР: отношение дохода к уровню бедности и качество заработка (взаимосвязь доходов и благополучия работников). Достаточно универсальный коэффициент Джини рекомендован лишь КЕС.

Методика расчета индекса устойчивого развития по трудовым показателям

Выбраны четыре трудовых фактора: величина доходов населения, дифференциация доходов, безработица и структура занятости. Каждый фактор включает ряд показателей. Трудовые показатели величины доходов направлены на достижение целей «достойная работа и экономический рост», «хорошее здоровье и благополучие», «ликвидация нищеты» и «уменьшение неравенства». Устойчивое развитие предполагает высокий уровень жизни населения, которого нельзя добиться без роста доходов населения. Первый показатель — *отношение среднего дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг*. Он характеризует не только объем денежных доходов населения, но и его покупательную способность. Показатель чрезвычайно сильно варьируется на Севере: от 1,2 в Тыве до 3,8 в Ямало-Ненецком АО в 2015 г. Учитывается один показатель структуры расходов — *доля потребительских расходов домохозяйств на покупку продуктов питания*. В 2015 г. его значения составляли от 26,1 в Ханты-Ман-

сийском АО до 42,4 в Магаданской области. Третий показатель — *отношение средней заработной платы в регионе к средней заработной плате по стране* — оценивает заработную плату в единых ценах по стране, демонстрирует конкурентоспособность рынка труда региона. В 2015 г. наибольшее значение зафиксировано в Чукотском АО (234%), наименьшее — в Республике Тыва (83%).

Трудовые показатели дифференциации доходов способствуют достижению тех же целей, что и предыдущая группа. Рост неравенства носит глобальный характер. Он вызван сокращением работников со средней заработной платой в результате механизации труда и внедрения аутсорсинга [22, с. 290-291]. В России и на Российском Севере неравенство усугубляется разрывом в уровне доходов между работниками отраслей экономики, между городом и селом, мужчинами и женщинами. Первый показатель характеризует бедность — *доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума*. В ряде регионов Севера уровень бедности высок. Например, в Республике Тыва он составляет 38,2, а в Якутии — 18,9, что также в 1,4 раза выше среднероссийского уровня. Ликвидация нищеты выступает одной из центральных целей устойчивого развития. Коэффициент Джини характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Он варьируется между 0 (идеальное равенство — все получают поровну) и 1 (идеальное неравенство — все достается одному человеку). На Севере он высок в нефтегазодобывающих регионах и низок в остальных. *Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин* показывает степень гендерного равенства на рынке труда. В Чукотском АО средняя зарплата женщин составляет всего 62,1% от мужской, в Камчатском крае — 85,4%.

Трудовые показатели безработицы связаны с целями «достойная работа и экономический рост», «ликвидация нищеты». Два показателя характеризуют одно и то же явление, но с разных сторон: *уровень безработицы по данным выборочных обследований и уровень зарегистрированной безработицы*. Проблемы с безработицей

в той или иной мере наблюдаются в большинстве регионов Севера. Всего в трех северных субъектах уровень зарегистрированной безработицы ниже среднероссийского: Ханты-Мансийском АО, Ямало-Ненецком АО и Сахалинской области. Чрезвычайно высок уровень безработицы по данным выборочных обследований в Тыве (18,6%). Третий показатель отражает степень напряженности на рынке труда — *среднее время поиска работы безработными (месяцев)*.

Трудовые показатели структуры занятости преследуют цели «качественное образование», «гендерное равенство», «уменьшение неравенства». Первый показатель — *средний образовательный уровень занятого населения*, вычисляемый в годах обучения по наиболее распространенной образовательной траектории [23, с. 149] на основе данных выборочных обследований. Он одновременно учитывает все уровни образования. Устойчивый рынок труда должен поощрять образованность населения. Согласно докладу ОЭСР, образование коррелирует с такими важными факторами устойчивого развития, как улучшение здоровья, снижение преступности и правонарушений, рост объемов благотворительности и волонтерства. Образованные люди чувствуют себя более счастливыми и поощряют образование в следующем поколении, а соблюдение интересов будущих поколений является важнейшей целью устойчивого развития²¹.

Второй показатель — *доля работающих в добыче полезных ископаемых в общей численности занятых*. Высокое значение этого показателя на Севере России препятствует устойчивому развитию из-за эксплуатации природной среды, создания социального неравенства, воздействия на образ жизни коренных народов Севера. Кроме того, полезные ископаемые невозобновимы и рано или поздно будут исчерпаны, что вызовет проблемы с трудоустройством населения. Поэтому снижение зависимости рынка труда от добычи полезных ископаемых рассматривается как цель устой-

чивого развития Севера. В 2015 г. в четырех автономных округах Севера удельный вес занятых в добывающих отраслях варьировался от 18 до 23%.

Третий показатель — *разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами в трудоспособном возрасте*. Сокращение гендерного неравенства на рынке труда выступает целью устойчивого развития. На Севере в целом разница между полами в уровне занятости ниже, чем среднероссийская, но в отдельных регионах она высока.

По опросу 26 экспертов в области экономики труда и демографии из российских научных организаций каждый фактор и показатель получил свой вес (табл. 3).

Вначале субъекту РФ с наилучшим значением показателя за весь период (2000–2015 гг.) присваивалось 100 баллов, а с наихудшим — 1 балл. Затем все северные регионы получали значения на шкале от 1 до 100 методом линейного масштабирования на основе крайних значений. Это позволяет учитывать степень отставания регионов от лидирующих. На втором этапе определялись значения регионов по группам показателей, соответствующих четырем факторам, как среднее арифметическое взвешенное баллов всех входящих в группу показателей. Аналогичным образом на третьем этапе вычислялся итоговый индекс на основе средних значений по четырем факторам. На всех этапах значения округлялись до целых. Максимально возможное значение индекса составляет 100 баллов и может быть достигнуто лишь в том случае, если субъект РФ является российским лидером по всем показателям, входящим в индекс. Минимально возможное значение индекса равно единице.

Далее рассчитываются интегральные индексы, определяется размах их вариации как разность между наибольшим и наименьшим значениями признака в изучаемой совокупности за четыре года пятнадцатилетнего периода. Разница между полярными значениями (47–78) была разделена на четыре равных интервала. Затем по величине интегрального индекса все северные регионы ранжированы по степени устойчивого развития по трудовым показателям (табл. 4., рис. 1).

²¹ Measuring Sustainable Development. Report of the Joint UNECE/OECD/Eurostat Working Group on Statistics for Sustainable Development. New York: United Nations, 2008. С. 52 URL: <http://www.oecd.org/greengrowth/41414440.pdf>.

Таблица 3. Трудовые факторы и показатели устойчивого развития, их вес по оценке экспертов (2017 г.)

Трудовые факторы	Влияние на устойчивое развитие, вес фактора	Трудовые показатели	Влияние на устойчивое развитие, вес показателя
Величина доходов населения	0,284	Отношение среднего дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг	0,363
		Доля потребительских расходов домохозяйств на покупку продуктов питания	0,343
		Отношение средней заработной платы в регионе к средней заработной плате по стране	0,294
Дифференциация доходов	0,253	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	0,386
		Коэффициент Джини	0,333
		Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин	0,281
Безработица	0,216	Уровень безработицы по данным выборочных обследований	0,362
		Среднее время поиска работы безработными	0,353
		Уровень зарегистрировано безработицы	0,285
Структура занятости	0,247	Средней образовательный уровень занятого населения, лет обучения	0,391
		Доля работающих в добыче полезных ископаемых в общей численности занятых	0,342
		Разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами в трудоспособном возрасте	0,267
Источник: составлено авторами.			

Таблица 4. Ранжирование северных регионов России по степени устойчивого развития по трудовым показателям, 2000–2015 гг.

Степень ТУ	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
71–78 высокая			Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО Архангельская обл. Мурманская обл. Сахалинская обл. Камчатский край
63–70 средняя	Ханты-Мансийский АО	Ханты-Мансийский АО Чукотский АО Архангельская обл. Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО Чукотский АО Архангельская обл. Мурманская обл. Сахалинская обл. Камчатский край Республика Карелия Республика Коми Ненецкий АО Магаданская обл.	Ханты-Мансийский АО Чукотский АО Республика Карелия Республика Коми Ненецкий АО Магаданская обл. Республика Якутия
55–62 низкая	Ямало-Ненецкий АО Республика Карелия Архангельская обл. Ненецкий АО Республика Якутия Чукотский АО Магаданская обл. Сахалинская обл.	Сахалинская обл. Республика Карелия Ненецкий АО Магаданская обл. Республика Якутия Камчатский край Мурманская обл. Республика Коми	Республика Якутия Республика Тыва	Республика Тыва
47–54 критическая	Республика Коми Мурманская обл. Камчатский край Республика Тыва	Республика Тыва		
Источник: составлено авторами.				

Рис. 1. Карта устойчивого развития Севера России по трудовым показателям, 2015 г.

1 – Мурманская область, 2 – Республика Карелия, 3 – Архангельская область; 4 – Ненецкий АО, 5 – Республика Коми, 6 – Ямало-Ненецкий АО, 7 – Ханты-Мансийский АО, 8 и 9 – Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский районы Красноярского края, 10 – Республика Тыва, 11 – Республика Саха (Якутия), 12 – Чукотский АО, 13 – Магаданская область, 14 – Камчатский край, 15 – Сахалинская область.

Источник: составлено авторами.

По степени устойчивого развития в критическую группу в 2000 г. попали: Камчатский край (54), Мурманская область (54), республики Коми (51) и Тыва (47). В средней группе был один субъект – Ханты-Мансийский АО (66). Остальные 8 субъектов заняли свое место в низкой группе. В 2005 г. устойчивость северных регионов по трудовым показателям значительно улучшилась. В критической группе осталась только Республика Тыва (53). Из низкой группы в среднюю перешли: Чукотский и Ямало-Ненецкий АО (65) и Архангельская область (65). Остальные пять сохранили свое место в низкой группе. В 2010 г. северные регионы увеличили свою устойчивость. В низкой группе осталась Республика Саха (Якутия) (62) и перешла Республика Тыва (59). Ямало-Ненецкий АО перешел

в группу высокой устойчивости (72), а еще семь субъектов – в среднюю группу. В 2015 г. положение северных регионов по трудовой устойчивости значительно возросло. Высокая группа пополнилась четырьмя субъектами: это Камчатский край (75), Мурманская (72), Сахалинская (72) и Архангельская (71) области. Из низкой в среднюю группу переместилась Республика Саха (Якутия) (68). Республика Тыва (57) – единственный регион, который остался в низкой группе по трудовой устойчивости (табл. 5).

За анализируемый период времени устойчивое развитие, оцененное по трудовым показателям, по северным регионам в целом было выше российского уровня лишь в 2000 г. Это соотношение составляло 57/56, в последующие годы оценка устойчивости была равной. В качестве

Таблица 5. Индексы устойчивого развития северных регионов России, рассчитанные по трудовым показателям, 2000–2015 гг.

Регионы	Индекс устойчивого развития, рассчитанный по трудовым показателям				Индекс устойчивого развития, значение трудового фактора за 2015 г.			
	Год				величина доходов	дифференциация доходов	безработица	структура занятости
	2000	2005	2010	2015				
Российская Федерация	56	62	66	70	53	68	86	76
Северные регионы	57	62	66	70	61	67	87	67
Камчатский край	54	62	69	75	54	78	89	84
Ямало-Ненецкий АО	62	65	72	74	84	67	94	54
Сахалинская область	55	59	68	72	67	64	87	73
Мурманская область	54	61	66	72	59	70	83	78
Архангельская область	57	65	67	71	54	66	89	79
Магаданская область	55	60	64	70	59	73	90	62
Ханты-Мансийский АО	66	63	67	69	70	67	92	48
Республика Саха (Якутия)	58	62	62	68	57	66	85	69
Ненецкий АО	56	62	70	68	78	69	86	39
Республика Коми	51	61	63	67	55	63	87	69
Республика Карелия	58	60	65	67	46	71	79	77
Чукотский АО	55	65	63	65	68	64	84	47
Республика Тыва	47	53	59	57	39	65	47	76
Справочно: регионы, полностью входящие в Арктическую зону РФ	57	63	68	72	69	69	88	66

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

справки можно отметить, что трудовая устойчивость арктических регионов все годы была незначительно, но выше российского уровня (рис. 2).

В рассмотренный период уровень доходов на Севере рос медленнее, чем в среднем по стране. Уровень бедности северных регионов сократился, но социальное неравенство при этом усилилось. Выросла доля работающих в добыче полезных ископаемых в общей численности занятых. После 2010 г. начался рост доли расходов на продукты питания и уровня бедности. Увеличение интегрального индекса объясняется прежде всего сокращением гендерного неравенства, ростом образовательного уровня занятых, снижением безработицы, ростом отношения доходов к стоимости потребительской корзины.

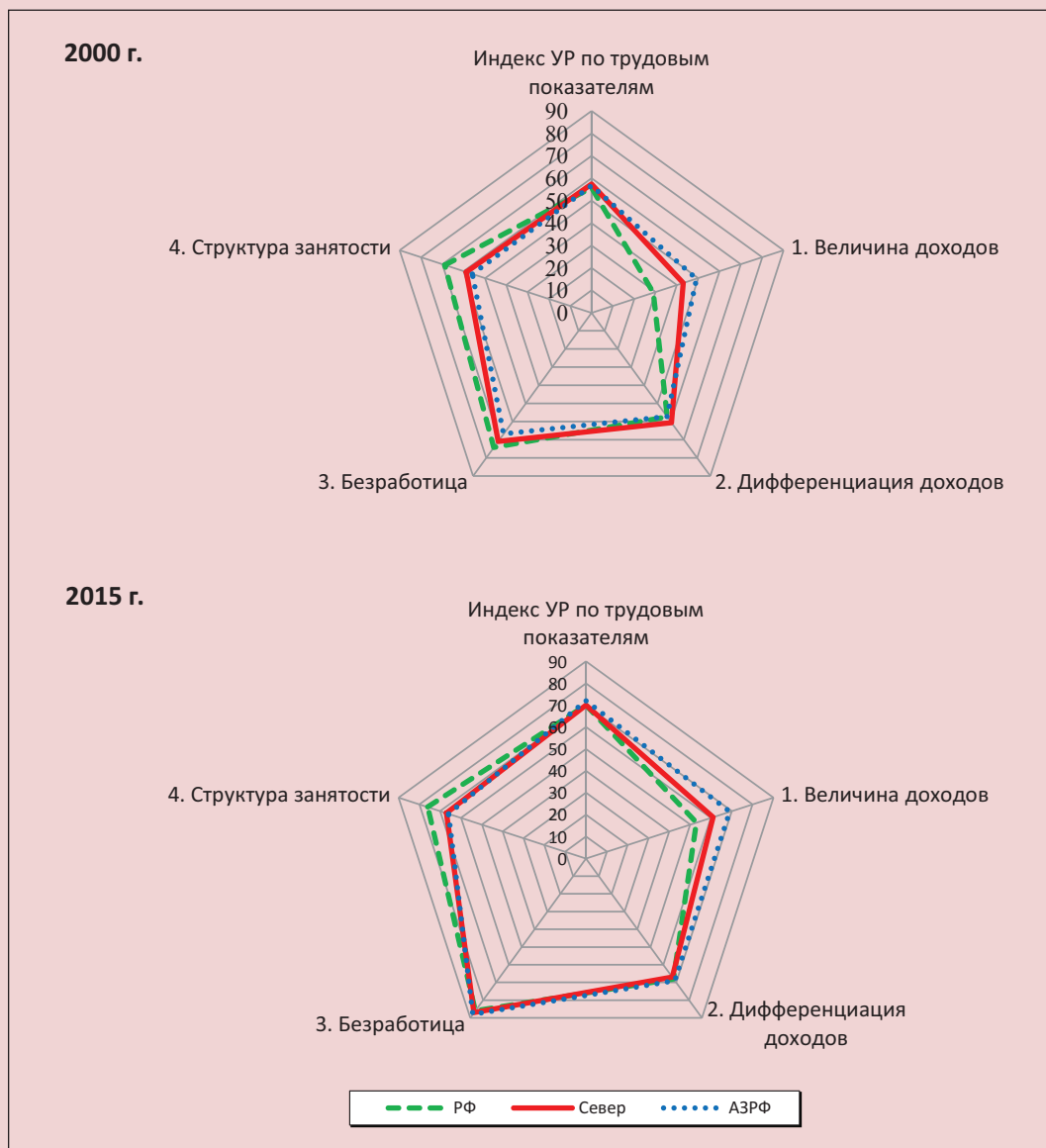
По индексам устойчивого развития, рассчитанным по трудовым факторам за 2015 г., лучшее значение имели восемь регионов: по «величине доходов» – Ямало-Ненецкий (84),

Ненецкий (78) и Ханты-Мансийский (70) АО; по «дифференциации доходов» – Камчатский край (78), Магаданская область (73) и Республика Карелия (71); по «безработице» – Ямало-Ненецкий (94), Ханты-Мансийский (92) АО и Магаданская область (90); по «структуре занятости» – Камчатский край (84), Архангельская (79) и Мурманская (78) области.

Заключение

В статье рассмотрены шесть систем показателей по оценке устойчивого развития. Из всего многообразия показателей выбраны те, что раскрывают социально-трудовые отношения и уровень жизни. Показано, какую конкретно цель «Повестки дня – 2030» оценивает тот или иной показатель. Отмечено, что мировые системы показателей оценки устойчивого развития не всегда имеют статистическое наполнение, предоставляемое Росстатом. Это ограничивает возможности применения мировых систем оценки устойчивого развития в российской практике.

Рис. 2. Диаграмма трудовой устойчивости России, Севера и Арктической зоны РФ (2000, 2015 гг.)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Предложен авторский подход к оценке устойчивого развития северных территорий с использованием 12 трудовых показателей, характеризующих развитие социально-трудовых отношений и уровень жизни населения. Данный подход является продолжением работы, в которой оценка устойчивого развития северных территорий выполнена на основе демографических показателей [24; 25].

Устойчивость рассматривается в динамике с постоянными коэффициентами при масшта-

бировании показателей, что позволяет отслеживать приближение регионов Севера к достижению целей устойчивого развития, обозначенных в документах ООН. Значения коэффициентов определяются исходя из показателей не только северных, но и всех субъектов РФ, что позволяет выявить специфические черты трудовой устойчивости северных регионов.

Учитываются особенно острые социально-экономические проблемы Севера: значитель-

ная доля занятых в добыче полезных ископаемых, существенные расходы на продукты питания, социальное неравенство и др. Высокая детализация методики позволила выявить степень устойчивости по отдельным трудовым факторам: величине доходов, их дифференциации, безработице и структуре занятости.

Степень трудовой устойчивости может быть оценена как критическая, низкая, средняя и высокая. Отмечается, что Север России улучшил свою трудовую устойчивость. В 2000 г. индекс трудовой устойчивости составлял 57, а в 2015 г. – уже 70.

Еще предстоит разработать методику прогнозирования демографической и трудовой устойчивости, в том числе на муниципальном уровне. Полученные результаты найдут применение в практике стратегического планирования развития северных регионов. Для дальнейшего повышения их устойчивости по трудовым факторам необходимо воздействовать на структуру занятости, увеличив занятость в несырьевых секторах экономики. Однако диверсификация рынка труда может повлечь снижение средней величины заработной платы, главного преимущества регионов Севера.

Литература

1. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография / Т.В. Ускова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
2. Осипова М.Ю. Разработка статико-динамического подхода к оценке и управлению устойчивым развитием региона: дисс. ... канд. экон. наук. Пермь, 2017. 263 с.
3. Юрков Д.В. Управление миграцией как механизм устойчивого развития территорий: дисс. ... докт. экон. наук. Казань, 2017. 408 с.
4. Факторы устойчивого развития регионов России: монография. Книга 21/ Н.Г. Борисова, М.Ф. Григорьев, Л.Ю. Драгилова и др.; под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. 164 с.
5. Van Treeck K. The Role of Labor in Sustainable Development. Dissertation. Göttingen, August 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ediss.uni-goettingen.de/handle/11858/00-1735-0000-0023-3FB0-A> (Дата обращения: 17.01.2018).
6. Тарасова Н.П., Кручина Е.Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: природа – общество – человек: Материалы международной конференции. М., 2006. Т. 1. С. 127-144.
7. Cobb J.B. *For the Common Good: Redirecting the Economy Toward Community, the Environment and a Sustainable Future*. Beacon Press, 1989. 534 p.
8. Cobb C., Halstead T., Rowe J. *Redefining Progress: The Genuine Progress Indicator, Summary of Data and Methodology*. San Francisco, CA: Redefining Progress, 1995. 50 p.
9. Osberg L., Sharpe A. An index of economic well-being for selected OECD countries. *Review of Income and Wealth*, 2002, vol. 48, pp. 291-316.
10. Pearce D., Atkinson G. Capital theory and the measurement of sustainable development: an indicator of “weak” sustainability. *Ecological Economics*, 1993, vol. 8, pp. 103-108.
11. Lawn P., Sanders R. Has Australia surpassed its optimal macroeconomic scale? Finding out with the aid of ‘benefit’ and ‘cost’ accounts and a sustainable net benefit index. *Ecological Economics*, 1999, vol. 28, pp. 213-229.
12. Rees W., Wackernagel M. Ecological footprints and appropriated carrying capacity: measuring the natural capacity requirements of the human economy. In: *Investing in Natural Capital*. Washington DC: Island Press, 1994.
13. Kahneman D., Krueger A. Developments in the measurement of subjective well-being. *Journal of Economic Perspectives*, 2006, vol. 20, pp. 3-24.
14. Easterlin R. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Essays in Honor of Moses Abramovitz*. 1974. Pp. 89-125.
15. Anielski M. *The Economics of Happiness: Building Genuine Wealth*. Canada: New Society Publishers, 2007. 288 p.
16. Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. UK: Penguin, 2011.

17. Widok A. Social Sustainability: Theories, Concepts, Practicability. *Environmental Informatics and Industrial Environmental Protection: Concepts, Methods and Tools (Part 2)*. Berlin: Shaker Verlag, 2009. Pp. 43-51.
18. Hasan M. *Indicators of Sustainable Development: The Malaysian Perspective*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lgt.lt/geoin/files/S2_Paper1.rtf (Дата обращения: 17.01.2018).
19. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения / Л.А. Рябова, Е.Е. Торопушина, Е.А. Корчак, В.П. Тоичкина, Н.А. Новикова // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы: научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276-294.
20. Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5 (17). С. 101-115.
21. Ускова Т.В., Копасова С.С. Устойчивое развитие региона: от концептуальных основ – к практическим результатам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. Вып. 43. С. 21-31.
22. Дитон А. Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 368 с.
23. Смирнов А.В. Прогнозирование демографических и образовательных процессов на территориях разных уровней // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2016. № 1. С. 146-155.
24. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические аспекты устойчивого развития северных территорий // Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24-25 октября 2017 г., ИПРЭ РАН. СПб.: ГУАП, 2017. С. 229-234.
25. Демографические показатели оценки устойчивого развития северных регионов России / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, А.В. Смирнов, Г.Н. Фаузер // Моделирование сценариев устойчивого развития северных регионов России в современных условиях. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 268-277.

Сведения об авторах

Виктор Вильгельмович Фаузер – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Андрей Владимирович Смирнов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Татьяна Степановна Лыткина – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Галина Николаевна Фаузер – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N.

Sustainable Development in Russia's Northern Regions: Labor Dimension

Abstract. The article points out that sustainable development is not the ultimate goal, but a dynamic process of adaptation, cognition and activity. We show that the transition to sustainable development is preconditioned by historical circumstances; we reveal the chronology of the concepts of sustainable development from the Brundtland Report to the 2030 Agenda. We analyze six international systems of sustainable development indicators; each of the systems contains social-labor indicators and indicators of living standards. We emphasize that the common disadvantage of all the systems is that their indicators are poorly adapted to Russian statistics. We consider it important to establish a set of labor indicators and develop a methodology to assess sustainable development. The novelty of our research lies in fact that we use our own approach to the assessment of sustainable development with the use of labor indicators. Labor stability is estimated according to four factors that include twelve labor indicators. On the basis of an expert survey, we determine the impact of each labor factor and indicator on sustainable development. We calculate the integral index of labor stability, and use it to rank all the Northern regions according to the degree of stability: critical, low, medium, high. The results obtained allow us to conclude that labor stability in the Northern regions increased significantly from 2000 to 2015; there is no region with a critical degree of labor stability, it is low only in Tuva, and five regions have a high degree of stability. At the first stage of the research, we propose a method for assessing demographic stability using two approaches: ranking regions on the basis of demographic indicators and on the basis of an integral index. It is planned to develop a methodology for forecasting sustainable development based on demographic and labor indicators. The main provisions and conclusions of the paper can be used as a theoretical and methodological basis for determining sustainable development at different levels of administration.

Key words: Northern regions, sustainable development, labor indicators, labor stability.

Information about the Authors

Victor V. Fauzer – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of laboratory, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Andrei V. Smirnov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Tat'yana S. Lytkina – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Galina N. Fauzer – Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 17.04.2018.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.9

УДК 332.12, ББК 65.04

© Юсупов К.Н., Тимирьянова В.М., Токтамышева Ю.С., Попов Д.В.

Иерархические и пространственные эффекты в развитии муниципальных образований*

**Касим Назифович
ЮСУПОВ**

Башкирский государственный университет
Уфа, Российская Федерация, 450076, ул. Карла Маркса, 3/4
E-mail: kasim_jusupov@mail.ru

**Венера Маратовна
ТИМИРЬЯНОВА**

Башкирский государственный университет
Уфа, Российская Федерация, 450076, ул. Карла Маркса, 3/4
E-mail: 79174073127@mail.ru

**Юлия Семеновна
ТОКТАМЫШЕВА**

Башкирский государственный университет
Уфа, Российская Федерация, 450076, ул. Карла Маркса, 3/4
E-mail: tokt-yuliya@yandex.ru

**Денис Владимирович
ПОПОВ**

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
Уфа, Российская Федерация, 450008, ул. К. Маркса, д. 12
E-mail: popov.denis@inbox.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00668 А.

Для цитирования: Иерархические и пространственные эффекты в развитии муниципальных образований / К.Н. Юсупов, В.М. Тимирьянова, Ю.С. Токтамышева, Д.В. Попов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 137-154. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.9

For citation: Yusupov K.N., Timir'yanova V.M., Toktamysheva Yu.S., Popov D.V. Hierarchical and spatial effects in the development of municipalities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 137-154. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.9

Аннотация. В статье представлены результаты анализа влияния отдельных уровней иерархии государственного управления (региональный, муниципальный) и соседних территорий на показатели социально-экономического положения муниципальных образований. Исследование проводилось в разрезе 300 муниципальных образований шести субъектов Российской Федерации. Определение иерархического и пространственного эффектов осуществлялось в несколько этапов. Анализ влияния отдельных уровней управления на результаты, получаемые муниципальными образованиями, проводился методом иерархического линейного моделирования (hierarchical linear modeling, HLM), применяющимся в других научных областях для анализа групповых и межгрупповых отношений. Оценка связанности муниципальных образований осуществлялась методами пространственной статистики (индекс Морана). Проведенный анализ показал, что имеют значение как вертикальные, так и горизонтальные связи муниципального образования, определяющие пространственные и иерархические эффекты. Наиболее сложным и в то же время необходимым для формирования управленческих решений в отношении муниципальных образований шагом является оценка изменения того или иного показателя с учетом как внутреннего потенциала, так и имеющихся внешних горизонтальных и вертикальных связей одновременно. В рамках данной работы наличие пространственных и иерархических эффектов позволило построить модель, увязывающую изменение объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования с объемом отгруженной продукции в муниципальном образовании и соседних муниципальных образованиях, с учетом их иерархической подчиненности. Расчеты показали, что роль регионального уровня принадлежности составляет 21,1%, а на 78,9% изменение объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя связано с действиями муниципальной власти. Получаемые с помощью предлагаемых методов результаты позволят обоснованно подходить к принятию управленческих решений в рамках региональной экономической политики, в том числе определять полномочия тех или иных уровней иерархии государственного управления.

Ключевые слова: иерархия управления, многоуровневый анализ, пространственный эффект, региональное управление.

Введение

Административно-территориальное устройство страны заключается в разделении ее на определенные части, которые иерархически соподчинены в целях эффективного функционирования вертикали управления. Руководитель муниципального образования в своей деятельности должен учитывать не только внутренние факторы развития, но и регулирующее воздействие со стороны региональной власти, включая возможности получения поддержки и финансирования из бюджета вышестоящего органа власти, особенности развития соседних территорий. Однако в действительности все три элемента одновременно учитываются руководителями муниципальных образований на интуитивном уровне. Это связано во многом с недостаточным развитием инструментов оценки, позволяющих учитывать в рамках одной модели вертикальные и горизонтальные связи муниципальных образований. Проводимое в рам-

ках данной работы исследование имеет целью расширение инструментов анализа пространственных и иерархических связей, необходимое для повышения эффективности управления муниципальными образованиями. Гипотеза исследования заключается в том, что проблема дифференциации социально-экономического развития отдельных территорий определяется совокупным влиянием как внутренних, так и внешних факторов, воздействие на которые осуществляется в рамках существующей иерархии управления. Научная новизна исследования состоит в обосновании значимости вертикальных (иерархия управления) и горизонтальных (территория) связей муниципальных образований путем построения модели, позволяющей выделять как пространственные, так и иерархические эффекты. Это расширяет представление о пространственной организации экономической деятельности, дает воз-

возможность по-новому взглянуть на проблему связанности страны и перейти к многоуровневому планированию развития ее территорий.

Вопросы управления иерархическими системами в государственном масштабе, или так называемого многоуровневого государственного управления, поднимались исследователями во всем мире [1, 2, 3]. Современные исследования показывают, что механизм структурно-уровневой системы управления экономикой «определяется системой рычагов, используемых как на федеральном (макроуровень), так и на региональном (мезоуровень) уровнях формирования экономического пространства» [4]. Содержание управления социально-экономическими процессами на уровне муниципального образования определяется общегосударственной, региональной и муниципальной политикой. Для комплексного анализа важно понимать роль всех уровней иерархии управления. На уровне муниципалитета управление должно стремиться к максимально полному удовлетворению потребностей проживающего на его территории населения, с учетом особенностей развития муниципального образования. Вышестоящий уровень власти также влияет на развитие территории, на что указывают различные эмпирические исследования [5, 6, 7]. В свою очередь центральное правительство, как правило, определяет общий вектор развития страны. На более низком уровне – региональном – в рамках рассматриваемых векторов управления принимаются решения, позволяющие наиболее эффективно использовать имеющийся потенциал территорий. От того, каким образом региональные власти донесут до более низкого уровня управления (муниципального, локального) общую концепцию федеральной власти и увяжут ее с возможностями региона, зависит развитие каждой отдельной локальной территории (муниципального образования).

В свою очередь, развитие отдельных территорий определяется не только вертикалью власти и собственными внутренними факторами развития. Значительное влияние оказывает развитие территориального окружения. В связи с этим все больше исследований направлено на оценку влияния дифференциации в развитии территорий [8, 9, 10] и оценку пространственных эффектов. Например, М.А. Хаддад и З. Недовик-Будик провели

пространственный анализ индекса развития человеческого потенциала для муниципальных районов Сан-Паулу [11], Х. Уе, У. Д. Уей – производства, инвестиций и неравенства уровня жизни в сельской местности в разрезе муниципальных районов провинции Китая Чжэцзянь [12], А.Р. Файзлиев оценил изменение индекса цен в разрезе субъектов РФ [13], Е.А. Гафарова сделала сравнительный анализ различных типов пространственных моделей экономического роста [14].

Анализ работ показал, что преимущественно в них сопоставляются данные о пространственной дифференциации на отдельных уровнях иерархии управления (например, только на региональном или муниципальном), но взаимодействие этих уровней не определяется. Если работа затрагивает проблемы многоуровневого и пространственного развития одновременно, то в ней, как правило, ограниченно применяются методы пространственной эконометрики. Так в работе К.Б. Жао и С.П. Тонг рассматривается проблема дифференциации уровня жизни в Китае на нескольких уровнях (провинция, регион, городской и сельский район) с помощью показателей измерения межуровневой вариации [15]. Ж. Антикайнен и В. Перту оценивают региональное валовое производство, занятость и миграцию в разрезе дистриктов и регионов на основе индексного анализа, ограничиваясь только сопоставлением темпов изменения показателей [9]. Л. ван де Лаан определяет влияние изменений в городской системе на региональную структуру занятости с помощью множественной регрессии, но не учитывает пространственную природу данных [16]. Таким образом, проводимые исследования муниципальных образований пока не позволяют представить полную картину их пространственной и иерархической связи, что во многом определяет нереализованность потенциала межмуниципального взаимодействия.

Проведенный обзор публикаций отечественных и зарубежных ученых позволил не только выделить методы исследования пространственных и иерархических эффектов в развитии территорий, но и показал многообразие анализируемых в разрезе территорий и уровней иерархии управления показателей. Невозможно охватить все аспекты социально-экономического развития территории, но наибо-

лее часто встречающимися в рассмотренных выше исследованиях являются уровень жизни и состояние реального сектора экономики. В свою очередь, оценка уровня жизни, как правило, начинается с изучения доходов населения, а исследование реального сектора экономики включает анализ производства продукции [17]. Показатели «объем производства товаров и услуг» и «денежные доходы населения» в той или иной интерпретации находят отражение в рейтингах регионов¹ и учитываются при оценке деятельности глав регионов и муниципальных образований².

Таким образом, анализ представленных в работе показателей позволит апробировать предлагаемый авторами инструментарий, предусматривающий многоуровневое исследование социально-экономического развития территорий на основе объединения пространственных и иерархических (многоуровневых) моделей.

1. Описание методов исследования

Методика выделения иерархических и пространственных эффектов укладывалась в несколько этапов.

На первом этапе анализировались средние значения и вариация показателей социально-экономического развития муниципальных образований в разрезе 6 субъектов РФ, имеющих общие участки границ с Башкортостаном. В рамках данного этапа тестировалась гипотеза о наличии межгрупповой дифференциации, т.е. различии субъектов РФ в достигаемых значениях показателей находящихся на их территории муниципальных образований. С учетом особенностей формирования статистических значений показателей на уровне муниципальных образований в анализе доходов населения учитывался «объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального райо-

¹ Рейтинг российских регионов по качеству жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/infografika/20160225/630010958.html>;

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/infografika/20150616/610658857.html>

² Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14 ноября 2017 г. № 548; Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607.

на (городского округа)», а в качестве показателя, характеризующего производство, выступил «объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях». Оба показателя официально регистрируются органами государственной статистики и представлены на официальном сайте федеральной службы государственной статистики в Базе данных показателей муниципальных образований³.

Иерархический (двухуровневый, вложенный) характер данных позволил перейти к построению многоуровневой регрессионной модели класса Unconstrained:

а) для объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования:

уровень 1 (нижний):

$$NDSV_{ij} = \beta_{0j} + r_{ij}; \quad (1)$$

уровень 2 (верхний):

$$\beta_{0j} = \gamma_{00} + u_{0j}; \quad (2)$$

общий вид модели, объединённой по обоим уровням:

$$NDSV_{ij} = \gamma_{00} + u_{0j} + r_{ij}; \quad (3)$$

б) для объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях:

уровень 1 (нижний):

$$OT_{ij} = \beta_{0j} + r_{ij}; \quad (4)$$

уровень 2 (верхний):

$$\beta_{0j} = \gamma_{00} + u_{0j}; \quad (5)$$

общий вид модели, объединённой по обоим уровням:

$$OT_{ij} = \gamma_{00} + u_{0j} + r_{ij}, \quad (6)$$

где $NDSV_{ij}$ – объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя i -го муниципального образования j -ого региона РФ, руб.;

³ База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/>.

OT_{ij} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в i -ом муниципальном образовании j -ого региона РФ, тыс. руб.;

β_{0j} – функция от общего свободного члена (γ_{00}), имеющего место для всех муниципальных образований, и ошибки межрегиональной дисперсии (u_{0j}), объясняющей различия между регионами по значениям показателя, достигаемым входящими в них муниципальными образованиями;

r_{ij} – ошибка региональной (межмуниципальной) дисперсии, объясняющей различия между муниципальными образованиями в рамках отдельных регионов;

j – индекс, отвечающий за принадлежность муниципалитета к конкретному субъекту РФ, ($j=1, 2, \dots, 6$);

i – индекс, отвечающий за принадлежность к конкретному муниципальному образованию, ($i=1, 2, \dots, 300$).

Модели данного типа активно выстраиваются как зарубежными так и отечественными учеными [18, 19, 20]. В соответствии с этой моделью оцениваются два параметра – межрегиональная (σ_{00}) и внутрирегиональная (межмуниципальная) дисперсия (σ_j).

В процессе анализа оценивалось то, насколько значимо межгрупповая дисперсия отличается от нуля, для чего строилась модель без включения варьирования по свободному члену и проводился дисперсионный анализ, позволяющий сравнить модели между собой. Если обнаруживается статистически значимое различие между моделями, то межгрупповая дисперсия отличается от нуля, в противном случае различие признается незначимым. Для проверки соответствующей гипотезы используется межклассовый коэффициент корреляции (ICC – intraclass correlation coefficient):

$$ICC = \frac{\sigma_{00}^2}{\sigma_{00}^2 + \sigma_j^2}, \quad (7)$$

где σ_{00} – межрегиональная дисперсия;

σ_j – внутрирегиональная (межмуниципальная) дисперсия.

Данный коэффициент показывает, какую часть от общей дисперсии можно объяснить варьированием среднего в группах (в настоящем исследовании – в субъектах РФ). То есть оце-

нить влияние региона на развитие муниципальных образований. Значение коэффициента изменяется в диапазоне от +1, в ситуации, когда вариация определяется непосредственно различием между группами при отсутствии вариации внутри групп, до $\frac{1}{(n-1)}$, когда вариация преимущественно внутригрупповая (где n – число муниципальных образований). Значение коэффициента близкое к нулю свидетельствует о том, что верхний уровень иерархии управления не влияет на развитие объектов нижнего уровня, в нашем случае муниципальных образований. В работе В. Хута отмечается, что если Intraclass Correlation Coefficient (ICC) имеет значение менее 5%, то выстраивать иерархические модели не целесообразно [21].

Статистическую значимость модели и, как следствие, проверку гипотезы о целесообразности использования инструментов иерархического моделирования можно осуществлять с помощью критерия χ^2 , определяемого для случайных эффектов и предполагающего проверку нулевой гипотезы об отсутствии наличия групповых эффектов [22].

На втором этапе исследования с целью проверки гипотезы о наличии связи между соседними муниципальными образованиями был проведен пространственный статистический анализ. Оценка пространственного аспекта в территориальном развитии опиралась на теорию пространственной эконометрии [23, 24, 25]. Пространственная автокорреляция в распределении показателей социально-экономического развития муниципалитетов оценивалась для обоих показателей с помощью индекса Морана:

$$Im_{NDSV} = \frac{N}{\sum_i \sum_p w_{ip}} \times \frac{\sum_i \sum_p w_{ip} (NDSV_i - \overline{NDSV})(NDSV_p - \overline{NDSV})}{\sum_i (NDSV_i - \overline{NDSV})^2}, \quad (8)$$

$$Im_{OT} = \frac{N}{\sum_i \sum_p w_{ip}} \frac{\sum_i \sum_p w_{ip} (OT_i - \overline{OT})(OT_p - \overline{OT})}{\sum_i (OT_i - \overline{OT})^2}, \quad (9)$$

где N – число муниципальных образований, ед.;

\overline{NDSV}_i , – среднее значение объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя i -ого муниципального образования, руб.;

\overline{OT}_i , – среднее значение объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в i -ом муниципальном образовании, тыс. руб.;

w_{ip} – элементы матрицы весов расстояний между i -ым и p -ым муниципалитетами.

Полученное значение индекса Морана сравнивалось с ожидаемым значением $E(Im) = -1/(n-1)$. При $Im > E(Im)$ имеется положительная пространственная автокорреляция, т. е. в целом значения наблюдений в соседних территориях являются подобными. При $Im < E(Im)$ – отрицательная автокорреляция, т. е. в целом значения наблюдений в соседних территориях отличаются. При $Im = E(Im)$ значения наблюдений в соседних территориях расположены случайным образом.

Матрица пространственных весов задается экзогенно, поэтому ее спецификация является наиболее сложным и спорным вопросом в моделировании пространственных взаимосвязей. Для расчета использовалась матрица смежности муниципальных образований:

$$w = \begin{cases} 1, & \text{если муниципальное образование } i \text{ и } p \text{ имеют общую границу;} \\ & 0, \text{ если } i = p; \\ 0, & \text{если муниципальное образование } i \text{ не имеет общей границы с муниципальным образованием } p. \end{cases}$$

На третьем этапе построенная иерархическая (многоуровневая) модель была усложнена путем включения объясняющей переменной, представляющей собой среднее значение анализируемого показателя среди соседних муниципальных образований по отношению к i -му муниципальному образованию, вида:

$$W_OT_{ij} = \frac{\sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^n \sum_{p=1}^n (w_{ip} \times OT_{ij})}{k}, \quad (10)$$

где k – количество муниципальных образований, определяемых в соответствии с матрицей смежности w_{ip} как соседние территории для каждого i -го муниципального образования.

В результате стало возможным построение следующей модели второго класса (Random intercepts – случайные эффекты), увязывающей изменение объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населе-

ния в среднем на 1 жителя муниципального образования с объемом отгруженной продукции в муниципальном образовании и соседних муниципальных образованиях. При этом учитывалось не само значение показателей объема отгруженной продукции в муниципальном образовании и в соседних районах, а их отклонения от среднего по региону:

уровень 1 (нижний):

$$NDSV_{ij} = \beta_{0j} + \beta_{1j} \times (W_{OT_{ij}} - \overline{W_{OT_j}}) + \beta_{2j} \times (OT_{ij} - \overline{OT_j}) + r_{ij}, \quad (11)$$

уровень 2 (верхний):

$$\beta_{0j} = \gamma_{00} + u_{0j}, \quad (12)$$

$$\beta_{1j} = \gamma_{10}. \quad (13)$$

$$\beta_{2j} = \gamma_{20}. \quad (14)$$

Общий вид модели, объединённой по обоим уровням:

$$NDSV_{ij} = \gamma_{00} + \gamma_{10} \times (W_OT_{ij} - \overline{W_OT_{ij}}) + \gamma_{20} \times (OT_{ij} - \overline{OT_j}) + u_{0j} + r_{ij}, \quad (15)$$

где $NDSV_{ij}$ – объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя в i -ом муниципальном образовании j -ого региона РФ, руб.;

OT_{ij} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в i -ом муниципальном образовании j -ого региона РФ, тыс. руб.;

W_OT_{ij} – средний объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях, определяемых как соседние по отношению к i -му муниципальному образованию j -го региона с учетом матрицы смежности, тыс. руб.;

β_{0j} – функция от общего свободного члена (γ_{00}) и ошибки межрегиональной дисперсии 1 (u_{0j});

β_{1j} – линейный наклон регрессора W_OT_{ij} есть константа γ_{10} ;

β_{2j} – линейный наклон регрессора OT_{ij} есть константа γ_{20} ;

r_{ij} – ошибка региональной (межмуниципальной) дисперсии;

j – индекс, отвечающий за принадлежность к конкретному субъекту РФ ($j=1, 2, \dots, 6$);

i – индекс, отвечающий за принадлежность к конкретному муниципальному образованию ($i=1, 2, \dots, 300$).

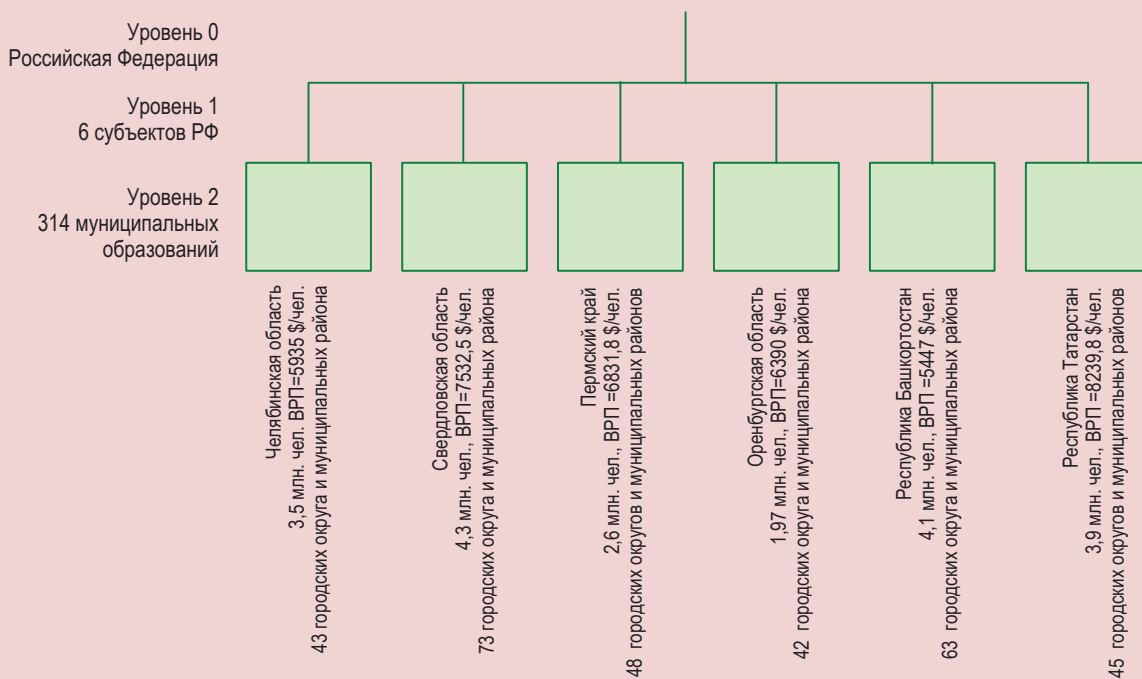
Идея включения в модель доходов населения в качестве фактора производства продукции на данной территории не является новой. В исследованиях часто отмечается, что «доход какой-либо единицы общества (группы домохозяйств, домохозяйства, семьи или индивидуума) – это часть (и соответствующая ей стоимость) произведенного продукта, которая получается в результате экономической деятельности данной единицы» [26, 27]. Апробируя данную гипотезу и выстраивая регрессионные модели, исследователи отмечают тесную связь уровня дохода с экономической деятельностью региона, которая оценивается объемом ВРП на душу населения [28], во многом определяемым объемом производства товаров и услуг. Таким образом, предлагаемая нами модель развивает

достигнутые к настоящему времени положения, учитывая пространственные и иерархические аспекты изменения рассматриваемых показателей.

В результате построения итоговой модели становится возможным учесть влияние на уровень жизни не только внутренних факторов, но и пространственных и иерархических эффектов соподчинения.

Для того чтобы определить роль отдельных уровней управления в развитии территорий Российской Федерации, в работе проанализированы 300 муниципальных образований, шесть субъектов (регионов), относящихся к двум федеральным округам Российской Федерации (рис. 1). Рассматриваемые субъекты РФ находятся на условной границе между европейской и азиатской частью страны. Общая площадь их территории составляет 777,6 тыс. км². На территории этих 6 субъектов РФ проживает 20,4 млн. чел., что составляет почти 13,9% от общей численности населения страны.

Рис. 1. Иерархическое дерево системы управления в Российской Федерации по рассматриваемым территориям в 2016 г.

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

Три из шести анализируемых регионов РФ часто попадают в десятку лучших субъектов РФ по результатам общероссийского рейтингования. Основным источником статистической информации послужили данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики. Данные по закрытым территориальным образованиям не учитывались, поэтому в анализе использовались данные по 300 муниципальным образованиям из 314-ти.

2. Иерархические эффекты в развитии территории

Проявление особенностей развития той или иной территории может исследоваться с помощью статистических показателей: средняя, вариация, минимально-максимальное значение показателя. Анализ результатов, представленных в *таблицах 1 и 2*, показал, что вариация значений показателей социально-экономического развития в субъектах РФ может находиться в довольно широком диапазоне. В наибольшей степени это проявляется по показателю «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях» (ОТ). Средние значения в рамках отдельных субъектов РФ по данному показателю значительно отличаются

от средней по выборке, разрыв между минимальным и максимальным значениями в ряде субъектов 500-кратный, что указывает на серьезные различия субъектов РФ по достигаемым значениям показателя находящихся на их территории муниципальных образований.

В целом вариация муниципальных образований по показателю «Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования» (NDSV) ниже, чем по показателю «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях» (ОТ). В основном это связано с тем, что объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения во многом регламентируется как региональными, так и федеральными нормативными актами. Четко определены минимальные размеры оплаты труда и размеры социальных выплат, в то время как по объему отгруженной продукции таких нормативов нет. Определенное влияние на вариацию показателя оказывает и механизм формирования цены на рынке труда, определяемый законом спроса и предложения. Расширение возможностей для межрегиональной трудовой миграции и стремление к

Таблица 1. Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования, руб./чел.

Наименование	Челябинская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Пермский край	Оренбургская область	Республика Татарстан
Минимальное значение, руб.	109047,8	125842,6	97436,4	100896,6	103063,6	116113,3
Максимальное значение, руб.	394419,9	422245,2	321001,7	348935,9	246082,7	403969,1
Средняя, руб.						
По всей совокупности	176510,8					
В регионе	182307,0	205407,9	143190,9	172935,2	161560,8	189980,7
Вариация, %						
По всей совокупности	32,5					
В субъекте РФ	35,8	27,3	30,6	30,1	23,0	31,8
Среднеквадратическое отклонение показателя в муниципальных образованиях от среднего значения показателя в соседних с ним районах (с учетом матрицы смежности), тыс. руб.						
В субъекте РФ	72850,4	66686,8	39082,8	46869,9	43567,6	55615,4
Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm						

Таблица 2. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях

Наименование	Челябинская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Пермский край	Оренбургская область	Республика Татарстан
Минимальное значение, тыс. руб.	7,4	4,7	11,9	8,3	16,9	36,0
Максимальное значение, тыс. руб.	1097,7	2749,0	1332,2	2649,6	2624,6	2817,7
Средняя, тыс. руб.						
По всей совокупности	289,1					
В субъекте РФ	278,2	345,4	142,1	374,7	222,4	387,4
Вариация, %						
По всей совокупности	150,3					
В субъекте РФ	96,4	152,8	150,2	129,2	192,9	129,2
Среднеквадратическое отклонение показателя в муниципальных образованиях от среднего значения показателя в соседних с ним районах (с учетом матрицы смежности), тыс. руб.						
В субъекте РФ	327,1	559,0	212,5	460,4	455,0	495,8
Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm						

более высоким заработным платам способствует мобильности населения, в первую очередь молодежи, не прикрепленной к той или иной территории собственностью. Соответственно, при возникновении диспропорций в спросе и предложении на труд на одной территории они в непродолжительный период времени выравниваются, при этом устанавливается схожая между муниципалитетами, и даже регионами, равновесная цена (заработная плата). С другой стороны, условием различия размера социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования в разрезе субъектов Российской Федерации является районный коэффициент, устанавливаемый в зависимости от природно-климатических условий и повышающий доходы жителей более «суровых» территорий страны.

Различия субъектов РФ по среднеквадратическому отклонению показателей в муниципальных образованиях от среднего значения этих показателей в соседних с ним районах указывают на то, что в одних субъектах РФ изменение показателя в большей степени характеризуется автокорреляцией пространственного лага, а в других — в меньшей.

Выполненный односторонний анализ дисперсии подтвердил, что изменчивость показателей социально-экономического развития на верхнем уровне иерархии значительно отличается от нуля. Результаты построения двухуровневых регрессионных моделей класса Unconstrained (табл. 3) в целом указывают на то, что различия муниципальных образований по показателю *NDSV* на 14% определяются различиями субъектов РФ и на 86% — различиями самих муниципальных образований, в то время как по показателю *OT* роль регионов не превышает 3%. Полученное значение статистики хиквадрат как для первой, так и для второй модели свидетельствует об отклонении нулевой гипотезы ($p < 0,05$), о равенстве нулю коэффициента межклассовой вариации. Значения стандартного отклонения для остаточных компонент u_0 и r (для каждого уровня иерархии) указывают на то, что внутрирегиональные различия выше, чем межрегиональные.

Внутрирегиональные различия представляют собой различия между муниципальными районами отдельных субъектов РФ, которые, согласно проведенным расчетам, значительно варьируются по среднему достигаемому значению. Таким образом, можно говорить

о том, что во всех рассматриваемых регионах ситуация схожая: имеется несколько лидеров муниципальных районов и аутсайдеров, с которыми региональные власти работают. Таким территориям выделяются финансовые потоки, реализуемые через бюджетные отношения, оказывается содействие в реализации особых региональных проектов, поиске инвесторов через позиционирование данной территории как некой потенциальной для создания на ней кластера или особой зоны. Это, с одной стороны, способствует выравниванию муниципальных районов по уровню экономического развития, так как данные проекты способствуют улучшению положения отсталых муниципальных районов. С другой стороны, усиливает дифференциацию появления территорий опережающего развития, позиционирующих себя как «точки роста», часто обладающих собственными возможностями, в том числе производственным, ресурсным, трудовым потенциалом. Этим и может быть обусловлен столь разнородный уровень развития муниципальных образований и столь высокий процент зависимости от своих собственных возможностей.

Значение коэффициента ICC по второй модели менее 0,05 указывает на нецелесообразность построения иерархических моделей для объема отгруженной продукции. Слабое влияние верхнего уровня на значения показателя в муниципальных образованиях также проявляется и в более высокой вариации различий муниципальных образований по значению объема

отгруженной продукции в рамках субъектов РФ по сравнению с межрегиональной вариацией. Так, вариация средних региональных значений по отгруженной продукции составляет 27,7%, а внутри регионов вариация колеблется от 96,4 до 192,9%. В то время как по показателю объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования разрыв не такой большой: вариация средних региональных значений по отгруженной продукции составляет 10,9%, а внутри регионов вариация колеблется от 23 до 35,8%. Таким образом, для дальнейшего изучения иерархической связи социально-экономического развития муниципалитетов целесообразно использовать показатель «Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования».

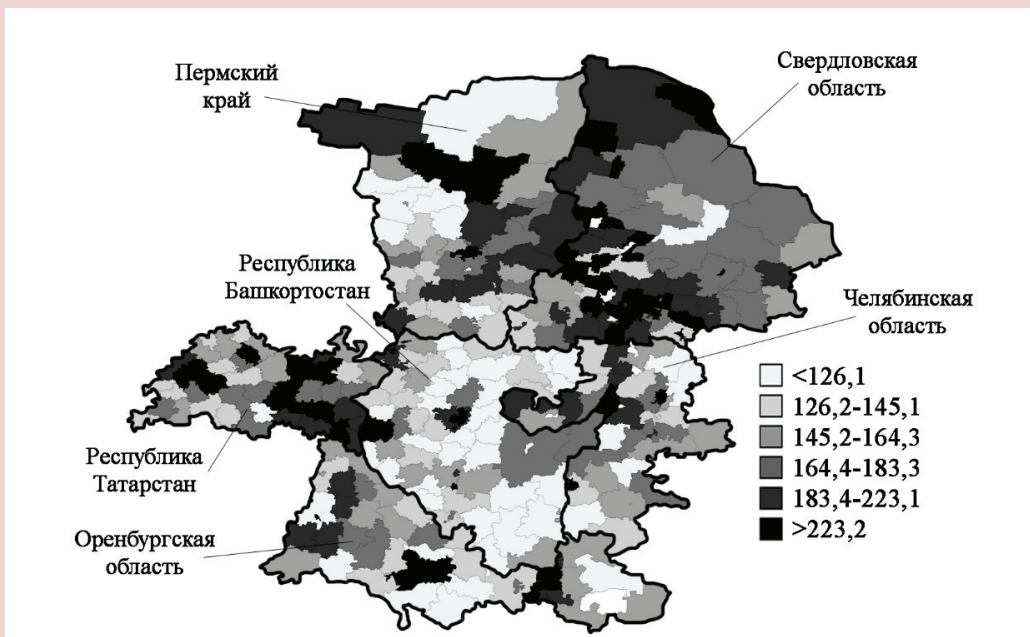
Проведенные расчеты показывают, что межрегиональные различия ниже, чем внутрирегиональные. Опираясь на региональную статистику, многие отмечают снижение дифференциации в развитии территории страны, однако это не совсем так. Значения средних по регионам улучшаются благодаря высоким значениям точек роста в них при ослаблении остальной территории. Как следствие дифференциация смещается на муниципальный уровень и скрывается в средних значениях субъектов РФ. Выделить благополучные муниципальные районы и их взаимосвязь с соседними территориями помогает пространственный анализ.

Таблица 3. Результаты построения моделей класса Unconstrained

Наименование	Модель 1 (для объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования)		Модель 2 (для объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях)	
	INTRCPT1, u_0	level-1, r	INTRCPT1, u_0	level-1, r
Стандартное отклонение(σ)	21014,5	50888,3	78,37	431,5
Вариация (σ^2)	441611241,5	2589620657,2	6142,2	186155,85
χ^2	56,26		13,5	
p-value	<0,001		0,019	
ICC	0,14		0,03	

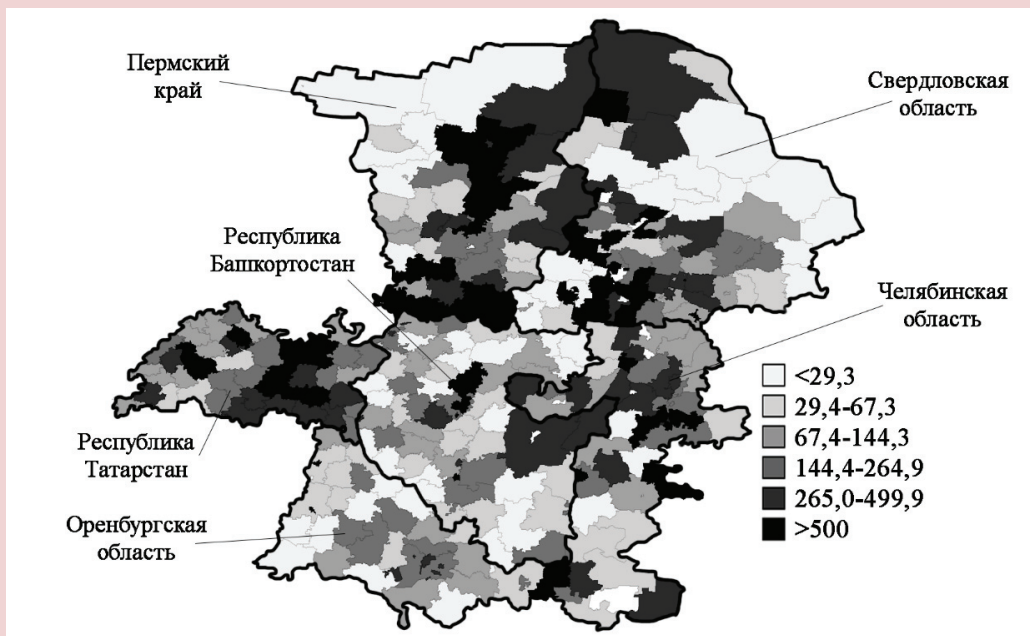
Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Рис. 2. Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования в 2016 г., тыс. руб./чел.

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Рис. 3. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях в 2016 г., тыс. руб./чел.

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

3. Пространственные эффекты в развитии территории

Для определения связи между соседними муниципальными образованиями, в рамках второго этапа был проведен пространственный статистический анализ. На квантильных картах, представленных на рисунках 2 и 3, можно отметить, что имеется пространственная связь в изменении показателей развития: рядом с муниципальными образованиями, имеющими высокое значение рассматриваемого показателя, как правило, группируются муниципальные образования также с высокими и средними значениями показателя.

Для подтверждения гипотезы о наличии пространственных автокорреляционных зависимостей был рассчитан индекс Морана. Значение индекса составило:

- по объему социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования: 0,27;

- по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами: 0,13.

Оба значения положительны, т.е. имеется положительная пространственная автокорреляция и значения наблюдений в соседних территориях в целом являются подобными. При этом по показателю $NDSV$ пространственная связь проявляется заметнее. Таким образом, расположение муниципальных районов с высокими значениями анализируемых показателей не хаотично. Рядом с муниципальным районом с благоприятной ситуацией, как правило, располагаются районы с аналогичной ситуацией, предполагающей достижение высоких значений исследуемых показателей. Расположение районов с низкими значениями показателей в окружении районов с высокими значениями показателей достаточно редко. Можно предположить, что развитие одного района в целом оказывает положительное влияние на развитие соседних районов, и наоборот. Отмечается связанность территории, что определяет потенциал межмуниципальных взаимодействий.

Для определения среднего значения анализируемого показателя среди соседних муниципальных образований по отношению к i -му

муниципальному образованию построена модель класса Random intercepts вида:

$$NDSV_{ij} = \gamma_{00} + \gamma_{10} \times (W_{OT_{ij}} - \overline{W_{OT_{ij}}}) + \gamma_{20} \times (OT_{ij} - \overline{OT_{ij}}) + u_{0j} + r_{ij} \quad , (16)$$

где $NDSV_{ij}$ – объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя в i -ом муниципальном образовании j -ого региона РФ, руб.;

OT_{ij} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в i -ом муниципальном образовании j -ого региона РФ, тыс. руб.;

$W_{OT_{ij}}$ – средний объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях, определяемых как соседние по отношению к i -му муниципальному образованию j -го региона с учетом матрицы смежности, тыс. руб.;

β_{0j} – функция от общего свободного члена (γ_{00}) и ошибки межрегиональной дисперсии 1 (u_{0j});

β_{1j} – линейный наклон регрессора $W_{OT_{ij}}$ есть константа γ_{10} ;

β_{2j} – линейный наклон регрессора OT_{ij} есть константа γ_{20} ;

r_{ij} – ошибка региональной (межмуниципальной) дисперсии;

j – индекс, отвечающий за принадлежность к конкретному субъекту РФ ($j=1, 2, \dots, 6$);

i – индекс, отвечающий за принадлежность к конкретному муниципальному образованию ($i=1, 2, \dots, 300$).

При определении иерархических эффектов регрессии по модели 3 учитывались выбросоустойчивые (робастные) оценки (табл. 4).

Полученные в результате расчетов коэффициенты регрессии указывают на положительную связь между объемом социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя и объемом отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в муниципальном образовании (коэффициент наклона $\beta_2 = 66,04$; $p < 0,001$) и соседних с ним муниципальных образований

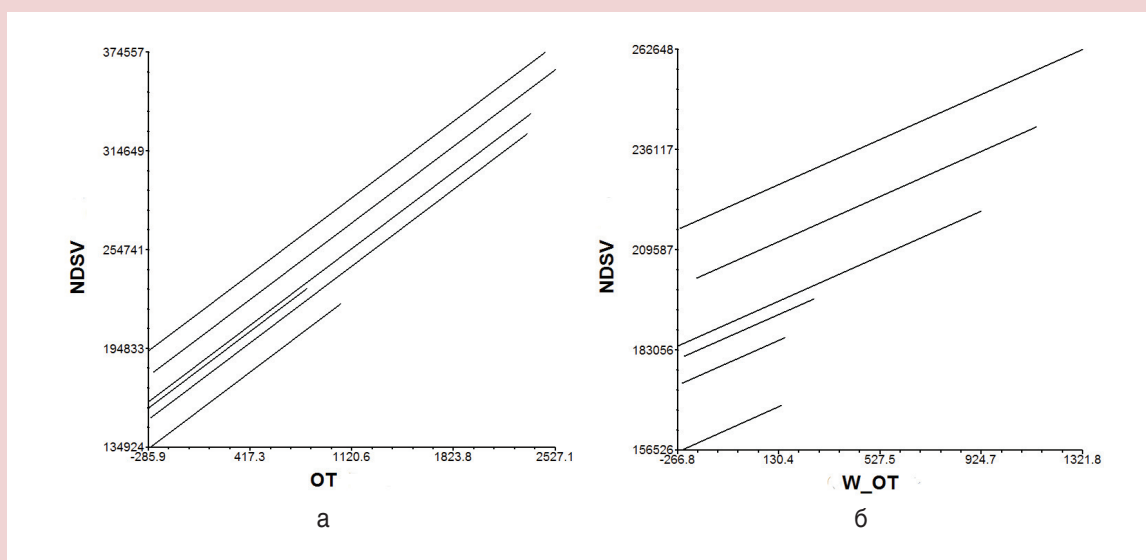
Таблица 4. Результаты оценки фиксированных эффектов (с робастными стандартными ошибками)

Фиксированные эффекты	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-ratio	p-value
Для β_0				
γ_{00}	173744,782	8236,242	21,095	<0,001
Коэффициент наклона для W_ОТ, β_1				
γ_{10}	30,008	4,7481	6,320	<0,001
Коэффициент наклона для ОТ, β_2				
γ_{20}	66,039	10,792	6,119	<0,001
Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm				

(коэффициент наклона, $\beta_1 = 30,0$; $p < 0,001$). Таким образом, рост объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения на 1 тыс. руб. ведет к росту доходов населения на 66 руб. в среднем на 1 жителя муниципального образования, в то время как изменение этого показателя на 1 тыс. руб. в соседних территориях ведет к росту доходов населения на 30 руб. в среднем на 1 жителя муниципального образования.

Графически связь показателя «объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования» с показателем «объем отгруженных товаров в собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в муниципальном образовании (а) и соседних муниципальных образованиях (б)» в 2016 г. можно увидеть на *рисунке 4*. Как видно на рисунке, траектории в разрезе регионов имеют одинаковый наклон, но не совпадают.

Рис. 4. Предсказанная траектория изменения объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования в результате изменения факторов в разрезе регионов

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Таблица 5. Результаты построения модели класса Random intercepts

Random Effect	Стандартное отклонение(σ)	Вариация (σ^2)	χ^2	p-value
INTRCPT1, u_0	21287,42	453154442,64	86,697	<0,001
level-1, r	40997,73	1680814087,24		

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Значения вариации, полученные в модели 1 (см. табл. 3) и модели 3 (табл. 5), позволяют определить влияние факторов на изменение дисперсии зависимой переменной за счет уровня иерархии [29]:

$$r^2 = \frac{\sigma_{j(\text{модель1})}^2 - \sigma_{j(\text{модель3})}^2}{\sigma_{j(\text{модель1})}^2} = 0,35.$$

Таким образом, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в муниципальном образовании и соседних с ним муниципальных образованиях объём сняет 35,1% дисперсии объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования.

Рассчитанное значение коэффициента ИСС по модели 3 показывает, что роль регионального уровня принадлежности с учетом его влияния и на *NDSV* и на *OT* составляет 21,1%. Таким образом, на 78,9% изменение объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя связано с действиями муниципальной власти.

Таким образом, уровень доходов отдельно взятого муниципального образования определяется не только развитием производства на территории муниципального образования, но и его развитием в соседних муниципальных образованиях. Соотношение может быть различным. Построенная модель показывает, что для исследуемой территории это соотношение 2:1 (рост доходов на 66 руб. в среднем на 1 жителя муниципального образования при росте объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения на 1 тыс. руб. в муниципальном районе к 30 руб. в среднем на 1 жителя муниципального образования при росте объема отгруженных товаров собственного

производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения на 1 тыс. руб. в соседних муниципальных районах). Следовательно, муниципальным районам следует уделять больше внимания межмуниципальным взаимодействиям, так как развитие соседних территорий способствует росту доходов местного населения. Таким образом, модель не только позволяет оценить влияние отдельных уровней иерархии на доходы населения муниципального образования, но и косвенно дает оценку связанности рассматриваемой территории в результате определения положительной роли соседних муниципальных образований в ее развитии. Такая количественная оценка позволяет более обоснованно подходить к выстраиванию межмуниципального взаимодействия и оценке его потенциала. Выделенная роль регионального уровня принадлежности указывает на то, что действия региональной власти оказывают значимое влияние на эти процессы. В то же время очень высокие значения коэффициента ИСС, на наш взгляд, могут рассматриваться в большей степени как негативное явление, проявляющееся в излишней зависимости развития муниципального образования, в том числе финансовой, от действий региональной власти.

Выводы и заключение

Исследования отечественных и зарубежных ученых указывают на существующие межрегиональные различия. Дифференциация территорий по уровню развития, а также нереализованность потенциала межмуниципального взаимодействия отмечаются как одни из основных проблем в проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Решение последней проблемы осложняется слабым развитием инструментов его оценки. Более того, межмуниципальное и межрегиональное взаимодействие не рассматриваются в данной стратегии комплексно, как иерархически связанное явление, особенным

образом проявляющееся во взаимодействии муниципальных районов, расположенных на границах соседних субъектов РФ. Как следствия, предложения по реализации потенциала межмуниципального взаимодействия представлены в проекте Стратегии слабо.

В рамках данной работы муниципальное образование рассмотрено как система, имеющая горизонтальные (территория) и вертикальные (иерархия управления) связи. В работе выделены межмуниципальная и межрегиональная дисперсия, а также определены пространственный и иерархический эффекты. Определено, что влияние соседних муниципальных образований и более высокого уровня иерархии управления проявляется при формировании одних показателей более, чем для других. Так, значение показателя «Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования» зависит в большей степени, чем значение показателя «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в муниципальном образовании», от предпринимаемых на региональном уровне шагов (значение межклассового коэффициента вариации ИСС для первого показателя 0,14, для второго показателя 0,03). Пространственная автокорреляция, т.е. подобие значений в соседних территориях, также в большей степени проявляется по показателю «Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования» (индекс Морана для первого показателя 0,27, для второго показателя 0,13).

Авторами предпринята попытка соединить в рамках одной модели как иерархический, так и пространственный эффект путем включения в двухуровневую модель «Объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования» показателя «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в муниципальном образовании» как для самого муниципального образования, с целью учета внутренних факторов формирования доходов населения, так и среднего значения соседних территорий, с целью учета особенно-

стей рядом расположенных муниципальных образований.

Полученные результаты позволяют утверждать, что вариация показателя «Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования» связана с результатами, достигаемыми соседними территориями, и деятельностью региональной власти субъекта РФ, в котором находится муниципальное образование.

Представленный в данной работе подход к анализу развития территорий одновременно с позиций пространственных возможностей роста экономики района (региона) и управленческих функций властей в зависимости от иерархии принимаемых решений обогащает систему теоретических и прикладных знаний пространственной экономики. Практическое применение представленной модели оценки пространственного и иерархического эффекта послужит совершенствованию системы разработки стратегий социально-экономического развития территорий. В том числе устранению проблемы недостаточно проработанных и порой неэффективных мероприятий органов региональной власти в части межмуниципального взаимодействия.

Предлагаемый комплексный взгляд на проблему дифференциации социально-экономического развития отдельных территорий предполагает дальнейшее исследование различных показателей, характеризующих социально-экономическое развитие территорий, с целью выделения показателей, формирование которых определяется факторами внутреннего и внешнего (пространственного, иерархического) характера. Во многом выбор показателей для анализа будет продиктован задачей формирования предложений для органов государственного управления на региональном уровне в части совершенствования стратегий социально-экономического развития. В первую очередь это показатели, характеризующие развитие человеческого потенциала. В то же время дальнейшее развитие методики исследования упирается в отсутствие инструментов, позволяющих достоверно оценить качество комплексных моделей в силу необходимости учета пространственной и вложенной структуры данных.

Литература

1. Stein M., Turkewitsch L. The Concept of Multi-level Governance in Studies of Federalism. *2008 International Political Science Association (IPSA) International Conference – International Political Science: New Theoretical and Regional Perspectives*. – Montréal, Québec, Canada: Concordia University, 2008. pp. 2-35.
2. Hooghe L. Marks G. Types of multi-level governance. *Les cahiers europeens de sciences po*. 2002. № 3. P. 7. Available at: https://www.sciencespo.fr/centre-etudes-europeennes/sites/sciencespo.fr/centre-etudes-europeennes/files/n3_2002_final.pdf
3. Андриченко Л.В. Разграничение полномочий между органами власти различных территориальных уровней: проблемы централизации и децентрализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 4. С. 37-58.
4. Булатова О.В. Структурно-уровневая организация системы управления экономикой субрегиональных структур // Бизнес в законе. 2010. № 1. С. 258-260.
5. Gibson C. C., Williams J. T., Ostrom E. Local Enforcement and Better Forests. *World Development*. 2005. Vol. 33. № 2. pp. 273-284. DOI: 10.1016/j.worlddev.2004.07.013
6. Smith A. Emerging in between: The multi-level governance of renewable energy in the English regions. *Energy Policy*. 2007. Vol.35. pp. 6266-6280. DOI: 10.1016/j.enpol.2007.07.023
7. Moellering H., Tobler W. Geographical Variances. *Geographical Analysis*. 1972. № 4. Pp. 35-50.
8. Каспшицкая Т. В. Региональный механизм сокращения различий в уровнях социально-экономического развития городских округов и муниципальных районов: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М: 2015. 180с.
9. Antikainen J., Perttu V. Finnish districts and regional differentiation. *Fennia*. 2002. № 180:1–2. pp. 183-190.
10. Murgaš F., Klobučník M. Municipalities and Regions as Good Places to Live: Index of Quality of Life in the Czech Republic. *Applied Research in Quality of Life*. 2016. Vol.11. Issue 2. pp. 553-570. DOI 10.1007/s11482-014-9381-8
11. Haddad M.A., Nedović-Budić Z. Using Spatial Statistics to Analyze Intra-urban Inequalities and Public Intervention in São Paulo, Brazil. *Journal of Human Development*. 2006. Vol.7:1. pp. 85-109. DOI: 10.1080/14649880500502102
12. Ye X., Wei Y. D. Geospatial Analysis of Regional Development in China: The Case of Zhejiang Province and the Wenzhou Model. *Eurasian Geography and Economics*. 2005. Vol.46:6. pp.445-464. DOI: 10.2747/1538-7216.46.6.445
13. Файзлиев А.Р. Математические методы и модели анализа пространственной структуры системы городской торговли: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. Волгоград, 2014. 178с.
14. Гафарова Е.А. Эмпирические модели регионального экономического роста с пространственными эффектами: результаты сравнительного анализа // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 12. № 4. С. 561-574.
15. Zhao X. B., Tong S. P. Unequal Economic Development in China: Spatial Disparities and Regional Policy Reconsideration 1985-1995. *Regional Studies*. 2000. Vol. 34:6. pp. 549-561. DOI: 10.1080/00343400050085666
16. Laan L. Changing Urban Systems: An Empirical Analysis at Two Spatial Levels. *Regional Studies*. 1998. Vol. 32:3. Pp. 235-247. DOI: 10.1080/00343409850119733
17. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы (Вып. 38) / В. Мау и др.; под ред. С.Г. Синельникова-Мурьлева, А.Д. Радыгина; Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. – М: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
18. Garson D. Hierarchical linear modeling: guide and applications. – USA: SAGE Publications Inc., 2013. 371p. DOI: 10.4135/9781483384450.
19. Goldstein H. Multilevel Statistical Models: 4th Edition. Wiley, 2010. 384 p.
20. Халикова А.А., Лакман И.А. Многоуровневое регрессионное моделирование спроса на рынке трудовых ресурсов г. Уфа // Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками: сборник материалов IV Международной молодежной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2015. С. 267-272.
21. Huta V. When to Use Hierarchical Linear Modelling. *The Quantitative Methods for Psychology*. 2014. Vol. 10 (1). Pp. 13-28. DOI: 10.20982/tqmp.10.1.p013
22. Raudenbush S.W. Hierarchical linear models and experimental design. *Applied analysis of variance in behavioral science* [Lynne K. Edwards Ed.]. New York: Marcel Dekker, 1993. Pp. 459-496.

23. Anselin L. Spatial Dependence and Spatial Structural Instability in Applied Regression Analysis. *Journal of Regional science*. 1990. № 30. Pp. 185-207.
24. Moran P. The interpretation of statistical maps. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1948. Series B. Vol. 10. Pp. 243-251.
25. Geary R. The contiguity ratio and statistical mapping. *The Incorporated Statistician*. 1954. Vol. 5. Pp. 115-145.
26. Имамова Е.В, Тихомирова Т.П. Механизм формирования доходов населения России. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2007. 126 с.
27. Суринов А.Е. Доходы населения: Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. 432 с.
28. Костылева Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование: монография / под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. С. 90-91.
29. Woltman H., Feldstain A., MacKay J. Ch., Rocchi M. An introduction to hierarchical linear modeling. *Tutorials in Quantitative Methods for Psychology*. 2012. Vol. 8(1). Pp. 52-69. DOI: 10.20982/tqmp.08.1.p052

Сведения об авторах

Касим Назифович Юсупов – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/4; e-mail: kasim_jusupov@mail.ru)

Венера Маратовна Тимирьянова – к.э.н., доцент, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/4; e-mail: 79174073127@mail.ru)

Юлия Семеновна Токтамышева – к.э.н., доцент кафедры, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/4; e-mail: tokt-yuliya@yandex.ru)

Денис Владимирович Попов – к.т.н., доцент, руководитель Центра изучения человеческого потенциала, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (450008, Российская Федерация, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12; e-mail: popov.denis@inbox.ru)

Yusupov K.N., Timir'yanova V.M., Toktamysheva Yu.S., Popov D.V.

Hierarchical and Spatial Effects in the Development of Municipalities

Abstract. The paper presents the results of analysis of the influence of separate levels of public administration hierarchy (regional, municipal) and neighboring territories on the indicators of socio-economic condition of municipal entities. The study was conducted in the context of 300 municipal entities of six subjects of the Russian Federation. The hierarchical and spatial effects were determined in several stages. The impact of separate administration levels on the results obtained by municipal entities was assessed with the use of hierarchical linear modeling (HLM), which is applied in other scientific fields to analyze group and inter-group relations. The connectedness of municipalities was evaluated with the use of spatial statistics methods (Moran Index). The analysis has shown that both vertical and horizontal connections of municipal entities are important. They determine spatial and hierarchical effects. Assessing the change in a given indicator, taking into account both the internal potential and the existing external horizontal and vertical links simultaneously is the most difficult but necessary step in the formation of management decisions regarding municipal entities. Within the present paper, the existence of spatial and hierarchical effects allowed us to build a model that links the change in the volume of social payments and taxable incomes of the population per resident of the municipal entity to the volume of shipped products in the municipal entity and neighboring municipal entities, taking into account their hierarchical subordination. Calculations showed that the role of the regional level of ownership is 21.1%. The change in the volume

of social payments and taxable money incomes of the population on average per resident is related to the actions of the municipal authority by 78.9%. The results obtained with the use of the proposed methods would make it possible to make substantiated managerial decisions in regional economic policy and determine the powers of various levels of public administration hierarchy.

Key words: management hierarchy, multi-level analysis, spatial effect, regional administration.

Information about the Authors

Kasim N. Yusupov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Bashkir State University (3/4, Karl Marx Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: kasim_jusupov@mail.ru)

Venera M. Timir'yanova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Lecturer, Bashkir State University (3/4, Karl Marx Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: 79174073127@mail.ru)

Iuliia S. Toktamysheva – Candidate of Sciences (Economics), associate professor at department, Bashkir State University (3/4, Karl Marx Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: tokt-yuliya@yandex.ru)

Denis V. Popov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, head of the Center for Human Development Research, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (12, Karl Marx Street, Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail: popov.denis@inbox.ru)

Статья поступила 23.07.2018.

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.10

УДК 338.22.021.1, ББК 65.011.3

© Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Королева Л.П., Колосков Д.А.

Рециклинг ресурсов в современной России: необходимость, проблемы и перспективы развития*

**Людмила Александровна
КОРМИШКИНА**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, 430005,
ул. Большевистская, 68
E-mail: kormishkina@mail.ru

**Евгений Данилович
КОРМИШКИН**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, 430005,
ул. Большевистская, 68
E-mail: econtheor@mail.ru

**Людмила Павловна
КОРОЛЕВА**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, 430005,
ул. Большевистская, 68
E-mail: korol.l@mail.ru

**Дмитрий Александрович
КОЛОСКОВ**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, 430005,
ул. Большевистская, 68
E-mail: kda1977@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-02-00394-ОГН «Развитие теории и методологии исследования рециклинга как особого фактора экономического роста в неоиндустриальной экономике».

Для цитирования: Рециклинг ресурсов в современной России: необходимость, проблемы и перспективы развития / Л.А. Кормишкина, Е.Д. Кормишкин, Л.П. Королева, Д.А. Колосков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 155-170. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.10

For citation: Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koroleva L.P., Koloskov D.A. Recycling in modern Russia: need, challenges, and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no.5, pp. 155-170. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.10

Аннотация. В настоящее время на фоне дискуссии, развернувшейся в научных кругах в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., все активнее обсуждаются вопросы, связанные с существенными изменениями модели, источников и факторов экономического роста с учетом так называемой концепции «развязки» и его «примирения» с геосферными ограничениями экономической деятельности. На этом фоне все больше не только профессиональное, но и общественное признание приобретает неоиндустриальная парадигма современного развития, которая разработана российской экономической школой в 2000-е гг. и которая, помимо прочего, акцентирует внимание на сырьевом аспекте экономики. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в развитии научной идеи создания новой сырьевой базы общественного воспроизводства, материальной основой которой могут стать неиспользуемые отходы производства и потребления; в выявлении причин, сдерживающих создание рециркуляционной экономики в России; в разработке предложений, направленных на эффективное развитие рециклинга ресурсов в отечественной экономике. В основу исследования положен междисциплинарный (интегративный) подход, который, базируясь на принципах устойчивого роста экономики и экологии, гуманистического и инклюзивного развития и государственно-частного партнерства, имеет принципиальное значение для анализа трансформации модели экономического роста в процессе смены экономической парадигмы. В соответствии с названным методологическим подходом авторы данной статьи позиционируют отходоресурсы, совершающие законченный круг преобразований в процессе их движения, в качестве особого инновационного фактора экономики; обосновывают целесообразность использования в научном обороте дефиниции «рециклинг ресурсов» и дают его терминологическое определение исходя из целевой задачи не добывать новые ресурсы из природы, а воспроизвести их промышленным путем из отходоресурсов; предлагают рассматривать рециклинг ресурсов в качестве нового источника сохранения потенциала экономического роста на длительный период и приоритетного направления неоиндустриальной модернизации экономики России. Такой концептуальный подход расширяет теоретическое представление о неоиндустриальной парадигме развития в части ее механизмов обеспечения экологических и социально-экономических начал. В статье проведен анализ динамики экологического инвестирования в Российской Федерации в 2000–2015 гг. в разрезе источников его финансирования; осуществлено моделирование ресурсного потенциала такого рода инвестиций на основе использования корреляционно-регрессионного анализа. Сделан вывод о том, что низкий уровень экологических инвестиций является одним из главных сдерживающих факторов развития рециклинга ресурсов в сегодняшней российской экономике. Сформулированы предложения, направленные на расширение и эффективное функционирование индустрии рециклинга ресурсов в Российской Федерации.

Ключевые слова: экономический рост, геосферные ограничения роста, новая индустриализация, отходоресурсы, рециклинг ресурсов, экологические инвестиции.

Введение

Одной из наиболее примечательных особенностей глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. явилось всеобщее признание необходимости возобновления экономического роста. Международный валютный фонд, Программа по защите окружающей среды (ЮНЕП), политические партии разных стран мира призывали «... вернуть экономику обратно на траекторию роста» в интересах обеспечения ее стабильности [1, с. 110]. Так, известный немецкий политик и публицист Ральф

Фюкс в своей книге «Зеленая революция: экономический рост без ущерба для экологии» объясняет бессмысленность «нулевого» роста экономики тем, что последний, с экономической и социально-политической точек зрения, «порождает массу сложностей: отток капитала, эмиграцию активных граждан, снижение темпа инноваций, эрозию инфраструктуры, обострение и без того непростых проблем в системе пенсионного обеспечения и здравоохранения» [2, с. 104].

На этом фоне в научных кругах все активнее обсуждаются вопросы, связанные с существенными изменениями модели, источников, движущих сил и факторов экономического роста с учетом так называемой концепции «развязки» [3; 4] и его «примирения» с экологическими ограничениями «конечной» планеты [5–8]. Речь идет о различных проявлениях растущего экологического следа, оставляемого национальными экономиками, который, по оценкам отдельных экспертов, за последние 40 лет удвоился и в настоящее время на 30% превышает способность нашей планеты к самовосстановлению [1, с. 289]. Согласно расчетам Г.Г. Малинецкого, если уровень подушевого потребления только стран БРИКС сравняется с американским, то для его обеспечения потребуются природные ресурсы пяти таких планет, как Земля [9, с. 17].

Важно заметить, что сохранение тенденции роста экологического следа в свою очередь ведет к дальнейшему усилению конкуренции на глобальном рынке сырья. Истощение запасов природных ресурсов при стремлении общества к дальнейшему экономическому росту в условиях его замедления вошли в противоречие [10, с. 178]. Справедливость такого вывода подтверждают недавние и нынешние события в Ираке, Ливии, Сирии, Украине и других странах.

Логика анализа подсказывает, что утвердившаяся в мировой практике природно-сырьевая модель экономического развития зашла в тупик. С одной стороны, нарастающий дефицит природных ресурсов уже стал «тормозом» роста реального ВВП. При этом речь идет не только об энергоносителях – углеводородах (здесь еще есть определенный «задел» и альтернативы в виде реализуемой сегодня идеи о возобновляемых энергоресурсах), а главным образом о минеральном сырье, которое составляет материальную основу всей конечной продукции. Если мировые запасы энергоресурсов оцениваются специалистами в 40–50 лет (по углю – более 100 лет), то ресурсообеспеченность по многим видам минерального сырья – только 10–20 лет [11, с. 134].

О существовании геосферных пределов экономической деятельности известно давно. Еще в конце XVIII в. этот вопрос поставил Т. Маль-

тус в своем труде «Опыт о законе народонаселения» (1978), выдвинув тезис о том, что рост населения всегда опережает рост ресурсов, необходимых для пропитания и строительства жилья. И хотя утверждения Мальтуса по ряду причин неоднократно подвергались справедливому упрекам и резкому осуждению, интерес к отдельным положениям его теории в научной среде по-прежнему сохраняется (G.T. McCleary, J.L. Simon, E. Boseup, E.A. Hayek, M. Spence и др.).

В 1970-е гг. в докладе Римскому клубу «Пределы роста», подготовленном группой ученых под руководством Донеллы и Денниса Медоузов, обосновывалась идея о том, что экосистема, выходящая за рамки своей ресурсной базы, неизбежно движется к краху [12]. Ключевые положения и выводы этого доклада явились теоретико-методологической базой для создания новых концепций роста экономики, среди которых: теории «нулевого» роста, признающие негативное влияние высоких темпов роста ВВП на окружающую среду (Д.Х. Медоуз, Й. Рандерс, Дж. Форрестер, Г. Малинецкий и др.); институциональные модели экономического роста, связывающие нарастание экологических проблем с несовершенством институциональной среды (Г. Мюрдаль, Э. де Сото, Р. Нуреев); «новые теории роста», признающие совместимость экономического роста с мерами, направленными на охрану окружающей среды (Р. Лукас, П. Ромер, М. Спенс).

К началу XXI в. дискуссия о геосферных пределах экономики уже переросла в острый спор по поводу двух взаимосвязанных экологических проблем, влияющих на интенсивность экономической деятельности, – изменения климата и энергетической безопасности (или так называемого «нефтяного пика»). В связи с этим, например, известный в научных кругах экономист Deutsche Bank П. Сукдев в своем комментарии к книге Т. Джексона «Продцветание без роста...» пишет: «Многие сегодня указывают на продолжающийся экономический кризис, который является результатом кризиса в сфере производства топлива, продовольствия и финансов, и на параллельно развивающийся экологический и климатический кризис, предполагая, что здесь кроется общая причина – неправильная экономическая

модель» [1, с. 288]. В результате такого спора появился «Новый „зеленый“ курс» (2008), который получил не только быстрое признание среди ученых и политиков разных стран [1; 2; 8; 11; 13–16], но и сильную международную поддержку (Программа ЮНЕП «Глобальный „зеленый“ новый курс» (2009).

Отмечая преимущества «зеленого» проекта для решения обозначенных экологических проблем, ученые в то же время акцентируют внимание на важности восстановления и/или сохранения на длительную перспективу в странах мира потенциала экономического роста, предпринимают попытки определить его новые источники, «опоры», «двигатели» и факторы [8]. К примеру, Р. Фюкс подчеркивает: «Нынешний европейский долговой кризис со всей очевидностью продемонстрировал все безумие критики роста... Вопросы не в том, нужен ли Европе экономический рост, а в том, как усилить потенциал роста и в каком направлении двигаться?». Он предлагает «... сосредоточиться не на увеличении или уменьшении ВВП, а на сырьевом аспекте экономики» [2, с. 105–106].

В данном контексте все большее не только профессиональное, но и общественное признание приобретает неоиндустриальная парадигма современного развития, обосновываемая и обсуждаемая на страницах российского журнала «Экономист» многими его авторами с начала 2000-х гг. [18, с. 3–10; 19, с. 12–14]. В качестве первостепенной по важности характеристики индустриализации (признанный основоположник названной концепции) С.С. Губанов указывает не просто освоение высоких, технологических производств и конечного потребления, не просто технологический прогресс орудий труда и производительных сил, а подъем на исторически качественно новую ступень общественного развития, когда «экономика начинает мало-помалу трансформироваться из антагониста живой природы в ее союзника, то есть начинает свое функционирование в виде рециркуляционной» [18, с. 6]. С позиции названной парадигмы становится возможным обосновать новый тип экономического роста, обусловленный доминированием в экономической системе социального, а не частного капитала (прибыли), который ориентирован на активное, а не пассивное отноше-

ние общества к экологическим аспектам производства и социального бытия, на сохранение окружающей среды и повышение качества жизни [20, р. 1117]. На этом фоне обращает на себя внимание международная инициатива «3R», предполагающая комплексный подход к решению проблемы растущих отходов производства и энергоэффективности.

Известно, что в настоящее время полезно используются только 2% из общего объема добытых в мире природных ресурсов; остальные 98% идут в отходы. Кроме того, вся производимая продукция, имея кратковременный период использования (от 0,5 до 5 лет), также уходит в отходы [21, с. 179].

К сожалению, в современных условиях экономического мышления, применяемых технологий и организации производства отходы производства и потребления преимущественно либо уничтожаются, либо скапливаются на огромных территориях (специальных полигонах, свалках и т.п.), способствуя, кроме загрязнения окружающей среды, выведению из хозяйственного оборота большого количества ценного сырья и материалов. Причем содержание в отходах ценных компонентов (железо, медь, свинец, олово, вольфрам) и элементов (кадмий, висмут, селен, теллур, редкоземельные и благородные металлы) нередко близко к содержанию их в добываемых природных ресурсах.

С учетом вышеизложенного новый старт длительному периоду экономического роста может дать только своевременное создание новой сырьевой базы воспроизводства экономики, материальной основой которой станут неиспользуемые отходы производства и потребления [22]. Предметом обсуждения здесь становится новая дефиниция – «отходоресурсы» [10; 21]. Именно в таком концептуальном подходе, по нашему мнению, сконцентрирован неоиндустриальный ответ на геосферные вызовы современной эпохи.

Методология исследования

В основу исследования положен междисциплинарный (интегративный) подход, который предполагает необходимость анализа исторических, правовых, политических, экономических и иных предпосылок развития социально-экономических систем и институтов [23, с. 239] и

имеет принципиальное значение для обоснования приоритетных направлений экономической политики государства и смены экономической парадигмы, трансформации модели роста экономики, ее источников и факторов с учетом ведущих тенденций и закономерностей современной эпохи.

Такой методологический подход базируется на следующих теоретико-методологических принципах:

— общие принципы движения к устойчивому росту экономики и экологии, к неоиндустриальному развитию, обусловленные трактовкой дефиниций «устойчивое развитие» и «неоиндустриальное развитие» в широком смысле;

— принципы гуманистического и инклюзивного развития, предопределяемые действием социального капитала и идеей инклюзивного общества;

— принципы государственно-частного партнерства, соблюдение которых содействует установлению в экономической системе доминирования совокупного капитала общества над частным капиталом (прибылью).

В соответствии с обозначенным методологическим подходом мы позиционируем отходы-ресурсы в качестве особого инновационного фактора роста экономики, снижающего остроту проблемы «геосферных пределов роста»; вводят в научный оборот дефиницию «рециклинг ресурсов» и рассматривают последний в качестве нового источника неоиндустриального экономического роста.

Кроме того, в предлагаемой статье был использован корреляционно-регрессионный анализ, позволивший построить эконометрическую модель, характеризующую влияние на объем экологического инвестирования в Российской Федерации основных источников их финансирования и готовность государства и хозяйствующих субъектов инвестировать в реальный капитал.

Построению регрессионной модели предшествовал корреляционный анализ с определением мультиколлинеарности факторов. Оценка адекватности модели базировалась на использовании расчетных и графических методов оценивания остатков регрессионной модели на нормальность. Для построения графиков и эконометрической модели стоимостные

показатели переводились в постоянные цены методом экстраполяции или методом дефлятирования.

Результаты исследования

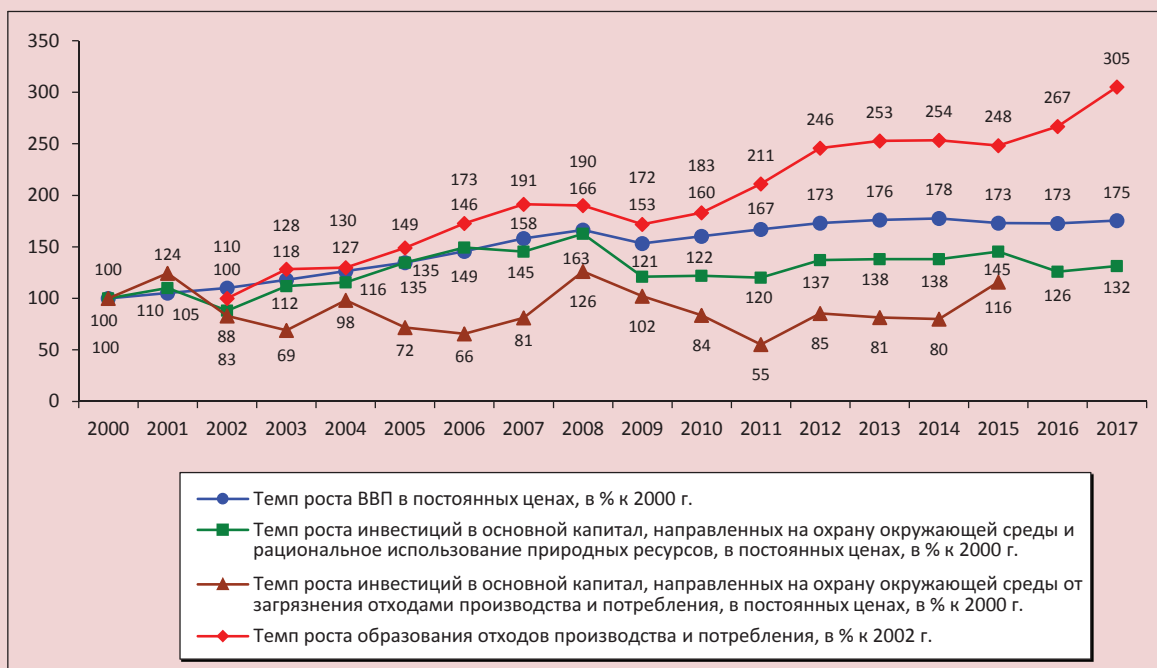
Начало XXI в. ознаменовалось практически повсеместным снижением темпов роста ВВП и кризисными проявлениями в экономике, включая осязаемое (не только для всего мира, но и для России) истощение природно-сырьевой базы. Одновременно с этим продолжалось накопление в окружающей среде промышленных и бытовых отходов, которое сопровождалось загрязнением воздуха, почв, подземных и поверхностных вод и другими опасными проявлениями для состояния экосистем. Так официальная статистика России констатирует, что начиная с 2012 г. на территории страны ежегодно образовывалось свыше 5 млрд. т отходов производства и потребления, а в 2017 г. был преодолен рубеж в 6 млрд. т (6221 млрд. т)¹. Темпы роста образования отходов существенно превысили темпы роста ВВП и экологических инвестиций (рисунок)².

Данные рисунка наглядно демонстрируют растущий с 2005 г. балласт отходов на фоне сокращения экологических инвестиций в целом и инвестиций в охрану окружающей среды от загрязнения отходами производства и потребления в частности (в постоянных ценах 2000 г.). По данным официальной статистики, в 2017 г. объем ежегодного образования отходов в три раза превысил значение этого показателя в 2000 г., при этом объем экологических инвестиций увеличился только на 32%. Примечательно, что на утилизацию отходов направляются лишь 8–9% от общего объема экологических инвестиций. На протяжении практически всего анализируемого периода (за исключением 2001 г., 2008 г. и 2015 г.) их величина была ниже уровня 2000 г.

¹ Образование, использование, обезвреживание и размещение отходов производства и потребления в Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics#

² Переоценка показателей ВВП и инвестиций в основной капитал в постоянные цены (2000 г.) проведена методом экстраполяции показателей базисного периода с помощью индексов физического объема (в % к предыдущему году). Данные за 2016–2017 гг. по инвестициям на охрану окружающей среды от загрязнения отходами производства и потребления в открытом доступе не представлены.

Динамика показателей темпов роста ВВП, образования отходов и экологических инвестиций в основной капитал, %

По данным Росприроднадзора, в результате низкого уровня использования отходов (в среднем 48% в год) продолжается их накопление в окружающей природной среде. Сегодня на территории России скопилось 90–120 млрд. т отходов, а ущерб экономике от накопленных загрязнений оценивается в 4,6% от ВВП [20, р. 1117].

На современном этапе социально-экономического развития общества, когда на Земле почти не осталось экосистем, не затронутых антропогенным воздействием, с позиции живой природы и задачи «выйти за пределы природных ограничений» [13] проблема обращения с отходами производства и потребления как неиспользованным сырьем может быть оценена как одна из самых острых.

Важно заметить, что отходы, которые в основе своей представляют неиспользованное ценное сырье, в отличие от природных ресурсов имеют свою специфику. Пребывая в многократном кругообороте своего движения (сырье – продукт – отходы – сырье’ – продукт’ – отходы’ – сырье’’... и т.д.), отходы совершают законченный круг преобразований. Иными словами, здесь образуется замкнутый

ресурсный цикл, при котором отпадает необходимость вновь и вновь вовлекать в хозяйственный оборот новые природные ресурсы. Сделать это можно на основе промышленного воспроизводства сырья из отходов производства и потребления [24, р. 20]. В таком контексте отходы предстают в качестве ресурсов, имеющих незавершенную форму потребления; для терминологического определения такой ситуации целесообразно использовать дефиницию «отходоресурсы» [21, с. 12].

Кроме того, обращает на себя внимание терминологическая неопределенность самого процесса промышленного воспроизводства сырья и отходов. В этом процессе целевым ориентиром является не добыча новых ресурсов из природы, а их промышленное производство из тех ресурсов, которые уже имеются у человека, но в данный момент пребывают в форме отходов как результат первичного потребления. Обозначенный процесс целевого преобразования одной формы ресурсов в другую для промышленного воспроизводства сырья терминологически можно определить как «рециклинг ресурсов». Такой концептуальный подход

является основанием для позиционирования содержания рециклинга в широком смысле как экологически ориентированной замкнутой системы товарного производства, обладающей способностью возвращать производственные отходы и отходы потребления благодаря повторному использованию в хозяйственный оборот, включая комплекс мероприятий по минимизации образования отходов [24; 26].

Имеет смысл отметить, что в контексте неиндустриальной парадигмы современного развития, утверждающей приоритетность социально ответственного поведения государства, бизнеса и общества, интересов социального капитала над «эгоистическими побуждениями» частного капитала [18, с. 6–7], рециклинг ресурсов выдвигается в качестве индикатора прогрессивности новой ступени социально-экономического развития. Это означает, что он может рассматриваться как один из важнейших факторов неиндустриального наполнения роста экономики, поскольку отвечает его критериям, таким как инновационность, инклюзивность, экологичность [20, р. 1116–1117]. Выдвигаемому теоретическому положению может быть дано следующее обоснование.

1. Промышленно воспроизводимая сырьевая база, безусловно, не может обойтись без соответствующих инновационных технологий, которые в перспективе будут иметь все более возрастающий спрос. Следует также учитывать, что вся получаемая в результате промышленного воспроизводства сырья продукция – это высокотехнологичная, а следовательно, конкурентоспособная продукция, спрос на которую будет также расти.

2. Промышленно воспроизводимое из отходоресурсов сырье – это предмет экспорта. Согласно официальным данным Бюро по международной координации в области рециклирования (БИР), ежегодно в мире перерабатывается около 600 млн. тонн материалов, $\frac{1}{3}$ из которых экспортируется; вторичные ресурсы уже сегодня покрывают 40% потребностей мировой промышленности; частные компании ежегодно инвестируют 20 млрд. долл. в научные исследования в области рециклинга ресурсов.

3. Создание экономики замкнутого цикла – реальной экономики XXI в. – скажется положительно на создании большого количества высокопроизводительных рабочих мест, что от-

вечает принципу социальной инклюзивности (принципу социального капитала), активно реализуемому в настоящее время в наиболее продвинутых из индустриально развитых стран. Рост доходов за счет создания новых высокотехнологичных рабочих мест расширяет доступность социальных благ для более широких слоев населения, включая такие блага, как образование, здравоохранение, трудовая квалификация, экологически чистая среда обитания и т.п.

4. Активное развитие процессов рециклинга способствует снижению экологических издержек и потерь, которые, несомненно, носят общественный, а не частный характер. Речь идет о таких серьезных экологических вызовах, которые присущи традиционной природной модели ресурсообеспечения, как: выбросы CO_2 , глобальное потепление, изменение круговорота воды, окисление Океана, загрязнение водных источников и т.п. На этом фоне рециклинг ресурсов предстает в качестве ключевого условия реализации новой социальной философии, противоположной по своей сути философии частной наживы, присущей экспортно-сырьевой модели национальной экономики России.

Сказанное, по нашему мнению, является основанием рассматривать рециклинг ресурсов в качестве приоритетного направления неиндустриальной модернизации страны, позволяющего выйти за пределы природных ограничений, а значит, и возобновления потенциала роста экономики.

Принципиально заметить, что в Российской Федерации комплексный подход к решению проблемы растущих отходов и энергоэффективности фактически начал реализовываться только с 2014 г. после введения в действие ряда изменений в ФЗ № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. И хотя в принятых в последние годы нормативно-правовых актах прослеживается стремление государственных институтов решить накопившиеся проблемы в области обращения с производственными и бытовыми отходами, многие ее аспекты остаются нерешенными. Так, введение нормативов утилизации происходит без должного определения самого термина «утилизация». В российской нормативно-правовой базе он объединяет различные методы обращения с отходами производства и потребления (за-

хоронение, сжигание, компостирование, вторичное использование) без указания их приоритетности.

С позиции реализации рециклинга ресурсов в экономике РФ следует оценить как положительное явление включение статьи 4 «Отходы как объект права собственности» в ФЗ № 458 «О внесении изменений в ФЗ от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ». Вместе с тем приходится констатировать, что стоимостные оценки, наполняющие экономическим содержанием данное положение, до настоящего времени остаются неразработанными.

Кроме того, следует добавить, что вводимые в России нормативы утилизации отходов, экологические сборы, а также наказание за несоблюдение норм ответственности существенно отстают от европейских. Во многих случаях именно ужесточающиеся нормы ответственности мотивируют европейских производителей к применению относительно безопасной утилизации отслужившей продукции. В РФ для производителей уклонение от ответственности за экологически безопасное завершение жизненного цикла продукции зачастую стоит дешевле, чем выполнение требований в области утилизации, что существенно снижает возможности быстрого и эффективного развития рециклинга ресурсов.

Бесспорно, не способствует развитию сектора рециклинга ресурсов в экономике РФ низкий технологический уровень предприятий переработки отходов производства и потребления. В настоящее время подавляющее большинство мусоросортировочных комплексов (МСК) в стране осуществляют отбор компонентов с использованием главным образом ручного труда. В лучшем случае здесь применяется магнитная сепарация для отделения металлического лома. Только в 2011 г. в Саратове появился первый МСК, использующий автоматизированную систему отбора компонентов на основе оптического механизма; второй подобный комплекс был введен в г. Костроме в 2013 г.

Высокий уровень затрат ручного труда, используемого при сборе и подготовке многих видов промышленных и бытовых отходов к использованию в качестве вторичных ресурсов, не стимулирует развитие рециклинга ресурсов, обеспечивающего экологически устойчивое развитие.

Заметим, что в составе МСК в России в основном используются узлы и агрегаты импортного производства (например, предварительный измельчитель, разрыватель пакетов, сепаратор крупногабаритной фракции; сепаратор металлов; измельчитель топливных элементов (RDF), пресс и др.). Вместе с тем ряд российских предприятий – производителей мусоросортировочного оборудования (ОАО «Станкоагрегат» (г. Москва), ОАО Автопарк № 1 «Спецтранс» (г. Санкт-Петербург), ОАО Липецкий опытно-экспериментальный завод «Гидромаш», ООО «Экомашгруп» (г. Тверь), группа компаний «Мегалион» (г. Тверь) и др.) готовы наладить производство части узлов и агрегатов при наличии гарантированного спроса и соответствующей государственной поддержки (такого рода инвестиционных проектов. Помимо этого, на наш взгляд, потребуются дополнительные меры по стимулированию НИОКР в интересах повышения конкурентоспособности отечественного оборудования, применяемого для переработки отходов. Понятно, что средств, которые будут поступать от утилизационных сборов в рамках так называемого «налогового маневра», для этих целей будет недостаточно.

Не требует доказательств тот факт, что разработка и освоение технологий рециклинга ресурсов требуют новых значительных инвестиций, поиска источников их финансирования. Такие инвестиции могут оказать положительное влияние на общую производительность труда, способствовать росту занятости, при определенных рыночных условиях могут принести значительную прибыль, а главное – могут быть жизненно важны для защиты целостности окружающей среды [27]. В связи с этим нами было осуществлено моделирование ресурсного потенциала экологического инвестирования³ в РФ, которое включает помимо вложений, связанных с улучшением экосистем и заменой традиционных чистыми или низкоуглеродными технологиями, инвестиции в повышение эффективности использования ресурсов (сокращение отходов, их переработка, эффективное использование энергии).

³ Отсутствие необходимой статистической информации не позволило авторам данной статьи провести корреляционно-регрессионный анализ состояния ресурсного потенциала инвестиций в рециклинг отходов производства и потребления.

Динамика экологического инвестирования в Российской Федерации (с учетом источников его финансирования) приведена в *табл. 1*.

Данные таблицы свидетельствуют о тенденции сокращения объема бюджетного финансирования экологических инвестиций (с 34,2% в 2007 г. до 9,1% в 2015 г.) при растущем доминировании собственных средств предприятий (до 88 %) в структуре указанных источников финансирования. К другим источникам в таблице отнесены привлеченные средства, а также средства экологических фондов, выделяемые в том числе из федерального, региональных и местных бюджетов. Однако их роль в финансировании инвестиций мизерна: в 2000 г. – 3,5%, 2005 г. – 1,2%, 2006 г. – 1,1%, 2008 г. – 0,2%, 2010 г. – 0,3%, 2012 г. – 0,04%, в 2014 г. – 0,002%.

Для оценки степени влияния на объем экологических инвестиций в РФ основных источников формирования, которые в силу своей экономической природы определяют его величину и динамику, использован корреляционно-регрессионный анализ. Объем инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, выбран в качестве результативного признака (Y). В качестве факторных признаков (X), оказывающих влияние на динамику исследуемого показателя, были рассмотрены пять показателей, отража-

ющих величину ресурсного потенциала инвестиционной деятельности на макроуровне: доходы консолидированного бюджета; валовая прибыль в экономике, включая валовые смешанные доходы; сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток); сумма начисленной за год амортизации; кредиты, депозиты и прочие размещенные средства, предоставленные организациям, физическим лицам и кредитным организациям, включая кредиты, предоставленные иностранным государствам.

Поскольку объем экологических инвестиций зависит не только от динамики макроэкономических показателей, отражающих источники их финансирования, но и от готовности государства и субъектов хозяйствования инвестировать в основной капитал, то для оценки ресурсного потенциала обозначенных инвестиций были использованы, помимо обозначенных выше, еще три показателя, отражающие источники инвестиций в основной капитал (бюджетные инвестиции, собственные средства, кредитные и заемные средства).

Корреляционно-регрессионный анализ влияния перечисленных показателей на объем экологических инвестиций выявил существование между ними мультиколлинеарной зависимости, что не позволило построить многофакторную модель ресурсного потенциала. Были построены однофакторные модели,

Таблица 1. Динамика инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в РФ в 2000–2015 гг. в разрезе источников финансирования (в фактически действовавших ценах, %)

Показатель	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Инвестиции всего, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В т.ч. за счет средств: федерального бюджета	3,8	7,8	10,4	14,0	8,6	11,2	12,1	13,0	13,1	10,5	11,5	4,2
бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов	17,7	15,0	18,2	20,2	20,7	12,0	14,6	13,3	9,7	6,3	4,1	4,9
всего бюджетных инвестиций	21,5	22,8	28,6	34,2	29,3	23,2	26,7	26,3	22,8	16,8	15,6	9,1
собственных средств предприятий	74,3	75,9	70,0	63,6	68,0	75,5	72,5	72,0	69,4	78,7	83,4	88,0
других источников	3,5	1,4	1,4	2,1	2,7	1,3	0,8	1,6	7,8	4,4	1	2,8
Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики России.												

отражающие влияние каждого из показателей на объем экологических инвестиций. Как известно, величина коэффициентов корреляции позволяет судить о степени влияния факторных признаков на результативный показатель, а их полярность («+» или «-») показывает тип влияния – прямое или обратное. Рассчитанные коэффициенты корреляции по всем анализируемым показателям положительны, то есть все они в большей или меньшей степени оказывают прямое влияние на объем экологических инвестиций. При этом наибольшее влияние оказывают показатели бюджетных инвестиций в основной капитал и собственных средств, направленных на инвестиции в основной капитал. Они и были отобраны для моделирования ресурсного потенциала экологических инвестиций.

Исходные данные для регрессионного анализа влияния показателей X1 и X2 на величину инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное

использование природных ресурсов, представлены в *табл. 2*.

Между результативным и факторным признаками существует линейная взаимосвязь, что позволяет оценить тесноту связи между ними с использованием линейного коэффициента корреляции (0,707 для признаков Y и X1 и 0,633 для признаков Y и X2).

Но при изучении причинно-следственных связей по временным рядам данных необходимо учитывать наличие автокорреляции уровней, вызванной присутствием тенденции в каждом исследуемом ряду.

Для получения правильной картины связи, не искаженной автокорреляцией, была исключена основная тенденция из уровней. Полученные значимые коэффициенты корреляции на остатках от трендов (0,613 для признаков Y и X1 и 0,657 для признаков Y и X2) говорят о том, что между исходными рядами данных существует линейная зависимость, не искаженная автокорреляцией.

Таблица 2. Исходные данные для построения модели ресурсного потенциала «экологических» инвестиций в постоянных ценах⁴, млн. руб.

Год	Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (Y)	Бюджетные инвестиции в основной капитал (X1)	Собственные средства, направленные на инвестиции в основной капитал (X2)
2000	16934	214119	379439
2001	19390	215292	462036
2002	15030	192675	389334
2003	18712	197922	436065
2004	16888	172278	418760
2005	21258	218887	465853
2006	22359	258740	525824
2007	20157	300542	551900
2008	28865	402685	746676
2009	20283	331883	555483
2010	18911	279308	576277
2011	18128	310814	670728
2012	21005	314724	770428
2013	21520	337941	790863
2014	26050	293170	778749
2015	22525	289369	782202
2016	19297	260136	792745

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики России.

⁴ Переоценка показателей в постоянные цены (1999 г.) проведена методом дефлятирования с помощью индекса цен производителей промышленных товаров.

В результате проведенного регрессионного анализа получены однофакторные уравнения регрессии, имеющие следующий вид:

$$\hat{Y}_t = 10077,75 + 0,04 \times X1_t, \quad (1),$$

$$\hat{Y}_t = 12400,13 + 0,01 \times X2_t. \quad (2)$$

Проверка остатков полученных моделей свидетельствует об отсутствии в них автокорреляции (фактические значения DW выше $dU = 1,38$ при 5% уровне значимости).

Множественный коэффициент корреляции характеризует тесноту линейной связи между результативным и факторным признаками. По шкале Чеддока высокая статистическая зависимость прослеживается между инвестициями в основной капитал, направленными на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, и бюджетными инвестициями (71%). Статистическая взаимосвязь природоохранных инвестиций с общим объемом инвестированных в основной капитал собственных средств является заметной (63%). Значения коэффициента детерминации, показывающего, какая часть общей вариации зависимой переменной определяется фактором, включенным в статистическую модель, свидетельствует о приемлемости полученных моделей. В частности, 50% для X1 и 40% для X2. Полученные регрессионные коэффициенты по всем однофакторным моделям следует признать значимыми, так как вероятность принятия обратной гипотезы для них (p-значение) существенно меньше 0,05.

При этом наилучшие значения всех показателей регрессии продемонстрировало уравне-

ние (1), устанавливающее зависимость между объемом экологических инвестиций и бюджетными инвестициями в основной капитал. Согласно полученной модели (уравнение 1), в условиях действующей институциональной среды рост бюджетных инвестиций в основной капитал на 1 млрд. руб. приводит к росту инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, на 40 млн. руб., что, однако, нельзя интерпретировать как существенный эффект.

Учитывая высокую долю собственных средств в финансировании инвестиций в охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в России, можно отметить, что их величина играет ключевую роль в принятии решений бизнеса относительно объема экологических инвестиций. Следовательно, стимулы, позволяющие расширить данный источник финансирования, будут привлекательными для субъектов хозяйствования. Этот вывод подтверждается результатами проведенного корреляционно-регрессионного анализа (табл. 3). Модель, представленная в виде уравнения (2), может быть использована для оценки реального эффекта (не зависящего от уровня инфляции) от государственных инструментов, позволяющих высвободить субъектам хозяйствования собственные средства при условии их направления на природоохранные инвестиции.

Согласно полученной модели (уравнение 2), в условиях действующей институциональной среды рост объема собственных средств, направленных на инвестиции в основной

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа влияния переменных X1 и X2 на инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

Показатели	Бюджетные инвестиции в основной капитал (X1)	Собственные средства, направленные на инвестиции в основной капитал (X2)
Критерий Дарбина–Уотсона (DW)	1,96	1,61
Множественный коэффициент корреляции R	0,707	0,633
Коэффициент детерминации	0,50	0,40
Стандартная ошибка	2447,51	2682,84
Значение t-критерия Стьюдента	3,68	4,73
Значение f-критерия Фишера	15,04	10,001
Уровень значимости p-значение	0,001	0,006
Коэффициент эластичности Y по X	1,02	0,56
Источник: расчеты авторов.		

капитал, на 1 млрд. руб. приводит к росту инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, всего на 10 млн. руб. По нашему мнению, столь незначительный прирост природоохранных инвестиций в ответ на увеличение объема собственных средств, инвестированных в основной капитал, объясняется остаточным принципом финансирования природоохранных мероприятий. Высокая степень износа основного производственного оборудования обуславливает первоочередность вложений собственных средств в активную часть основных производственных фондов и только после этого – в природоохранные мощности.

Таким образом, построенные зависимости продемонстрировали низкую эластичность «экологических» инвестиций от величины анализируемых факторов (источников финансирования), о чем свидетельствует значение коэффициента уравнения регрессии менее 1, а также коэффициент эластичности, рассчитанный как произведение коэффициента корреляции и отношения средних за анализируемый период значений факторного и результативного признаков. Причем коэффициент эластичности природоохранных инвестиций по общему объему бюджетных инвестиций в основной капитал равен 1 (так называемая единичная эластичность), а по общему объему собственных средств, инвестированных в основной капитал, составил всего 0,56 (не эластичен).

Сказанное доказывает не только слабую заинтересованность субъектов хозяйствования в осуществлении инвестиций в защиту окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, но и неэффективность действующей в России системы экологического регулирования. Полученные модели ресурсного потенциала «экологических» инвестиций, по нашему мнению, свидетельствуют о невозможности в условиях действующей институциональной среды обеспечить объем финансирования, требуемый для формирования в России рециркуляционной экономики в среднесрочной перспективе.

Обозначенные проблемы в области обращения с отходами производства и потребления в российской экономике обуславливают

существенное отставание нашей страны от развитых экономик.

Предложения

В рамках обсуждаемой ныне проблемы, связанной с поиском вариантов и способов возобновления экономического роста и сохранения его потенциала на длительную перспективу в ситуации растущих «экологического долга» и «экологического следа», в центр внимания научного сообщества должен быть поставлен вопрос о смене оснований цивилизационного развития – переводе экономики с традиционного (природного) ресурсообеспечения на промышленное воспроизводство сырья. Материальной основой такой сырьевой базы могут стать отходы производства и потребления, резервы которых сегодня огромны. При этом рециклинг ресурсов, как выражение сути процесса промышленного создания сырья из отходов ресурсов на основе новой индустриализации, дает возможность «выйти за пределы природных ограничений» [13] на основе становления экономики замкнутого цикла, которая может продолжать рост, не нарушая экологических ограничений или не исчерпывая полностью ресурсы [1, с. 70].

По нашему мнению, минимально необходимое условие для перехода к рециркуляционной экономике можно описать выражением взаимосвязи темпов роста трех ключевых показателей: экономический рост, инвестиции в рециклинг ресурсов, образование отходов (3).

$$T_{\text{ИР}} \geq T_{\text{ЭР}} \geq T_{\text{ОО}}, \quad (3)$$

где $T_{\text{ИР}}$ – темпы роста инвестиций в индустрию рециклинга;

$T_{\text{ЭР}}$ – темпы экономического роста;

$T_{\text{ОО}}$ – темпы роста образования отходов.

Темпы роста экологических инвестиций должны превышать темпы экономического роста для компенсации уже накопленного экологического следа за прошлые периоды. Темпы экономического роста в условиях перехода на новые источники сырья (отходо-ресурсы) должны превышать темпы роста отходов, часть из которых изменит свою квалификацию и перейдет в категорию вторичного сырья и ресурсов. В идеале темпы роста образования отходов должны быть нулевыми или отрицательными, так как отходоёмкость российской

экономики, так же как и другие показатели экологичности производственных процессов, существенно превышает уровень развитых зарубежных стран.

Применительно к нынешнему этапу социально-экономического развития России для расширения и эффективного развития рециклинга ресурсов, по нашему мнению, необходимы следующие первоочередные меры:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы в области обращения с отходами. Необходимо дальнейшее поэтапное и систематическое развитие соответствующих норм и правовых механизмов по утверждению расширенной ответственности производителей за экологически безопасное завершение жизненного цикла продукции; корректировка законодательства в области вторичных материальных ресурсов; дальнейшее расширение полномочий субъектов РФ в исследуемой области.

2. Формирование нового экономического механизма, отличительной чертой которого является включение отходов ресурсов в экономическое развитие страны, что предполагает:

а) модернизацию ценообразования, означающую определение полной суммы затрат производства продукции, включая стоимость переработки отходов;

б) соблюдение принципа экономической ответственности производителя и потребителя продукта;

в) соблюдение принципа социальной справедливости, означающей в данном случае, что плата за переработку отходов идет в привязке к потребителю продукта (кто потребляет, тот и оплачивает переработку);

г) создание благоприятной макросреды для ускоренного привлечения инвестиций в индустрию рециклинга ресурсов, основными составляющими которой должны стать:

– государственные гарантии в виде субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам и займам, привлеченных частными инвесторами для реализации проектов, связанных, во-первых, с разработкой новых и/или адаптацией существующих технологий по переработке отходов, ориентированных на принципы концепции «Zero Waste» («Ноль отходов»), отбор и локализацию лучших технологических практик обезвреживания

и утилизации отходов (например, пиролиз), и, во-вторых, со строительством, техническим перевооружением или реконструкцией производственных мощностей предприятий по переработке отходов;

– предоставление комплекса льгот и преференций (например, льготы по кредитам и налогам по присоединению к инженерной и транспортной инфраструктуре) предприятиям, осуществляющим переработку отходов по «зеленым» технологиям и поставляющим вторичное сырье с улучшенными экологическими качествами, и, напротив, создание условий, при которых собственнику отходов становится экономически невыгодным хранить отходы;

– стимулирование использования продуктов утилизации отходов промышленности РФ и экспорта вторичного сырья, не востребованного отечественными производителями и др.

3. Создание эффективной формы управления рециклингом ресурсов. Исходя из значимости и масштабности обозначенной проблемы управление рециклингом должно базироваться на принципах государственно-частного партнерства. Управление рециклингом не является саморегулирующейся системой; в ней должны быть задействованы государство, бизнес, общество. Современная ориентация на саморегулирование бизнеса здесь не состоятельна.

4. Подготовка квалифицированных кадров – специалистов по реализации государственной программы промышленного воспроизводства сырья.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что приращение научного знания данного исследования состоит в следующем:

1) в выдвигании и теоретическом обосновании научной идеи о необходимости создания новой ресурсной базы экономики в виде промышленно воспроизводимого из отходов ресурсов сырья в качестве адекватного ответа на известную дилемму экономического роста и возможного решения проблемы геосферных ограничений последнего;

2) в теоретическом обосновании рециклинга ресурсов, активное развитие которого предопределяется доминированием в обществе интересов не частного, а социального капитала,

в качестве одного из важнейших приоритетных направлений неоиндустриализации российской экономики, способного дать новый старт долгосрочному периоду ее роста за счет установления единства экологических и социально-экономических начал;

3) в проведенной оценке ресурсного потенциала экологического инвестирования в эконо-

мике России на основе построенной эконометрической модели;

4) в сформулированном минимально необходимом условии для перехода к рециркуляционной экономике в виде выражения взаимосвязи темпов роста трех ключевых показателей (экономический рост, инвестиции в рециклинг ресурсов, образование отходов).

Литература

1. Джексон Т. Процветание без роста. Экономика для планеты с ограниченными ресурсами. М.: АСТ-Пресс книга, 2013. 304 с.
2. Фюкс Р. Зеленая революция. Экономический рост без ущерба для экологии. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 330 с.
3. Booth D. *Hooked on Growth: Economic Addictions and the Environment*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2004. Pp. 139-168.
4. Jakson T. *Material Concerns: Pollution, Profit and Quality of Life*. London: Routledge, 1996.
5. Губанов С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012. 223 с.
6. Губанов С. Новая индустриализация и сектор рециклинга // *Экономист*. 2014. № 12. С. 3-11.
7. Григорьев О.В. Эпоха роста. Лекции по неоэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера-Пресс, 2014. 448 с.
8. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
9. Малинецкий Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии — путь России в будущее. М.: Либроком, 2012. 224 с.
10. Каменик Л.Л. Модернизация экономики России. Рециклинг ресурсов — новый вектор развития бизнеса // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 3 (56). С. 177-184.
11. Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Развитие зеленой экономики в России: возможности и перспективы. М.: ЛЕНАД, 2018. 328 с.
12. Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books, 1972. 211 p.
13. Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2012. 358 с.
14. Кругман П. Возвращение великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. М.: ЭКСМО, 2009. 336 с.
15. Бобылев С.Н. Зеленая экономика: перспективы для России // *Экологическое право*. 2011. № 6. С. 39-42.
16. Бобылев С.Н., Захаров В.М. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития // *На пути к устойчивому развитию: Бюллетень Ин-та устойчивого развития Общественной палаты РФ*. 2012. № 60. С. 90.
17. Порфирьев Б.Н. «Зеленая» экономика: общемировые тенденции развития и перспективы // *Вестн. Российской академии наук*. 2012. Т. 82. № 4. С. 323-344.
18. Губанов, С.С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // *Экономист*. 2016. № 2. С. 3-10.
19. Татаркин А., Андреева Е. Перспективы неоиндустриального развития России в условиях текущих сдвигов // *Экономист*. 2016. № 2. С. 11-22.
20. Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koloskov D.A. Economic growth in modern Russia: problems and prospects in the context of neo-industrial paradigm. *Journal of Applied Economic Sciences*, 2016, vol. 11 (6), pp. 1115-1119.

21. Каменик Л.Л. Ресурсосберегающая политика и механизм ее реализации в формате эволюционного развития. СПб., 2012. 480 с. Режим доступа: <http://elibr.spbstu.ru/dl/2504.pdf/download/2504.pdf>
22. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017. 208 с.
23. Шевелев А.А. Принцип системности в экономической теории: необходимость нового видения // Экономическая теория на пороге XXI в. / под. ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова. М.: Юристъ, 1998. 768 с.
24. Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koloskov D.A. Recycling as a special factor of the Russian economy growth in the formula of neo-industrial development *Espacios*, 2017, vol. 38, no. 54, p. 20. Режим доступа: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n54/a17v38n54p20.pdf>
25. Попов А. Рециклинг и его значение в неоиндустриальной модели развития // Экономист. 2015. № 9. С. 24-29.
26. Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koloskov D.A. Neo-industrial content of economic growth: criteria, indicators, factors and prospective assessment for Russia. *Indian Journal of Science and Technology*, 2016, vol. 9, no. 47. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i47/108699.
27. D'Alessandro S., Luzzati T., Morroni M. Energy transition towards economic and environmental sustainability: feasible paths and policy implications. *Journal of Cleaner Production*, 2010, no. 18, pp. 291-298.

Сведения об авторах

Людмила Александровна Кормишкина – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68; e-mail: kormishkina@mail.ru)

Евгений Данилович Кормишкин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68; e-mail: econtheor@mail.ru)

Людмила Павловна Королева – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68; e-mail: korol.l@mail.ru)

Дмитрий Александрович Колосков – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68; e-mail: kda1977@mail.ru)

Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koroleva L.P., Koloskov D.A.

Recycling in Modern Russia: Need, Challenges, and Prospects

Abstract. At present, in connection with the global financial and economic crisis of 2008–2009, the scientific community is discussing issues related to significant changes in the model of economic growth, its sources and factors, taking into account the so-called concept of “denouement” and its “reconciliation” with the geosphere restrictions on economic activity. Against this background, a neo-industrial paradigm of modern development proposed by the Russian economic school in the 2000s and focused on the resource aspect of the economy is gaining professional and public recognition. In this regard, the goals of our study are as follows: to develop the scientific idea of creating a new resource base for social reproduction on the basis of unused production and consumption waste, to identify barriers to establishing a recycling economy in Russia, and to work out proposals for effective development of recycling in the domestic economy. The study is based on an interdisciplinary (integrative) approach, which goes in line with the principles of sustainable economic and environmental growth, humanistic and inclusive development, and public-private partnership; thus, it is of fundamental importance for the analysis of the

transformation of the model of economic growth in the process of changing the economic paradigm. In accordance with the above methodological approach, we consider waste resources that make a complete circle of transformations in the process of their movement as a special innovative factor in the economy; we substantiate the feasibility of using the definition of “recycling” in scientific discourse, and define it on the basis of the target task that consists in obtaining resources industrially from waste resources rather than extracting new resources; we propose to consider recycling as a new source of preserving the potential of economic growth for a long period and as a priority area of neo-industrial modernization of the Russian economy. This conceptual approach expands theoretical understanding of the neo-industrial development paradigm in terms of its mechanisms for ensuring environmental and socio-economic principles. The article analyzes the dynamics of environmental investment in the Russian Federation in 2000–2015 in the context of the sources of financing such investment; we model the resource potential of this kind of investment with the use of correlation and regression analysis. It is concluded that the low level of environmental investment is one of the main constraints to the development of recycling in today’s Russian economy. We formulate the proposals for expansion and effective functioning of the recycling industry in the Russian Federation.

Key words: economic growth, geosphere restrictions on growth, new industrialization, waste resources, recycling, environmental investment.

Information about the Authors

Lyudmila A. Kormishkina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: kormishkina@mail.ru)

Yevgenii D. Kormishkin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor at department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: econtheor@mail.ru)

Lyudmila P. Koroleva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at department (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: korol.l@mail.ru)

Dmitrii A. Koloskov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at department (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: kda1977@mail.ru)

Статья поступила 10.07.2018.

Влияние социально-экономических и экологических изменений на использование охотничьих ресурсов автохтонным населением Арктики*

**Владимир Валерьевич
АНУФРИЕВ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 109
E-mail: vvanufriev@yandex.ru

**Галина Викторовна
МИХАЙЛОВА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 109
E-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru

**Руслан Александрович
ДАВЫДОВ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 109
E-mail: nordhistory@mail.ru

**Станислав Борисович
КИСЕЛЕВ**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, Менделеевская линия, д. 5
E-mail: stak0607@list.ru

* Работа выполнена в рамках утвержденной ФАНО России темы № АААА-А17-117122990042-2 «Экологические и социокультурные факторы сохранения биоразнообразия и традиционного природопользования на Европейском Севере и в Арктике».

Для цитирования: Влияние социально-экономических и экологических изменений на использование охотничьих ресурсов автохтонным населением Арктики / Ануфриев В.В., Михайлова Г.В., Давыдов Р.А., Киселев С.Б. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 171-181. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.11

For citation: Anufriev V.V., Mikhailova G.V., Davydov R.A., Kiselev S.B. Impact of socio-economic and environmental changes on the use of hunting resources by the autochthonous population of the Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 171-181. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.11

Аннотация. Состояние и возможности использования охотничьих ресурсов имеют важное культурное и социально-экономическое значение для коренного населения Севера, влияют на безопасность проживания людей на малозаселенных арктических территориях. В статье рассмотрен исторический опыт организации и правового регулирования охоты как вида хозяйственной деятельности в Архангельской губернии в XIX – начале XX в., приводятся количественные и стоимостные характеристики добываемых населением охотничьих ресурсов. Представлены результаты социологических опросов охотников Ненецкого автономного округа и Архангельской области в 2015–2016 гг. Обобщены данные о состоянии популяций охотничьих животных, являющихся объектами добычи людей на арктических территориях. Охотничий промысел в Архангельской губернии наиболее развит был в Пинежском, Печорском, Мезенском уездах; до конца XIX века государством почти не ограничивался. Предполагалось, что малое число охотников (менее 3% населения губернии) не могут нанести невосполнимый урон ресурсам охотничьих животных. В настоящее время в Архангельской области и Ненецком автономном округе ведется любительская и спортивная охота, развивается охотничий туризм. Количество зарегистрированных охотников составляет около 4% от общего числа жителей этих территорий. Охотничьи ресурсы добываются чаще для собственного потребления. Добываемые гуси и утки для четверти респондентов становятся в течение нескольких дней в году основной едой в их семьях. Для сельских жителей занятие охотой обусловлено как базовыми потребностями (добыча пищи), так и социокультурными целями (продолжение семейной традиции, образа жизни). Для горожан охота является преимущественно их любимым увлечением. Развитие охотничьего туризма, по мнению 1/3 части респондентов, не несет выгоды местному сообществу. Численность охотников и их специализация определяются организационно-правовыми условиями и возможностями сбыта продукции охоты. Усиливается проблема недоиспользования одних видов охотничьих ресурсов и риски истощения других.

Ключевые слова: арктические территории, социально-экономические условия, природно-климатические изменения, рациональное природопользование, автохтонное население, охотничьи ресурсы, туризм.

Введение

Состояние и использование охотничьих ресурсов тесно переплетаются с общими проблемами охраны окружающей природной среды и социального развития. Поддержание популяций хозяйственно-значимых млекопитающих и птиц, сохранение исчезающих видов является целью и результатом развития общества в рамках определенной системы экологических запретов и императивов. Степень и характер вовлеченности людей в природопользование определяет различия в их представлениях относительно экологически необходимых и социально приемлемых подходов к охране природы. В современном мировом сообществе не прекращается дискуссия по поводу занятия охотой: «на примере резко различного отношения людей к охоте на зверей и птиц, которую одни прославляют, а другие яростно проклинают, можно видеть, сколь неоднородны наши взгляды на экологическую этику» [1].

Процессы урбанизации и перемещения деятельности человека в виртуальную сферу имеют тенденцию все больше отчуждать людей от природы. Деструктивные изменения традиционного сообщества охотников несут угрозу утраты их знаний и опыта природопользования как важной составляющей культуры и механизма адаптации к меняющейся природной среде. В исследованиях в странах Европы и в США отмечается сокращение численности охотников, способных обеспечивать контроль над численностью диких животных [2, 3]. В России на фоне постепенного возрастания численности населения страны, занимающегося любительской охотой, фиксируется снижение охотничьей активности населения за счет зарегистрированных охотников, которые редко или вообще не охотятся в течение календарного года, сокращается численность профессиональных охотников [4, 5]. В современном обществе

охота становится активным видом отдыха, меняются социальная структура сообщества охотников, их отношение к природе и интересы к занятию охотой [6, 7, 8, 9]. Повышается значимость мер по сохранению традиций охоты в сельских районах, где это занятие остается частью образа жизни населения [3, 10], а также по формированию социальных механизмов приобщения заинтересованных групп населения к занятию охотой в целях управления экосистемами [10, 11].

В современной структуре сообщества охотников выделяют следующие группы: (1) сельские жители, олицетворяющие традиционных охотников, чей интерес к охоте сформирован в семье; (2) жители городов с сельскими корнями, так называемые сельские переселенцы, (3) охотники, чье представление и увлечение охотой сформировано и поддерживается СМИ, социальными сетями; (4) охотники, мотивированные желанием принести пользу посредством регулирования экосистем; (5) последователи определенного образа жизни и заинтересованные в потреблении натуральной продукции охоты; (6) жители с окраины городов, имеющие мотивы охоты характерные для других групп [9]. Приведенная типология отражает различия групп охотников по месту жительства, по отношению к традициям охоты, по доминирующим интересам. Ресурсная составляющая охоты в данном случае не учитывается, хотя можно предположить, что структура и объемы добычи охотничьих ресурсов для выделенных групп охотников могут существенно различаться.

Охота является одним из видов традиционного природопользования коренного населения, проживающего на Севере России, имеет важное культурное и социально-экономическое значение [12]. Согласно результатам недавних опросов коренных малочисленных народов Севера, самой большой значимостью обладает именно сохранение всех традиционных форм хозяйствования, в том числе охоты, поскольку они остаются основой существования [13]. Добыча охотничьих ресурсов здесь продолжает основываться на принципах натурального хозяйства, когда охота является для самих охотников источником продукции, используемой для внутрисемейного потребления [14]. На арктических территориях, отличающихся малона-

селенностью и транспортной труднодоступностью, охота играет особую роль в обеспечении безопасности проживания людей. Не утрачивают актуальность мероприятия по контролю численности хищных животных, волков, оказывающих влияние на поголовье домашних северных оленей. Прекращение в 1990-е годы организованного охотничьего промысла песца и лисицы стало одной из причин осложнения эпизоотической ситуации по бешенству в Ненецком национальном округе в наши дни [15].

Использование ресурсов животных и правила ведения охоты выходят за локальные рамки региональных проблем и в последние десятилетия находятся на арене международных интересов. В 2008 году Россия ратифицировала Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных и, таким образом, ввела запрет на использование «ногочахватывающих» капканов. В результате двадцатилетней деятельности в России Международного фонда защиты животных (IFAW) в 2009 году внесены изменения в правила рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна, запрещающие добычу детенышей гренландских тюленей. В настоящее время выдвигаются требования по присоединению России к международной межправительственной структуре по охране афро-евразийских мигрирующих водноболотных птиц (AEWA). Наряду с редкими видами птиц под действие Соглашения попадают птицы, численность которых достаточно велика, на которые охотятся в разных странах в пределах их пролетного пути [16]. Вероятным последствием принятия данного международного соглашения станет введение в России запрета на весеннюю охоту.

Постановка природоохранных задач исходя из приоритетов экополитики всеобщего, мирового значения призвана обеспечить последовательность и прогнозируемость экологических действий, сопоставимость результатов принимаемых решений с глобальными тенденциями. Вместе с тем в настоящее время не существует глобального управления в отношении использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Каждая международная организация создает, по сути, автономный режим управления как в отношении природных ресурсов, так и в отношении международных эколо-

гических проблем [17]. Решения по отдельно взятой экологической проблеме принимаются, как правило, в условиях отсутствия достаточных научных сведений и твердых знаний о причинной обусловленности явлений и процессов. Недостаточно прорабатываются вопросы компенсационных мероприятий для групп населения зависимых от природопользования.

На территориях, где сохранились черты традиционного природопользования, где законодательные акты противоречат традициям, потребностям локальных сообществ, возникают массовые нарушения устанавливаемых правил, то есть создаются не работающие нормы права [18]. Использование охотничьих ресурсов на основе единых унифицированных правил, вне учета экономической и социокультурной ситуации, встречают сопротивление, если входят в конфликт со сложившимися нормами поведения и привычками сообществ. Институционализация социокультурных особенностей территорий в качестве перманентного элемента природоохранной деятельности, то есть применение социокультурной методологии [19], является базовым принципом природоохранного управления, посредством которого должно реализовываться международное право государства на использование природных ресурсов для целей развития и обеспечения нужд своих граждан.

Целью данной работы выступает выявление влияния социально-экономических и экологических условий на возможности реализации интересов автохтонного населения в сфере использования охотничьих ресурсов в Арктике (на примере Арктической зоны Европейского Севера России).

Методы и материалы

В исследовании применен междисциплинарный подход к пониманию сущности охоты как вида хозяйственной деятельности и природопользования автохтонного населения в настоящее время и в исторической ретроспективе; что она выполняет для населения арктических территорий, как развивается в изменяющихся социально-экономических и экологических условиях. Реализация заявленного подхода обеспечивается применением историко-генетического метода при изучении исторического опыта организации и правового регулирования охоты

в России вообще и на Европейском Севере в особенности в XIX – начале XX в.; социологических методов для анализа мнения населения, занимающегося охотой; мониторинга состояния охотничьих ресурсов.

Для характеристики добычи охотничьих ресурсов населением Архангельской губернии в XIX – начале XX в. использовались документы из фондов Государственного архива Архангельской области и публиковавшиеся в 1870-х–1910-х гг. «всеподданнейшие отчеты» архангельских губернаторов императору, приложения к ним, обзоры Архангельской губернии, отчеты Архангельского губернского статистического комитета. Анализируются содержащиеся в указанных документах сведения о количестве людей, занимающихся охотой, количестве добытых животных и «пар птиц»; выручка от промысла в рублях. Отметим, что в указанный исторический период сбор сведений от охотников осуществлялся методом опроса населения чиновниками, затем собранные сведения обрабатывались сотрудниками Архангельского губернского статистического комитета и Канцелярии архангельского губернатора.

Для анализа современной ситуации был применен метод вторичного анализа материалов экспертных интервью по вопросам регулирования охоты и опросов по социально-экологическим аспектам добычи ресурсов мигрирующих птиц. В том числе использовались материалы 26 экспертных интервью, проведенных в 2015 году среди представителей органов власти и действующих предприятий, заинтересованных в развитии туризма лиц, опытных охотников и местных жителей села Несь Ненецкого автономного округа. Также использовались материалы опросов среди жителей сельских поселений Ненецкого автономного округа и города Мезень Архангельской области в 2016 году. В опросе приняли участие 236 охотников, в том числе 145 сельских жителей и 91 горожанин. Для отбора респондентов применялся метод «снежного кома», то есть поиск респондентов, занимающихся охотой, осуществлялся с помощью уже опрошенных. Состояние охотничьих ресурсов рассматривалось на основе имеющихся данных о динамике численности и качественных изменениях в структуре животных и птиц, являющихся объектами добычи людей на арктических территориях.

Результаты

Российское законодательство, регулировавшее охоту как вид хозяйственной деятельности, до 1892 г. почти не ограничивало ее на территории Архангельской губернии. Предполагалось, что малое число охотников, рассредоточенных на больших пространствах губернии, не могут нанести невосполнимый урон эксплуатируемым ими биоресурсам. В тот период Архангельская губерния была самой большой по площади губернией Европейской России, включавшей в себя значительные территории современных республик Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областей, Ненецкого автономного округа.

Охота не составляла «исключительного занятия» какого-либо уезда или отдельной местности. Она была наиболее развита в Пинежском, Мезенском, Печорском уездах. Постепенному падению интереса к охоте в губернии способствовало увеличение год от года объема лесозаготовок, развитие лесопильной и деревообрабатывающей промышленности, уменьшение площади лесов вообще и на прилегающих к населенным пунктам территориях. Работы на лесозаводах становились более привлекательными для населения в сравнении с другими видами деятельности из-за своей более высокой доходности. По данным за 1913 год охотниками губернии было добыто зверей на сумму 180,1 тыс. рублей. В числе добытых 94,9 тыс. особей зверей указывались белки (59,9 тыс. шт.), горностаи (21,5), песцы (3,9), а также лисы, куницы, медведи и «прочие лесные звери». Добыча учитываемых в парах птиц составила 509,6 тыс. пар – рябчики (369,4 тыс. пар), куропатки (60,9), тетерева (41,5) и «прочая лесная и водяная птица» (37,8). Согласно данным статистической отчетности, в целом по губернии выручка от добычи птиц была сопоставима с выручкой от добычи зверей и составила 187,7 тыс. рублей. Значительная часть всех доходов от охоты в губернии приходилась на охотников Печорского уезда (3,9 тыс. чел.) и в том же 1913 году составила 144,9 тыс. рублей. В отличие от других уездов большая часть доходов здесь была получена от добычи зверей (114,4 тыс. руб.), а не от добычи птиц. Усредненное значение дохода от охоты в расчете на одного охотника этого уезда составило 37,5 рубля за год (для сравнения: аналогичные

показатели дохода от рыбных промыслов достигали почти 60 руб.)¹.

Общее число охотников Архангельской губернии в конце 1990-х – 1910-х гг. менялось, максимальных значений оно достигало в 1891 г. и 1913 г. (соответственно 13,0 и 12,7 тыс. чел.), минимальных – в 1893 г. и 1915 г. (6,2 и 6,6 тыс. чел.). Доля охотников в предвоенный 1913 год составляла 2,7% от числа жителей губернии. Резкое сокращение количества охотников в 1893 и 1915 гг. было обусловлено не эколого-биологическими, а социально-политическими факторами².

Уменьшение количества охотников в 1915 г. относительно предыдущего 1914 года было вызвано мобилизационными мероприятиями в связи с вступлением России в Первую мировую войну. Сокращение количества охотников в 1893 г. нуждается в более подробном пояснении. В начале 1892 г. в России были «высочайше утверждены» и введены в действие «Правила об охоте»³. Этот документ был коротким, предельно общим, мало учитывающим специфику окраин империи. В нем содержались формулировки, допускавшие неоднозначное толкование. Статья 18 «Правил об охоте» полностью запрещала использование самоловов (петлей, силков, капканов и пр.) при охоте на боровую дичь. Применение ее на практике в Архангельской губернии вызвало резкое недовольство действиями властей у охотников, членов их семей. Столичные разработчики «Правил» не учли, что использование простых и дешевых в изготовлении самоловов в Архангельской губернии было гораздо более распространено, чем охота с применением огнестрельного оружия, требующая больших денежных затрат. Полицейские чины, на которых отныне возлагалась задача по преследованию виновных в охоте традиционными способами, были не способны выполнить свои обязанности из-за того, что районы промыслов значительно удалены от на-

¹ Обзор Архангельской губернии за 1913 год. Архангельск, б.г. II, 238 с.

² Обзор Архангельской губернии за 1915 год. Архангельск, б.г. [III], С. 6-7; Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1893 год. Архангельск, 1894. [III], С. 26-28.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. №№ 8215–9216 и дополнения. СПб., 1895. С. 81-82. № 8301.

селенных пунктов. В «Правилах об охоте» также не учитывалась ситуация на внутреннем рынке России, где устойчивым и возрастающим спросом пользовалось не только мясо, но и перо птицы: «чистая» дичь, т.е. давленная, не запачканная кровью, ценилась дороже стреляной. Не были предусмотрены наказания для скупщиков дичи, правовых и организационных процедур конфискации дичи, ее хранения, реализации. В результате статистические показатели, характеризующие добычу боровой дичи и количество охотников в Архангельской губернии, сократились в 1893 г. и последующие несколько лет. Вместе с тем имеются также свидетельства массовых нарушений правил охоты; скупщики дичи по-прежнему доставляли на ярмарки десятками возов рябчиков и куропаток, в том числе незаконно добытых⁴. Лишь в 1900-х годах ситуацию с поспешным и непродуманным введением в 1892 г. «Правил об охоте» удалось нормализовать серией мероприятий властей – стимулированием покупки дешевых ружей и боеприпасов, их настойчивым распространением среди охотников⁵.

В настоящее время охота на территории РФ регулируется Федеральным законом «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» (2009) и Правилами охоты, утверждёнными приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ (2010). Особенностью этих нормативно-правовых актов является их связь с законами РФ, гарантирующими права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также населения, проживающего в местах традиционной хозяйственной деятельности этих народов. Так, в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера кроме общераспространённого перечня объектов животного мира, отнесённых к охотничьим ресурсам, к охотничьим ресурсам также отнесены гагары, бакланы, поморники, чайки, крачки, чистиковые. Согласно правилам охоты (2010), в охотничьих угодьях, расположенных

на островах Колгуев, Вайгач Северного Ледовитого океана и его морей, запрещается охота на гусей в период весенней охоты. Это правило, в соответствии с Федеральным законом об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, не распространяется на коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также население, не относящееся к таковым народам, но проживающее в местах традиционной хозяйственной деятельности этих народов.

Для современного периода использования охотничьих ресурсов в Арктической зоне Европейского Севера России характерно прекращение добычи пушных видов животных. Утрата интереса к добыче этих охотничьих ресурсов стала следствием постсоветских социальных и экономических преобразований в России в конце XX века, ликвидации системы государственных закупок шкур пушных зверей, обесценивания продукции пушного промысла. Прекращение функционирования обществ охотников способствовало значительному сокращению количества охотников, специализирующихся на добыче крупного хищного зверя. Обостряется проблема регулирования возросшей численности бурого медведя и волка, негативно влияющей на состояние популяции лося. Так, в Архангельской области по данным зимнего маршрутного учёта обилие лося снизилось с 53 тыс. особей в 2016 г. до 39 тыс. особей в 2018 г., а численность волка за этот же период, наоборот, выросла – соответственно с 1,1 тыс. до 1,3 тыс. особей. Вместе с тем усиливается спрос на хозяйственно-значимых млекопитающих и птиц, составляющих мясной рацион автохтонов.

Видовой и количественный состав птиц и млекопитающих, добываемых на охоте, находится в тесной взаимосвязи с естественной динамикой численности популяций этих видов. Наиболее наглядно это можно представить на примере изолированных островных арктических территорий, таких как остров Колгуев. Обилие гусеобразных птиц на острове в период с конца XIX века и по настоящее время претерпевало значительные колебания. Самыми многочисленными видами гусей Колгуева и основными объектами добычи жителей острова в конце XIX – начале XX века были чёрная казарка и гугенник. В настоящее время чёрная

⁴ Государственный архив Архангельской области. Фонд 4 – Архангельское губернское правление. Опись 10. Том 1. Дела 479, 425; Том 2. Дело 689.

⁵ Обзор Архангельской губернии 1902 год. Б.м., б.г. III. С. 34.

казарка встречается у берегов острова только на пролётах; значительно сократилась численность гуменника. Белолобый гусь в прошлом по обилию был на третьем месте среди гусей, второе уступая в численности гуменнику. Теперь белолобый гусь самый многочисленный вид не только среди гусей, но и среди всех водоплавающих птиц острова. Случаи добычи белошекой казарки на о-ве Колгуев в 80-х годах прошлого столетия были единичными; этот вид встречался редко и был занесен в Красную книгу СССР (1984). Однако в первом десятилетии XIX века доля белошекой казарки в общем количестве гусеобразных птиц, добываемых на острове в сезон охоты (около 9,5 тыс. особей), составила более 30% [20]. Экспоненциальный рост численности и увеличение ареала белошекой казарки позволили орнитологам говорить об инвазии этого вида в Западном секторе Российской Арктики.

На территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа ведется любительская и спортивная охота, развивается охотничий туризм. По данным, представленным пресс-центром Правительства Архангельской области, общее количество зарегистрированных охотников двух субъектов в 2014 году составило порядка 48 тысяч человек⁶ или 3,9% от общего числа жителей этих территорий.

Занятие охотой является одним из популярных способов природопользования. Как отмечают участники опроса, в сельских поселениях охотой занимается почти всё взрослое мужское население, есть среди охотников и женщины. К занятию охотой население арктических территорий приобщается традиционно с раннего возраста. Большинство опрошенных охотников города Мезень первый опыт охоты приобрели в возрасте до 15 лет.

Количество дней, проводимых респондентами на охоте, варьируется от одного до шестидесяти и более дней в году. При этом от 1 до 10 дней на охоте обычно проводит почти четверть респондентов; от 11 до 30 дней – более половины от общей выборки; от 31 до 60 дней – менее четверти респондентов; свыше 60 дней в году

охотится одна двадцатая часть опрошенных. Весной охота ведется преимущественно на гусей во время их пролета к местам гнездований. Среди водоплавающей дичи основными объектами добычи, судя по результатам опроса охотников города Мезень (выборка 91 чел.), были: белошекая казарка (705 птиц добыто опрошенными охотниками за год), белолобый гусь (700), гуменник (471), кряква (338), чирок-свиистунок (208), черная казарка (117), шилохвость (108). Наибольшее количество добываемых за год птиц, учитываемых при опросе, приходится на куропатку (1294).

Охотничьи ресурсы добываются автохтонным населением чаще всего для собственного потребления. Так, в городе Мезень на вопрос «Приходилось ли Вам покупать, продавать, обменивать добытых птиц?» значительная часть респондентов (3/4) ответила отрицательно. С утверждением, что добываемые ими на охоте гуси и утки становятся в течение нескольких дней в году основной едой в их семьях, согласилась почти четверть респондентов. В рационе питания сельских жителей продукция охоты занимает ведущее место. Согласно субъективной оценке жителей села Несь, от 40 до 70% потребляемых мясных продуктов составляет мясо гуся и куропатки, остальное – оленина.

Интерес к занятию охотой, вместе с тем, не ограничивается потребностью автохтонного населения в добыче ресурсов. Подтверждением этому служат ответы на открытый вопрос «Почему Вы считаете себя охотником?», затрагивающий проблему социокультурной самоидентификации респондентов. Для части респондентов (около 20% из 236 опрошенных) их идентификация себя как охотника определяется фактом добычи охотничьей продукции, выполнением социальной роли добытчика: «потому что я добытчик», «добываю пищу для семьи». В ответах отмечается необходимость охоты для жизнеобеспечения: «нужно охотиться, так как охотой мы живем», «для меня это источник пропитания, жизни». Среди респондентов распространено представление, согласно которому охотник считает себя таковым в связи с семейной традицией: «все предки были охотниками, и я с детства этим занимаюсь», «по роду идет, отец-охотник». Занятие охотой выступает основанием для самоотождествления себя с жителями Севера, с соответствующим

⁶ Пресс-центр Правительства Архангельской области. Министерство природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области. 22 августа 2014 г. URL: <http://dvinanews.ru/-71t4tdh4> (дата обращения: 09.07.2018).

образом жизни: «на Севере любой стоящий мужик считает себя охотником, добытчиком», «...на Севере без охоты я не считаю себя северянином», «...это часть образа жизни». Респонденты считают себя охотниками, поскольку охота для них любимое занятие, «веление души», страсть; это хобби, приносящее «чувство удовлетворения, гордости», «отдых для души». Чувство любви и сопричастности к природе также лежит в основе отношения к себе как к охотнику: «люблю природу», «нравится: природа, отдых», «люблю природу; главное не добыча, а побыть на природе, отдохнуть»; «...считаю причастным себя к природе: пропитание, общение с природой».

Самоидентификация охотников, проживающих в городе и в сельских поселениях, различается. У горожан на первом месте по числу упоминаний охота как любимое увлечение. Сельские жители считают себя охотниками, так как занимаются добычей охотничьих ресурсов, поддерживают традиции, образ жизни; реже упоминается охота как хобби. Как правило, в ответах обнаруживается присутствие сразу несколько оснований для самоопределения респондента в качестве охотника.

Основной массив предложений, комментариев к вопросам анкеты, которые респонденты могли высказать в свободной форме, отражает интересы населения по созданию более благоприятных организационно-правовых условий для занятия охотой, для добычи ресурсов. Почти половина участников опроса предложила сроки весенней охоты привести в соответствие со сроками прилета гусей. Часть охотников высказалась о необходимости усиления государственного и общественного контроля за соблюдением правил охоты, в том числе за деятельностью приезжих охотников-туристов, «...которые действуют варварскими методами».

Зависимость результативности охоты от природных, климатических условий в настоящее время приобретает особую актуальность. Изменение снегового/ледового режима делает традиционные места охоты труднодоступными. Раннее таяние снегов называется участниками экспертных интервью одной из основных причин сокращения сроков пролета и смещения маршрутов пролета гусей весной. С нарастанием частоты климатических отклонений по-

вышается вероятность несовпадения сроков пролета гусей с периодом, в течение которого допускается добыча охотничьих ресурсов весной. В этом случае устанавливаемые заранее сроки охоты становятся препятствием занятию охотой на мигрирующих птиц.

Социально-экономические преобразования арктических территорий, развитие туристического потенциала и охотничьего туризма создают предпосылки для формирования конкурентных отношений в сообществе охотников. Случаются конфликтные ситуации в связи с ограниченным количеством доступных мест для успешной весенней охоты, когда традиционные места охоты автохтонного населения используются в коммерческих целях, для создания на них туристических баз. Планируемое развитие транспортной инфраструктуры, дорожной сети арктических территорий повысит доступность охотничьих ресурсов для приезжих охотников. Согласно мнению участников экспертных интервью, это может негативно отразиться на состоянии охотничьих ресурсов и возможности занятия охотой для автохтонного населения. По мнению более чем трети респондентов, развитие охотничьего туризма не несет выгоды местному населению; в комментариях ими отмечается, что «создание туристических зон ограничивает доступ населения к местам охоты», туристы «мешают», «используют охотничий ресурс местного населения».

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, для населения Арктической зоны Европейского Севера России охота связана с интересами разного уровня — от реализации базовых потребностей (добыча пищи) до социокультурных целей (продолжение традиции, образа жизни). Практически утрачено значение охоты как товарного промысла, ресурсы добываются населением для собственного потребления. Занятие охотой само становится товаром на рынке туристических услуг.

Результаты показывают, как меняется специализация охотников, структура охотничьего сообщества. Эти изменения обусловлены, с одной стороны, природными факторами, среди которых значительное влияние имеют процессы естественной динамики численности популяций охотничьих видов: например, с увеличением численности белощекой казарки число добываемых птиц данного вида увеличилось и

превысило остальные традиционно добываемые. С другой стороны, имеют значение организационно-правовые условия и возможности сбыта продукции охоты. Так, ликвидация системы государственных закупок шкур пушных зверей и изменения конъюнктуры рынка пушно-мехового сырья привели к прекращению добычи пушных видов животных на Европейском Севере. В результате охотникам приходится адаптироваться к сложному сочетанию природных и социально-экономических условий. Эта адаптация достигается путем специализации охотников на добыче разрешенных и доступных видов животных. В итоге усиливается проблема недоиспользования одних видов охотничьих ресурсов и рисков истощения других, что в целом оказывает влияние на состояние биологических систем Арктики.

Возобновление и развитие товарного промыслового хозяйства в новых условиях глобализации экономики и усиления экологических требований представляется актуальной задачей для регионов, обладающих охотничьими ресурсами. Исторический опыт организации и правового регулирования охоты на Европейском Севере демонстрирует влияние государства на динамику добычи биоресурсов в различных институциональных условиях. В настоящее время созданы возможности для арендных отношений в охотничьем хозяйстве, развития охотничьего туризма. При этом остается потребность в гарантированном сбыте продукции охоты, необходимом для обеспечения доходности охоты как традиционного вида хозяйственной деятельности и природопользования автохтонного населения Арктики.

Литература

1. Штильмарк Ф.Р. Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики // Гуманитарный экологический журнал. 2001. Т. 3. Спецвыпуск. С. 127-128.
2. Decker, D.J., Stedman, R.C., Larson, L.R., & Siemer, W.F. Hunting for wildlife management in America: Shifting perspectives and future outlook. *The Wildlife Professional*, 2015, no. 9 (1), pp. 26-29. URL: https://lrl.people.clemson.edu/WebFiles/Decker.etal.2015_TWP-HuntinginAmerica.pdf (дата обращения: 30.05.2018)
3. Milbourne P. Hunting ruralities: Nature, society and culture in 'hunt countries' of England and Wales. *Journal of Rural Studies*, 2003, vol. 19, no. 2, pp. 157-171. URL: [https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(02\)00054-2](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(02)00054-2) (дата обращения: 30.05.2018)
4. Андреев М.Н. Численность охотничьего населения Европейской России и Урала // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2005. № 6. С. 124-128.
5. Винобер А.В. Охотничье хозяйство: будет ли эпоха возрождения? // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2016. № 1. С. 5-16.
6. Величенко В.В. Вопросы эколого-экономической оценки природных ресурсов охотничьего хозяйства. Якутск: Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2010. 128 с.
7. Ерофеева И.В., Бочарников В.Н. Охота как рефлексия человека в концептуализированной сфере дискурса специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1. С. 144-152.
8. Ericsson G., Heberlein T.A. "Jägare talar naturens språk" (Hunters speak nature's language): A comparison of outdoor activities and attitudes toward wildlife among Swedish hunters and the general public. *Zeitschrift für Jagdwissenschaft*, 2002, no. 48, supplement 1, pp. 301-308. URL: <https://doi.org/10.1007/BF02192422> (дата обращения: 30.05.2018)
9. Larson L.R., Decker D.J., Stedman R.C., Siemer W.F., Baumer M.S., Enck J.W. *Hunter Recruitment and Retention in New York: A Framework for Research and Action. Human Dimensions Research Unit Series Publication 13-04*. Department of Natural Resources, Cornell University, Ithaca, New York, 2013. 72 p. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/279138482/?*=eYCGrhbN8qgnUAdcSicCTHdjmQx7InVybcI6InlhLW1haWw6Ly8xNjU1MDcyODYzMDU4NzYwMDIvMS4zIiwidG10bGUiOiJIRFJVUmVwb3J0MTMtNC5wZGYiLCJ1aWQiOiIyNzIxMzgzODIiLCJ5dSI6IjMwNTk0NDY3MTE1MTE3NzQ0NjAiLCJub2lmcFtZSI6ZmFsc2UsInRzJloxNTI0MjMwMDc3MzgzfQ%3D%3D (дата обращения: 30.05.2018)
10. Stedman R.C., Heberlein T.A. Hunting and rural socialization: contingent effects of the rural setting on hunting participation. *Rural Sociology*, 2001, vol. 66, no. 6, pp. 599-617. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1549-0831.2001.tb00086.x> (дата обращения: 30.05.2018)

11. Larson L.R., Decker D.J., Stedman R.C., Siemer W.F., Baumer M.S. Exploring the social habitat for hunting: A comprehensive view of factors influencing hunter recruitment and retention. *Human Dimensions of Wildlife*, 2014, no. 19 (2), pp. 105-122. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10871209.2014.850126>
12. Сыроечковский Е.Е., Клоков К.Б. Использование метода анкетирования для изучения влияния охоты на водоплавающих птиц в Российской Арктике // Казарка: бюллетень рабочей группы по гусеобразным Северной Евразии. М: МГУ им. Ломоносова, 2010. Том 13. С. 76-103.
13. Копцева Н.Ф. Экспертная оценка экологической ситуации, характерной для коренных малочисленных народов Сибирской Арктики (на материалах Красноярского края) // Экология человека. 2017. № 6. С. 30-35.
14. Трудов Ю.Н. Оценка туристического потенциала охотничьего хозяйства региона (на примере Вологодской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 113-118
15. Об эпизоотической ситуации по бешенству в оленеводстве Ненецкого автономного округа / Т.М. Романенко, В.В. Ануфриев, Ю.П. Вылко, К.А. Лайшев, М.В. Ивкина // Вестник ГАУ Северного Зауралья. 2016. № 1 (32) С. 91-98.
16. Дерелиев С. Афро-евразийское соглашение по водно-болотным птицам: почему России необходимо присоединиться к договору? // Первый Всероссийский орнитологический конгресс: тезисы докладов (г. Тверь, 29 января – 4 февраля 2018 г.). Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 94-95.
17. Копылов М.Н., Копылов С.М., Мохаммад С.М.А. Международные режимы международного экологического управления: постановка проблемы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруд. 2015. № 2 (27). С.138-150.
18. Балян М.Г. Экологическая доктрина России в русле решения мировых проблем охраны окружающей среды в условиях глобализации // Закон и право. 2008. № 7. С. 98-99.
19. Фоменко Г.А. Управление природоохранной деятельностью: основы социокультурной методологии. М.: Наука, 2004. 390 с.
20. Ануфриев В.В. Ресурсы охотничьих животных островов Колгуев и Вайгач // Русский орнитологический журнал. 2016. Том 25. Экспресс-выпуск 1259. С. 860-865.

Сведения об авторах

Владимир Валерьевич Ануфриев – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 109; e-mail: vvanufriev@yandex.ru)

Галина Викторовна Михайлова – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 109; e-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru)

Руслан Александрович Давыдов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 109; e-mail: nordhistory@mail.ru)

Станислав Борисович Киселев – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: stak0607@list.ru)

Anufriev V.V., Mikhailova G.V., Davydov R.A., Kiselev S.B.

Impact of Socio-Economic and Environmental Changes on the Use of Hunting Resources by the Autochthonous Population of the Arctic

Abstract. The state and possibilities of use of hunting resources are of great cultural and socio-economic importance for the indigenous population of the North; they also affect the safety of people living in sparsely populated Arctic territories. The paper considers the historical experience of organization and legal regulation of hunting as a type of economic activity in the Arkhangelsk Governorate [*Arkhangelskaya guberniya*] in the 19th – early 20th century; it also provides the quantitative and cost characteristics of hunting resources. We present the results of sociological surveys of hunters from Nenets Autonomous Okrug and the Arkhangelsk Oblast conducted in 2015–2016, the data on the population status of game animals hunted by people in the Arctic territories. Hunting in the Arkhangelsk Governorate was most developed in Pinezhsky, Pechorsky, and Mezensky counties [*uezdy*]; there was almost no government intervention in this activity until the end of the 19th century. It was assumed that a small number of hunters (less than 3% of the population of the Governorate) can not cause irreparable damage to the population of game animals. Currently, amateur and sports hunting and hunting tourism are developing in the Arkhangelsk Oblast and in Nenets Autonomous Okrug. The number of registered hunters is about 4% of the total population of these territories. Hunting resources are used more often for own consumption. Geese and ducks for a quarter of respondents become the main food in their families for several days a year. To rural residents, hunting is determined by both basic needs (food production) and socio-cultural goals (continuation of family tradition, lifestyle). To urban residents, hunting is mainly their hobby. The development of hunting tourism, according to one third of respondents, does not benefit the local community. The number of hunters and their specialization are determined by organizational and legal conditions and by the opportunities for the sale of hunting products. The problem of underutilization of some types of hunting resources and the risk of depletion of others is aggravating.

Key words: Arctic territories, socio-economic conditions, natural and climatic changes, rational nature management, autochthonous population, hunting resources, tourism.

Information about the Authors

Vladimir V. Anufriev – Candidate of Sciences (Biology), head of laboratory, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (109, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: vvanufriev@yandex.ru)

Galina V. Mikhailova – Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (109, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru)

Ruslan A. Davydov – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (109, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: nordhistory@mail.ru)

Stanislav B. Kiselev – Senior Lecturer, St Petersburg University (5, Mendeleevskaya Liniya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: stak0607@list.ru)

Статья поступила 16.07.2018.

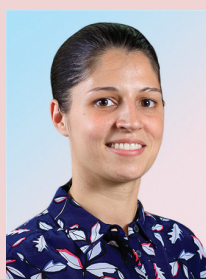
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.12

УДК 656.6, ББК 65.37

© Налетина Д., Ачкач И., Вулетич А., Петляк К., Штулец И.

Развитие линейных морских пассажирских перевозок в Республике Хорватия

**Дора
НАЛЕТИНА**
Загребский университет
Загреб, Хорватия, 10000,
пл. Дж. Кеннеди, 6
E-mail: dora.naletina@efzg.hr

**Кристина
ПЕТЛЯК**
Загребский университет
Загреб, Хорватия, 10000,
пл. Дж. Кеннеди, 6
E-mail: kpetljak@efzg.hr

**Ивана
АЧКАР**
Kaufland Hrvatska Lp.
Загреб, Хорватия, 10000,
Školski prilaz, 1
E-mail: ivana.ackar@gmail.com

**Ивана
ШТУЛЕЦ**
Загребский университет
Загреб, Хорватия, 10000,
пл. Дж. Кеннеди, 6
E-mail: istulec@efzg.hr

**Анте
ВУЛЕТИЧ**
Загребский университет
Загреб, Хорватия, 10000,
пл. Дж. Кеннеди, 6
E-mail: avuletic2@net.efzg.hr

Для цитирования: Развитие линейных морских пассажирских перевозок в Республике Хорватия / Д. Налетина, И. Ачкач, А. Вулетич, К. Петляк, И. Штулец // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 182-197. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.12

For citation: Naletina D., Ačkar I., Vuletić A., Petljak K., Štulec I. Development opportunities of liner maritime passenger traffic in the Republic of Croatia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 182-197. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.12

Аннотация. Основная проблема, рассматриваемая в статье, касается анализа морских пассажирских портов в Республике Хорватия и влияния этого вида морских перевозок на туризм в стране. Линейные морские пассажирские перевозки имеют важное значение для развития прибрежной экономики, особенно туризма и торговли, а также предотвращают миграцию островного населения. Соответственно, необходимо инвестировать в модернизацию линейных пассажирских судов, чтобы реагировать на сложные зимние условия плавания, а продление туристического сезона приведет к более частым пассажирским рейсам. С учетом того, что морские пассажирские перевозки на лайнерах представляют большую значимость в Хорватии, проведенные исследования были конкретно направлены на эту сферу. Для достижения поставленных в статье целей проведены вторичные и первичные исследования. Целью первичного исследования было изучение удовлетворенности потребителей услугами линейных морских пассажирских перевозок в Хорватии и выявление возможностей для дальнейшего совершенствования. В качестве инструмента исследования использовался структурированный опросник. Опрос проводился в течение сентября 2017 года, объем выборки – 119 респондентов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что большая часть респондентов считает необходимым увеличение количества рейсов. Кроме того, они согласны с тем, что высокое качество морских пассажирских перевозок является необходимым условием для надлежащего развития жизни и туризма на островах Хорватии. Результаты показывают, что респонденты не удовлетворены предложением дополнительных услуг во время поездки и отметили, что цены на дополнительные услуги, а также цены на билеты слишком высокие. Крайне важно увеличить количество рейсов в будущем и обеспечить выход некоторых новых конкурентов на хорватский рынок линейных пассажирских перевозок.

Ключевые слова: Хорватия, морской транспорт, линейные пассажирские перевозки, морские пассажирские порты, туризм.

Введение

За последнее десятилетие объем морских пассажирских перевозок в мире значительно увеличился. Современные пассажирские комплексы являются предпосылкой для оптимальной работы и развития линейных морских пассажирских перевозок и круизов. Адекватный и хорошо организованный морской пассажирский комплекс имеет решающее значение для развития многих дополнительных услуг, связанных с морскими пассажирскими перевозками, что в первую очередь способствует модернизации туристического предложения и развитию туризма [1]. В целях удовлетворения потребностей в регулярных пассажирских перевозках от начального до конечного пункта (портов) в морском судоходстве развилось линейное пассажирское судоходство, где пассажирские перевозки вышли на свой рынок. Линейные морские пассажирские перевозки реализуются на ограниченных региональных рынках, где поездки, парусные маршруты и порты погрузки и разгрузки являются постоянными и заранее определенными [2]. Линейные пассажирские перевозки осуществляются в соответствии с действующими национальными и междуна-

родными правилами и нормами. Участниками данного вида перевозок являются судоходные компании, пассажиры и брокеры (посредники) по предоставлению транспортных услуг [3]. Исключительно важную роль в привлечении грузов и развитии морских портов играют линейные судоходные компании, предоставляющие глобальные услуги линейных перевозок [2].

Наличие транспортного комплекса, функционирующего в соответствии с потребностями экономики на определенной территории является одним из основных условий развития [4]. Одной из важнейших предпосылок развития перевозок и туризма, удовлетворением потребностей пассажиров в транспорте занимаются морские пассажирские порты. Можно стимулировать здоровое развитие системы пассажирских портов путем внедрения политики порта в соответствии с целями и мерами общей экономической политики страны. Порты представляют ценность для судоходных компаний и поставщиков посреднических услуг. Это места, где осуществляется управление судами и грузами с достижением эксплуатационной эффективности [5]. Современные морские порты особенно важны для общего экономического благо-

состояния конкретного региона [6]. Развитые страны давно осознали, что расширение портов и портовых систем является одной из важнейших предпосылок развития национальной экономики, т. е. экономики гравитационной зоны конкретного порта. Порты представляют собой часть транспортной системы страны, в которой аккумулируется весь трафик. Порты функционируют в соответствии с основополагающими экономическими принципами предоставления адекватных услуг при минимальных затратах и содействии глобальному расширению экономики [7]. Учитывая растущую конкуренцию в судоходстве, предоставление высококачественных услуг, которые бы удовлетворяли потребности клиентов, имеет решающее значение для поддержания и выживания компании. Как правило, судоходная компания может удовлетворить своих клиентов, предлагая высококачественные услуги или широкий ассортимент услуг. Одним из способов отличиться от конкурентов является предоставление качественных услуг [8].

Цель статьи заключается в изучении удовлетворенности потребителей услугами пассажирских перевозок на лайнерах в Республике Хорватия и разработке рекомендаций в отношении будущего развития. Для достижения поставленной цели были проведены вторичные и первичные исследования. После вступительной части следует глава, более подробно разъясняющая линейное судоходство, его недостатки и меры по дальнейшему развитию отрасли в Республике Хорватия. Третья глава дает обзор существующих исследований, в четвертой главе поясняется инструмент, используемый в первичном исследовании, представлены результаты исследования и перечислены ограничения и предложения для будущих исследований.

Понятие и характеристика линейных морских пассажирских перевозок

Линейные морские пассажирские перевозки — это особый вид пассажирских перевозок от порта до порта с использованием специальных судов, действующих на ограниченных региональных рынках, где существует потребность в непрерывных перевозках. Одной из ключевых предпосылок развития туристического и пассажирского транспорта являются морские пассажирские порты. Экономический потенциал хорватских морских портов характеризуется

выгодным географическим положением. Экспедиторы играют важную роль в организации линейных перевозок, являясь инициаторами и руководителями данного вида эксплуатации судов [9]. При линейных перевозках грузовые сборы формируются в виде тарифов, причем существует два вида тарифов: классовые тарифы, установленные для конкретных групп товаров, и товарные тарифы, установленные для каждого вида груза отдельно [10].

Экономический потенциал хорватских морских портов основан на выгодном географическом положении. Конкурентное преимущество хорватских морских портов по сравнению с другими портами Евросоюза может быть объяснено расположением Адриатического моря, что обеспечивает наиболее эффективное и кратчайшее транспортное сообщение материковой части Хорватии с восточным Средиземноморьем, а также странами Азии и Восточной Африки через Суэцкий канал. Объем перевозок в морских портах зависит от их геотранспортного положения, площади их гравитационных зон, размера портовых мощностей, инфраструктуры и субструктуры, объема линейных перевозок, организации портовых операций и компетентности портового персонала [11]. В Хорватии 409 портов, открытых для общественного транспорта, 95 из которых имеют по крайней мере одно регулярное паромное сообщение [12]. В Хорватии открыто шесть портов для общественного транспорта, представляющих особый (международный) экономический интерес для страны: в Риеке, Задаре, Шибенике, Сплите, Плоче и Дубровнике [13]. Хорватские морские порты были интегрированы в обширную сеть европейских транспортных коридоров, которая признана в качестве потенциала развития для обеспечения торговых потоков на внутреннем, европейском рынке, а также на мировом рынке. Это также позволяет трансформировать портовые системы в современные логистические и распределительные центры [12].

В области морского транспорта общественный транспорт является важным фактором прибрежных линейных перевозок, поскольку он обеспечивает регулярное сообщение между островами и материковой частью, а также между островами. Без этого устойчивое развитие островов во внутренних и территориальных водах Хорватии было бы невозможно. В Хор-

ватии общественный транспорт в прибрежном линейном морском сообщении обеспечивает регулярное судоходство между островами (73 островных порта) и материком (22 материковых порта). Общественный транспорт в прибрежных зонах нерентабелен и потому субсидируется из бюджетных средств в тех случаях, когда судоходные компании не могут покрыть фактические расходы из своих доходов. Судоходные компании, осуществляющие линейные перевозки, предоставляют транспортные услуги на основании концессионных договоров или договоров на оказание государственных услуг, которые судоходные компании заключают с агентством по прибрежным линейным перевозкам. Система общественного транспорта включает 56 государственных линий (27 паромных линий, 16 скоростных паромных линий (катамаран) и 13 регулярных линий). Система обслуживается 13 судоходными компаниями с флотом из 77 судов: 17 пассажирскими судами, 17 скоростными пассажирскими судами и 42 паромами. Крупнейшей линейной судоходной компанией является Jadrolinija Rijeka, полностью принадлежащая государству в системе 12 частных судоходных компаний [12]. Из 13 судоходных компаний, осуществляющих линейные перевозки, Jadrolinija занимает первое место. Его доля составляет 86,4% от общего объема пассажирских перевозок и 89,7% – в объеме всех перевозок. На втором месте – Rapska plovidba с гораздо меньшей долей в пассажирских перевозках (6,2%) и 10,3% в общем объеме перевозок.

Линейные пассажирские перевозки играют исключительно важную роль в развитии прибрежной экономики, в частности туризма и торговли. Это имеет решающее значение для предотвращения миграции с островов и вли-

яет на государственный баланс из-за доходов от иностранных пассажиров. Для устойчивого развития страны важно обеспечить устойчивое развитие островов и предотвратить дальнейший отток островного населения. В соответствии с этим линейный пассажирский транспорт имеет решающее значение для развития островов, перевозки осуществляются в общей сложности 56 общественными судоходными рейсами, что имеет решающее значение для всей страны [12]. Важными факторами, оказывающими положительное влияние на морские перевозки, являются традиция соединения островов с материком и друг с другом, а также опыт, знания, непрерывное транспортное сообщение, безопасность и хорошая организация. Хорватские морские пассажирские перевозки характеризуются [14]:

- 1) постоянным ростом спроса,
- 2) политикой, направленной на развитие островов,
- 3) обновлением пассажирского флота при поддержке правительства,
- 4) государственными субсидиями для убыточных рейсов.

Для экономической и, следовательно, туристической валоризации островов залива Кварнер, являющихся одними из наиболее часто посещаемых в Адриатическом море, транспортные связи с прилегающим материком всегда играли решающую роль. В прошлом эти связи поддерживались с помощью пароходов, сегодня же важнейшую роль играет паромное сообщение. Сочетание паромного и автомобильного сообщения позволило включить острова в транспортную систему Хорватии. Транспорт исключительно важен для достижения интеграции островов с материком, т. е. объединения всей территории страны для демографического

Таблица 1. Основные руководящие принципы морских пассажирских перевозок

Морские пассажирские перевозки	
Основные элементы	Базовая инфраструктура
1. Моряки и другие работники пассажирских судоходных компаний. 2. Пассажирские суда как средство транспорта. 3. Море как маршрут движения. 4. Пассажиры и транспортные средства как объекты морских перевозок.	1. Строительство и обслуживание морских пассажирских портов (пассажирских терминалов). 2. Строительство и обслуживание системы сигналов и других устройств и оборудования в начале и конце маршрута.
Источник: Delibašić T, Vidučić V. Međuviznost putničkog morskog brodarstva i turizma u Hrvatskoj. Zbornik radova Ekonomskog fakulteta u Rijeci: časopis za ekonomsku teoriju i praksu. 2003, Rijeka: Faculty of Economics, University of Rijeka, 21(2), p. 80.	

оживления островов, а также для обеспечения экономического роста островов и сферы туризма [15]. Сфера туризма тесно связана с транспортом. Без транспортного обслуживания не может существовать сфера туризма, поскольку транспортное обслуживание всегда ей предшествует. Транспорт и туризм имеют важное значение для повышения благосостояния людей, обеспечивая их транспортными услугами, и следовательно, связывая их и давая возможность использовать другие материальные, духовные и культурные ценности. Обе эти сферы положительно влияют на другие отрасли экономики [16].

Линейные пассажирские перевозки имеют важное значение для улучшения демографической ситуации на островах Хорватии. Линейные пассажирские перевозки должны учитывать потребности жителей островов, живущих там постоянно, и тех, кто периодически их посещает (туристы и владельцы домов отдыха), многие из которых остаются там на более длительный срок и приобретают такие же потребности, как и постоянные жители.

Для демографического развития хорватских островов в XX веке характерна депопуляция (1921–1990-е гг.), вызванная длительной эмиграцией с островов в связи с проводимой государственной политикой, поддерживающей индустриализацию. Важно также отметить, что согласно большинству исследователей, увеличение числа жителей в последнее десятилетие XX века происходило за счет того, что многие хорваты объявили свои дома отдыха местом своего проживания [17]. По данным переписи населения, домашних хозяйств и жилищ 2011 года, численность населения на хорватских островах была равна 124 955 человек, что составило всего 2,07% по сравнению с 2001 годом [18, 19]. В период с 2011 по 2014 год был достигнут незначительный прирост (2,4%) населения хорватских островов, в первую очередь за счет многочисленных мер развития и активизации деятельности и инвестиций в острова [20]. За последние несколько лет официальных данных по-прежнему нет, но ожидается сокращение численности жителей из-за эмиграции жителей и отсутствия веры в изменения в образе жизни. Безусловно, важно отметить, что стоимость жизни на хорватских островах значительно выше, чем на материке. Также жите-

лей островов не радует количество линейных перевозок и высокие цены на услуги компаний, осуществляющих линейные перевозки. Даже государственные субсидии не оказывают существенного влияния на удержание населения на островах. Если рассмотреть численность населения на отдельных островах, то очевидна тенденция к снижению на более мелких островах. Важно также отметить, что общее число жителей островов значительно возросло в результате миграции более старшего и экономически неактивного населения.

Одной из особенностей морского пассажирского судоходства является его сезонность, оказывающая негативное влияние на организацию пассажирских рейсов. Отрицательный аспект проявляется в высокой технологической перегрузке старых судов и большой продолжительности рабочего дня членов экипажа. Положительным аспектом сезонности является возможность получения транспортными компаниями значительных доходов, что позволяет вести хозяйственную деятельность в межсезонье, когда расходы превышают доходы. Крупнейшими проблемами, с которыми сталкиваются судоходные компании в области линейных перевозок в Хорватии, являются неблагоприятная возрастная структура флота, высокие цены на топливо в общих транспортных расходах и значительные сезонные колебания. Техническая, технологическая и организационная неполноценность по отношению к портам развитых стран, медленные портовые операции, незначительные инвестиции в модернизацию портовых мощностей и их плохое техническое обслуживание снизили привлекательность и конкурентоспособность хорватских портов. Наиболее запущены малые порты, обслуживающие потребности местных жителей; инвестиции в них облегчили бы перевозку грузов и пассажиров между островами и материком, а также между островами. Самое большое ограничение в развитии морских пассажирских перевозок в основном связано с низким спросом на судоходные мощности в межсезонье, т. е. с проблемой сезонности.

Линейное судоходство в Хорватии оказалось в кризисном состоянии из-за замены грузовых судов полуконтейнеровозами и контейнеровозами и безответственных ростовщических кредитов, что привело к банкротству крупнейшего

отечественного грузоотправителя Croatia Line, а также некоторых других небольших судоходных компаний. Это нанесло серьезный удар по некогда сильному линейному флоту, а за счет национальной экономики значительно сократились и линейные перевозки в отечественных портах. Существуют и другие ограничения для дальнейшего развития судоходства, наиболее очевидными из которых являются: отсутствие инвестиций и оборотного капитала, неблагоприятный курс обмена, отток работников и экспатов в развитые страны, низкие инвестиции в исследования и развитие современных технологий, сильная конкуренция отдельных отраслей судоходства в развитых странах на мировом рынке, регулярные конъюнктурные колебания, кризисы и спады, значительное замедление технического и технологического развития некоторых отраслей судоходства как следствие Отечественной войны и длительные низкие капиталовложения, недостаточная координация и несоответствие компетенций правительства в руководстве некоторыми отраслями [21]. В Республике Хорватия самым большим недостатком линейных морских пассажирских перевозок является монопольное положение компании Jadrolinija — компании пассажирских и грузовых перевозок. Jadrolinija со своими высокими ценами, медленной модернизацией флота и отсутствием судов в высокий сезон влияет на пассажиров и создает для туристов плохой образ Хорватии. Так и Jadrolinija с ее монополистической политикой подавляет небольшие судоходные компании и делает невозможной справедливую конкуренцию. Все больше и больше туристов из Европы решают поехать на побережье Хорватии, большинство из них выбирают путешествие автомобильным транспортом. Туристы, выбирающие острова Хорватии в качестве пункта назначения, являются наиболее значимыми пользователями линейных морских пассажирских перевозок, и поэтому важно обеспечивать хорошую транспортную связь морских пассажирских портов с туристическими районами. Морские пассажирские перевозки зависят от успешности туристического сезона, особенно на островах Хорватии. Как уже отмечалось, одним из сдерживающих факторов развития морских пассажирских перевозок является недостаточный спрос на транспортные

мощности в межсезонье. Проблема сезонности может быть смягчена за счет продления сезона и снабжения островов, внимание должно быть направлено на туристов с более высокой покупательной способностью. В связи с этим модернизация линейных пассажирских судов необходима для навигации в тяжелых зимних условиях, а продление туристического сезона приведет к более частым рейсам. Для усиления контроля над бюджетом, т. е. исключительно высокими привилегиями населения островов в Хорватии, агентством по прибрежным линейным перевозкам запустил проект информатизации прибрежных морских перевозок (SEOP). Система SEOP вводит больший контроль над привилегиями пассажиров, а также над грузоотправителями. Упрощается приобретение билетов, привилегии жителей островов определяются особым видом островного пропуска, обеспечиваются предпосылки для ведения точного учета и контроля количества пассажиров и транспортных средств и использования бюджетных ресурсов.

В контексте прибрежных пассажирских линейных перевозок были поставлены цели и соответствующие меры, касающиеся [12]:

Цель 1: совершенствования системы предоставления государственных услуг по соединению островов с материком и друг с другом в целях содействия устойчивому развитию островов на основе развития социально устойчивой, экономичной, эффективной системы общественных морских перевозок в Хорватии.

— мера 1: пересмотреть систему линейных перевозок (линейную систему, соотношение паромных, традиционных и скоростных паромных и катамаранных рейсов);

— мера 2: увязать прибрежные морские линейные перевозки с другими видами перевозок в соответствии с транспортной стратегией в Хорватии;

— мера 3: создать эффективную и прозрачную систему льготного транспорта для населения и экономики островов.

Цель 2: предоставление государственных услуг на основе принципов безопасности, стабильности, пунктуальности и товарности.

— мера 1: информирование о прибрежных морских перевозках, что позволит повысить прозрачность бизнеса и доступность услуг;

– мера 2: планирование и строительство выделенных судов для рейсов, соединяющих малые острова без дорожной инфраструктуры;

– мера 3: стимулирование развития и использования новых технологий в линейных морских перевозках, а также использование экологических судов в системе морских перевозок.

Обзор литературы

В зарубежной научной литературе существуют исследования, посвященные анализу рынка судоходства – *стратегии конкуренции* (Davies J.E. [21], Evangelista P., Morvillo A. [23], Panayides P.M., Cullinane K. [24], Midoro R., Musso E., Parola F. [25], Cariou P. [26], Lin D.Y., Huang C.C., Ng M. [27], Yuen K.F., Thai V.V., Wong Y.D. [28], *интеграция портов – стратегические союзы* (Ryoo D.K., Thanopoulou H.A. [29], Midoro R., Pitto A.A. [30], Song D.W., Panayides P.M. [31], Frémont A. [32], Notteboom T., Rodrigue J.P. [33]; Agarwal R., Ergun Ö [34], Panayides, P.M., Wiedmer R. [35], Hirata E. [36], *качество услуг в отрасли* (Thai V.V. [36], Miremedi A., Ghalamkari S., Sadeh F. [38]; Huang S.T., Bulut E., Duru O. [39]; Shin Y., Thai V.V. [40]; Han S. и др. [41], Shin Y. и др. [42].

Yuen K.F. и Thai V.V. [8] проанализировали качество услуг и удовлетворенность потребителей линейных морских перевозок. В исследовании они указывают, что удовлетворенность потребителей определяется как когнитивная, аффективная реакция на предоставление услуг; опыт потребителей сравнивается с их ожиданиями от услуги. Качество услуг определяется четырьмя ключевыми параметрами: надежностью, скоростью, обратной связью и ценностью. Решающее различие между качеством услуг и удовлетворенностью потребителей заключается в том, что качество относится к самому ядру управления предоставлением услуг, в то время как удовлетворенность отражает опыт, который потребители приобретают, получая эту услугу. Улучшение качества, не основанное на потребностях потребителей, не приведет к удовлетворенности потребителей. В связи с этим они отмечают, что качество услуги может рассматриваться только как одно из предварительных условий удовлетворенности потребителей [8].

Линейные судоходные компании определяют услуги, которые оказываются в соответствующее время как приоритетные, т.е. не их цену, а стоимость. Таким образом, можно предположить, что дифференциация на основе услуг, оказываемых в соответствующее время, более эффективна, чем управление затратами [8].

Othelius J. и Wemmert U. [43] провели анализ потребностей потребителей и качества услуг на примере ведущей компании контейнерных перевозок Maersk Line. В ходе исследования были проанализированы два сегмента потребителей – прямые потребители и экспедиторы. Результаты показали, что потребители определяют приоритеты и устанавливают потребности по-другому. Хотя клиенты выражали потребности подобным образом, их восприятие того, что представляет из себя потребность и как ее нужно удовлетворять, различно. В соответствии с этим представление о том, что считается качественной услугой, различается как между потребителями, так и между двумя сегментами потребителей. Кроме того, в исследовании были представлены различия в предоставлении услуг на различных этапах в компании Maersk Line, которые существуют из-за того, что потребности потребителей не были удовлетворены. Разница в предоставлении услуги и удовлетворенности потребителей услугой присутствует, если потребности не включены в услугу. Таким образом, поставки на Maersk Line не полностью удовлетворяли потребности потребителей. Кроме того, различия в «предоставлении» услуг нет, если услуга обеспечивает удовлетворение потребностей, хотя потребители не понимают, как потребности будут удовлетворены во время обслуживания. Такое несоответствие означает несоответствие между предложением услуги в Maersk Line и восприятием потребителями того, что фактически предоставлено. Прямые покупатели поставляли свои товары с меньшим количеством поставщиков, чем экспедиторы. Кроме того, они не имеют столько знаний и возможностей для решения проблем, которые могут возникнуть во время транспортировки. Прямые покупатели в большей степени зависят от морских транспортных средств, чем от клиентов транспортных компаний. В результате отношения на основе доверия стали более важными, чем такие факторы, как эффективность и цена для данного сегмента потребителей [44].

Miremadi A., Ghalamkari S. и Sadeh F. [38] изучили удовлетворенность потребителей качеством обслуживания в этой сфере в Иране. В ходе исследования был проведен анализ качества обслуживания наиболее известных судоходных компаний, например, IRISL (судоходная компания Исламской Республики Иран) и морской зоны, действующих портов и транспортных компаний. Целью исследования было измерить ожидания и восприятие потребителей отрасли в Иране путем реализации модели SERVQUAL. Результаты показали, что существует значительное расхождение между ожиданиями потребителей и восприятием менеджеров иранских портов. Более того, исследование показало, что такие факторы, как инвестиции и мониторинг в разные периоды, помогают улучшить общее состояние иранских портов. Неоднозначность процессов приводит к конфликту в предоставлении услуг, поэтому необходимы комплексные системы контроля для предотвращения расхождений и переопределения процессов. Исследование предполагает проведение углубленных маркетинговых исследований по оценке услуг на периодической основе, наряду с обучением квалифицированного персонала, который бы углублял свои знания для того, чтобы в конечном итоге создать модель маркетинговой стратегии для удовлетворения потребностей потребителей в иранских портах [34].

В ходе исследования качества услуг в сфере морских перевозок в Азии было проведено сравнение многочисленных ведущих компа-

ний, были установлены ключевые факторы реализации качества услуг. Среди ряда технических мер внедрение стандартов ISO 9001 стало значительным фактором удовлетворенности потребителей. Внедрение стандарта ISO 9001 может обеспечить доверие потребителей к услугам линейной доставки. По этой причине стратегии и стандарты очень важны для судоходных компаний. В *таблице 2* приведены результаты эмпирического исследования, проведенного в странах Азии, отражены требования потребителей, в том числе два наиболее важных требования: более дешевое обслуживание и более короткое транзитное время. Кроме того, очевидна необходимость сочетания логистических возможностей для совершенствования деятельности. Акцент на более диверсифицированные услуги может значительно повысить удовлетворенность потребителей и избежать конкуренции цен на транспорт на рынке морских перевозок [39].

Обзор отечественной литературы показал, что до настоящего времени было проведено два исследования, которые касаются морских пассажирских линейных перевозок. Таким образом, проблематика одной статьи направлена на исследование управления и качества услуг судоходства на скоростных международных линиях в Хорватии. Исследование показало, что важно стандартизировать предложения продуктов питания и блюд в части регулирования индивидуальных блюд по меню или ежедневных меню. Предложение должно основываться на

Таблица 2. Наиболее важные требования потребителей/клиентов при выборе транспортной компании

Важность	Требования потребителей
1	Более дешевые услуги
2	Сокращение времени, необходимого для перевозки грузов
3	Охрана грузов
4	Меньше времени для таможенной службы
5	Своевременные рейсы
6	Квалифицированный персонал
7	Интермодальные перевозки
8	Быстрая реакция на требования
9	Система отслеживания грузов
10	Простой документооборот
11	Репутация
12	Более короткое время обработки груза

Источник: Huang S. T., Bulut E., Duru O.. Service quality assessment in liner shipping industry: an empirical study on Asian shipping case. *International Journal of Shipping and Transport Logistics*, 2015, vol. 7 (2), p. 233.

пожеланиях и предпочтениях пассажиров, что может быть достигнуто при непрерывной системе проведения опросов, т. е. сборе информации об удовлетворенности пассажиров предлагаемым ассортиментом, а также качеством обслуживания и ассортиментом продуктов питания в соответствии с современными тенденциями здорового питания [44]. В другой статье рассматриваются предпочтения клиентов в выборе типа и размера судна на примере округа Далмация-Сплит, где были опрошены три группы респондентов: пассажиры, капитаны дальнего плавания (навигация по линиям рассматриваемого района – Далмация-Сплит) и эксперты в области судоходства. Наибольшее значение пассажиры придавали регулярному обслуживанию рейса с минимальными остановками движения в течение года (23%), поддержанию рейса в течение всего года (15%), на третьем месте – скорость рейса (13%) [45]. Результаты исследований, проведенных среди капитанов, показали, что наибольшее значение придается техническим и технологическим характеристикам судна на рейсе (18% опрошенных) и состоянию портов (17%). Третье исследование проводилось среди 28 экспертов в сфере морских пассажирских перевозок, где были рассмотрены пять групп критериев: институциональный, гидрометеорологический, технический, технологический, экономический и социокультурный. Наибольшее значение придавалось гидрометеорологическим условиям (30%) и сезону, во время которого осуществляется рейс, а наименьшее – социокультурным особенностям (10%) [45].

Исследование удовлетворенности потребителей морским пассажирским линейным транспортом в Республике Хорватия

Инструменты исследования и сбор данных

Морские перевозки в Хорватии, как и во многих других странах, играют важную роль в транспортном сообщении. Они обеспечивают как функционирование национальной и международной торговой системы, так и связь островов с материком. Можно сказать, что линейное судоходство, помимо ограниченных возможностей использования воздушного транспорта, является единственным связующим звеном между хорватскими островами и материком. О важности морских линейных перевозок в Хорватии лучше всего свидетельствует тот факт, что

13,53 млн. пассажиров в 2017 году было перевезено морским и прибрежным транспортом [19].

В рамках настоящей статьи было проведено первичное исследование с использованием вопросника в качестве инструмента исследования. Исследование проводилось на основе метода сбора данных через Интернет путем размещения анкеты в сети Facebook. В исследовании приняли участие респонденты со всей Хорватии, мужчины и женщины старше 18 лет с разным уровнем образования (табл. 3).

Исследование проводилось в сентябре 2017 года; величина выборки – 119 респондентов. Опрос состоял из 12 вопросов. Первая часть вопросника включала вопросы с одним вариантом ответа, другая – состояла из высказываний, касающихся морских линейных пассажирских перевозок, в которых респондентам предлагалось выразить свою степень согласия. Они могли указать свой уровень согласия по шкале 1–5, где 1 = совсем не согласен, 2 = не согласен, 3 = затрудняюсь ответить, 4 = согласен, 5 = полностью согласен. Вопросы также учитывают социально-демографические факторы, такие как возраст, пол, место жительства, образование, должность и ежемесячный доход. Цель опроса заключалась в том, чтобы представить выводы об удовлетворенности потребителей пассажирскими морскими перевозками в Республике Хорватия, т. е. о том, в какой степени пользователи линейных перевозок удовлетворены количеством рейсов, качеством услуг и организацией, вежливостью персонала и ценами на билеты.

В исследовании приняли участие 119 респондентов, но один из респондентов пропустил вопросы, связанные с социально-демографическими характеристиками, таким образом, в общей сложности было 118 респондентов: 43 мужчины и 75 женщин. Большинство респондентов принадлежало к возрастной группе от 26 до 35 лет, только два респондента были моложе 18 лет, и не было ни одного респондента в возрасте от 46 до 55 лет. Среди общего числа респондентов большинство (42) имеют высшее образование (колледж, университет), нет ни одного респондента без квалификации (без начального образования). Большинство респондентов трудоустроены: по бессрочному трудовому договору (57) или с помощью студенческой службы (20), только двое из них работают

Таблица 3. Социально-демографические характеристики респондентов

		Число
Пол	Мужчины	43 (36,44%)
	Женщины	75 (63,56%)
Возраст	Младше 18	2 (1,69%)
	18–25	55 (46,61%)
	26–35	49 (41,53%)
	36–45	11 (9,32%)
	46–55	0 (0,00%)
	Старше 56	1 (0,85%)
Уровень образования	Без низшего уровня квалификации/без начального образования	0 (0,00%)
	Начальное образование	3 (2,54%)
	Квалификация (три года профессионального училища)	1 (0,85%)
	Высокая квалификация (четыре года профессионального училища или гимназии)	37 (31,36%)
	Учащийся	29 (24,58%)
	Высшее образование	42 (35,59%)
Занимаемая должность	Кандидат/доктор наук	6 (5,08%)
	Занятые; бессрочный трудовой договор	57 (48,31%)
	Занятые; срочный трудовой договор	13 (11,02%)
	Частичная занятость	6 (5,08%)
	Работа через студенческий сервис (SC)	20 (16,95%)
	Неофициальная занятость	2 (1,69%)
	Самозанятость	3 (2,54%)
Безработные	17 (14,41%)	
Источник: составлено автором на основе полученных данных.		

неофициально, трое – самозаняты, а шесть – частично заняты (см. табл. 3). Среди общего числа респондентов 90,76% проживают в Загребе или его окрестностях, 0,84% – на севере Хорватии: в Славонии, Истрии, Приморье и Горски-Котаре. Нет ни одного респондента из Лики, Кордуна или Бановины.

Результаты исследования

Большинство респондентов (94,02%) на вопрос «Как часто Вы пользуетесь морским пассажирским линейным транспортом (паромами) в Хорватии?» ответили, что они путешествуют от одного до четырех раз в год, 3,42% – раз в неделю, 2,56% – раз в месяц, и ни один из респондентов не путешествует ежедневно. Большинство респондентов сказали, что причиной их поездок были праздники (79,49%), 10,26% – командировки, 9,40% – визиты к родственникам и 0,85% – другие причины. Большинство респондентов путешествуют с семьей (41,03%), 40,17% – с друзьями, 11,97% – в одиночку, и только 6,84% из них путешествуют с организованной группой. Большинство респондентов считают, что в разгар туристического сезо-

на должно быть больше рейсов, таким образом, будет меньше пробок, период ожидания между рейсами сократится. В пик сезона очень большое число туристов, планирование рейсов затруднено, нет рейсов с островов в ночное время. Меньшее число респондентов считают, что нет смысла вводить дополнительные рейсы, потому что их достаточно во время туристического сезона. Небольшое число респондентов затруднились ответить на вопрос.

В таблице 4 показана степень согласия с высказываниями, касающимися морских пассажирских перевозок, где 1 = полностью не согласен, 2 = не согласен, 3 = затрудняюсь ответить, 4 = согласен, 5 = полностью согласен. На основании полученных результатов можно сделать однозначный вывод, что 50% опрошенных полностью согласны с утверждением о том, что «в разгар туристического сезона должно быть введено больше рейсов». Большинство респондентов (63,56%) полностью согласны с утверждением, что «качество морского пассажирского транспорта является необходимым условием для развития жизнедеятельности

Таблица 4. Степень согласия респондентов с высказываниями, касающимися услуг морских пассажирских перевозок

Высказывания	1	2	3	4	5	Средневзвешенное значение
Во время туристического сезона должны быть введены дополнительные рейсы	6,78%	8,47%	16,10%	18,64%	50,00%	3,97
Качество морских пассажирских перевозок является необходимым условием развития жизнедеятельности и туризма на островах	5,08%	1,69%	11,86%	17,80%	63,56%	4,33
Во время туристического сезона рейсы хорошо организованы и время ожидания между рейсами удовлетворительное	5,93%	18,64%	40,68%	28,81%	5,93%	3,1
Пассажирские суда устарели и нуждаются в модернизации	5,08%	4,24%	28,81%	35,59%	26,27%	3,74
Качество услуг во время рейсов плохое и неудовлетворительное	7,63%	16,95%	38,98%	26,27%	10,17%	3,14
Цены на дополнительные услуги (питание, напитки) слишком высокие	1,69%	5,08%	24,58%	27,12%	41,53%	4,02
В ближайшее время необходимо ввести продажу онлайн-билетов	3,39%	0,85%	6,78%	11,02%	77,97%	4,59
Я удовлетворен соотношением цены и качества услуг, предоставляемых во время рейсов	3,39%	27,12%	53,39%	12,71%	3,39%	2,86
Я доволен вежливостью персонала во время поездок	4,24%	8,47%	44,07%	34,75%	8,47%	3,35
Я бы чаще пользовался услугами морского пассажирского транспорта, если бы цены на билеты были ниже	5,93%	9,32%	28,81%	24,58%	31,36%	3,66
Необходимо повысить конкурентоспособность большинства существующих рейсов.	8,55%	5,13%	29,08%	27,35%	29,91%	3,65
Источник: составлено автором на основе полученных данных.						

и туризма на островах». 40,68% респондентов не смогли однозначно оценить утверждение о том, что «во время туристического сезона рейсы хорошо организованы и время ожидания между рейсами удовлетворительное», 35,59% респондентов согласны с тем, что «суда для пассажирских перевозок устарели и нуждаются в модернизации». Большинство респондентов затруднились оценить высказывание о том, что «качество услуг во время рейсов плохое и неудовлетворительное» (38,98%), и что «я удовлетворен соотношением цены и качества услуг, предоставляемых во время рейсов» (53,39%), «Я доволен вежливостью персонала во время поездок» (44,07%). Большинство респондентов полностью согласны с тем, что цены на дополнительные услуги (продукты питания, напитки) на рейсах слишком высокие, и что в ближайшее время необходимо ввести продажу билетов

онлайн. Большинство также полностью согласны с тем, что они будут чаще пользоваться услугами морского пассажирского транспорта, если цены на билеты будут ниже, и с тем, что необходимо повысить конкурентоспособность большинства существующих рейсов.

В ходе оценки недостатков большинство респондентов ответили, что самым большим недостатком является длительное время ожидания (44,92%), стоимость билета (34,75%), недостаточная вместимость судна (16,95%). 3,39% опрошенных указали «что-то другое», из которых только четверо написали причины. Один респондент указал в качестве причины недостаточное количество рейсов в сутки, еще один — затрудняется ответить, еще один — не видит никаких недостатков. Никто из респондентов не указал, что проблема — в невежливом персонале.

Ограничения и рекомендации

Проведенное исследование удовлетворенности пользователей услугами морских пассажирских перевозок в Хорватии имеет определенные ограничения. Основное ограничение связано с отсутствием исследований по этой теме в стране, а также с устаревшими данными, в связи с чем данные трудно сопоставить с данными других исследований. Учитывая тот факт, что исследование проводилось с помощью онлайн-опросника, на исследование мог повлиять метод сбора данных, поскольку невозможно контролировать условия, в которых респонденты отвечают на вопросы. Также существует проблема того, четко ли были сформулированы вопросы. Кроме того, анкета проводилась *в режиме онлайн*, и можно предположить, что в ней не смогли принять участие многие, в основном пожилые люди, лица с более низким уровнем образования и более низким уровнем зарплаты. Следует отметить, что исследование проводилось в сентябре, когда количество туристов на хорватском побережье сокращается.

Для проведения исследования без ограничений должна быть составлена бумажная анкета, исследование должно проводиться в пик туристического сезона, особенно с середины июля до середины августа. Бумажные опросники следует распространять среди туристических бюро в городах и поселках, где осуществляются морские пассажирские перевозки, они могли бы сотрудничать с судоходными компаниями и распространять анкеты среди туристов во время поездки или перед посадкой. Необходимо будет перевести вопросник на английский и немецкий языки, чтобы вопросы задавались на трех языках. Однако для проведения такого рода исследований без каких-либо ограничений необходимы дополнительные финансовые средства и больше времени для сбора и анализа данных.

В последующих работах планируется анкетирование руководителей линейных судоходных компаний, а также капитанов лайнеров. Ввиду огромной важности государственных органов в разработке мер в отношении хорватских островов и линейного судоходства, безусловно, необходимо опросить ключевых лиц, разрабатывающих эти программы. Таким образом, рассмотрение всех заинтересованных сторон позволит сделать полную оценку состояния линейных перевозок в Хорватии.

Выводы

Прибрежное линейное судоходство — это особая форма судоходства, использующая специальные суда, такие как пассажирские суда типа го-го, катамараны и классические пассажирские суда для перевозки пассажиров и транспортных средств. Пассажирское судоходство можно разделить на линейное и круизное: линейное судоходство играет важную роль в соединении островов с материком и между собой, и в развитии экономики островов, в то время как круизное судоходство имеет большое значение для удовлетворения туристических потребностей.

Учитывая, что Хорватия имеет развитое побережье и многочисленные острова и является туристическим направлением, пассажирские лайнеры являются важной предпосылкой для развития прибрежного региона и предотвращения миграции с островов. Этот вид транспорта в Хорватии осуществляется пассажирскими судами типа го-го и высокоскоростными пассажирскими судами. Морские пассажирские перевозки зависят от динамики и успешности туристического сезона, в первую очередь на островах. Одним из основных сдерживающих факторов развития морских пассажирских перевозок является недостаточный и неустойчивый спрос на них, что приводит к недостаточному использованию судовых мощностей, т. е. большим колебаниям в зимние и летние месяцы, что делает многие рейсы невыгодными и нуждающимися в государственной поддержке. Помимо сезонности в хорватском судоходстве возникают и другие проблемы, такие как неблагоприятная возрастная структура флота, недостаточное количество пассажирских рейсов в течение сезона, монопольное положение крупнейшей судоходной компании (Jadrolinija), перегруженность транспортной инфраструктуры и отсутствие инвестиций и оборотных средств. Для решения этих вопросов очень важно продлить туристический сезон и разнообразить предложение на островах, инвестировать в модернизацию судов, увеличить количество рейсов в разгар сезона, ослабить монопольное положение в транспортной сфере и повысить конкурентоспособность, построить подъездные пути, объездные автомагистрали и прочую дорожную инфраструктуру.

Важной предпосылкой функционирования пассажирских перевозок и условием удовлетворения потребностей потребителей являются пассажирские порты, которые в той или иной степени привлекают пассажиров услугами и их разнообразием. Морские пассажирские порты для внутренних и международных перевозок должны быть оборудованы для линейных и паромных перевозок, а также для обеспечения удобной навигации круизных судов. Порты обладают большим экономическим потенциалом и занимают важное место в национальной экономике Хорватии и международных пассажирских перевозках. В Хорватии открыто шесть портов для общественного транспорта, представляющие особый (международный) экономический интерес для страны: в Риеке, Задаре, Шибенике, Сплите, Плоче и Дубровнике и 13 различных судоходных компаний, крупнейшей из которых является Jadrolinija.

Проведенное исследование удовлетворенности потребителей услугами морских пассажирских перевозок позволило сделать вывод о том, что, по мнению большинства респондентов, следует вводить большее число рейсов, поскольку это позволит ослабить перегружен-

ность транспортной инфраструктуры и сократить время ожидания, поскольку планирование затруднено и не приводит к появлению ночных рейсов с островов. Кроме того, большинство респондентов считают, что качество морских пассажирских перевозок имеет решающее значение для развития туризма на островах и что суда устарели и нуждаются в модернизации. Большинство респондентов утверждают, что персонал на судах вежливый, но качество услуг неудовлетворительно, а цены на услуги и билеты завышены. Большинство респондентов стали бы чаще пользоваться услугами морских пассажирских перевозок, если бы цены на билеты были ниже, они поддерживают высокую конкуренцию на большинстве существующих рейсов, а также идею о покупке билетов онлайн. Благодаря обширным знаниям и опыту в области судоходства, постановлению правительства о субсидировании нерентабельных рейсов и «стратегии развития судоходства и комплексной морской политики в Республике Хорватия на период с 2014 по 2020 годы», морское пассажирское сообщение в Хорватии имеет значительные перспективы для успешного развития в будущем.

Литература

1. Jugović A., Kesić B., Jakomin I. Organizacija i razvoj pomorsko-putničkih luka. *Informatologia*, 2007, vol. 40 (2), pp. 146-152.
2. Glavan B. *Ekonomika morskog brodarstva*. Zagreb: Školska knjiga. 1992. 246 p.
3. Kesić B., Jugović A. *Menadžement pomorskoputničkih luka*. Rijeka: Pomorski fakultet. 2006. 240 p.
4. Bardal A.B. The Transport Complex of the Far East: Development Trends and Economic Role. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11 (2), pp. 24-36. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2.
5. Robinson R. Ports as elements in value-driven chain systems: the new paradigm. *Maritime Policy & Management*, 2002, vol. 29 (3), pp. 241-255. DOI: 10.1080/03088830210132623.
6. Hlača B., Rudić D., Hirnig S. Rail Transport-An Important Factor in the Port of Rijeka Development. *PROMET-Traffic & Transportation*, 2010, vol. 22 (5), pp. 379-388. DOI: 10.7307/ptt.v22i5.203.
7. Vilke S. Značenje tržišnog pristupa za razvitak luka. *Pomorski zbornik*, 2003, vol. 41 (1), pp. 337-359.
8. Yuen K.F., Thai V.V. Service quality and customer satisfaction in liner shipping. *International Journal of Quality and Service Sciences*, 2015, vol. 7 (2/3), pp. 170-183. DOI: 10.1108/IJQSS-02-2015-0024.
9. Bendeković J., Aržek Z. *Transport i osiguranje*. Zagreb: Mikrorad. 2008. 391 p.
10. Mitrović F. *Ekonomika pomorstva*. Split: Pomorski fakultet u Splitu. 2007. 123 p.
11. Žuvela I. Konceptija i strategija razvitka pomorskog gospodarstva Hrvatske. *Pomorski zbornik*, 2000, vol. 38 (1), pp. 11-60.
12. Ministry of the Sea, Transport and Infrastructure. *Strategija pomorskog razvitka i integralne pomorske politike Republike Hrvatske za razdoblje od 2014. do 2020. godine. 2014, May*. Available at: http://www.mppi.hr/UserDocsImages/POMORSKA%20STARTEGIJA%20VRH%202207201%20web%2026-7_14.pdf (accessed: 10.09.2017.).

13. Ministry of the Sea, Transport and Infrastructure. *Luke*. Available at: <http://www.mppi.hr/default.aspx?id=480> (accessed: 23.04.2018.).
14. Delibašić T., Vidučić V. Međuovisnost putničkoga morskog brodarstva i turizma u Hrvatskoj. *Zbornik radova Ekonomskog fakulteta u Rijeci: časopis za ekonomsku teoriju i praksu*, 2003, vol. 21 (2), pp. 77-92.
15. Turk H., Mirković D. Trajekti u turističkoj valorizaciji kvarnerskih otoka. *Hrvatski geografski glasnik*, 1993, vol. 55 (1), pp. 135-148.
16. Vidučić V., Mitrović F., Tomašević M. Definiranje sinergijskog odnosa turističkih migracija i iskorištavanja kapaciteta linijskih putničkih brodova. *Informatologia*, 2008, vol. 41 (3), pp. 203-209.
17. Lajić, I., Mišetić, R. Demografske promjene na hrvatskim otocima na početku 21. stoljeća. Migracijske i etničke teme, 2013, vol. 29 (2), pp. 169-199. DOI: 10.11567/met.29.2.3.
18. Croatian Bureau of Statistics. Statistical Yearbook of the Republic of Croatia 2011, Year 43, December 2011. Available at: https://www.dzs.hr/hrv_eng/ljetopis/2011/sljh2011.pdf (accessed: 15.10.2018.).
19. Croatian Bureau of Statistics. Statistical Yearbook of the Republic of Croatia 2017, Year 49, December 2017. Available at: https://www.dzs.hr/Hrv_Eng/ljetopis/2017/sljh2017.pdf (accessed: 15.10.2018.).
20. Romac, D. Čovjek po mjeri otoka ili otoci po mjeri investitora? 24.10.2017. Available at: <https://www.dw.com/bs/%C4%8Dovjek-po-mjeri-otoka-ili-otoci-po-mjeri-investitora/a-41084434> (accessed: 16.10.2018.).
21. Žuvela I. Konceptija i strategija razvitka pomorskog gospodarstva Hrvatske. *Pomorski zbornik*, 2000, vol. 38 (1), pp. 11-60.
22. Davies J.E. Competition, contestability and the liner shipping industry. *Journal of Transport Economics and Policy*, 1986, vol. 20 (3), pp. 299-312.
23. Evangelista P., Morvillo A. Cooperative strategies in international and Italian liner shipping. *International Journal of Maritime Economics*, 2000, vol. 2 (1), pp. 1-16. DOI: 10.1057/ijme.2000.3.
24. Panayides P.M., Cullinane K. Competitive advantage in liner shipping: a review and research agenda. *International Journal of Maritime Economics*. 2002, vol. 4 (3), pp. 189-209. DOI: 10.1057/palgrave.ijme.9100045.
25. Midoro R., Musso E., Parola F. Maritime liner shipping and the stevedoring industry: market structure and competition strategies. *Maritime Policy & Management*, 2005, vol. 32 (2), pp. 89-106. DOI: 10.1080/03088830500083521.
26. Cariou P. Liner shipping strategies: an overview. *International Journal of Ocean Systems Management*, 2008, vol. 1 (1), pp. 2-13. DOI: 10.1504/IJOSM.2008.017778.
27. Lin D.Y., Huang C.C., Ng M. The coopetition game in international liner shipping. *Maritime Policy & Management*, 2017, vol. 44 (4), pp. 474-495. DOI: 10.1080/03088839.2017.1295325.
28. Yuen K.F., Thai V.V., Wong Y.D. Corporate social responsibility and classical competitive strategies of maritime transport firms: A contingency-fit perspective. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 2017, vol. 98, pp. 1-13. DOI: 10.1016/j.tra.2017.01.020.
29. Ryoo D.K., Thanopoulou H.A. Liner alliances in the globalization era: a strategic tool for Asian container carriers. *Maritime Policy & Management*, 1999, 26(4), pp. 349-367. DOI: 10.1080/030888399286790.
30. Midoro R., Pitto A. A critical evaluation of strategic alliances in liner shipping. *Maritime Policy & Management*, 2000, vol. 27 (1), pp. 31-40. DOI: 10.1080/030888300286662.
31. Song D.W., Panayides P.M. A conceptual application of cooperative game theory to liner shipping strategic alliances. *Maritime Policy & Management*, 2002, vol. 29 (3), pp. 285-301. DOI: 10.1080/03088830210132632.
32. Frémont A. *Empirical evidence for integration and disintegration of maritime shipping, port and logistics activities*. OECD/ITF Joint Transport Research Centre Discussion Paper. 2009, no. 1, pp. 1-33. DOI: 10.1787/227565346707.
33. Notteboom T., Rodrigue J.P. Containerisation, box logistics and global supply chains: The integration of ports and liner shipping networks. *Maritime economics & logistics*, 2008, vol. 10 (1-2), pp. 152-174. DOI: 10.1057/palgrave.mel.9100196.
34. Agarwal R., Ergun Ö. Network design and allocation mechanisms for carrier alliances in liner shipping. *Operations research*, 2010, vol. 58 (6), pp. 1726-1742. DOI: 10.1287/opre.1100.0848.
35. Panayides P.M., Wiedmer R. Strategic alliances in container liner shipping. *Research in Transportation Economics*, 2011, vol. 32 (1), pp. 25-38. DOI: 10.1016/j.retrec.2011.06.008.
36. Hirata E. Contestability of Container Liner Shipping Market in Alliance Era. *The Asian Journal of Shipping and Logistics*, 2017, vol. 33 (1), pp. 27-32. DOI: 10.1016/j.ajsl.2017.03.004.

37. Thai V.V. Service quality in maritime transport: conceptual model and empirical evidence. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*, 2008, vol. 20 (4), pp. 493-518. DOI: 10.1108/13555850810909777.
38. Miremadi A., Ghalamkari S., Sadeh F. Customer satisfaction in port industry (A case study of Iranian shipping). In *2011 International Conference on Sociality and Economics Development*, 2011, vol. 10, pp. 58-62.
39. Huang S.T., Bulut E., Duru O. Service quality assessment in liner shipping industry: an empirical study on Asian shipping case. *International Journal of Shipping and Transport Logistics*, 2015, vol. 7 (2), pp. 221-242. DOI: 10.1504/IJSTL.2015.067852.
40. Shin Y., Thai V.V. The Impact of Corporate Social Responsibility on Customer Satisfaction, Relationship Maintenance and Loyalty in the Shipping Industry. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2015, vol. 22 (6), pp. 381-392. DOI: 10.1002/csr.1352.
41. Han S., Cao B., Fu Y., Luo Z. A liner shipping competitive model with consideration of service quality management. *Annals of Operations Research*, 2017, pp. 1-23. DOI: 10.1007/s10479-016-2386-y.
42. Shin Y., Thai V.V., Grewal D., Kim Y. Do corporate sustainable management activities improve customer satisfaction, word of mouth intention and repurchase intention? Empirical evidence from the shipping industry. *The International Journal of Logistics Management*, 2017, vol. 28 (2), pp. 555-570. DOI: 10.1108/IJLM-11-2015-0220.
43. Othelius J., Wemmert U. *Analysis of customer needs and service quality at a liner shipping company*, Gothenburg: Chalmers University of Technology, 2014, 108 p.
44. Šimundić B., Lovreković D. Menadžment i kvaliteta usluga brodskoga ugostiteljstva u Hrvatskoj. *Tourism and hospitality management*, 1997, vol. 3 (2), pp. 393-406.
45. Mrvica A. *Racionalizacija pomorskog povezivanja kopna i otoka te otoka međusobno u Republici Hrvatskoj*. Doctoral dissertation Rijeka: Faculty of Maritime Studies, 2015, 229 p.

Сведения об авторах

Дора Налетина – Ph.D. (экономика), доцент кафедры, Загребский университет (10000, Хорватия, г. Загреб, пл. Дж. Кеннеди, 6; e-mail: dora.naletina@efzg.hr)

Ивана Ачкач – магистр (экономика), финансовый аналитик в Kaufland Hrvatska k.d. (10000, г. Загреб, Školski prilaz, 1; e-mail: ivana.ackar@gmail.com)

Анте Вулетиц – Ph.D. (экономика), доцент кафедры, Загребский университет (10000, Хорватия, г. Загреб, пл. Дж. Кеннеди, 6; e-mail: avuletic2@net.efzg.hr)

Кристина Петляк – Ph.D. (экономика), доцент кафедры, Загребский университет (10000, Хорватия, г. Загреб, пл. Дж. Кеннеди, 6; e-mail: kpetljak@efzg.hr)

Ивана Штулец – Ph.D. (экономика), доцент кафедры, Загребский университет (10000, Хорватия, г. Загреб, пл. Дж. Кеннеди, 6; e-mail: istulec@efzg.hr)

Naletina D., Ačkar I., Vuletić A., Petljak K., Štulec I.

Development Opportunities of Liner Maritime Passenger Traffic in the Republic of Croatia

Abstract. The main issue addressed in this paper relates to the analysis of maritime passenger ports in the Republic of Croatia and the impact of this type of maritime transport on tourism in the Republic of Croatia. Liner maritime passenger traffic is important for the development of coastal economies, especially tourism and trade, in preventing the emigration of the island population. Accordingly, it is necessary to invest in the modernization of liner passenger ships in order to respond to the difficult winter conditions of sailing, and the prolongation of the tourist season would lead to more frequent passenger lines. Considering that the liner maritime passenger traffic represents a significant type of transport in Croatia, the conducted research was directed toward that segment specifically. In order to achieve the set goals

of this paper, the secondary and the primary research have been conducted. The aim of the primary research was to explore satisfaction of the consumers with the services of liner maritime passenger traffic in Croatia, and to identify possibilities for further improvements. A highly structured questionnaire has been used as the survey instrument. The survey was conducted during September 2017 on the sample of 119 respondents. Research results indicate that the major part of the respondents believe that it is necessary to increase the number of the lines. Also, they agree that high quality maritime passenger traffic is a prerequisite for adequate development of life and tourism on Croatian islands. Results reflect that respondents are not satisfied with the offer of additional services during the ride and they have marked that the prices of additional services, as well as the prices of the tickets are too high. It is crucial to increase the number of lines in the future and to ensure the entry of some new players on the Croatian market of liner passenger traffic.

Key words: Croatia, maritime transport, liner passenger transport, maritime passenger ports, tourism.

Information about the Authors

Dora Naletina – Ph.D. in Economics, Assistant Professor, University of Zagreb (6, J.F.Kennedy Square, Zagreb, 10000, Croatia; e-mail: dora.naletina@efzg.hr)

Ivana Ačkar – Master of Economics, Accounting Associate, Kaufland Hrvatska k.d. (1, Školski prilaz, Zagreb, 10000, Croatia; e-mail: ivana.ackar@gmail.com)

Ante Vuletic – Ph.D. in Economics, Assistant Professor, University of Zagreb (6, J.F.Kennedy Square, Zagreb, 10000, Croatia; e-mail: avuletic2@net.efzg.hr)

Kristina Petljak – Ph.D. in Economics, Assistant Professor, University of Zagreb (6, J.F.Kennedy Square, Zagreb, 10000, Croatia; e-mail: kpetljak@efzg.hr)

Ivana Štulec – Ph.D. in Economics, Assistant Professor, University of Zagreb (6, J.F.Kennedy Square, Zagreb, 10000, Croatia; e-mail: istulec@efzg.hr)

Статья поступила 02.07.2018.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.13

УДК 330.567.2:330.43, ББК 65.26-94:65в631

© Белехова Г.В., Россошанский А.И.

Оценка факторов финансового поведения населения: опыт применения регрессионного анализа по панельным данным*

Галина Вадимовна

БЕЛЕХОВА

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: belek-galina@yandex.ru

Александр Игоревич

РОССОШАНСКИЙ

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: alexanderrossy@mail.ru

Аннотация. Финансовое поведение определяет включенность населения в экономическую жизнь и, следовательно, детерминирует общественную и финансово-экономическую стабильность. Многочисленные исследования, проводимые в России с середины 1990-х гг., фиксируют наличие «системных проблем» в финансовом поведении населения страны: это умеренная сберегательно-инвестиционная активность, пассивные пенсионные стратегии, низкий уровень финансовой грамотности населения. Причины подобного положения не только в «советском прошлом» и распространенности патерналистских настроений, не только в специфике «национальной ментальности» в отношении к деньгам, не только в ограниченном объеме свободных денежных средств у населения или «слепых зонах» финансового законодательства. Необходимо понимать, что финансовое поведение — сложное социально-экономическое явление, форми-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-02-00276 «Факторы и мотивы экономического поведения населения (на материалах Вологодской области)».

Для цитирования: Белехова Г.В., Россошанский А.И. Оценка факторов финансового поведения населения: опыт применения регрессионного анализа по панельным данным // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 198-213. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.13

For citation: Belekhova G.V., Rossoshanskiy A.I. Assessing the factors that determine people's financial behavior: an experience of using regression analysis based on panel data. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 198-213. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.13

руемое воздействием множества разнообразных факторов. Поэтому актуальной является работа по изучению факторов, влияющих на содержание финансового поведения населения. Цель статьи состоит в выявлении макроэкономических факторов финансового поведения населения, которые могут быть учтены при регулировании финансового сектора и социальной сферы. Отличительными чертами исследования выступают разработка авторской системы индикаторов и авторской классификации макроэкономических факторов финансового поведения населения, а также использование метода регрессионного анализа по панельным данным. Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики и Банка России по 80 субъектам РФ за период с 2010 по 2016 год. Установлено, что наиболее статистически значимое влияние на финансовое поведение населения России оказывают показатели, характеризующие доходы населения. В частности, объемы банковских вкладов физических лиц положительно коррелируют с денежными доходами населения, а задолженность физических лиц по предоставленным им кредитам положительно связана с начисленной заработной платой и потребительскими расходами. Выявлено заметное положительное влияние демографических факторов (рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни) на финансовое поведение, в то время как влияние институциональных (количество кредитных организаций) и общеэкономических (уровень инфляции и безработицы) факторов оказалось наименее существенным. Полученные закономерности свидетельствуют о правильности текущего политического курса на поддержку рождаемости, укрепление здоровья населения, оптимизацию финансовой системы. Однако результаты исследования указывают на необходимость разработки и осуществления более действенных мер в части социальной политики и повышения уровня жизни граждан.

Ключевые слова: финансовое поведение, эконометрические методы, панельные данные, доход, рождаемость.

В современной России главным критерием эффективности государственного управления является способность государства повышать качество жизни граждан как за счет обеспечения устойчивости экономического роста, так и за счет увеличения реальных доходов населения и возможностей по их выгодному использованию [1; 2]. В данном контексте актуальным представляется обращение к рассматриваемой нами тематике, поскольку финансовое поведение населения не только формирует определенный уровень жизни и способствует повышению благосостояния домохозяйств, но и обеспечивает экономику необходимыми денежными средствами, поддерживая тем самым инвестиционные процессы в стране. В обратной ситуации (в случае наличия системных и длительных проблем в финансовых действиях граждан) приходится сталкиваться с выбытием значительной части денежных средств из экономического оборота, недоступностью их для предприятий и местных органов власти ни в качестве инвестиционных средств, ни в качестве потребительского спроса¹.

¹ Алиева И.А. Финансовое поведение населения: теоретический аспект. URL: <https://krsu.edu.kg/vestnik/2016/v2/a29.pdf>

Вопросам, связанным с регулированием финансового поведения, изучением факторов и мотивов, определяющих его содержание, посвящены работы отечественных и зарубежных ученых и различных исследовательских групп. Например, с начала 2000-х годов ВЦИОМ совместно с аналитической группой «ЦИРКОН» осуществляет мониторинг финансового поведения россиян и отдельных его видов (сберегательного, кредитного и инвестиционного). Результаты проведенных социологических исследований свидетельствуют, что среди россиян получила наибольшее распространение потребительская модель поведения «всё, что зарабатываю и получаю, — трачу», сбережения формируются в том случае, когда на это остаются средства после текущего потребления, а каждый пятый расценивает кредитование как адекватную для себя практику².

Аналогичные выводы подтверждаются и данными региональных исследований. Результаты многолетних исследований финансового поведения, уровня и качества жизни населения, проводимых в Вологодском научном центре

² Финансовое поведение россиян. URL: https://wciom.ru/database/open_projects/finansovoe_povedenie_rossiyan/

РАН, позволяют говорить о том, что финансовое поведение населения сконцентрировано на использовании традиционных финансовых продуктов (сбережений и кредитов), сопряжено с низким уровнем финансовой грамотности, характеризуется перманентным ростом объемов вкладов и потребительских кредитов (в денежном выражении). На региональном уровне наблюдается умеренная сберегательная и кредитная активность населения (согласно данным социологических исследований в Вологодской области³ по состоянию на 2016 г. 23% населения имеют сбережения и 22% – непогашенные кредиты). Население ориентировано на потребление для удовлетворения текущих нужд (48% пускают все средства на потребительские расходы); заметно меньше населения (39%) придерживается практик «пассивного сбережения», когда первоначально удовлетворяются потребительские нужды, а лишь потом оставшиеся средства сберегаются; малая доля населения (13%) ориентирована на «приоритетное сбережение», когда сбережения откладываются до реализации потребительских нужд. Длительное время (с 2001 г. – первого года наблюдений) сохраняется приверженность традиционным формам сбережений – хранению денежных средств в коммерческом банке (50%) и в форме наличных средств (46%); «новые рыночные» формы (ценные бумаги, вклады в ПИФы, негосударственные пенсионные фонды, страховые полисы) распространены в меньшей степени (до 10%). Характерны ориентация на «маркетинговую» составляющую деятельности банков (известность – 43% и лояльность бренду – 27%) в

³ Здесь и далее (если не указано иное) используются данные социологических опросов «Исследование сберегательного поведения населения» (2001–2012 гг.) и «Качество жизни» (2014 и 2016 гг.). Опросы проводятся методом раздаточного анкетирования по месту жительства респондентов на территории городов Вологды и Череповца и 8-ми районов Вологодской области (Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского и Шекснинского). Общий объем выборочной совокупности 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения. Ошибка выборки не превышает 3%.

ущерб учету характеристик вклада и условий его предоставления (процентная ставка, удобство распоряжения средствами, выгодность условий договора – около 20–24%), низкое внимание к критерию безопасности и надежности банка в части страхования вкладов (10%). Фиксируется преобладание «умеренных» самооценок уровня финансовой грамотности (доля удовлетворительных оценок – 35%, неудовлетворительных – 55%, только в 10% случаев население оценивает уровень своих навыков как хороший и отличный); при этом ключевые проблемы финансовой грамотности уже много лет не выходят из плоскости одного набора: отсутствие установки на сбережение, низкая бюджетная дисциплина (большая часть населения не ведет письменный учет доходов и расходов), низкая распространенность практик сопоставления финансовых услуг, плохая осведомленность о системе страхования вкладов.

Согласно данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ)⁴ в 2017 г. лишь чуть более трети россиян (36%) имеют накопления в виде вкладов в банках, акций, облигаций и других ценных бумаг или наличных денег. Самый распространенный способ вложения денег – открытие и пополнение счета в Сбербанке (48% от числа тех, кто имеет сбережения); второй по востребованности способ – накопление денег в рублях и хранение их в наличном виде (34%). Вклады в других коммерческих банках есть у 21% опрошенных. Менее традиционные варианты вложения используются россиянами значительно реже: вклады в пенсионные фонды (9%), покупка иностранной валюты (8%), покупка ценных бумаг (3%), вклады в паевые инвестиционные фонды (3%). Новый массовый продукт, предложенный Минфином, – облигации федерального займа («народные облигации») – считают привлекательными 17% россиян, остальные (83%) отдают предпочтение банковскому вкладу⁵. Медленно осваивается и рынок безналичных платежей – по состоянию на начало 2017 г. доля безналичных расчетов в общем объеме платежей состав-

⁴ Облигации федерального займа: оценка привлекательности для населения / НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/obligatsii-federalnogo-zayma-otsenka-privlekatelnosti-dlya-naseleniya/>

⁵ Там же.

ляет только 30%⁶. Судя по результатам других общероссийских опросов, 61% россиян с той или иной частотой совершают необдуманные покупки даже в ситуации дефицита личного бюджета⁷, три четверти — информированы о налоговых вычетах, но оформляли их только 10% респондентов⁸, лишь 50% опрошенных ведут семейный бюджет и 46% — имеют долгосрочные финансовые цели, которых стараются достичь⁹.

Согласно официальным статистическим данным, при распоряжении денежными средствами население в первую очередь стремится удовлетворить покупательский спрос и различные денежные обязательства перед государством и кредиторами. Так, последние 10 лет основную долю денежных доходов россияне направляют на приобретение товаров и оплату услуг (74% в 2008 г., 74 % в 2012 г., 75% в 2017 г.), а также на оплату обязательных платежей и взносов (12% в 2008 г., 11 % в 2012 г., 12% в 2017 г.)¹⁰. Доля средств, откладываемых «про запас», колебалась в достаточно узком коридоре (6–14%), при этом в период с 2015 по 2017 г. произошло заметное сокращение сберегаемых средств — с 14 до 8%¹¹. Подобные закономерности в распоряжении доходами проявляются в весьма умеренном росте объема вкладов физических лиц в коммерческих банках по сравнению с объемом выдаваемых населению кредитов: к примеру, в 2011 г. по сравнению с 2010 г. при-

рост вкладов составил 14%, а кредитов — 28%, в 2017 г. по сравнению с 2011 г. — 5 и 10% соответственно. Иными словами, очевидно преобладание потребительских практик поведения, финансируемых в том числе за счет заемных средств.

С одной стороны, сложившаяся ситуация соответствует задачам органов исполнительной власти, ориентированных среди прочего на поддержку потребительского спроса населения (например, за счет таких действий, как повышение МРОТ, индексация зарплат бюджетников, поддержка системы социальной защиты, развитие механизмов кредитования спроса и т.д.). Но, с другой стороны, власть заинтересована и в «воспитании внутреннего массового инвестора: с 2015 года россияне могут открывать индивидуальные инвестиционные счета, с 2017 года Минфин выпускает специальные облигации федерального займа для населения (ОФЗ-н), разрабатывается концепция индивидуального пенсионного капитала»¹². Поэтому научный интерес к проблематике финансового поведения не утихает, и прежде всего исследователи стремятся найти возможности для большего вовлечения населения в операции на финансовом рынке. В данной статье представлены результаты исследования факторов финансового поведения населения, проведенного с целью выявления наиболее значимых из них. Предполагается, что учет выявленных факторов в практике государственного управления позволит расширить включенность населения в финансовый сектор и улучшить его материальное положение. В ходе исследования изучены существующие классификации факторов и обоснован авторский взгляд на совокупность факторов финансового поведения населения; проведен регрессионный анализ влияния факторов с применением панельных данных, что дало возможность учесть временные и пространственные эффекты.

Степень изученности проблемы

В зарубежной науке теоретико-методологические основы исследования финансового поведения населения сформировались к 1970-м

⁶ Долженков А. Бюджетники пойдут по «Миру» // Эксперт. 2017. № 4. С. 38-40.

⁷ Стихийные покупки: финансовая безграмотность или иллюзия экономической свободы? / НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/stikhiynye-pokupki-finansovaya-bezgramotnost-ili-illyuziya-ekonomicheskoy-svobody/>

⁸ Налоговые вычеты: знаем, но не оформляем / НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/nalogovye-vychety-znaem-no-ne-oformlyаем/>

⁹ Россия — на 9 месте по финансовой грамотности среди стран G20 / НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/gossiia-na-9-meste-po-finansovoy-gramotnosti-sredi-stran-g20/>

¹⁰ Данные с сайта Росстата. Раздел «Уровень жизни».

¹¹ С одной стороны, снижение доли сбережений в расходах населения может быть вполне естественным процессом, связанным с прекращением влияния на поведение россиян мотива предосторожности, который преобладал в 2015–2016 гг. С другой стороны, это может быть связано с ростом реальных заработных плат и нежеланием/невозможностью больше откладывать необходимые покупки. Кроме того, влияние могло оказать снижение процентных ставок по банковским депозитам.

¹² Силуанов анонсировал новые возможности для инвестиций населения // Российская газета. 2018. 6 сент. URL: <https://rg.ru/2018/09/06/siluanov-anonsiroval-novye-vozmozhnosti-dlia-investicij-naseleniia.html> (дата обращения: 18.10.2018).

годам на обширной базе эмпирических исследований; в отечественной науке стимулом для изучения финансового поведения стали трансформационные процессы начала 1990-х годов. Преимущественно используются два подхода к трактовке рассматриваемой экономической категории:

1) финансовое поведение как разнообразные виды финансовой активности граждан (сбережения, инвестиционная активность, страхование, заёмно-кредитное поведение, денежные игры и т.п.) [3];

2) финансовое поведение как деятельность людей по получению, расходованию и иному использованию денежных средств, преследующая достижение разнообразных целей¹³.

Исследователи сходятся во мнении, что финансовое поведение населения детерминировано действием множества факторов, имеющих как объективную (денежные доходы, тенденции развития финансовых институтов, объем денежной массы, уровень инфляции, обменный курс, процентные ставки и т. д.), так и субъективную (оценки и ожидания относительно экономических перспектив страны, доверие к банковским институтам, желание делать/не делать сбережения, усвоенные стереотипы поведения и т.д.) природу (*табл. 1*).

Действие всех факторов взаимосвязано между собой, т.е. влияние объективных экономических условий на поведение людей неизбежно опосредуется их субъективными воззрениями на экономические процессы [4]. Данный тезис наглядно демонстрирует классификация факторов финансового поведения, предложенная S.J. Heckman и S.D. Hanna [5, с. 189]. Исследователи приняли за основу концептуальную модель, разработанную S. Beverly [6] и учитывающую индивидуальные и институциональные факторы. Согласно S.J. Heckman и S.D. Hanna к индивидуальным факторам относятся: экономические ресурсы и потребности, социальные сети, финансовая грамотность и

психологические переменные. Экономические ресурсы и потребности определяются классическими экономическими переменными — доходами и расходами. Социальные сети подразумевают то, насколько те или иные финансовые практики поощряются или ущемляются в обществе (или в той социальной среде, в которой действует человек). Финансовая грамотность отражает уровень понимания человеком финансовых концепций и продуктов. Психологические переменные включают в себя денежные установки (отношение к деньгам) и личностные черты, которые могут влиять на управление финансами, например на мотивацию человека к сбережению. Среди институциональных факторов, выделенных S.J. Heckman и S.D. Hanna, — особенности доступа, стимулы и содействие. Особенности доступа характеризуют степень удобства и простоты обращения в финансовые учреждения и получения необходимых услуг или консультаций. Стимулы — это институциональные факторы, как финансовые, так и нефинансовые, делающие финансовые действия более привлекательными. Содействие предполагает упрощение формальностей, т.е. это специально разработанные планы (например, пенсионные или ипотечные), которыми могут воспользоваться люди и во многом упростить сложные финансовые решения.

В некоторых зарубежных исследованиях¹⁴ показано, что использование доходов как параметра, детерминирующего принятие финансовых решений, является «грубым» приближением, и необходимо дополнительно рассматривать влияние ожиданий по доходам. В частности, было установлено, что на осуществление сбережений домохозяйствами оказывает влияние ожидание будущих доходов. Также указывается, что появление краткосрочных и долгосрочных «неопределенностей», связанных с доходами, в частности из-за рисков, обусловленных безработицей, выхода на пенсию или состояния здоровья, приводят к тому, что домашние хозяйства сберегают часть текущих доходов для увеличения потребления в будущем и снижения рисков, связанных с доходами.

¹³ См.: Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Финансовое поведение домохозяйств в России в середине 90-х годов // Экономическая наука современной России. 1998. №4. С. 58-69; Зарубина Н.Н. Экономическая социология: учебник и практикум. 3-е изд. М.: Юрайт, 2015; Финансовая социология: учебное пособие / под ред. А.В. Новикова, А.В. Ярашевой. М.: Финансовый университет, 2016. 344 с.

¹⁴ Arent S. Expectations and Saving Behavior: An Empirical Analysis // IFO Working Paper. 2012. No. 128. URL: <http://www.cesifo-group.de/DocDL/IfoWorkingPaper-128.pdf>

Таблица 1. Классификация факторов, определяющих финансовое поведение населения

Автор	Перечень факторов
А.В. Костомарова	Уровень дохода, доступность кредита, накопленное имущество, динамика ВВП (ВРП), институциональные факторы (схемы социального страхования и налогообложения), уровень безработицы, баланс государственного бюджета, доля предпринимателей, динамика цен на недвижимость, демографическая структура населения, ожидания населения относительно будущей экономической конъюнктуры, прочие культурные и социальные факторы
Н.Ю. Аббас	Факторы, характеризующие источник сбережений: уровень доходов, структура доходов, регулярность и стабильность их получения, формы оплаты труда Факторы, оказывающие воздействие на формирование процесса потребления: возрастная и социальная структура, уровень развития государственной социальной поддержки, региональный фактор Факторы, влияющие непосредственно на структуру формируемых сбережений и их инвестиционный потенциал: наличие различных форм вложения средств, доходность от осуществления сбережений и т.п.
Д.В. Агрба	Внешние факторы (состояние мировой финансовой системы, изменения социальных стандартов, виды финансовых институтов, условия защиты инвестора на финансовом рынке и т.д.) Внутренние факторы (инвестиционный потенциал домохозяйств, динамика роста доходов, финансовая грамотность населения, дифференциация доходов граждан, соотношение объемов сбережений и потребления, состояние национальной финансовой системы, деятельность института финансовых посредников)
С.В. Мерзлякова	Экзогенные детерминанты – формируют внешнюю для субъекта финансовой деятельности среду, на которую субъект не имеет прямого воздействия (уровень дохода, уровень жизни, уровень инфляции, развитость инфраструктуры финансовых услуг, социально-экономическая и политическая ситуация, уровень безработицы, состояние правовой среды, меры по повышению финансовой грамотности) Эндогенные факторы – могут регулироваться и изменяться самим субъектом (субъективная оценка уровня доходов, склонность к риску, степень доверия финансовым институтам, уровень финансовой грамотности, предпочтения в сберегательной активности, социально-экономические характеристики и демографическая принадлежность, субъективная оценка внешних условий осуществления финансовой операции)
Д.О. Стребков	Мотивационные факторы (уровень материального положения, структура потребностей) Институциональные факторы – определяются экономической ситуацией, социальным окружением, характеристиками информационных потоков (уровень доверия государству и финансовым институтам; знание основных финансовых инструментов; информированность о способах инвестирования и т.д.) Персональные факторы – включают внутренние характеристики самого индивида («экономическое воспитание» индивида; наличие опыта финансовых действий, склонность к риску, социально-демографические характеристики).
N. Loayza, K. Schmidt-Hebbel, L. Servén	Факторы неопределенности (внешнеэкономическая и внешнеполитическая ситуация, инфляция и проч.), уровень доходов населения, ограничения внешних и внутренних займов, процентная ставка, финансовая политика, монетизация, распределение дохода и богатства, пенсионная система, демографическая структура, особенности расселения
T. Ciomara	Внутренние факторы: пол, возраст, уровень образования, когнитивные способности, состояние здоровья, структура семьи, ведение финансовых вопросов, психологические особенности Внешние факторы: экономическая среда, уровень развития финансовой системы, доходы, демография, географические особенности, культура, религия, общественные стереотипы
Источники: составлено авторами на основе: [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].	

Широкое распространение получила гипотеза жизненного цикла потребления и сбережений, которая представила своеобразный взгляд на сочетание влияющих на финансовое (потребительское и сберегательное) поведение объективных и субъективных факторов. Основная идея данной гипотезы состоит в предположе-

нии, что потребности и доходы человека не равны на разных этапах жизненного цикла, и люди делают выбор в отношении того, сколько они хотят потратить на каждом этапе своей жизни, принимая за ограничение доступные им ресурсы [14, с. 138]. Соответственно, в рамках гипотезы было установлено, что на финансовые

действия оказывают влияние размер и состав домашнего хозяйства; возраст и число детей в семье, а также число работающих членов; изменения в семейном положении домохозяйства, например смерть одного из супругов, расторжение брака, временное раздельное проживание и прочие демографические факторы [14, с. 139].

Одновременно отмечается, что макроэкономические демографические факторы (увеличение численности и старение населения) несут в себе долгосрочные изменения, которые непременно ведут к серьезным трансформациям как в организации финансовых систем, так и в индивидуальном отношении к личным финансам [13, с. 423].

Большую роль в формировании финансового поведения населения играют культурные особенности. В исследовании W. Breuer и A.J. Salzmann [15] утверждается, что национальная культура является сильным индикатором структуры портфеля активов домашних хозяйств и тем самым очень эффективно предсказывает использование определенных классов активов, но в то же время она менее информативна в случае общих характеристик финансовых решений населения.

Вполне закономерно, что экономическая среда и непосредственное развитие финансовой системы, наряду с выше обозначенными факторами, также являются мощными источниками влияния на финансовые решения населения. Разнообразие и доступность финансовых продуктов очерчивают возможности финансового самовыражения населения. Тем более важно, на каком этапе экономического цикла при этом находится страна. Даже если другие элементы, относящиеся к финансовым решениям, остаются постоянными, финансовое поведение будет существенно отличаться в периоды экономического роста по сравнению с периодами кризиса или шоков [13, с. 423].

На наш взгляд, следует различать макроэкономические и микроэкономические факторы финансового поведения. Макроэкономические факторы (рисунк) действуют на всю совокупность, т.е. на всё население страны, и поддаются прямому и централизованному управленческому воздействию. Микроэкономические факторы проявляются и влияют дифференцированно в зависимости от рассматриваемых групп (население региона/города, домохозяйство и т.п.), охватывают объек-

Макроэкономические факторы финансового поведения населения

Источник: составлено авторами.

тивные и субъективные аспекты жизни, более социализированы и психологизированы, и, следовательно, для них в большей степени применимы меры косвенного воздействия на местах.

Следует подчеркнуть, что представленное разделение не является единственно верным и не отрицает других подходов к выделению факторов финансового поведения населения. Кроме того, не исключается некоторое «перекрывание» между двумя выделенными группами факторов (например, личные доходы домохозяйства и среднедушевые доходы населения). Иными словами, данная авторская группировка охватывает наиболее важные факторы, выявленные в ходе предыдущих исследований, и соответствует поставленным исследовательским задачам. В частности, отобранные факторы будут использованы при проведении регрессионного анализа при учёте панельных данных, результаты которого представлены в следующих разделах статьи.

Материалы и методы

Применение панельных данных при построении регрессионных моделей финансового поведения в настоящей статье обусловлено спецификой структуры информационной базы исследования, которая включает в себя как временные ряды («time-series data»), так и пространственные данные («cross-section data»). Использование информационной базы такого типа позволяет специфицировать и оценивать более сложные и более реалистические модели, в отличие от моделей на основе только одного временного ряда или одной пространственной совокупности. Это обеспечивается за счёт возможности, во-первых, отслеживать индивидуальные особенности характеристик объектов во времени; во-вторых, использовать большее количество наблюдений, что увеличивает число степеней свободы и уменьшает мультиколлинеарность факторов; в-третьих, предотвращать смещение агрегированности, которое неизбежно возникает при анализе только временных рядов или только пространственной выборки [16; 17].

Как отмечает М. Вербик, важным преимуществом панельных данных по сравнению с данными одномерного временного ряда или пространственной выборкой является и то, что

панельные данные дают возможность идентифицировать определенные параметры или вопросы без необходимости делать ограничительные допущения [18, с. 496]. Таким образом, структура панельных данных позволяет моделировать или объяснять ситуацию не только тогда, когда выборочные единицы ведут себя по-разному, но и когда выборочная ситуация ведёт себя по-разному в различные периоды времени.

Относительно индивидуальных эффектов экономических единиц используются два основных типа моделей регрессии по панельным данным: модель с фиксированными эффектами и модель со случайными эффектами. На содержательном уровне разницу между ними можно интерпретировать следующим образом. Модели с фиксированными эффектами подразумевают, что каждая экономическая единица уникальна и не может рассматриваться как результат случайного выбора из некоторой генеральной совокупности. Это справедливо, когда речь идет о многочисленных выборках, состоящих из стран, регионов, крупных предприятий или отраслей промышленности, то есть индивидуальные различия носят не случайный, а постоянный характер [19]. Уравнение регрессии модели с фиксированным эффектом имеет следующий вид:

$$y_{it} = \beta_1 X_{it} + a_i + e_{it}, \quad (1)$$

где X_{it} – регрессор, не содержащий константу β_1 ;

a_i – величина, выражающая индивидуальный эффект объекта i , не зависящая от времени t ;

e_{it} – стандартная ошибка.

В модели со случайными эффектами, напротив, объекты попадают в панель в результате выборки из большой совокупности и отличаются величиной случайного эффекта. Отличительная особенность модели панельных данных со случайным эффектом по сравнению с моделью с фиксированным эффектом заключается в том, что выявленные в ходе построения модели отличия носят случайный характер, ввиду того что объекты случайным образом попадают в выборку из генеральной совокупности. Например, это справедливо для обследований домашних хозяйств, небольших фирм и т.п. [19].

Модель со случайным эффектом имеет следующий вид:

$$y_{it} = \beta_0 + \beta_1 X_{it} + u_i + e_{it}, \quad (2)$$

где β_0 – константа;

u_i – случайная ошибка, инвариантная по времени для каждого объекта.

Помимо содержательного отбора наиболее подходящего типа моделей, существует ряд стандартных тестов, позволяющих разрешить проблему выбора. Для этой цели проводят попарное сравнение оцененных моделей¹⁵:

1. Тест Вальда (проверка гипотезы о равенстве нулю всех индивидуальных эффектов) – применяется для сравнения модели с фиксированным эффектом с моделью объединенной регрессии, не учитывающей индивидуальных особенностей объекта.

2. Тест Бройша–Пагана (строится на основе метода максимального правдоподобия) – сравнение модели объединенной регрессии и модели со случайным эффектом.

3. Тест Хаусмана – сравнение регрессии со случайным эффектом и регрессии с фиксированным эффектом. В модели со случайными эффектами предполагается, что индивидуальные эффекты не коррелируют с регрессорами. Важно проверить, действительно ли выполняется предположение о такой корреляции, которая может привести к несостоятельности большинства оценок модели со случайными эффектами.

Эконометрические модели сберегательного и кредитного поведения

Регрессионный анализ влияния факторов на финансовое поведение населения будет выполнен на основе моделей сберегательного и кредитного поведения. Выбор данных видов финансового поведения обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, выполненные нами исследования дали возможность установить, что чем выше сберегательная и кредитная активность населения, тем лучше характеристики качества жизни и выше его инте-

¹⁵ Ратникова Т.А. Анализ панельных данных в пакете «Stata». Методические указания к компьютерному практикуму по курсу «Эконометрический анализ панельных данных». М.: ВШЭ, 2004. 40 с.

гральная оценка¹⁶ [20, с. 51]. Во-вторых, данные виды финансового поведения финансируют потребительский спрос, который позволяет судить об уровне жизни населения и одновременно является основой экономики страны¹⁷.

В качестве зависимых переменных, характеризующих сберегательное и кредитное поведение, выбраны объем вкладов физических лиц и задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам. Информация по данным показателям аккумулируется Центральным банком РФ и Росстатом за достаточно продолжительный период времени и находится в открытом доступе. Выбор показателя «задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам» обусловлен тем, что он рассчитывается нарастающим итогом и включает как суммы вновь выданных кредитов, так и суммы платежей по ранее выданным кредитам, т.е. более достоверно отражает кредитные обязательства населения по сравнению с показателем «объем выданных кредитов».

В данном исследовании строились эконометрические модели при учёте структуры панельных данных отдельно для сберегательного и кредитного поведения. Таким образом, оценивались регрессионные уравнения, где в качестве зависимой переменной в первом случае выступает сберегательное поведение, а во втором – кредитное поведение, а в качестве объясняющих переменных были взяты соци-

¹⁶ Ранее проведенный авторами корреляционно-регрессионный анализ взаимосвязи финансового поведения и качества жизни населения выявил, что «показатели финансового поведения достаточно плохо объясняют изменение интегрального индекса качества жизни населения и его частных индексов». В целом «между финансовым поведением и качеством жизни населения существует умеренная однонаправленная связь. Предсказуема прямая и достаточно тесная связь среднестатистической задолженности и нормы сбережений с одной из составляющих качества жизни – уровнем жизни. Через этот компонент финансовое поведение оказывает влияние и на другие составляющие качества жизни, но уже в значительно меньшей степени. Зависимость качества жизни от кредитной задолженности объясняется тем, что в формирующий качество жизни компонент – уровень жизни – заложена оценка потребительских возможностей населения, которые финансируются в том числе и за счет заемных средств».

¹⁷ Согласно информации Росстата, в стране вклад расходов домашних хозяйств на конечное потребление в ВВП составил в 2012 г. 50,6%, в 2015 г. – 52%, в 2016 г. – 52,8% и в 2017 г. – 52,2%.

ально-экономические, демографические, политико-правовые, финансовые, социокультурные факторы и факторы уровня жизни (см. рисунок). Информационную базу составили данные Федеральной службы государственной статистики и Банка России за период с 2010 по 2016 г. по 80 субъектам РФ. Исключение составили Республика Крым, г. Севастополь, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа в связи с отсутствием информации по ряду показателей. При проведении расчетов использовался статистический пакет StataMP.

Список анализируемых в данной работе переменных для двух построенных моделей имеет следующий вид. Модель сберегательного поведения включает в себя такие статистические показатели, как среднедушевые денежные доходы населения (руб.); суммарный коэффициент рождаемости, число детей на 1 женщину; число кредитных организаций и филиалов (ед. на 100 тыс. чел.); уровень безработицы (по методологии МОТ); индекс потребительских цен. В модель кредитного поведения вошли: среднемесячная начисленная заработная плата; ожидаемая продолжительность жизни (лет); коэффициент демографической нагрузки; потребительские расходы на душу населения (руб.); общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (m^2). Следует отметить, что другие индикаторы, обозначенные ранее как макроэкономические факторы финансового поведения населения, каким бы образом ни включались в модель как сберегательного, так и кредитного поведения, не оказывали статистически значимого влияния на зависимую переменную. Таким образом, в дальнейшем анализе эти переменные не участвовали. В то же время приведенный перечень показателей, используемых в качестве объясняющих переменных, достаточно подробно представляет выделенные нами группы факторов финансового поведения населения.

Спецификация моделей сберегательного и кредитного поведения осуществлялась при помощи трёх стандартных тестов, описанных выше (тесты Вальда, Бройша–Пагана и Хаусмана). В качестве подтверждения необходимости использования структуры панельных данных были построены модели множественной ре-

грессии, не учитывающие индивидуальные особенности, так называемые модели «сквозной регрессии». Исходя из проведенных расчётов, именно регрессионная модель с фиксированными эффектами при учете структуры панельных данных позволила получить значимый и обоснованный вариант моделирования применительно к сберегательному и кредитному поведению населения. Об этом говорят результаты попарных сравнений оцененных моделей:

1. *Тест Вальда*. Поскольку p -уровень $< 0,01$, то основная гипотеза отвергается. Это означает, что регрессионная модель с фиксированными эффектами лучше подходит для описания данных, чем модель простой регрессии.

2. *Тест Бройша–Пагана*. В данном случае значение критерия $\chi^2 = 853,04$, уровень значимости $p = 0,0000$. Поскольку p -уровень $< 0,01$, то основная гипотеза отвергается. Это означает, что модель со случайными эффектами лучше описывает наши данные, чем модель объединенной регрессии.

3. *Тест Хаусмана*. Поскольку p -уровень $< 0,01$, то основная гипотеза отвергается. Таким образом, модель с фиксированными эффектами лучше описывает данные, чем модель со случайными эффектами.

В целом данный результат вполне ожидаем, поскольку для исследования выбирались субъекты РФ, состав которых не менялся за изучаемый период.

Результаты и обсуждение

Ниже представлены результаты построения эконометрических моделей при учёте структуры панельных данных отдельно для сберегательного (табл. 2) и кредитного поведения (табл. 3).

Факторы уровня жизни. Вполне закономерным результатом стало выявление значимой положительной связи между финансовым поведением и факторами уровня жизни населения, а именно между объемом вкладов населения и среднедушевыми денежными доходами, между задолженностью по кредитам и начисленной заработной платой и потребительскими расходами. Доходы населения рассматриваются в качестве бюджетного ограничения, в пределах которого осуществляется потребление, сбережение и инвестирование, и чем выше уровень доходов, тем, при прочих равных условиях,

Таблица 2. Регрессия с фиксированными эффектами для сберегательного поведения населения и социально-экономических факторов

Логарифм вкладов физических лиц на душу населения (руб.)	Оценка коэффициента	Стандартное отклонение оценки коэффициента	t-статистика Стьюдента	Уровень значимости $P > t $	95%-ный доверительный интервал	
Логарифм среднедушевых денежных доходов населения (руб.)	1,18978	0,0426885	27,87	0,000	1,105899	1,273662
Суммарный коэффициент рождаемости, число детей на 1 женщину	0,2046596	0,0464145	4,41	0,000	0,1134564	0,2958627
Число кредитных организаций и филиалов, ед. на 100 тыс. человек	-0,0430529	0,0065526	-6,57	0,000	-0,0559285	-0,0301773
Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	-0,0082325	0,0025476	-3,23	0,001	-0,0132384	-0,0032265
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м ²	0,0362576	0,0059912	6,05	0,000	0,024485	0,0480303
Константа	-1,902618	0,3343472	-5,69	0,000	-2,5596	-1,245635
sigma_u	0,4310251					
sigma_e	0,08354147					
rho	0,096379378					
F test that all u _i =0: F(79, 475) = 85,94 Prob> F = 0.0000						
(F(5,475) = 1440,22; Prob> F = 0,0000; R-sq: within = 0,9381; between = 0,6307; overall = 0,6671 Corr(u _i , X _b) = 0,2856)						
Источник: расчеты авторов.						

Таблица 3. Регрессия с фиксированными эффектами для кредитного поведения населения и социально-экономических факторов

Логарифм задолженности физических лиц по кредитам на душу населения, руб.	Оценка коэффициента	Стандартное отклонение оценки коэффициента	t-статистика Стьюдента	Уровень значимости $P > t $	95%-ный доверительный интервал	
Логарифм среднемесячной начисленной заработной платы, руб.	1,046459	0,1299483	8,05	0,000	0,7911144	1,301804
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	-0,030646	0,014924	-2,05	0,041	-0,0599712	-0,0013208
Суммарный коэффициент рождаемости, число детей на 1 женщину	0,4237696	0,0695252	6,10	0,000	0,2871546	0,5603846
Логарифм потребительских расходов на душу населения, руб.	0,9253422	0,01074652	8,61	0,000	0,7141762	1,136508
Индекс потребительских цен	-0,0039992	0,0021303	-1,88	0,061	-0,0081853	0,0001868
Константа	-6,807972	0,5121005	-13,29	0,000	-7,814234	-5,801709
sigma_u	0,4451528					
sigma_e	0,13502436					
rho	0,91574769					
F test that all u _i =0: F(79, 475) = 48,50 Prob> F = 0.0000						
(F(5,475) = 905,12; Prob> F = 0,0000; R-sq: within = 0,9050; between = 0,45205; overall = 0,5692 Corr(u _i , X _b) = -0,5565)						
Источник: расчеты авторов.						

больше возможностей для формирования накоплений (например, вкладов в банках). Наблюдаемая связь задолженности по кредитам со среднестатистическими потребительскими расходами иллюстрирует высокую роль заемных средств (потребительских и ипотечных кредитов, автокредитов) в расширении ограниченных доходов рамок потребления¹⁸.

Объектная обеспеченность кредитными учреждениями. Многочисленные эмпирические исследования доказывают, что эффективное функционирование финансового сектора положительно воздействует на экономический рост [21; 22; 23; 24]. При этом «вклад финансового сектора в ВВП страны в первую очередь зависит от действий его ключевых игроков – коммерческих банков»¹⁹. Изначально именно банки формируют предложение стандартных финансовых продуктов (депозитов, кредитов), посредством которых финансируются кредитные запросы разнообразных предприятий. Банковские учреждения способствуют экономическому развитию, поскольку они зачастую перенаправляют средства из низкодоходных инвестиций в высокодоходные [25; 26], а распространенность банковских учреждений способствует усилению денежно-кредитного контроля и тем самым обеспечивает большую экономическую стабильность [26].

Установлена обратная зависимость числа кредитных организаций с вкладами физических лиц во многом связана с ростом величины последних при одновременной «чистке» финансовой системы со стороны Банка России.

Инфляция (индекс потребительских цен). Воздействие данного фактора зачастую имеет противоречивые объяснения. Некоторые экс-

перты утверждают, что ожидания высокой инфляции стимулируют потребление, что соответствующим образом снижает объемы сбережений²⁰. Другие исследователи обращают внимание на то, что уровень инфляции во многом задается финансово-экономическими решениями федеральной власти, и, следовательно, высокая инфляция может указывать на макроэкономическую неопределенность развития страны²¹, а значит, будет побуждать население руководствоваться мотивом предосторожности и сберегать средства. Проведенные нами расчеты выявили слабую обратную связь между инфляцией и задолженностью населения по кредитам. Это говорит о достаточно «взвешенном» поведении россиян, которые стремятся не расшатывать свое материальное положение в ситуации роста потребительских цен и поэтому стараются не наращивать суммы заемных обязательств.

Интересной представляется взаимосвязь финансового поведения с *демографическими факторами*. Обратная зависимость ожидаемой продолжительности жизни при рождении и задолженности по кредитам может трактоваться двояко. С одной стороны, в регионах с низкой ожидаемой продолжительностью жизни население, скорее всего, стремится жить «здесь и сейчас, не откладывая на потом», активно расходуя средства, в том числе и заемные. С другой стороны, в регионах с высокой задолженностью по кредитам население вынуждено больше работать, «нагружая» себя как физически, так и психологически, что может отражаться на состоянии здоровья и продолжительности жизни.

В регрессионной модели выявлена положительная связь между величиной вкладов физических лиц и суммарным коэффициентом рождаемости. Такая ситуация отчасти может быть обусловлена тем, что стимулирование рождений детей в 2010–2016 гг. вследствие действия

¹⁸ Согласно информации Росстата, сокращение реальных располагаемых денежных доходов составило в 2014 г. 0,7%, в 2015 г. – 3,2%, в 2016 г. – 5,8%. Однако уже в 2016 г. были зафиксированы: рост расходов на покупку товаров и услуг (73% от общего объема доходов против 71% в 2015 г.); снижение доли сбережений (11% от общего объема доходов против 14% в 2015 г.); замедление спада розничной торговли; увеличение объема выданных кредитов (на 11% или на 1 трлн. руб.).

¹⁹ Долгосрочное прогнозирование размера и структуры финансового сектора России / М. Мамонов, А. Пестова, В. Панкова, Р. Ахметов, О. Солнцев // Центральный банк РФ, 2017. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/16719/wp_20.pdf

²⁰ Bachmann R., Berg T.O., Sims E.R. Inflation Expectations and Readiness to Spend: Cross-Sectional Evidence // NBER Working Paper Series. 2012. No. 17958. URL: <http://www.nber.org/papers/w17958.pdf>

²¹ Kukk M., Staehr K. Macroeconomic Factors in Corporate and Household Saving. Evidence from Central and Eastern Europe. 2015. URL: <http://www.eestipank.ee/en/publications/series/working-papers>

мер демографической политики (материнский капитал) привело к росту потребления, которое обеспечивалось как за счет ранее накопленных сбережений, так и за счет кредитов. Таким образом, анализ свидетельствует о необходимости выявления факторов, влияющих на финансовое поведение населения, с целью его регулировать, ориентируясь на повышение не только финансовой грамотности населения, но и уровня жизни.

Построенные модели сберегательного и кредитного поведения населения регионов страны показывают, что финансовые действия граждан не являются абсолютно непредсказуемыми, а зависят от вполне объективных факторов. Воздействуя на все обозначенные факторы, органы исполнительной власти могут способствовать развитию грамотного финансового поведения.

Заключение

В ходе проведенного исследования были выявлены макроэкономические факторы, оказывающее значимое влияние на финансовое поведение населения страны. Для этого были разработаны и обоснованы авторская система индикаторов и авторская классификация макроэкономических факторов финансового поведения. В отличие от проанализированных работ схожей тематики, характеризующих финансовое поведение посредством сберегательных действий, в представленном исследовании учитываются сберегательные и кредитные практики населения, что особенно важно в сложившихся экономических условиях, поскольку наряду с традиционно распространенными сбережениями жители страны уже несколько лет весьма активно используют заемные средства для финансирования своего потребительского спроса. Кроме того, моделирование сберегательного и кредитного поведения осуществлялось на основе регрессионного анализа с использованием панельных данных, что позволило учесть временные и пространственные данные и получить более реалистичные модели, в отличие от моделей на основе только временных рядов или пространственной совокупности.

Полученные результаты показывают, что воздействие на финансовое поведение должно быть «приближено» к его носителю, т.е. к чело-

веку, так как определяющими факторами стали демографические процессы и характеристики материального положения населения. Можно обозначить следующие целевые ориентиры регулирования финансового поведения населения:

- совершенствование нормативно-правовых оснований финансовой системы с учетом международных стандартов и укрепление законодательных основ функционирования финансового сектора;
- создание механизмов, повышающих сберегательную мотивацию населения, способствующих увеличению объема организованных сбережений, диверсификации финансовых продуктов и услуг;
- осуществление мероприятий по повышению финансовой грамотности и преодолению недоверия со стороны населения финансовым организациям;
- осуществление мероприятий демографической политики по поддержке молодых семей, многодетных семей, а также дальнейшее развитие системы материального стимулирования и поддержки рождаемости.

Регулирование финансового поведения должно быть обеспечено за счет комплекса динамичных взаимодополняющих и взаимодействующих между собой механизмов, среди которых социальная политика (политика доходов населения, пенсионная реформа), образовательная политика (финансовое просвещение), демографическая политика, молодежная политика. Функционирование всех задействованных механизмов должно обеспечиваться субъектами управления путем согласованного выполнения функций планирования, прогнозирования, нормативно-правового обеспечения, мониторинга и контроля.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы государственными органами управления федерального и регионального уровней при формировании программ развития регионов, при разработке мероприятий в рамках социальной политики, направленных на решение социально-экономических проблем домохозяйств, при определении мер стимулирования финансового поведения, ориентированных на расширение вовлечения населения в сберегательно-инвестиционные дей-

ствия. Применяемый в работе методический инструментарий может быть использован в качестве методологической базы как органами власти при разработке обозначенных программ и мероприятий, так и частными финансовыми организациями при проведении ими собственных исследований рынка.

В заключение стоит подчеркнуть, что текущий политический курс, направленный в том числе на решение демографических проблем,

оздоровление и развитие финансовой системы, финансовое просвещение населения России, в свете выявленных взаимосвязей представляется своевременным и верным. Однако ключевой по-прежнему остается «забота о наболевшем», т.е. работа по обеспечению устойчивого роста доходов населения, преодолению избыточного доходного неравенства и созданию условий для повышения материального благосостояния населения страны.

Литература

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48-63.
2. Ильин В.А. Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2(32). С. 18-35.
3. Кузина О.Е., Ибрагимова Д.Х. Доверие финансовым институтам: опыт эмпирического исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 4(98). С. 26-39.
4. Katona G. *Psychological Analysis of Economic Behaviour*. N.Y., McGraw-Hill, 1963. 347 p.
5. Heckman S.J., Hanna S.D. Individual and Institutional Factors Related to Low-Income Household Saving Behavior. *Journal of Financial Counseling and Planning*, 2015, vol. 26, is. 2, pp.187-199.
6. Beverly S., Sherraden M., Cramer R., Shanks T., Nam Y., Zhan M. *Determinants of asset holdings*. In *Asset building and low-income families*. Eds. S.-M. McKernan & M. Sherraden. Washington, D.C., The Urban Institute Press, 2008. Pp. 89-151.
7. Костомарова А.В. Макроэкономическая роль сбережений домашних хозяйств: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. М., 2013. 28 с.
8. Аббас Н. Ю. Статистическое исследование инвестиционного потенциала населения РФ: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2011. 27 с.
9. Агрба Д. В. Личные сбережения как источник развития финансового рынка: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. М., 2013. 26 с.
10. Мерзлякова С.В. Региональные особенности финансовой активности населения России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2012. 24 с.
11. Стребков Д.О. Факторы и типы сберегательных стратегий населения России во второй половине 1990-х годов: автореф. дис. ... канд. экон. наук; спец. 22.00.03. М., 2002. 27 с.
12. Loayza N., Schmidt-Hebbel K., Serven L. *What Drives Private Saving around the World?* World Bank. Policy Research Working Paper No. 2309. Washington, D.C. 2000. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/18854>.
13. Ciumara T. Factors Influencing Individual Financial Decisions: a Literature Review. *Conference: Globalization, Intercultural Dialogue and National Identity - GIDNI, At Targu Mures*, 2014, vol. 1, pp. 421-428.
14. Белехова Г.В., Гордиевская А.Н. Финансовое поведение населения: демографические особенности // Проблемы развития территории. 2018. № 1. С. 133-150.
15. Breuer W., Salzmann A. National Culture and Household Finance. *Global Economy and Finance Journal*, 2012, vol. 5, no. 1, pp. 37-52.
16. Ратникова Т.А. Введение в эконометрический анализ панельных данных // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 2. С. 267-316.
17. Wooldridge J.M. *Econometric analysis of cross section and panel data*. Cambridge. MIT Press. 2007, 776 p.

18. Вербик М. Путеводитель по современной эконометрике / пер. с англ. В.А. Банникова; научн. ред. и предисл. С.А. Айвазяна. М.: Научная книга, 2008. 616 с.
19. Молчанова Е.В. Здоровье населения как базовое условие социально-экономического развития общества: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. М., 2014. 338 с.
20. Белехова Г.В. Финансовое поведение населения и его роль в формировании качества жизни // Материалы VIII Уральского демографического форума «Демографический потенциал стран ЕАЭС». Том II. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 48-53.
21. King R.G., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right. *The Quarterly Journal of Economics*, 1993, no. 108(3), pp. 717-737.
22. McKinnon R. *Money and Capital in Economic Development*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2010. 184 p.
23. Beck T., Levine R., Loayza N. Finance and the sources of growth. *Journal of Financial Economics*, 2000, no. 58, pp. 261-300.
24. Bangake C., Eggho J. Further Evidence on Finance-Growth Causality: A Panel Data Analysis. *Economic Systems*, 2011, no. 35(2), pp. 176-188.
25. Galbis V. Financial Intermediation and Economic Growth in Less-Developed Countries: A Theoretical Approach. *Journal of Development Studies*, 1977, vol. 13, pp. 58-72.
26. Porter R.C. The Promotion of the «Banking Habit» and Economic Development. *Journal of Development Studies*, 1966, vol. 2, pp. 346-366.

Сведения об авторах

Галина Вадимовна Белехова – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Александр Игоревич Россошанский – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alexanderrossy@mail.ru)

Belekhova G.V., Rossoshanskii A.I.

Assessing the Factors That Determine People's Financial Behavior: an Experience of Using Regression Analysis Based on Panel Data

Abstract. Financial behavior determines people's engagement in economic life and is therefore critical to social, financial, and economic stability. Numerous studies conducted in Russia since the mid-1990s point out the existence of "system problems" in the financial behavior of the country's population; the problems include moderate savings and investment activity, passive pension strategies, and a low level of financial literacy. The reasons for this situation lie not only in the "Soviet past", or in the prevalence of paternalistic sentiments, or in the specifics of "national mentality" in relation to money, or in the limited amount of free cash that people have, or in the "blind spots" of financial legislation. It is necessary to understand that financial behavior is a complex socio-economic phenomenon, formed by the impact of many different factors. Therefore, it is important to study factors that influence the content of people's financial behavior. The goal of the paper is to identify macroeconomic factors in people's financial behavior; the factors that can be taken into account in the regulation of the financial sector and the social sphere. The distinctive features of our research are as follows: we develop own system of indicators and our own classification of macroeconomic factors that determine people's financial behavior; besides, we use the regression analysis method based on panel data. Data of the Federal State Statistics Service and the Bank of Russia on 80 subjects of the Russian Federation for the period from 2010 to 2016 are used as the information base of our study. We find out that indicators that characterize people's incomes

have the most statistically significant impact on the financial behavior of Russians. In particular, the volume of bank deposits of individuals has a positive correlation with people's monetary incomes, and the indebtedness of individuals on the loans granted to them is positively related to the accrued wages and consumer spending. We reveal a noticeable positive impact of demographic factors (birth rate and life expectancy) on financial behavior, while the impact of institutional (number of credit institutions) and general economic (inflation and unemployment) factors turns out to be the least significant. The findings prove that the current political course aimed to support the birth rate, promote public health, and optimize the financial system is correct. However, the results of the study indicate the need to develop and implement more effective measures in terms of social policy and improving the living standards of citizens.

Key words: financial behavior, econometric methods, panel data, income, birth rate.

Information about the Authors

Galina V. Belekhoa – Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Aleksandr I. Rossoshanskii – Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alexanderrossy@mail.ru)

Статья поступила 29.01.2018.

Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций*

**Виталий Николаевич
БАРСУКОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: Lastchaos12@mail.ru

Аннотация. За несколько последних столетий человечество совершило переход от «общества без стариков» к «стареющему обществу». Последствия глобального старения населения влекут за собой изменения не только в экономико-демографическом, но и социальном пространстве. При этом данная категория последствий, вызванных увеличением доли и численности представителей старшего поколения, в наименьшей степени поддается эмпирическим измерениям и прогнозированию. Одной из важнейших задач «стареющих» государств выступает решение проблемы социальной интеграции и вторичной социализации пожилых людей, однако в условиях нарастающего технологического прогресса возникает мощный структурный барьер, выражающийся в увеличении коммуникативной дистанции между поколениями. Проблема конфликта поколений берет свое начало еще в глубокой древности, но на текущий момент в условиях глобального демографического старения она приобретает все большую актуальность. Целью данного исследования стало изучение барьеров социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проведение концептуального обзора существующих теории поколений и фундаментальных работ в области исследования межпоколенческих коммуникаций; анализ и интерпретация данных, полученных посредством проведения серии углубленных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

Для цитирования: Барсуков В.Н. Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 214-230. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.14

For citation: Barsukov V.N. Barriers to social integration of the older generation in the context of intergenerational communication issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 214-230. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.14

интервью с представителями старшего поколения; формулирование основных выводов по результатам исследования. Поставленные цель и задачи были направлены на проверку основной гипотезы исследования, согласно которой разрыв межпоколенческих коммуникаций выступает одним из главных барьеров социальной интеграции старшего поколения. В первой части статьи представлен теоретический обзор существующих подходов к понятию «поколения», закономерностей их смены и факторов возникновения разрыва межпоколенческих коммуникаций. Определены теоретические и эмпирические ограничения в выделении универсальных характеристик смены поколений. Делается вывод о взаимосвязи процесса разрыва межпоколенческих коммуникаций и формирования барьеров социальной интеграции пожилых людей. Во второй части статьи представлены данные о результатах серии глубинных интервью с представителями населения пенсионного возраста, проживающими в г. Вологде. Исследование подтвердило гипотезу о том, что одним из основополагающих аспектов, препятствующих инклюзии старшего поколения, выступает разрыв межпоколенческих коммуникаций. Данный процесс определяется множеством факторов, главным из которых является потеря актуальности навыков и опыта представителей старшего поколения, а также востребованности этих качеств населением младших возрастов (в том числе, внутри семьи).

Ключевые слова: старение населения, старшее поколение, межпоколенческие коммуникации, конфликт поколений, барьеры инклюзии.

Введение. На протяжении всей истории человечества отношение общества к «старости» и пожилым людям менялось. В разное время изучением проблемы эволюции отношения социума к представителям старшего поколения занимались такие ученые, как М. Блекнер, У. Генри, Э. Камминг, А. Роуз [1]. Главным выводом, обобщающим идеи большинства исследований в данной области, является то, что место и роль пожилого человека определяется множеством факторов, к числу которых могут относиться исторические, географические, социальные, экономические и т.д. При этом ментальные особенности восприятия места и роли старшего поколения как обществом в целом, так и самими пожилыми людьми являются важным аспектом формирования социокультурной парадигмы старости. Одним из главных барьеров социальной интеграции старшего поколения выступает фундаментальная проблема противоречий, возникающих в процессе межпоколенческих коммуникаций. Проблема «отцов и детей» представляет собой некую универсальную форму всего спектра проявлений сложной системы взаимодействия между поколениями [2; 3; 4;], а базисом служит расхождение в восприятии социальной действительности в силу несоответствия набора социокультурных характеристик, присущих определенному возрасту [5; 6].

Постановка проблемы. Учитывая сложность и неоднозначность исследуемой проблемы, необходимо сделать методологическое отступление с целью уточнения понятия «поколение». В демографии данный термин имеет вполне четкое описание и интерпретируется как «совокупность людей, родившихся в одно и то же время» [7]. Принято выделять «реальные» и «условные» (гипотетические) поколения, главным отличием между которыми является следующее: в первом случае поколение трактуется как «совокупность людей, родившихся в один временной период (ровесники)», а во втором – как «совокупность людей разного возраста, но живущих в одно и то же время (современники)». В демографии семьи поколения различаются также по линии родства (дед, отец, сын и т.д.). В социологии же данный термин рассматривается не только в контексте отдельно взятой возрастной группы, но и исторической локализации [8]. Исходя из неоднозначности определения понятия «поколение», можно предположить, что исследуемая категория не может обладать строго универсальными характеристиками в разных областях. Более того, границы и свойства поколения часто устанавливаются в соответствии с исследовательскими задачами и параметрами исторического анализа [9].

Главным вопросом в осмыслении сущности поколений и их взаимодействия является определение баланса в сочетании биологических и социальных компонент. Сложно оспорить тот факт, что возраст, как и демографические ритмы рождений и смертей, выступают главными факторами не только формирования структуры поколений, но и социальных изменений. Один из наиболее значимых научных трудов, посвященных исследованию теории поколений, — статья Карла Мангейма «Проблема поколений» (1928), включающая в себя фундаментальное обоснование важности социальной компоненты в изучении данной проблемы [10]. Мангейм последовательно критикует позитивистский (О. Конт, Ж. Дромель, Ф. Мантрэ) и романтико-исторический подход (В. Дильтей, В. Пиндер) к определению сущности и факторам смены «поколений». Несмотря на явные различия в двух концептуальных подходах (первый условно можно назвать «количественным», а второй — «качественным»), по мнению Мангейма, объединяющей идеей становится попытка обнаружить биологическое основание, позволяющее понять переменчивость течений интеллектуальной и социальной жизни и выявить таким образом направление прогресса [10]. Немецкий ученый небезосновательно приходит к выводу о недостаточности поиска универсальных законов смены поколений через призму только биологического обоснования. Без определения социальной уместности биологических факторов очертания границ поколения не имеют смысла, что в целом подтверждается происходящими в XXI веке трансформациями парадигмы старости.

В позитивистском подходе старшему поколению отводится роль консервативной силы, препятствующей развитию. В частности, О. Конт утверждал, что увеличение продолжительности жизни снижает темпы прогресса ввиду нарастания временного интервала «тормозящего» влияния пожилых людей [11]. Х. Ортега-и-Гассет в своей теории отводил пожилому человеку место на «обочине» истории, считая, что основной вклад в ее творение вносит население в возрасте от 30 до 60 лет. Во многом аргументация исследователя строилась вокруг следующего утверждения: «Достаточно,

что тех, кому за шестьдесят, очень мало по сравнению с людьми других возрастов, и в этом смысле само их существование — нечто исключительное» [12]. И именно этот тезис стал ахиллесовой пятой метода поколений Ортеги-и-Гассета. Действительно, в начале XX века явление старения населения в европейских странах было скорее исключением из правил, а самые «старые» страны (Франция и Ирландия, где доля населения старше 60 лет едва превышала 10%) в XXI веке считались бы самыми «молодыми». Однако процесс интенсивного демографического старения в развитых и развивающихся странах привел не только к перманентному увеличению удельного веса пожилых людей, но и к росту их вклада в общественное развитие [13; 14].

Вторым аспектом, по причине которого многие из теорий поколений не прошли проверку временем, стала попытка найти строгие пределы границ поколений. Применялись разные периодизации и циклы смены поколений (чаще всего 15-летние и 30-летние), однако возраст 60 лет определялся как период «отречения от дел» [12]. Главный постулат теории «перспективного» старения Сандерсона и Щербова [15] гласит, что объективные границы старости во всем мире постоянно сдвигаются, провоцируя пересмотр отношения к отдельным возрастным категориям населения, которые еще совсем недавно считались пожилыми людьми (условно говоря, нынешние 80-летние — это 65-летние несколько десятилетий назад). Таким образом, продолжающийся процесс увеличения продолжительности жизни является катализатором изменения прежних границ «старости».

Отдельное внимание стоит обратить на одну самых популярных теорий поколений, сформулированную Н. Хоувом и В. Штраусом. В 1991 году ими была опубликована книга «Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069» [16], во многом определившая современное понимание исследуемой проблемы. Авторы исследовали поведение различных поколений американского общества с начала XVI века и пришли к выводу, что между ними много общего, выделив четыре основных типа: «пророки/идеалисты», «кочевники/активисты», «герои/примиренцы» и «художники/приспособленцы», смена которых происходит каждые 20 лет [16].

Безусловно, теория Н. Хоува и В. Штрауса — достояние современной социологии, однако она часто подвергается небезосновательной критике. В первую очередь это касается строго выделяемых периодов смены поколений, представляющихся весьма необоснованными. Во-вторых, определенные вопросы вызывает возможность адаптации теории, основанной на данных о социальных трансформациях американского социума, к другим странам. В частности, является ли так называемое поколение Z или «цифровое» поколение (индивиды 2000–2005 годов рождения) одинаковым в США, Мексике и Центральноафриканской Республике? Этот же вопрос можно отнести к поколению «бэйби-бумеров» (1940–1960-е годы рождения), например, в России и Швеции. Важнейшим в данном случае становится уже упомянутый нами компонент «исторической локализации», который во многих теориях поколений не находит своего отражения.

Далее вновь обратимся к труду Карла Мангейма. Немецкий ученый абсолютно оправданно, на наш взгляд, скептически оценивал возможность формулирования строгих закономерностей в смене поколений, а также их цикличности. Выделяемые периоды в 15–30 лет являются крайне незначительными по меркам истории, и можно говорить лишь о временном и условном тренде (или тенденции), который впоследствии может оказаться лишь частью долгосрочного цикла [17].

Однако сложно отрицать тот факт, что даже условные поколения вступают в межпоколенческую коммуникацию. Важность данного процесса для общественного развития подчеркивал Ю. Хабермас в своей концепции «жизненного мира», где взаимодействие между поколениями служит одним из важнейших факторов культурного воспроизводства и социальной интеграции [18]. Очевидно, что этот феномен имеет и обратный эффект — разрыв межпоколенческой дистанции ведет к социальной дезинтеграции.

Процесс общественной коммуникации претерпевал изменения на протяжении всей истории развития человечества. Обобщив имеющиеся данные, социолог Г. Маклуэн сформулировал теорию, согласно которой можно выделить три типа коммуникативности: традиционный, функционально-ролевой и массовый [19].

Последний тип характерен для современного этапа, когда развитие технологий позволяет коммуницировать неограниченному числу индивидов, без труда преодолевающих пространственно-временные барьеры. Однако переход от функционально-ролевого типа привел к ситуации, когда отсутствие навыков владения современными средствами коммуникаций может создавать барьеры для социальной интеграции старшего поколения и ведет к возникновению затруднений в выполнении важнейшей функции пожилых людей — трансмиссии опыта. Прежние средства трансляции устаревают, создавая разрыв между поколениями. В схожем ключе выстраивает логику своих рассуждений социолог и антрополог М. Мид [20]. Но в ее теории заметно больше внимания уделяется культурной составляющей. Выделяемые М. Мид типы культур носят дискуссионный характер, хотя факторы изменения процесса социальной коммуникации между старшим и младшим поколением описываются достаточно четко и подтверждаются на практике. Рассмотрим их более подробно.

1. Постфигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт у старших, пожилые люди выступают посредниками в его передаче от поколения к поколению. Такие культуры являются консервативными и слабо подвержены изменениям. Данный тип характеризуют изолированность и преобладание лабильной (кратковременной) культурной и исторической памяти, передаваемой из поколения в поколение. Пожилые люди в них ценятся достаточно высоко, поддерживая историческое наследие и реализуя функцию трансмиссии ценностей.

2. Кофигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт не только у старших, но и у сверстников. Переход к данному типу чаще всего происходит вследствие неких революционных событий (переход к новому политическому строю, технологические изменения, принятие новой веры и т.д.), за которыми следует изменение структуры ценностей общества. Помимо функции передачи ценностей, роль представителей старшего поколения заключается в установлении пределов и рамок проявлений кофигурации, позволяющих не допустить полного изменения прежних устоев. На этом фоне естественным образом возникают меж-

поколенческие конфликты, основная причина которых заключается в конфронтации между системой «старых» и «новых» ценностей. В концепции М. Мид одной из главных характеристик кофигуративной культуры является постепенный переход к модели нуклеарной семьи. Таким образом, в процессе прямого взаимодействия и передачи ценностей участвуют два поколения (родители и дети), межпоколенческая коммуникация сокращается до минимальных пределов. Разрыв культурной дистанции ведет к возникновению дискриминации по признаку возраста, основанной на конфликте ценностей.

3. Префигуративная культура: не только младшее поколение перенимает опыт у старшего, но и наоборот. В современном обществе темпы научно-технологического прогресса настолько велики, что человечество не успевает вовремя под них подстраиваться. Возникает эффект «шока от будущего», которое в одноименной книге подробно описал Э. Тоффлер [21]. Таким образом, пожилые люди, чья ценностная система является предельно сформированной, вынуждены регулярно перестраиваться под нововведения и инновации не только технологического, но и социального характера. Немаловажную роль играет также увеличение общей продолжительности жизни населения. Еще несколько веков назад продолжительность жизни реальных поколений людей в Европе составляла порядка 30 лет, в то время как интенсивность научного и технического прогресса была существенно ниже, что способствовало формированию постфигуративных и кофигуративных культур, в которых у пожилого человека возможностей для адаптации и нахождения своего места было значительно больше.

Следует также отметить важность межпоколенческих коммуникаций в модернизационных процессах. По теории Р. Инглхарта успешная культурная модернизация общества, выражающаяся в переходе от материалистических к постматериалистическим ценностям, возможна только при отсутствии дезинтеграционных процессов, в числе которых одно из первых мест занимают межпоколенческие конфликты [22]. Возникающие, как следствие, проявления возрастной дискриминации и стереотипизации выступают социальными рудиментами, барьерами на пути культурной модернизации.

Проведенный обзор позволяет говорить о том, что проблема межпоколенческих коммуникаций служит фактором формирования барьеров социальной интеграции старшего поколения. Это явление находит свое отражение во многих отраслях общественной жизни, определяя контуры социального феномена под названием «конфликт поколений». Эволюция теорий поколений дает возможность сделать важный вывод: определение строгих закономерностей смены поколений и их взаимодействия с трудом поддается эмпирической оценке. Гипотетическая цикличность смены поколений, вероятно, представляет собой лишь временные тренды линейного процесса перехода к префигуративной культуре, многие из параметров которой характерны для большинства развитых и развивающихся стран (в том числе России). При этом само понятие поколения видится крайне сложным и неоднозначным. Безусловно, при проведении исследований в данной области необходимо учитывать территориальную специфику и т.н. «историческую локализацию». Таким образом, в данной работе под старшим поколением нами будут пониматься все представители законодательно установленного в Российской Федерации пенсионного возраста (как работающие, так и неработающие), т.к. в современных реалиях именно фактор «выхода на пенсию» является катализатором разрыва межпоколенческих коммуникаций и формирования барьеров социальной интеграции пожилых людей [23].

Методология исследования. Позитивистская идеология, ставшая краеугольным камнем социологии в настоящее время, а также стремление к объективизации и цифровизации социологических данных несколько отодвинули на второй план использование качественных методов. Однако, на наш взгляд, применение биографического метода в исследовании межпоколенческих коммуникаций и барьеров социальной интеграции старшего поколения потенциально может дать результаты, которые при помощи количественных методов получить достаточно сложно.

В 2017 г. коллективом сотрудников ВолНЦ РАН была проведена серия интервью с представителями старшего поколения. Программа исследования и его внутренняя логика вы-

страивалась на основе результатов социологического опроса, посвященного изучению барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения¹. Отбор респондентов не подразумевал строгого соответствия пропорциям половозрастной структуры населения. Главными формальными критериями отбора выступали достижение опрашиваемым законодательно установленного пенсионного возраста и статус занятости (работающий или неработающий). Выделение критериев основывалось на сформулированных по результатам социологических опросов выводах:

а) фактор «выхода на пенсию» является катализатором разрыва межпоколенческих коммуникаций и формирования барьеров социальной интеграции пожилых людей;

б) представители пенсионного возраста, продолжающие трудиться, в меньшей степени сталкиваются с проявлениями социальной эксклюзии, ввиду поддержания заметно более широкого круга социальных связей и отнесения себя к производительной части населения.

Всего было опрошено 20 человек в возрасте от 59 до 82 лет (4 мужчин и 16 женщин), при соблюдении пропорций в 40% работающих и 60% неработающих (доли определялись по данным официальной статистики). Интервью проводились на базе культурно-досугового центра «Забота» (г. Вологда) и ВолНЦ РАН.

В основу гайда интервью был заложен биографический метод. Повествование респондента подразумевало краткий рассказ о своем жизненном пути с уточнением по наиболее важным аспектам (брачные и семейные отношения, получение образования, трудовая деятельность). Таким образом, первая часть интервью позволила определить жизненные траектории респондентов, а также их влияние на процесс социальной интеграции в пожилом возрасте. Вторая часть беседы включала в себя несколько

блоков вопросов, направленных на исследование состояния здоровья группы, факторов, особенностей и мотивов к продолжению трудовой деятельности на пенсии, проблем, связанных с выходом на пенсию. Наибольшее внимание было уделено оценке круга социальных связей и элементов межпоколенческих коммуникаций, взаимодействию с молодежью.

Результаты и их обсуждение. Первая часть интервью представляла собой краткую биографию и описание текущего семейного положения респондентов. Обращает на себя внимание дифференциация мест рождения опрошенных пожилых людей, которые на текущий момент проживают в г. Вологде: это Мурманская, Ульяновская, Белгородская, Московская, Тверская, Новосибирская, Архангельская, Вологодская области, Республика Коми. Система распределения выпускников учебных заведений, активно применявшаяся в СССР, наложила отпечаток на траектории их жизненных стратегий, т.к. смена места жительства была достаточно частой. Иногда рождение, обучение и трудовая деятельность происходили в разных регионах страны:

Н.Н., 72 года, ж.: «Родилась я в 1946 году в городе Мелекесс, Ульяновская область... В 1969 году я закончила Ивановское медицинское училище. По распределению дали Кемеровскую область... С мужем решили так далеко по карте не ехать и выбрали самое непрестижное место — Вологодскую область».

С точки зрения возможностей преодоления барьеров социальной интеграции это явление играет, вероятно, положительную роль. Неоднократно в интервью отмечалось большее умение «того» поколения (40–50-е годы рождения) адаптироваться к изменяющимся условиям.

Что касается семейного положения респондентов, то подавляющее большинство из них проживают в одиночестве или с супругом. Как правило, процесс территориального разделения семьи совпадает с рождением и взрослением внуков:

Г.П., 82 года, ж.: «В однокомнатной, так что... Вот и пришлось нам разъехаться: они в свою однокомнатную, тоже жили четверо в однокомнатной квартире, воспитывали так детей. А у меня была как бы трехкомнатная, мы с мужем да с дочкой жили, а потом муж умер,

¹ Опрос «Социокультурная модернизация регионов» проведен в две волны, в 2016 и 2017 гг., методом анкетирования по месту жительства в ряде регионов Северо-Западного федерального округа: в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в Республике Карелия. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составил 3101 человек в 2016 г., 3108 человек в 2017 г.; ошибка выборки не превышает 5%.

а потом дочка умерла. Дочка умерла, я сказала: давай, Миша, поменяемся. Сначала с сыном поменялась, а вот теперь уже с внучкой пришлось. Теперь уж, думаю, навсегда».

В силу ряда обстоятельств участие в воспитании внуков и активное общение с ними происходит до школьного возраста:

Н.Н., 72 года, ж.: «Нет, не часто удается видеться. До школьного возраста с внуком проводила очень много времени, потом уже нет».

Главным ограничивающим фактором является здоровье пожилых людей, которым часто тяжело выполнять эти обязанности. Однако это не единственная причина. Важным элементом выступают межпоколенческие противоречия, выражающиеся в расхождении ценностей и установок воспитания:

В.Ф., 77 лет, ж.: «Мне как учителю начальных классов так хочется их чему-то научить (внуков. — Прим. авт.)! Но мои дети говорят, что не надо сейчас, еще рано. Ну а как не надо? В этом отношении у меня бывают с дочерью разногласия. Не скандалы, конечно, но мне это не очень нравится».

Вторая стадия возрастания межпоколенческой дистанции на уровне семьи происходит на этапе взросления внуков. Как уже говорилось ранее, современное российское общество характеризуется префигуративным типом культуры, в котором пожилым людям трудно адаптироваться к колоссальным темпам технологического и социального прогресса. На этом фоне возникает разрыв межпоколенческих коммуникаций, в основе которого лежит устаревание знаний и навыков, теряющих, по мнению молодых людей, свою актуальность:

Н.Н., 72 года, ж.: «Во всяком случае мои внуки не чувствуют необходимости воспользоваться моими знаниями, моим жизненным опытом. Даже когда даешь совет, и то обороняются. И не только внуки, но и сын со снохой. Начинаешь им говорить что-то, и они отвечают: ты ничего не понимаешь, сейчас совсем другая жизнь. Жизнь-то другая, но правила-то жизни такие же».

Меняется не только содержательная часть общения, но и его форма. Изменение стиля языкового общения часто становится еще одним барьером, препятствующим межпоколен-

ческой коммуникации. Возникает когнитивный диссонанс в восприятии сути и содержания обыденных вещей, у которых меняется форма их описания:

И.Н., 70 лет, ж.: «Вы знаете, язык сменился, конечно. Я знаю английский, но я не понимаю, о чем речь. Я вижу вывески, написанные латинским буквами, но, оказывается, это русские слова написаны, т.е. у меня большое препятствие, как ни странно. Это и в СМИ, это и в общении с молодежью. Язык, изменился язык».

Безусловно, этот аспект можно рассматривать в качестве барьера, препятствующего интеграции пожилых индивидов в общественную жизнь. Как следствие, в круг их социальных связей молодые люди входят крайне редко. Формируется он преимущественно из близких родственников и людей пенсионного возраста (чаще ровесников):

В.В., 72 года, ж.: «С родственниками в первую очередь, зовешь куда-то. Сын приглашает. С ровесниками общаюсь. С подругой встречаемся частенько».

И.Н., 70 лет, ж.: «Это люди моего возраста. Каждый день практически с ними общаюсь, поездки с ними».

Г.П., 82 года, ж.: «На сегодняшний день — с пенсионерами. Мы каждый день общаемся. Встретаться теперь реже стали, а по телефону очень много».

Таким образом, круг общения становится главным фактором формирования субкультуры «старости», в которой происходит интериоризация ценностных установок, характерных для данной группы. Следует отметить, что для части пожилых людей это представляется серьезным препятствием, которое вынуждает их несколько изменять свои приоритеты в коммуникативной сфере:

С.В., 66 лет, ж.: «Честно говоря, мне больше нравится общаться с молодыми, нежели с людьми моего возраста, которые ноют, говорят о болячках, у которых все плохо».

Н.Н., 72 года, ж.: «С людьми своего возраста общаться все трудней и трудней, потому что старость сказывается на психике. Люди старшего возраста как-то замыкаются в себе. Чем старше — тем человек все больше сам себя ограничивает».

К.К., 75 лет, ж.: «Иногда остановишься у подъезда с бабушками поговорить. Но я не люблю у подъезда сидеть. Не нравится: «Этот туда пошел, этот сюда пошел». Какая мне разница, кто куда пошел?».

Фактически происходит неприятие ценностей, характерных для данной социально-демографической группы. При этом все опрошенные отмечали, что текущего круга общения им достаточно. Однако анализ интервью позволяет утверждать, что в большинстве своем прямое общение носит фрагментарный характер: например, несколько раз в неделю посещение родственников или общение с ними по телефону, встреча с ровесниками на совместных мероприятиях и т.д. Как следствие, жизнь пожилого человека часто ассоциируется с одиночеством:

Н.Н., 72 года, ж.: «Хоть десять человек нарожай, все равно старость – это одиночество. Все разведутся, у каждого свои проблемы».

В разной степени с этим чувством сталкиваются большинство представителей старшего поколения. Но отношение к самому факту одиночества и пути его преодоления могут различаться:

Г.П., 82 года, ж.: «Иногда находит, но очень редко. Ну бывает такое, взгрустнется, но кто-то позвонит, с кем-то поговоришь и опять все...».

Н.Н., 72 года, ж.: «Нет, от одиночества я не страдаю, одиночество я люблю. Общения с сыном мне вполне достаточно. Одной – очень хорошо, мне нравится».

К.К., 75 лет, ж.: «Вот я дома одна не люблю... Обычно приходится включать телевизор, но мне не очень нравится то, что там идет».

В.В., 72 года, ж.: «Если возникает, то я беру кроссворд. Пойдешь по городу погуляешь. А так всегда в коллективе. С работы приглашают иногда. Сейчас так лучше отдельно от родственников жить».

Проживание в одиночестве и наличие большого количества свободного времени требуют поиска компенсаторных механизмов, способов заполнения этого вакуума. Преимущественно это происходит путем наращивания интенсивности общения, приобретения новых хобби, участия в общественной деятельности. Стоит указать, что для работающих пенсионеров младших возрастов проблема одиночества актуальна в меньшей степени:

Т.Д., 59 лет, ж.: «Иногда даже хочется побыть одной. На работе по несколько десятков мимо пройдет, каждый что-то спросит, скажет. Я иногда приезжаю на дачу, думаю отдохну. Но тут одна соседка идет, вторая. Вот и опять круг общения. Не дают мне быть одной».

Необходимо отметить одно из наиболее значимых наблюдений: пожилые люди ассоциируют понятие «выхода на пенсию» не с установленным законодательно пенсионным возрастом, а с датой окончания своей трудовой деятельности. Именно в этот период становятся актуальными процессы постепенного сужения круга социальных связей, возникновения чувств одиночества и снижения общественной значимости. В это время начинается поиск тех самых способов заполнения возникшего вакуума:

В.В., 72 года, ж.: «Сложно привыкнуть дома сидеть. Хочется куда-то, чтобы не залежаться».

На принятие решения о продолжении или прекращении трудовой деятельности на пенсии оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов (внутренних и внешних). К внутренним факторам мы относим состояние здоровья, профессиональные умения и навыки, мотивацию и ценности. Анализ проведенных интервью подтверждает тот факт, что в распределении их значимости наблюдаются определенные закономерности:

Н.Н., 72 года, ж.: «Во-первых, состояние здоровья позволяло. Во-вторых, нравилась профессия, нравилось общаться со студентами. В-третьих, материальная заинтересованность. Это дало мне осуществить свое давнее желание – путешествовать».

Таким образом, хотя потребность в дополнительном доходе служит ключевым мотивом к продолжению трудовой деятельности, именно состояние здоровья («могу ли я это сделать физически?») и профессиональные навыки («умею ли я это делать?») являются первостепенными факторами.

Неудовлетворительное состояние здоровья выступает одним из аспектов, определяющих возникновение внутренних барьеров инклюзии и реализации ресурсного потенциала старшего поколения. В ходе интервью респондентам предлагалось дать субъективную оценку собственного самочувствия, абстрагируясь от име-

ющихся диагнозов. Исследование позволяет утверждать, что общая картина состояния здоровья населения старших возрастов, основанная на собственной самооценке, выглядит заметно оптимистичнее реальной:

В.В., 72 года, ж.: «Я в прошлом году проверялась, так мне дали 56 лет вместо 70. Я вообще, что если болит, так прикладываю сразу... Надо верить, во-первых, так и помогает. Наверно, на тройку-то тянет» (помимо комментариев, респондентам предлагалось оценить состояние своего здоровья по пятибалльной шкале. — Прим.).

В.Ф., 77 лет, ж.: «Я оптимист сама, держусь, везде хожу: плавание, кружки посещаю. Оценила бы здоровье на четыре с минусом.

Е.Г., 80 лет, м.: «Я только один раз в больнице лежал, и то только потому, что диспансеризация пенсионеров была. Состояние здоровья не вынуждало. Сейчас стало портиться здоровье уже. Оценю на четыре с минусом. Но, в общем, я себя хорошо чувствую».

К.К., 75 лет, ж.: «Я бы на четыре балла оценила свое здоровье. По крайней мере я сама себе вношу, что все хорошо».

С.В., 66 лет, ж.: «Я инвалид первой группы. Но чувствую себя я на пять баллов. Что я должна лечь и лежать? Но я никому о своих проблемах не говорю».

При анализе ответов респондентов обращают на себя внимание несколько моментов. В большинстве случаев отмечалось, что именно оптимистичный настрой относительно реально существующих и прогрессирующих заболеваний выступает важнейшим элементом поддержания физического состояния здоровья. Вероятно, помимо эффекта самоуспокоения, для отдельных индивидов это служит своего рода способом преодоления стереотипного представления о пожилых людях и их физической недееспособности. Подтверждением данного предположения являются высказывания о том, что не следует регулярно озвучивать окружающим свои проблемы со здоровьем.

Второй аспект — это взаимосвязь между прекращением трудовой деятельности и изменением состояния здоровья. Дихотомическая составляющая проблемы не позволяет с полной уверенностью говорить о том, какой из аспектов первичный. Безусловно, ухудшение состояния здоровья ведет к снижению трудовой

активности. Однако, как показывают результаты интервью, в некоторых случаях именно трудовая деятельность служила фактором поддержания удовлетворительного физического состояния, а после ее завершения начинало наблюдаться ухудшение самочувствия.

В.В., 72 года, ж.: «Раньше работала, не догнала болезнь, а теперь сама себя поддерживаешь... Когда работала, так и не ходила в больницы. Ходила только уж когда здорово прижмет...»

К.К., 75 лет, ж.: «Скорее, мне кажется, наоборот, поддерживало. Сейчас хуже» (ответ на вопрос о том, препятствовало ли состояние здоровья трудовой деятельности. — Прим. авт.).

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что продолжение трудовой активности — это абсолютный залог хорошего здоровья и активного долголетия. Но это в очередной раз свидетельствует о том, что представителей старшего поколения не следует рассматривать как гомогенную группу с точно определенным характером взаимосвязи различных факторов качества их жизни.

После завершения трудовой деятельности, как правило, больше внимания (именно внимания, а не времени) уделяется профилактике своего здоровья. Чаще всего это регулярная зарядка, длительная ходьба, плавание, посещение различных занятий по физкультуре. Стоит сказать, что в ряде случаев отмечалась важность когнитивной и познавательной функций в замедлении процесса индивидуального старения.

Н.Н., 72 года, ж.: «Чтобы не стареть, замедлить процесс старения, надо обязательно работать головой. Старение начинается с головного мозга. Надо постоянно что-то узнавать новое. Тогда человек замедлит свои старческие процессы».

В то же время всеми опрошенными признается тот факт, что возрастные изменения являются необратимыми вне зависимости от интенсивности профилактических мер.

Н.Н., 72 года, ж.: «Какой бы здоровый образ жизни человек ни вел, все равно генетическая программа идет на убыль. Абсолютно здоровых людей в 71 год не бывает».

Этим во многом определяется увеличение частоты посещений врачей и больниц. В целом деятельность органов системы здравоохранения оценивалась респондентами достаточно высоко.

ко, хотя и была выявлена одна настораживающая особенность:

В.Ф., 77 лет, ж.: «Я вам расскажу про медицину. Вот, значит, приходишь к врачам. Я спрашиваю у них диагноз, что нужно делать. Мне говорят: это у вас возрастное! Машины тоже портятся!».

В.В., 72 года, ж.: «Диспансеризацию проходила, но толку-то. Уколы не прописывают, только таблетки болеутоляющие. Говорят: старческое уже, изнашивается. Так обычно всем и говорят. Так вот и идешь как куда-нибудь пригласят, что-нибудь покупаешь» (речь идет о нетрадиционной медицине. — Прим.).

Нельзя утверждать однозначно, что такая практика является повсеместной. Вместе с тем сам факт существования подобного рода случаев ставит вопрос о необходимости расширения внедрения в систему здравоохранения геронтологического профилирования специалистов. Безусловно, процесс старения организма необратим, но «старость» — это не медицинский диагноз. Физиологическое старение — причина возникновения и роста интенсивности заболеваний, развитие которых, в свою очередь, может быть замедлено. В то же время первичным этапом должно стать изменение восприятия медицинскими работниками «старости» — не как единого неизлечимого заболевания, а как сложного явления со своими факторами и особенностями.

Вторым из рассматриваемых нами аспектов, оказывающих влияние на продолжение трудовой деятельности на пенсии, выступают актуальные навыки и уровень профессиональной квалификации. В ходе интервью респондентам предлагалось оценить свои профессиональные навыки и умения на соответствие современным требованиям. Проведенный анализ позволяет выделить две основные группы респондентов, оценивающих уровень своей квалификации как высокий и низкий соответственно.

Группа 1:

И.Н., 70 лет, ж.: «Глядя, как учат сейчас, как учат моего внука... я бы еще пригодилась».

С.В., 66 лет, ж.: «Естественно, соответствует. Я проходила квалификацию на высшую категорию на последнем году работы. Я в курсе всех программ и ЕГЭ. Это все контролирую. Мне в принципе интересно».

Г.П., 82 года, ж.: «Как вам сказать. У меня внучка тоже экономистом работает на... Я вам скажу, что когда она училась, мы с ней проработывали это все, как говорится, ей это все пригодилось. Она сказала: бабушка, я бы без тебя так не смогла учиться и, может, даже и работать».

Группа 2:

Н.Н., 72 года, ж.: «Нет, не соответствуют. Как ушла в медицинский колледж, так и уровень знаний становится все хуже и хуже, в плане практических медицинских знаний. В связи со сменой строя столько стало импортных лекарств, что я в них до сих не разбираюсь».

К.К., 75 лет, ж.: «Сейчас нет. Сейчас везде компьютеры, я в это не вникаю».

В.В., 72 года, ж.: «Экономисты вот изживают себя, что-то новое надо всегда изучать. В строительстве тоже: беру материал, а я уже и не знаю такого. Надо снова все читать».

Причин такого расхождения несколько. Во-первых, люди, имеющие высшее образование, оценивают актуальность своих навыков и умений выше. Во-вторых, респонденты, относящиеся к группе 1, в среднем были больше настроены на продолжение трудовой деятельности. В-третьих, респонденты, высоко оценивающие свой уровень квалификации, заметно чаще проходили курсы повышения квалификации (включая самостоятельное обучение), в том числе и в предпенсионных возрастах. Поскольку продолжение трудовой деятельности на пенсии позволяет поддерживать более широкий круг общения, то образование и высокий уровень квалификации становятся важными элементами преодоления ментальных барьеров интеграции в общественную жизнь, по крайней мере, в трудовой сфере.

Однако удовлетворительного состояния здоровья, высокого уровня квалификации и желания работать может быть недостаточно. Важным ограничивающим фактором выступает позиция работодателя. Как показало исследование, известное правило «последний на вход, первый на выход» по-прежнему во многих случаях применяется работодателями по отношению к представителям старшего поколения.

В.В., 72 года, ж.: «Немного поработала на пенсии, но потом попросили уйти, надо было освободить место... Из декрета вроде кто-то вернулся».

К.К., 75 лет, ж.: «После выхода на пенсию сменила работу. В то время было очень сложно. Мне предложили уволиться по возрасту. Я хотела немножко еще поработать, но мне сказали, что по возрасту пора, попросили написать заявление по собственному».

И.Н., 70 лет, ж.: «Я хотела работать, я любила работать. Пришла новая смена. Закончился очередной трудовой договор, пришел новый молодой кандидат. Если бы не эти обстоятельства, я бы продолжала работать до сих пор».

Г.П., 82 года, ж.: «Могут уволить по возрасту. Я вот скажу, что в моей семье нас восемь было детей, этого не было. Но в разговорах... Люди поработали, но т.к. предпринимателю нужна молодежь...»

Проблема возрастной дискриминации и вторая часть правила — «...первый на выход» — во многих организациях остаются актуальными. Но, как показывает анализ интервью, в первую очередь это определяется не негативным отношением к персонифицированному субъекту (пожилому человеку), а ограниченностью ресурсов предприятия. При прочих равных условиях в выборе между молодым и более зрелым сотрудником отдается предпочтение первому из-за существования не подтвержденного фактическим материалом стереотипа (особенно в сфере умственного труда) о низкой производительности труда в пожилом возрасте. В то же время в некоторых случаях применяется практика перевода пожилого сотрудника на менее квалифицированную должность в пределах той же организации.

В.В., 72 года, ж.: «Обычно предлагают что-то, переводят. На менее оплачиваемую. Сестру у меня так перевели».

Второй вариант — поиск работы в другом месте. Здесь вступает в силу первая часть правила — «последний на вход...». Беседа с респондентами подтверждает тот факт, что найти подходящую работу после выхода на пенсию крайне трудно. Чаще всего приходится соглашаться на менее высокооплачиваемый и престижный труд.

В.В., 72 года, ж.: «10 лет работала на пенсии. Сначала в доме-музее, потом дворником, вахтером».

К.К., 75 лет, ж.: «Пошла работать дежурной на вахте в интернате».

Вследствие такого подхода к занятости старшего поколения сформировался стереотип о том, что пожилые люди предлагают низкоквалифицированный труд, не востребованный в экономике. Однако существует огромный перечень профессий (в первую очередь, в сфере услуг), в которых навыки, умения и опыт представителей старшего поколения могли бы сыграть положительную роль в социально-экономическом развитии государства. Проблема не в качестве предложения, а в отсутствии спроса на труд пожилых людей в некоторых профессиональных сферах, где фактор возраста и неудовлетворительное состояние здоровья не являются первостепенными.

Респондентам предлагалось также ответить на вопрос о том, в каких случаях, по их мнению, работодатель может уволить человека, уже вышедшего на пенсию.

В.В., 72 года, ж.: «Если человек не пьющий, не скандальный, то никогда не предложат уволиться. Да учатся сейчас люди, курсов полно».

Н.Н., 72 года, ж.: «Если он соответствует своей должности, то, наверно, не должны. Очень трудный вопрос. Если бы я была работодателем и человек соответствует своей занимаемой должности — я бы не стала его увольнять».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Если человек работает хорошо, то не могу уволить. Я так считаю. Если человек взялся за работу, то он должен отвечать своим обязанностям. Если не справляется — увольт, справляется — не увольт».

С.В., 66 лет, ж.: «Если бы я была руководителем, я бы увольняла. Я со стороны наблюдаю картину: стоят два мужчины, руки трясутся, возраст уже. Студенту приятно ли смотреть? И не все пополняют багаж своих знаний: он студенту преподает то, что было много лет назад, а ведь у нас появляется что-то новое. Я принципиально считаю: работать должны до пенсионного возраста. Положено отдыхать — отдыхай».

По мнению респондентов, одной из главных причин возможного увольнения «по возрасту» является несоответствие занимаемой должности по профессиональным критериям. На наш взгляд, именно этот параметр должен быть определяющим. Однако остается открытым вопрос: насколько работодатели руководствуются этим принципом? Проведенное ис-

следование позволяет заключить, что фактор возраста часто перевешивает потребность в навыках и опыте пожилых людей.

В целом же стоит отметить, что большая их часть достаточно лояльно относится к существующей практике «увольнения по возрасту», отмечая важность предоставления возможностей к труду молодым поколениям.

С.В., 66 лет, ж.: «Я глубоко убеждена: работать должны люди молодые, здоровые, энергичные».

Вместе с тем, учитывая неоднородность исследуемой социально-демографической группы, следует принимать во внимание тот факт, что смена образа жизни после завершения трудовой деятельности может стать в некоторых случаях серьезным психологическим барьером.

И.Н., 70 лет, ж.: Очень сильно все поменялось, потому что, кроме различных курсов, мои познавательные потребности нигде не удовлетворялись. Пока я не нашла свое хобби, был сенсорный голод... Многие из нас готовы пригодиться и бесплатно государству. Ну а вообще: не нужны — значит не нужны. Ищем себе применение сами».

Таким образом, адаптация к смене образа жизни на пенсии может происходить в разных проекциях. Судя по результатам нашего исследования, восприятие пожилых людей как гомогенной группы с устоявшимся набором социальных ролей и функций является одним из наиболее существенных барьеров, препятствующих инклюзии старшего поколения. Часть его представителей не ассоциируют себя с пожилыми людьми в их стереотипном восприятии обществом, однако вынуждены перестраиваться в связи с влиянием внешних факторов (завершение трудовой деятельности и стереотипизация). Жизненные стратегии рассматриваемой категории выстраиваются по разным траекториям, поэтому существующая социокультурная парадигма «старости» требует изменения.

Проблема «отцов и детей», подробно раскрытая в одноименном произведении И.С. Тургенева, остается актуальной и сегодня. Одной из главных проблем является неприятие старшим поколением ценностей младшего, и наоборот, что активизирует процесс разрыва межпоколенческих связей. Респондентам предлагалось дать свою характеристику современ-

ной молодежи и сравнить ее с поколением своей молодости. В целом опрошенные не давали однозначных оценок, отмечая гетерогенность состава молодежи.

Г.П., 82 года, ж.: «Не скажу, что вся молодежь плохая. Есть молодежь, которая уступит и место и спросит что-то. Но сейчас стало очень мало таких, а раньше, можно сказать, что больше чем половина была. Раньше-то тоже были, как говорится, такие и нахалы... Но сейчас больше».

К.К., 75 лет, ж.: «Мне кажется — разная. Бывает и хорошая. А иногда на улице смотришь: дерзкие такие. Даже школьники средние. Все разные».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Я ориентируюсь по своей семье. Моему сыну 36 лет и его друзья такого же возраста. Молодежь отличная. Может быть какие-то исключения из правил, но я смотрю на них и радуюсь».

С.В., 66 лет, ж.: «Не хуже. Обычные ребята, здоровые, энергичные, веселые».

Фактически подобные высказывания являются также своего рода опровержением стереотипа о негативном отношении пожилых людей к молодому поколению. Однако встречаются и однозначные оценки.

Г.П., 82 года, ж.: «От воспитания зависит, зависит от того, как школа относится. Потом, раньше ведь если какое-то замечание сделаешь, как-то прислушивались, даже которые уж очень такие... А сейчас чуть чего, то тебя если не словом обидят, то и кулаками могут даже погрозить».

Н.Н., 72 года, ж.: «В советское время, когда студенты заканчивали медучилище, на выпускном было столько слез. Сейчас — хоть бы слезинка. Раньше было больше душевности. Сейчас другие люди. Уровень знаний выпускников намного меньше. Говорить совсем не умеют, двух слов связать не могут».

В данном случае отличия «той» молодежи от современной определяются разницей в воспитании и образовании. При этом, по мнению многих опрошенных, изменение общественного строя, системы воспитания и образования стали главными причинами того, что современная молодежь делает заметно больший акцент на финансовом благополучии и собственных интересах.

В.В., 72 года, ж.: «Молодежь сейчас пошла, между прочим... Деньги надо большие. Так тебе надо с мастера начинать какого-нибудь, но не хотят лопатой-то грести».

И.Н., 70 лет, ж.: «Мы в молодости были не так замотивированы на финансовую составляющую, а они ищут не сколько занятие для души, сколько деньги».

Г.П., 82 года, ж.: «Они уже по-другому смотрят на жизнь стали, как смотрели мы. Мы прежде думали о Родине, а потом о себе. А теперь наоборот. Это почти у каждого, редкостное явление, если наоборот... От родителей много зависит, они учили, что надо быть сплоченней, что надо помогать друг другу. И они сами помогали. Их пример очень много значит. Отец говорил, что сначала надо людям помочь, и нас так воспитали».

Данные отличия фактически представляют собой следствие влияния внешних факторов, формирующих различия в ценностях поколений. Однако были выявлены и более глубинные различия, выражающиеся в следующем.

И.Н., 70 лет, ж.: «Современная молодежь производит больше проб в разных направлениях, в которые не углубляются. Я всю жизнь, в том числе и в молодости, занималась одним. Остальное было вспомогательным. А они (современная молодежь. — Прим.) пробуют — бросают, пробуют — бросают».

С.В., 66 лет, ж.: «Современная молодежь — ищущая. Они пробуют себя в различных областях, свой стиль. Пробуют себя в разных сферах деятельности».

Таким образом, различия в ценностях и установках между старшим поколением и молодежью формируются в результате изменения подхода к определению своего места в социальной структуре. Если раньше, по мнению опрошенных, молодые люди старались акцентировать свое внимание на узком спектре действий и реализовать себя в определенной сфере, то современная молодежь, учитывающая быстрые темпы технологического и социального прогресса, вынуждена часто менять сферы деятельности. Вероятно, этот фактор является одним из определяющих в формировании ментальных барьеров инклюзии старшего поколения, в меньшей степени готового к инновациям и

преобразованиям не только в силу возраста, но и по причине сформировавшихся еще в молодости установок и взглядов.

Важно отметить, что большинство представителей старшего поколения склоняются к тому, что сейчас отношение к ним со стороны государства и общества стало лучше, чем раньше.

Г.П., 82 года, ж.: «Я бы сказала, что лучше».

Н.Н., 72 года, ж.: «Раньше у государства не было таких возможностей. Но сейчас, я считаю, к пожилым людям внимания больше. Взять тех же ветеранов — сразу после войны такого внимания не было».

К.К., 75 лет, ж.: «Я думаю, лучше. Более уважительно, как мне кажется».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Хорошо относятся, если сам себя хорошо зарекомендовал. Надо себя вести нормально».

Как показало исследование, положительные оценки определяются преимущественно увеличением спектра вариантов проведения досуга (рост количества общественных организаций, досуговых центров, кружков и др.), что позволяет пожилым людям ощущать внимание со стороны социума и включенность в общественную жизнь. На этом фоне политика государства в отношении пожилых людей также получила высокую оценку, хотя финансовая составляющая по-прежнему является предметом обеспокоенности и недовольства:

И.Н., 70 лет, ж.: «К сожалению, все становится платным. Приходится на чем-то экономить, но и государство на нас, конечно, тоже экономит. Слава Богу, не ограничивают, как в былые времена. Ограничения только денежные».

Г.П., 82 года, ж.: «Видите... люди живут с пенсией 8,9,10 тысяч. Разве можно на такую пенсию прожить? Я бы сказала, что уже нельзя. Только концы с концами сводят и потом уже никуда у них не остается, даже на одежду приличную. Что останется если от прошлого...».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Хорошая политика. Пенсию, конечно, не мешало бы побольше».

В.В., 72 года, ж.: «То, что нам пенсию дают, и вовремя дают — это молодцы. Хоть и не очень большая. Льготы тоже — хоть и маленькие. Не нравится то, что, конечно, немало бомжей пожилых».

С.В., 66 лет, ж.: «В принципе пенсиями не обижены, все нормально. Если нормально работал всю жизнь, то квартира у пенсионера уже есть. Беспокоит вопрос о том, что надо уменьшать пенсию, хотя вроде и уменьшать-то ее некуда. На питание только-только хватает».

Следовательно, можно утверждать, что низкий уровень пенсий выступает главным экономическим ограничением инклюзии старшего поколения. Получается, что в России перед пожилыми людьми на пенсии открывается большой спектр возможностей для реализации собственных потребностей и интересов, которые, однако, имеют денежные ограничения. При ответе на вопрос о том, что следует предпринять государству, чтобы изменить положение пожилых людей, подавляющее большинство опрошенных назвали также повышение размера пенсионных пособий.

Результаты интервью свидетельствуют о том, что пожилые люди не перекладывают всю ответственность за свое положение на государство, отмечая лишь его роль как гаранта пенсионного обеспечения.

И.Н., 70 лет, ж.: «Конечно, на себя. Я копила, честно говоря, на пенсию. Я готова подрабатывать, работать, но это как-то странно сидеть вахтером. На свои возможности надо опираться, инвалиды – другое дело».

Н.Н., 72 года, ж.: «Человек должен заботиться о себе сам. Иждивенческое настроение, между прочим, у многих. Все винят государство, а ты сам-то что сделал?»

Е.Г., 80 лет, м.: «Зачем на государство рассчитывать? У государства много людей. Наше поколение сами всего добивались. Работали, где-то еще подработку брали. Мы и так бесплатно выучились».

К.К., 75 лет, ж.: «Если есть у государства возможность помочь, то неплохо было бы. А если нет – самому надо. Я думаю, если человек имеет большой трудовой стаж, то пенсия у него хорошая должна быть, прожить можно на нее. А если по каким-то причинам не работал, то дети должны помочь. Должна быть поддержка от детей, необязательно материальная».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Не надо ни на кого надеяться, я вот только на себя».

С.В., 66 лет, ж.: «Если государство не будет давать пенсию, то какие свои возможности? Бо-

лячки уже появляются, возможности не те. А в бытовом плане, конечно, сам. Нельзя полностью свое содержание перекладывать на государство. Пенсию дали – живете».

Таким образом, по результатам исследования можно констатировать, что для современного старшего поколения в России не характерны иждивенческие настроения. На государство не возлагаются обязанности по обеспечению достойной старости в части неэкономических аспектов качества жизни. Но, как и в случае с вынужденным снижением потребления в пожилом возрасте, такая жизненная позиция может быть следствием принятия подхода государства, являющегося *только* гарантом материального обеспечения. Пожилые люди получают в свое распоряжение большое количество свободного времени и возможностей, но в силу ряда объективных обстоятельств, в том числе и ментального характера, не могут реализовать их в полной мере.

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что сформированный в общественном сознании образ пенсионера как представителя непродуцирующей части населения заметно ограничивает возможности реализации потенциала старшего поколения. В то же время поддержание этого образа во многом определяется и внутригрупповыми процессами. Жизненные стратегии работающих и неработающих пенсионеров выстраиваются по принципиально различным траекториям: в первом случае – через отнесение себя к трудоспособной (производительной) части населения (что наглядно демонстрирует структура ценностей), а во втором – через интериоризацию установок, характерных для субкультуры «старости» (определяющим является состояние здоровья, вытесняющее все остальные факторы на периферию).

Выявленные социальные барьеры инклюзии старшего поколения во многом определяются особенностями восприятия пожилыми людьми своего положения в социальной структуре. Как показывают результаты глубинных интервью, фактор «инерционности» при продолжении трудовой деятельности позволяет сохранять прежние социальные связи, структура которых включает представителей разных возрастов (в том числе молодых). Завершение

трудовой деятельности вследствие личных или внешних причин ведет к постепенному увеличению социальной дистанции между представителями старшего поколения, сужению круга общения, а также к потере ощущения чувства «нужности» обществу. Беседы в форме интервью с пожилыми людьми свидетельствуют о том, что именно завершение трудовой деятельности, а не получение статуса «пенсионера», служит главным фактором, определяющим возникновение социальной дистанции между старшим поколением и обществом. Из результатов интервью следует, что повторные попытки трудоустройства в пенсионном возрасте осложняются, в том числе, восприятием пожилых людей обществом как малопроизводительной части населения.

Одним из основополагающих аспектов, препятствующих инклюзии старшего поколения, выступает разрыв межпоколенческих коммуникаций. Как показало исследование, данный процесс определяется множеством факторов, главным из которых является потеря актуальности навыков и опыта представителей старшего поколения, а также их востребованности населением младших возрастов (в

том числе внутри семьи). Проблема была актуальной и в другие эпохи, однако определялась преимущественно консервативным мышлением и снижающейся с возрастом способностью адаптироваться к нововведениям. Сегодня ситуация осложняется колоссальными темпами технологического прогресса. Решение проблемы разрыва межпоколенческих коммуникаций должно быть двусторонним. Требуется изменение социокультурной парадигмы старости, базисным элементом которой должно стать осознание важности межпоколенческого взаимодействия как молодыми людьми, так и представителями старшего поколения. Фактор возраста не должен являться параметром, определяющим место, роль и функции человека в социальной структуре. Важно сформировать среди молодого населения позитивные установки на старость, опираясь на то, что рано или поздно каждый из членов общества попадает в социально-демографическую группу пожилых. Закончим несколько перефразированным утверждением одного из респондентов: *общество стареет, меняются поколения и технологии, однако правила жизни остаются неизменными.*

Литература

1. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Study of the quality of life of the older generation: a regional experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 88-107.
2. Bengtson V., Achenbaum W. *The Changing Contract Across Generations*. New York: Aldine de Gruyter, 1993. 311 p.
3. Barr N. *The Welfare State as Piggy Bank*. OUP Oxford, 2001. 316 p.
4. Carstensen L.L. Motivation of social contact across the life-span. *Nebraska Symposium on Motivation: Developmental Perspectives on Motivation*, 1992, vol. 40, pp. 209-254.
5. Dukhovnov D., Zagheni E. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex. *Population and Development Review*, 2015, vol. 41, pp. 183-206.
6. Feuer L.S. *The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement*. New York, 1969. 543 p.
7. Демография: Учебник для ВУЗов / под ред. Н.А. Волгина, Л.Л. Рыбаковского. М. : Логос, 2005. 280 с.
8. Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 256-271.
9. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31-41.
10. Mannheim K. Das Problem der Generationen. *Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie*, 1928, vol. 7, pp. 157-185.
11. Mentré F. *Les générations sociales*. Paris, 1920. 451 p.
12. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) : пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. : А.М. Руткевич. М. : Весь мир, 1997. 704 с.

13. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 76-87.
14. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7-17.
15. Sanderson W., Scherbov S. Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging. *PLoS ONE*, 2015, vol. 10. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0121922>
16. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, 1991. 544 p.
17. Sorokin P. A. Cyclic concepts of socio historical process. *Social Forces*, 1927, September, pp. 28-40.
18. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М. : Идея-Пресс, 2011. 128 с.
19. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
20. Mead M. *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap*. The Bodley Head, 1970. 99 p.
21. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.
22. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
23. Барсуков В.Н. Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств // Социальное пространство. 2016. № 5 (7). URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2069>

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Барсуков – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Barsukov V.N.

Barriers to Social Integration of the Older Generation in the Context of Intergenerational Communication Issues

Abstract. Over the past few centuries, humanity has made the transition from a “society without the elderly” to an “aging society”. The consequences of global population ageing entail changes not only in the economic and demographic space, but also in the social space. At the same time, this category of consequences caused by the increase in the share and number of representatives of the older generation is the least amenable to empirical measurements and forecasting. One of the most important tasks of the “ageing” states is to solve the problem of social integration and secondary socialization of the elderly, but in the conditions of increasing technological progress there emerges a powerful structural barrier, which is expressed in the growing communication distance between generations. The “generation gap” issue originates in ancient times, but at the moment in the context of global demographic aging it is becoming increasingly important. The aim of our research is to study barriers to social integration of the older generation in the context of intergenerational communication. To achieve this goal, we carry out a conceptual review of the existing theory of generations and fundamental works in the field of research on intergenerational communication, we analyze and interpret the data obtained through a series of in-depth interviews with representatives of the older generation, and formulate main conclusions of the study. The above goals and objectives aim to test the main hypothesis of the study, according to which the gap in intergenerational communication is one of the main barriers to social integration of the older generation. The first part of the paper presents a theoretical overview of existing approaches to the concept of “generation”, laws of their change and factors leading to the break of intergenerational communications. It identifies theoretical and empirical limitations in the allocation of universal characteristics of the change

of generations. It concludes that the process of breaking intergenerational communication is linked to the formation of barriers to social integration of the elderly. The second part of the paper presents data on the results of a series of in-depth interviews with representatives of retirement age population living in Vologda. The study confirms the hypothesis that the break of intergenerational communications is one of the fundamental aspects that prevent the inclusion of the older generation. This process is determined by many factors, the main ones of which include the loss of relevance of skills and experience of the older generation, as well as the loss of the demand for these qualities on the part of the younger population (and also within the family).

Key words: population ageing, older generation, intergenerational communication, generation gap, barriers to inclusion.

Information about the Author

Vitalii N. Barsukov – Junior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Статья поступила 18.06.2018.

Учащаяся и работающая молодёжь: трансформационный переход от конкурентоориентированности к конкурентоспособности*

**Геннадий Филиппович
ШАФРАНОВ-КУЦЕВ**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, 6
E-mail: g.f.kucev@utmn.ru

**Галина Зиновьевна
ЕФИМОВА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, 6
E-mail: g.z.efimova@utmn.ru

Аннотация. Конкурентоспособность как личностная характеристика является стратегически значимой в повседневной и трудовой деятельности. В статье представлен анализ процесса формирования конкурентоориентированности учащейся молодежи (на примере старшеклассников и студентов учреждений среднего профессионального и высшего образования), с последующей реализацией молодыми работниками конкурентных стратегий в трудовой деятельности. Молодёжная социально-демографическая группа, рассматриваемая как аккумулятор креативного и конкурентного потенциала, отличается свойственным ей стремлением к развитию собственной личности и преобразованием окружающего социума. Представлена оценка личностных харак-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодёжи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики», проект № 28.2941.2017/4.6.

Для цитирования: Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З. Учащаяся и работающая молодёжь: трансформационный переход от конкурентоориентированности к конкурентоспособности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 231-246. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.15

For citation: Shafranov-Kutsev G.F., Efimova G.Z. Students and income-earning youths: a transformational transition from competition-based approach to competitiveness. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 231-246. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.15

теристик учащейся и работающей молодежи, проанализирована самооценка респондентами собственного уровня конкурентоспособности, ценностные ориентации и желаемые жизненные характеристики в долгосрочной перспективе. В качестве эмпирической базы выступают данные репрезентативного массового анкетного опроса молодежи Тюменской области. Проведённое социологическое исследование показало, что старшеклассники обладают минимальным уровнем конкурентоспособности среди всех рассматриваемых категорий молодёжи и имеют потенциал её повышения в студенческой среде. В максимальной степени собственные конкурентные стратегии проявляет работающая молодёжь с высшим образованием. Ориентированные на конкурентные отношения респонденты (среди студенческой и работающей молодежи) в абсолютном большинстве рассчитывают на собственные усилия в трудовой деятельности и демонстрируют внутренний локус контроля. Конкурентоспособная работающая молодёжь ниже ценит собственную безопасность, понимая, что реализация конкурентных стратегий предполагает высокую степень неопределённости и риска в трудовых и повседневных практиках, осознаёт готовность противостоять конкурентам. Отмечается взаимосвязь между ориентацией молодежи на участие в конкурентных интеракциях и масштабами горизонтов планирования. Результаты проведённого исследования расширяют знания о конкурентоориентированности молодежи, процессах её перехода в конкурентоспособность и могут быть использованы образовательными учреждениями в учебной и воспитательной работе, а также всеми организациями при принятии кадровых решений.

Ключевые слова: старшеклассник, студент, работающая молодёжь, конкуренция, конкурентные отношения, конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности, конкурентоустойчивость.

Введение

Молодёжь как социально-демографическая группа имеет стратегическую значимость для любой страны. Возрастные границы для определения молодежного возраста достаточно сильно варьируются в различных странах. Так, согласно резолюции Совета безопасности ООН, человек остаётся молодым с 18 до 29 лет, а в России молодёжью считаются граждане в возрасте от 14 до 30 лет. За этот период человеку предстоит преодолеть трансформационный переход от неопытного подростка с присущим ему социальным инфантилизмом к зрелой и социально ответственной личности. В данном возрастном периоде сконцентрированы такие серьёзные социальные статусы, как школьник, студент, аспирант, молодой специалист, стажер и другие.

В мире при общей численности населения 7,3 миллиарда человек численность молодежи (от 10 до 24 лет) составляет 1,8 миллиарда (25% населения планеты)¹. В России в идентичной возрастной группе (от 10 до 24 лет) находится 21,9 миллиона человек или 14,9% от общей совокупности населения страны (по данным

на начало 2017 года). Исходя же из принятых в нашей стране возрастных границ молодежи (от 14 до 30 лет) к молодёжной категории относятся 26,4 миллиона человек (18%)². До такого минимального показателя доля молодежи в России не снижалась никогда прежде. В качестве примера приведём сведения за предыдущие исторические периоды: в 1926 году – 29%, в 1939 – 26,5%, в 1959 – 26,5%, в 1979 – 27%, в 1989 – 22%, в 2002 – 24%, в 2009 – 24%, в 2013 году – 21,3%³. Речь идет не только о процентной доле данной возрастной когорты в составе населения, которая снижается из-за изменения возрастной структуры населения вследствие увеличения продолжительности жизни, но и о номинальном исчислении молодежи в обществе. Очевидны социально-экономические риски обозначенной тенденции – рост нагрузки на работающее население и другие последствия. В то время как традиционно именно молодёжь аккумулирует креативный потенциал, стремление к конкуренции и развитию собственной

¹ Народонаселение мира в 2014 году. Режим доступа: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/RU-SWOP14-Report%20Rev-Web-update%2024%20Nov.pdf>

² Распределение населения по возрастным группам // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls

³ Там же.

личности и социума. В связи с этим сокращение доли молодых людей в стране воспринимается как серьёзная угроза не только экономическому развитию, но и в первую очередь социально-культурной стабильности.

Исследовательская задача

В фокусе исследовательского интереса (цель) находится анализ конкурентных ориентаций молодежи и сравнение некоторых элементов социологического портрета учащейся и работающей молодежи в зависимости от конкурентных ориентаций в личной жизни, учебной и профессиональной деятельности.

Таким образом, **задачи** исследования заключаются в рассмотрении ключевых факторов формирования конкурентоориентированности; определении критериев её успешного перехода в конкурентоспособность и поддержании в состоянии устойчивости на протяжении длительного времени; установлении взаимосвязи между конкурентоспособностью и перечнем личностных качеств, жизненных ценностей и приоритетов личности.

В подростковом возрасте, который совпадает с обучением школьника в старших классах, интенсифицируется процесс социальной адаптации — ещё вчерашний ребёнок задумывается о своём месте в обществе, самостоятельно или при помощи родителей принимает решение о будущей профессии. В этот период начальные попытки личностного самоопределения и планов на будущее сопряжены с подготовкой к предстоящему в повседневной и трудовой деятельности (в рамках «взрослой жизни») конкурентному взаимодействию. Нарастание конкурентного потенциала не прекращается в течение всей жизни человека, особенную актуальность данное утверждение приобретает в эпоху информационного (постиндустриального) общества. В ещё большей степени нарастание конкурентного потенциала происходит в годы профессионального обучения и реализуется в трудовой деятельности в виде сформированной конкурентоспособности. После окончания среднего профессионального или высшего учебного заведения молодое поколение специалистов вступает, пожалуй, в наиболее напряжённую конкуренцию на рынке труда, равной которой уже не будет в их трудовой деятельности. Именно «вход» в профессию, трудоустройство в компанию (или создание собственно-

го дела) создаёт максимальную конкуренцию между ровесниками, которые тоже претендуют на желаемые начальные позиции, а также с сотрудниками, которые уже находятся на данных стартовых позициях (например, выпускники прошлых лет), что создаёт своеобразный карьерный «затор». Преодолеть его конкурентоспособной молодежи позволяют высокие амбиции и работоспособность и открытость самих компаний к молодым сотрудникам (программа «наставничество» и прочие).

Конкуренция молодого поколения за социально-профессиональную позицию в обществе усложняется как минимум двумя факторами: во-первых, стремлением молодых людей быть востребованными вследствие увеличения продолжительности трудовой жизни значительной доли населения (трудовая занятость на пенсии, активная общественная позиция пенсионеров), а также по причине автоматизации и роботизации части производственных процессов.

Литературный обзор

Обратимся к теоретическому анализу ключевых понятий, связанных с конкурентным потенциалом молодёжной социальной группы и реализующимся по мере взросления и перехода молодого человека из статуса «школьник» и «студент» в статус «работающий». Большинство трактовок понятия «конкуренция» и других из синонимичного терминологического пула происходит с точки зрения экономической позиции. Авторская позиция заключается в признании важности социального аспекта конкурентных взаимодействий. Так, в экономической науке (вслед за А. Смитом и М. Портером) конкуренция трактуется через соотношение цены товара и его качества. Р.А. Фатхутдинов определяет **конкуренцию** как *«процесс управления субъектом собственными конкурентными преимуществами для одержания победы или достижения других целей в борьбе с конкурентами за удовлетворение объективных и субъективных потребностей в рамках законодательства либо в естественных условиях»* [1, с. 15]. При трактовке с **социологической** точки зрения на первое место выходят социальные взаимоотношения, возникающие в процессе интеракций представителей различных социальных групп и общностей в борьбе за редкие блага и ограниченные ресурсы (*объект конкуренции*), которыми могут быть, например, вакансии, бюджетные места, призо-

вые места на предметных олимпиадах и иных конкурсах. Основным ресурсом конкурентного потенциала работника становятся **социальный капитал** и набор компетенций (в результате обучения в образовательном учреждении и/или самообразования) [2]. К аналогичному выводу приходит V. Menshikov (Латвия), изучая пути оптимизации молодёжной мобильности для повышения **конкурентоспособности** на рынках труда [3]. Он отмечает, что в современных условиях становления экономики знаний и услуг конкурентоспособность и экономический успех работника определяются не только человеческим капиталом (профессионально-образовательным), но и культурным (широкие взгляды, высокий интеллектуальный уровень, знание иностранных языков). Е.А. Серегина в качестве ключевых детерминант конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда называет — образование, опыт работы, социальный капитал, способности, поведенческие компетенции (*employability u marketability*) [4].

Конкуренция, наряду с соревнованием, одна из разновидностей *соперничества* за редкость и ограниченность наличного количества благ по отношению к потребности в них. Классик социологии М. Вебер трактует конкуренцию как «...мирные попытки установления контроля над возможностями и преимуществами, которые также желаемы другими» [5]. Соревнование (форма проявления соперничества) предполагает отсутствие ограничений для развития проигравших. При **соревновании** типом блага, за которое идет борьба, является *источник престижа*, в конкуренции — *условие развития* (побеждённая сторона лишается возможностей дальнейшего успешного развития — конкуренция накладывает ограничения на возможности соперников в достижении одних и тех же целей).

Конкуренция — результат длительного процесса конкурентоориентирования и в успешном варианте обладает качеством конкурентоустойчивости. Именно конкурентоспособностью характеризуется идеальная модель личности XXI века. **Конкурентоспособность** трактуется как способность выдерживать конкуренцию по сравнению с аналогичными объектами на данном рынке⁴, а также как «комплексное свойство, присущее человеку и состо-

⁴ Кулешова А.Б. Конкуренция в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: Велби, Проспект, 2005. 256 с.

ящее из психофизических ресурсов (здоровье, возраст, внешность, уровень интеллекта) и нравственных аспектов (ценностные ориентиры и их иерархия, верования и их система, личные запреты и ограничения). Основу данного свойства составляют высокий профессионализм, психологическая готовность к конкурентной борьбе за своё существование и социальные особенности личности»⁵. Кроме того, этот термин определяется и как способность использовать собственные преимущества в достижении поставленных целей; способность выдерживать конкуренцию, противостоять конкурентам [6, с. 264].

Социологический аспект **конкурентоспособности** молодежи выражается через интериоризованную потребность личности в максимально полном проявлении способностей и компетенций в рамках выполняемой деятельности, основанной на созидательной и преобразовательной активности, целеустремлённости, предполагающей перманентное саморазвитие в соответствии с социально-экономическими требованиями и желание отстаивать (индивидуально или в кооперации) собственную позицию в конкурентных взаимодействиях.

В.И. Андреевым **конкурентоспособная личность** трактуется как «творческая личность, которая наряду с высоким уровнем развития творческого потенциала обладает следующими качествами: верой в собственные силы, способностью принимать ответственные, рискованные решения; постоянно стремящаяся к самосовершенствованию и развитию; не отчаивающаяся в случае временных неудач и трудностей; способная много и упорно трудиться; способная к прогнозированию развития событий; способная сосредоточиться на решении главных приоритетных задач, доводить до конца начатое дело» [7, с. 97].

Формирование конкурентоспособной личности предваряется её **конкурентоориентированностью**, которая представляет собой «результат комплексного влияния на объект конкурентоориентирования со стороны внешней среды» [8, с. 400]. Таким образом, во время обучения (в школе, учреждении среднего профессионального или высшего образования) человек становится «объектом конкурентоориентирования» [9, с. 221]. Личность, нацеленная на наращивание собственного конкурентного потенциала,

⁵ Практикум по социально-психологическому тренингу / под ред. Б.Д. Парыгина. СПб, 2000.

определяется через готовность к освоению поведения, способов деятельности и развитию личностных качеств и свойств, характерных для конкурентоспособного человека. Как правило, это мотивация личности на достижение успеха в конкретной сфере деятельности, стремление к осмыслению жизненного пути, выстраиванию будущей профессиональной карьеры, ориентация на самообразование и наличие адекватной самооценки в комплексе со способностью адаптироваться к социально-экономическим, культурным и политическим изменениям. Конкурентоспособная личность характеризуется совокупностью социально-ориентированных свойств и качеств, обеспечивающих лидерские преимущества в выбранных областях жизни.

Л.В. Львова и О.В. Перезовова выделяют такой значимый критерий социального субъекта, как «**конкурентоустойчивость**» (наличие устойчивого конкурентного преимущества, способность сохранять конкурентоспособность) – готовность человека «*поддерживать собственную профессиональную компетентность, развивать достигнутый уровень конкурентоспособности, что позволяет пролонгированно превосходить потенциальных и реальных соперников на рынке труда вне зависимости от динамики и характера перемен под влиянием социально-экономических и научно-технологических факторов*» [10, с. 52]. По результатам мониторинга образовательных и трудовых траекторий выпускников – примерно три четверти из них не обладают конкурентоустойчивостью, которая проявляется в том, что, устраиваясь после вузов по специальности и демонстрируя первоначальную ориентированность на конкурентную борьбу (то есть обладая конкурентоспособностью), они выбывают со своих рабочих мест в последующие 2–3 года, уступая работу выпускникам следующих лет [там же].

Осуществление процесса социально-профессионального становления молодежи происходит при участии большего числа социальных институтов (среди которых стержневым является **образование**). В дальнейшем, на каждом этапе социального взаимодействия, личность попадает под влияние множества конкурентных полей (Е.М. Черкашов) [11]. Наслаиваясь и пересекаясь, они определяют сложный узор социально-культурного и экономического взаимодействия, в котором субъекту предстоит

вписаться или же перейти в зону притяжения иных конкурентных полей.

В социальном взаимодействии **конкурентоориентированность** переходит в конкурентоспособность в условиях социальной зрелости личности, отсутствия у неё такой деструктивной характеристики, как «*социальный инфантилизм*». Разумеется, социальная зрелость не коррелирует с возрастом и период её формирования исключительно индивидуален. Составным элементом личностной конкурентоспособности является конкурентоспособность профессиональная (трудовая). **Трудовая конкурентоспособность** определяется как способность личности соответствовать требованиям профессии, обновляя собственные компетенции, и демонстрировать более высокие по сравнению с коллегами профессиональные качества в определённых масштабах.

Авторская точка зрения на согласование терминов выражается в следующем тезисе: в процессе социализации и получения профессионального образования индивид приобретает конкурентоориентированность, которая может быть реализована в практической деятельности в виде конкурентоспособности. При благоприятном влиянии комплекса факторов (от личной мотивации до социально-профессионального окружения) конкурентоспособность может приобрести устойчивые характеристики (конкурентоустойчивость).

Относительно **диапазона конкурирования** возможна дискуссия. В условиях глобализации вера в существование конкурентоспособности локального уровня (город, регион, страна) в большинстве случаев не более чем самообман. Проявляясь в различных социальных институтах, конкуренция приобретает **глобальный характер**. Экономист В.Л. Иноземцев отмечает, что «*сегодня никакая отрасль промышленности не может быть конкурентоспособна исключительно внутри страны, поскольку зарубежные конкуренты имеют возможность во все большей мере теснить её на рынке. <...> Задача повышения конкурентоспособности может ставиться и решаться только в масштабах глобального, а не национального рынка*»⁶. Несмотря на то что конкуренция рассматривается ученым исключительно как

⁶ Иноземцев В.Л. Призрак конкурентоспособности // Независимая газета. Реж. дост.: www.ng.ru/ideas/2007-04-11/10_economic.html

экономический феномен, видны перспективы экстраполяции данного утверждения на социальный аспект конкуренции. Реализация глобальных конкурентных стратегий происходит как в образовательном процессе, так и в трудовой деятельности. Каждый работодатель демонстрирует максимальную заинтересованность в трудоустройстве компетентных сотрудников, которые будут обладать профессиональными навыками как минимум на национальном или мировом уровне, но никак не на региональном. Успешным примером демонстрации профессионального мастерства являются конкурсы профессиональных компетенций (WorldSkills Russia и другие). В повседневности остаётся актуальным стремление работника к поддержанию собственных профессиональных компетенций на высоком конкурентном уровне. *«Конкурентоспособными бывают не государства или компании, а люди, деятельность которых обуславливает успехи или неудачи тех и других»*⁷. Развивая данную идею, можно говорить о внутрипрофессиональной и личностной конкурентоспособности.

Глобализация и эволюция экономики, основанной на знаниях, вызвали резкие изменения в характере и функциях образования (особенно высшего). В поисках глобальной конкурентоспособности многие развивающиеся экономики совершенствуют собственные системы высшего образования. Международные сравнительные исследования показывают, что увеличение числа учащихся в высшем образовании не всегда способствует повышению их социальной мобильности и может усилить неравенство в образовании. Так, изучению вопроса взаимосвязи глобальной конкурентоспособности и системы высшего образования посвящены работы Ка Но Мок (Китай) [12; 13]. Отмечается, что на конкурентоспособность страны оказывают благоприятное влияние процессы массовизации и интернационализации высшего образования. Страны стремятся развивать системы высшего образования, расширив возможности для обучения и удовлетворения образовательного спроса путём предоставления дополнительных ресурсов для

интернационализации студенческого опыта и повышения качества научных исследований, трансформируя региональные образовательные центры в мировые университеты. Однако данный тренд провоцирует серьёзную проблему перепроизводства лиц с высшим образованием и возникновение сложностей с их вхождением на рынок труда. Тенденция приобретает особую актуальность в периоды экономического застоя конкретных стран. На примере Китая подтверждается, что распространение высшего образования не приводит к увеличению профессиональных перспектив для молодежи или возможностей восходящей социальной мобильности. Напротив, усиление конкурентных позиций среди выпускников отражает растущее социальное неравенство.

Методы и результаты исследования

Полевое исследование *«Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодёжи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики»* проведено с апреля по май 2017 года коллективом социологической лаборатории Тюменского государственного университета среди старшеклассников⁸, студенческой⁹

⁸ Опрос учащихся проведён среди 852 учащихся 10 и 11 классов общеобразовательных учреждений городов Тюменской области: Тюмень (607 человек), Тобольск (158 человек), Ишим (87 человек). Ошибка выборки составила 3,3%, что обеспечивает высокую надёжность полученных данных.

⁹ Опрос проведён среди 1360 студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования в городах юга Тюменской области: Тюмень (963 человека), Тобольск (135 человек), Ишим (98 человек). Помимо этого в выборку включены студенты, участники Всероссийского слёта лучших групп (164 человека), который проводился в Тюмени в мае 2017 года. В опросе приняли участие респонденты, обучающиеся на очной форме обучения в учреждениях высшего образования (1146 человек, 84%) и в среднем профессиональном образовании (214 человек, 16%). Метод исследования: анкетный опрос по месту обучения. Тип выборки: многоступенчатая, районированная, квотная, пропорциональная. Ошибка выборки составила 3,1%, что обеспечивает высокую надёжность полученных данных. Генеральная совокупность численности обучающихся образовательных организаций среднего профессионального образования по программам подготовки специалистов среднего звена (очная форма обучения) составляет 13 900 человек и высшего образования (очная форма обучения) — 26 309 человек (по городам Тюмень, Тобольск, Ишим) по данным на начало 2017 года.

⁷ Иноземцев В.Л. Призрак конкурентоспособности // Независимая газета. Реж. дост.: www.ng.ru/ideas/2007-04-11/10_economic.html

и работающей молодёжи¹⁰. Метод исследования – анкетный опрос. Для анализа полученных данных использовались статистические методы лицензионной версии программы IBM SPSS Statistics 23.

Анкеты, составленные для каждой из названных молодёжных социальных групп, содержат помимо специфических индикаторов универсальные вопросы об их конкурентоориентированности и конкурентоспособности. Сконцентрируем исследовательский интерес на сравнении ответов респондентов из категорий учащейся и работающей молодежи. Для наглядной оценки различных личностных характеристик проанализируем такие переменные, как *самооценка конкурентоспособности; ценностные ориентации; актуальные личностные качества и желаемые характеристики жизни в долгосрочной перспективе*.

В анкетах учащейся и работающей молодежи содержался вопрос о самооценке конкурентоспособности в схожей формулировке: «**Считаете ли Вы себя конкурентоспособным?**» (табл. 1).

Объединив полярные оценки в дихотомию – «считаю себя конкурентоспособным» (*варианты ответов «да», «скорее да, чем нет»*) и «не считаю себя конкурентоспособным» (*«скорее нет, чем да» и «нет»*), видим, что минимальный уровень конкурентоспособности отмечается среди школьников (80%; немногим выше среди старшеклассников элитной гимназии Тюменского госуниверситета – 87%) и имеет тенденцию повышения в студенческой социальной группе (84%). Работающая молодёжь, находящаяся на начальных этапах карьерного пути, в максимальной степени проявляет собственные конкурентные стратегии (90%; среди лиц, имеющих высшее образование, – 93%).

Исследование, проведённое томскими социологами, косвенно подтверждает, что среди студентов лишь небольшая доля опрошенных ощущают себя конкурентоспособными и востребованными на рынке труда: 16% считают, что им будет достаточно легко найти нужную работу по окончании вуза. Оценивая возможности будущего трудоустройства, студенты

Таблица 1. Распределение ответов респондентов из числа учащейся и работающей молодежи на вопрос «Считаете ли Вы себя конкурентоспособным» (в % от числа ответивших, проценты по строке)

Социальная группа		Считаете ли Вы себя конкурентоспособным			
		Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Старшеклассники	общеобразовательных школ (город) (N=272)	29,5	47,8	18,7	4,1
	общеобразовательных школ (сельская местность) (N=235)	23,4	53,7	19,9	3,0
	гимназий или профильных школ («элитные школы») (N=320)	32,5	46,7	17,0	3,8
	гимназии Тюменского государственного университета (N=260)	31,1	56,0	12,1	0,8
	Среднее значение по старшеклассникам (N=1087)	29,5	50,7	16,9	3,0
Студенты	обучающиеся в учреждениях среднего профессионального образования (N=214)	32,7	54,3	10,6	2,4
	обучающиеся в учреждениях высшего образования (N=979)	22,5	61,4	13,1	2,9
	обучающиеся в учреждениях высшего образования России (участники Всероссийского слёта лучших групп) (N=167)	35,2	47,9	15,8	1,2
	Среднее значение по студентам (N=1360)	25,7	58,6	13,1	2,6
Работающая молодёжь	окончившая учреждения среднего профессионального образования (N=219)	52,8	26,6	12,4	8,3
	окончившая учреждения высшего образования (N=656)	58,8	34,5	5,1	1,7
	Среднее значение по работающей молодежи (N=956)	57,3	32,5	6,9	3,3

¹⁰ Опрос проведён среди 956 представителей работающей молодежи в городах Тюмень, Тобольск, Ишим и сельской местности Тюменской области. Опрос проведён по месту работы респондентов – в 20 организациях основных отраслей экономики. Тип выборки: квотная, районированная, гнездовая. Репрезентативность определялась по признакам: пол, возраст, форма собственности предприятия, организации, среднемесячная заработная плата. Ошибка выборки составила 3,2%, что обеспечивает высокую надёжность полученных данных.

чаще всего полагают, что им предстоит серьёзно постараться, чтобы найти подходящее место (43%). Воспринимают трудоустройство как достаточно сложное дело (а значит, не уверены в собственной профессиональной востребованности на рынке труда) 16% [14, с. 11].

Представляют интерес, наряду с субъективными оценками респондентов в отношении собственной конкурентоспособности, показатели сторонней (объективной) оценки конкурентоспособности студенческой молодёжи – родителями, преподавателями вузов и работодателями. Обратимся к исследованию, которое было проведено С.Д. Резником и Е.С. Коноваловой и по данным которого «56% преподавателей, 88% работодателей и 48% родителей охарактеризовали студентов вузов как недостаточно конкурентоориентированных и, как следствие, неконкурентоспособных на рынке труда» [15, с. 20].

Вернёмся к результатам проведённого нами социологического исследования. Распределение ответов по полу показывает, что женщины более склонны сомневаться в собственной конкурентоспособности (75% выбрали варианты ответа «скорее да, чем нет» и «скорее нет, чем да»), чем мужчины – среди них сомневающимися две трети (64%). В свою очередь, именно мужчины чаще (однозначно и с уверенностью) считали себя конкурентоспособными (вариант ответа «да») – 33%, что в 1,4 раза выше аналогичного показателя у женщин (23%). Среди студентов начальных курсов обучения (первый и второй) 18% опрошенных характеризовали себя как неконкурентоспособных, причем к старшим курсам показатель снижается до 8% – в основном вследствие приобретения компетенций, необходимых в дальнейшей трудовой деятельности. В выборке работающей молодёжи конкурентоспособные респонденты составляют 57% (вариант ответа «да, конкурентоспособен») (см. табл. 1). Результаты проведённого исследования показывают: максимальный уровень конкурентоспособности имеют холостые бездетные мужчины, с высшим и послевузовским образованием, имеющие среднемесячный доход порядка 36 тысяч рублей (средний доход по выборке – 32 тысячи). Полученные данные подтверждают справедливость утверждения: «Сфера высшего

образования определяет уровень проактивности и конкурентоспособности общества в долгосрочном будущем»¹¹.

Оценить конкурентоспособность работающей молодёжи мы можем по дихотомии утверждений, направленных на определение эффективности предпринимаемых конкурентных стратегий: «Как правило, я всегда успешно побеждаю своих конкурентов» и «Мне очень редко удаётся выходить победителем из конкуренции». В поддержку первого утверждения высказалась почти половина опрошенных (48%), в поддержку второго – лишь каждый десятый (10%) и затруднились ответить – 42%. На примере этого вопроса проверим наличие взаимосвязи с ответами респондентов о самооценке уровня конкурентоспособности. Так, респонденты, считающие себя конкурентоспособными (вариант ответа «да»), в 78% случаев отличаются успешными конкурентными стратегиями. Среди работающей молодёжи, сомневающейся в собственной конкурентоспособности (варианты ответа «скорее да, чем нет» и «скорее нет»), и абсолютно неконкурентоспособных респондентов доля успешно конкурирующих составляет лишь 52%. Корреляционный анализ показывает сильную зависимость данных переменных (коэффициент корреляции = 0,811**, корреляция значима на уровне 0,01). Полученные данные, во-первых, свидетельствуют о методологической состоятельности применённого способа оценки конкурентоспособности посредством самоидентификации; во-вторых, конкурентоспособные респонденты подтверждают собственный статус путём объективных оценок успеха в конкурентном взаимодействии.

Чем выше уровень дохода работающей молодёжи, тем чаще она отдаёт предпочтение утверждению «Как правило, я всегда успешно побеждаю своих конкурентов». В поддержку данного утверждения высказались 41% опрошенных среди низкодоходной категории респондентов (менее 29 тысяч рублей ежемесячного дохода), 50% среди респондентов, зарабатывающих от 30 до 69 тысяч рублей в месяц, и 52% в высокодоходной категории (более 70 тысяч рублей).

¹¹ Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад / под ред. В.С. Ефимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 182 с.

К. Maree, L. Ebersohn, B. Vermaak, анализируя связь уровня безработицы и предпочтительного молодёжью типа карьеры, приходят к выводу об их обусловленности комплексом таких характеристик, как уверенность в себе, конкурентоспособность, межличностное сотрудничество, инициатива и успеваемость [16]. Итак, немаловажную роль в конкурентных взаимоотношениях играет **успеваемость**, как двойной индикатор качества полученных знаний и амбиций респондента. Работающая молодёжь, которая в профессиональном учебном заведении (если их было несколько, то в последнем по счету) училась в основном на «отлично», впоследствии наиболее эффективно применяет конкурентные стратегии, которые позволяют ей успешно выходить из большинства конкурентных взаимодействий (80%). Для сравнения представим данные по «хорошистам» (64%) и «троечникам» (57%). Респонденты, регулярно занимающиеся самообразованием также более успешны в конкурентной борьбе. Среди них 81% отмечают, что «как правило, побеждают всех конкурентов»; среди работающей молодежи, лишь «от случая к случаю» уделяющей время и силы самообразованию, такой ответ дали 65%, а из тех, кто на вопрос о самообразовании выбрал ответ «никогда», — рекордно низкий 51%.

Наиболее эффективные **средства, обеспечивающие победу** в профессиональной конкуренции, также серьёзно различаются в зависимости от самооценки респондентами собственной конкурентоспособности. Так, конкурентоспособные респонденты отдают приоритет «убеждению в правильности дела» (92% выбрали варианты ответа «очень важно» и «важно» против 76% аналогичных ответов у неконкурентоспособных респондентов) и «интеллектуальному преимуществу над конкурентами» (92 и 81%), «содействию влиятельных знакомых и друзей» (84 и 75%), «постоянное повышение квалификации» (91 и 84%), «личные высокие моральные качества» (81 и 74%).

Личная конкурентоспособность респондента является детерминантой, определяющей вектор восприятия конкуренции как таковой. Так, представители работающей молодежи, считающие себя конкурентоспособными, в целом более позитивно воспринимают феномен кон-

куренции, характеризуя её как «полезную» (91% против 80% по оценкам неконкурентоспособных), «нужную» (88 и 76%), «эффективную» (86 и 70%), «явную» (62 и 48%), «справедливую» (48 и 32%) и «честную» (51 и 41%). Негативными коннотациями процесс конкурентного взаимодействия наделяют в основном те респонденты, кто отрицает наличие у себя конкурентоспособности. Чем выше конкурентоспособность респондента и чем больше успешного опыта применения конкурентных стратегий он имеет, тем более позитивно восприятие конкуренции и меньше неоправданных стереотипов и ужасающих иллюзий относительно её. Данный вывод правомерно экстраполировать и на учащуюся молодёжь. Так, старшеклассники, считающие себя конкурентоспособными (*вариант ответа «да» и «скорее да, чем нет»*) в 68% случаев согласны с утверждением: «*Конкурентоспособность (успешность) — важное качество человека в современном российском обществе*» (вариант ответа «да»). Неконкурентоспособные старшеклассники разделяют данное утверждение в 1,5 раза реже (43%). Категоричное несогласие с утверждением выразили только 5% конкурентоспособных и 15% неконкурентоспособных старшеклассников. Для конкурентоспособных старшеклассников в 60% случаев значимо быть успешным и стремиться к признанию своих достижений окружающими, а для неконкурентоспособных — лишь в трети случаев (39%).

Ценностные ориентации учащейся и работающей молодежи

Трансформационный переход от конкурентоориентированности в действительную конкурентоспособность также детерминирован ценностными ориентациями молодёжи. Ценности трактуются как «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды и менталитета конкретного общества. Для оценки ценностных приоритетов респондентам был предложен опросник Ш. Шварца [17], разработанный в 1992 году и многократно апробированный в международных исследованиях. Опросник основан на теории, разделяющей все ценности на *социальные* и *индивидуальные*. На полюсах шкалы представлены противоположные утверждения и в зависимости от близости для молодежи того или иного высказывания ставилась соответствующая оценка по

десятибалльной шкале утверждению слева (от 1 до 5 баллов) или справа (от 6 до 10 баллов). Для удобства последующего анализа данных обратим внимание лишь на один из полюсов данной шкалы. При сравнении оценок студентов и работающей молодёжи обратим приоритетное внимание на различие в оценках внутри данных групп среди респондентов в зависимости от самооценки уровня конкурентоспособности.

В таблице 2 представлены данные о доле респондентов, согласных с приведённым утверждением, в зависимости от их конкурентоспособности. Проследим динамику трансформации ценностных ориентаций указанных категорий студенческой и работающей молодёжи.

Итак, отношение к конкуренции как таковой более позитивно у конкурентоспособной работающей молодёжи – в этой группе 87% согласны с утверждением, что «конкуренция – это хорошо, она побуждает людей напряжённо и творчески работать, развивать новые идеи» – неконкурентоспособная молодёжь выразила согласие лишь в 71% случаев (разрыв в 16%). Среди студенческой молодёжи тенденция данного различия лишь зарождается – утверждение поддерживают 81% конкурентоспособных

и 76% неориентированных на конкуренцию. Примечательно, что абсолютное большинство респондентов из лучших студенческих групп России значительно чаще отмечали согласие с данным утверждением (92%), чем студенты тюменских вузов (80%) и учащиеся средних профессиональных учебных заведений (62%).

Способно ли **трудолюбие** помочь человеку улучшить материальное положение, социальный статус и привести к успеху? Ориентированные на конкуренцию респонденты (среди студенческой и уже трудоустроенной молодёжи) в абсолютном большинстве доверяют собственным усилиям в трудовой деятельности, соглашаясь с предложенным утверждением. Однако конкурентоспособная работающая молодёжь способна на практике оценить влияние трудолюбия на уровень и качество собственной жизни – 77% согласны с утверждением, а среди неконкурентоспособных ровесников – лишь 59%.

Иждивенческая позиция оказалась чужда работающей молодёжи: согласие с утверждением «люди могут разбогатеть только за счёт других» выразили лишь 23%, что на 10% меньше по сравнению с неконкурентоспособной работающей молодёжью. Среди студентов разрыв в ответах статистически незначим. Также конку-

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какое из суждений приоритетно для вас?» (в % к числу ответивших, проценты по строке)

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя конкурентоспособным			
	Студенты		Работающая молодёжь	
	«да» и «скорее да, чем нет»	«скорее нет, чем да» и «нет»	«да» и «скорее да, чем нет»	«скорее нет, чем да» и «нет»
Конкуренция – это хорошо, побуждает людей напряжённо и творчески работать	81	76	87	71
В конечном итоге трудолюбие вознаграждается и приводит к успеху	82	73	77	59
Люди могут разбогатеть только за счёт других	32	36	23	33
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	77	73	83	66
Многие моральные нормы прошлого сегодня уже устарели	48	52	43	64
В справедливом обществе доходы граждан зависят от их способностей и результатов труда	77	75	67	57
В семье должна быть иерархия между мужем и женой, родителями и детьми	51	48	48	38
К каждому человеку необходимо относиться уважительно, с вниманием и стремиться к взаимопониманию	86	87	91	75
Жить в непрерывно меняющемся обществе интересно, хотя и трудно	79	68	86	80
Жизнь человека зависит от обстоятельств, чем от его собственных усилий	31	41	20	36

рентоспособная работающая молодёжь знает цену **свободе**, в 83% случаев поддерживая утверждение «свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл», а их неконкурентоспособные ровесники лишь в 66% случаев выражали согласие с утверждением (разрыв в 17%). Различия в оценках студенческой молодежи тоже статистически незначимы.

Респонденты, не ориентированные на конкурентную борьбу, чаще демонстрируют **внешний локус контроля**, выражая согласие с рядом утверждений, первое из которых: «Жизнь человека прежде всего зависит от обстоятельств, чем от его собственных усилий» (41% среди студентов и 36% среди работающей молодежи). Конкуренитоориентированные респонденты поддерживали данное утверждение соответственно на 10 и 16% реже, демонстрируя уверенность в том, что ответственность за собственную жизнь и происходящие в ней события лежит исключительно на них самих (*внутренний локус контроля*). Вновь студенты из лучших групп российских вузов чаще соглашались с утверждением (48%), чем учащиеся средних профессиональных (34%) и высших учебных заведений (29%). Рассмотрим ещё одно утверждение, идентифицирующее взаимосвязь между конкурентоспособностью и внутренним локусом контроля: «В справедливом обществе доходы граждан зависят от их способностей и результатов труда». Среди конкурентоспособной работающей молодежи поддержали данное высказывание 67%, а среди студентов – 77%; среди студентов лучших групп российских вузов – 83%, студентов тюменских вузов – 77% и техникумов/колледжей – 70%.

Вместе с тем конкурентоспособная работающая молодёжь далека от **нигилизма** и **отрицания классических ценностей**: лишь 43% согласны с тем, что «многие моральные нормы прошлого уже устарели», а среди неконкурентоспособной молодежи – 64% (разрыв в 21%). Ожидается, что указанное различие сохраняется при оценке работающей молодёжью утверждения: «В семье должна быть иерархия между мужем и женой, родителями и детьми» (48% конкурентоспособных и 38% неконкурентоспособных). Отличия в оценках студенческой молодежи статистически незначимы, что объясняется их необременённостью (в большинстве своём) брачными узами.

Актуальные личностные качества

Проанализировать наличие либо отсутствие у респондента определённых личностных характеристик возможно через его идентификацию с абстрактной личностью, наделённой данными качествами. При оценке того, насколько респонденты идентифицируют себя с предложенными описаниями людей, в отношении **одних** характеристик отмечено нарастание разрыва в оценках конкурентоспособных и неконкурентоспособных респондентов, в отношении **других** – снижение оценочной дистанции, в отношении **третьих** – отсутствие статистически значимой динамики. Рассмотрим первые две группы описаний применительно к учащейся молодёжи (старшеклассники и студенты).

Первая категория включает следующие утверждения: «Для него важно жить в безопасном окружении; избегает всего, что может угрожать его **безопасности**». Утверждение в большей степени отозвалось у неконкурентоспособных респондентов, если среди школьников разрыв в оценках составлял 6% (43% конкурентоспособных и 48% неконкурентоспособных), то у студенческой молодежи диспропорция достигла максимальной дистанции – 13% (45 и 58%, соответственно).

Скромность и конформизм (утверждение «для него важно быть простым и скромным; он старается не привлекать к себе внимание») более актуальны для респондентов, позиционирующих себя как неконкурентоспособных (50% среди старшеклассников и 56% среди студентов). Конкурентоспособные респонденты в меньшей степени стараются быть простыми и скромными (37% среди школьников и 42% среди студентов).

Ожидается, что именно ориентированные на конкуренцию респонденты идентифицируют себя с двумя следующими описаниями, иллюстрирующими готовность к **риску**: «Он ищет приключений и ему нравится рисковать; хочет жить полной событиями жизнью» (52% старшеклассников и 42% студентов) и «ему нравятся неожиданности, для него в жизни важно попробовать много разного; он всегда старается найти для себя новые занятия» (59% школьников и 54% студентов). Однако, в отношении обоих утверждений, максимальный разрыв между

оценками молодёжи, ориентированной на конкуренцию и избегающей её, наблюдается в более старшем (студенческом) возрасте.

Рассмотрим **вторую категорию** утверждений, среди которых отмечается **снижение** разрыва в оценках конкурентоспособных и неконкурентоспособных респондентов. Так, школьники, ориентированные на конкуренцию, чаще, чем их неконкурентоспособные ровесники, отмечали приоритет **традиций**, идентифицируя себя с описанием: «Он ценит традиции, старается следовать религиозным и семейным обычаям» (34% против 19%). Среди студенческой молодёжи возрастает доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, но снижается разброс в ответах в зависимости от самооценки конкурентоспособности.

Значимость сторонней оценки (**уважение, признание обществом**) также выше в школьной среде: каждый второй конкурентоориентированный школьник отмечает, что «для него важно, чтобы его уважали; он хочет, чтобы люди делали так, как он скажет» (49%); в группе неконкурентоспособных показатель снижается более чем в два раза (23%). В группе студенческой молодёжи показатель стабильно высок вне зависимости от конкурентного положения. Для конкурентоспособных школьников высоко значимы **общественное мнение** и оценка референтной группой (утверждение «для него важно быть очень успешным; он надеется, что люди признают его достижения») — 64% против 43% у неконкурентоспособных коллег. Среди студенческой молодёжи разброс составляет 53 и 41% соответственно.

Следующее утверждение отражает личностную характеристику «**самостоятельность**» («для него важно самому принимать решения о том, что и как делать; ему нравится быть свободным и не зависеть от других»). Абсолютное большинство старшеклассников, ориентированных на конкурентные стратегии, идентифицируют себя с данным описанием (78%), среди их неконкурентоспособных ровесников — лишь 63% (разрыв 15%). В студенческой категории соотношение составляет 65 и 58% (разрыв 7%).

Жизненные перспективы в оценках молодёжи

На какой образ желаемого будущего ориентированы респонденты? Третий вопрос, который проходил сквозь две анкеты (*школьную*

и студенческую), касался приоритетных жизненных характеристик респондентов в долгосрочной перспективе. Респондентам было предложено представить себя через десять лет и описать желаемую жизнь. Позитивные характеристики, предложенные респондентам в качестве критериев будущей жизни, значительно чаще отмечали именно респонденты, ориентированные на конкурентные стратегии. Так, конкурентоспособная молодёжь планирует через десять лет приобрести **материальную состоятельность** (70% школьников и 64% студентов, что в два раза выше аналогичного показателя их неконкурентоспособных ровесников); иметь **возможности для отдыха** и развлечений (соответственно 58 и 57%), вести **здоровый образ жизни** (61 и 62%); иметь **интересную и творческую работу** (53 и 54%) и занимать **руководящую должность** (по 38%).

Разумеется, желаемые характеристики не придут в жизнь респондента без должных действий для их практического воплощения. Для этого необходимо иметь конкретные планы на определённый промежуток времени. Поэтому обратимся далее к следующему качеству конкурентоспособной личности — «*дистанция целеполагания, выраженная в среднесрочном и долгосрочном планировании карьерных перспектив и жизни в целом*» [18, с. 107]. Анализ результатов социологического исследования позволил выявить тренды расширения горизонта планирования в зависимости от возраста респондента и его конкурентоориентированности. В краткосрочном диапазоне планирования (*на ближайший год*) наиболее активны **старшеклассники**, что во многом объясняется несформированностью их жизненных целей и ценностных приоритетов. Также именно школьники чаще иных категорий респондентов отмечали полное отсутствие планов на будущее. В более старших возрастных категориях преобладают среднесрочные и долгосрочные диапазоны планирования.

Полученные данные о несформированности жизненных планов у большинства молодых людей коррелируют с результатами исследований С.Д. Резника и Е.С. Коноваловой: у современных студентов «*нет устойчивых жизненных ориентиров, они зачастую мыслят не категориями дальнейшего эффективного трудоустройства по*

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали свои горизонты планирования жизни?» в зависимости от самооценки уровня конкурентоспособности (в % от числа ответивших)

Планы	Старшеклассники		Студенты		Работающие	
	Конкурентоспособные	Неконкурентоспособные	Конкурентоспособные	Неконкурентоспособные	Конкурентоспособные	Неконкурентоспособные
Нет планов	9,9	19	9,1	15,6	4,2	5,5
На год	32,2	39,8	25,4	24,6	25,8	33
На 2–3 года	29,3	22,7	33,2	28,1	36,4	28,6
На пять лет и более	28,6	18,5	25,9	19,6	29,9	21,9
Затрудняюсь ответить	-	-	6,4	12,1	3,7	11
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

специальности, а интересами краткосрочной потребности в получении зачётов, экзаменов и диплома о высшем образовании» [15, с. 18]. Вместе с тем узкий диапазон планирования не позволяет респонденту выстраивать эффективные стратегии формирования, повышения и поддержания собственной конкурентоспособности, особенно в условиях изменяющегося рынка труда [20]. Так, среди рассмотренных категорий респондентов прослеживается следующая закономерность. Конкурентоспособная молодёжь имеет более широкие горизонты планирования: на два-три года имеют планы 29% школьников, 33% студентов и 36% работающей молодёжи; на пять лет и более спланирована жизнь 29% старшеклассников, 26% студентов, 30% работающих (табл. 3).

Заметим, что продолжительность трудовой жизни (время от первой работы до ухода на пенсию) в России составляет 33,8 года у мужчин и 32,1 года у женщин. Исследователи отмечают наиболее короткую продолжительность трудовой жизни мужчин в России по сравнению со всеми странами Европы и Северной Америки и то, что она на 11,4 года меньше, чем в лидирующей по данному показателю Японии [19, с. 607]. Начиная трудовую деятельность, представитель молодого поколения, как правило, не задумывается о прогнозе таких социально значимых статистических показателей, как «средняя продолжительность жизни», «продолжительность трудовой деятельности» и иные. Тем не менее именно от субъективной оценки ожидаемой продолжительности трудовой деятельности и жизни в целом во многом зависит готовность молодежи инвестировать в долгосрочные жизненные стратегии, ориентироваться

на самообразование и планировать собственное социальное и профессиональное развитие. Отсутствие «гарантий» от государства на продолжительность жизни человека и высокое её качество в различные возрастные периоды закрепляется в культуре и заставляет его (чаще неосознанно) избегать инвестиций в собственное развитие и «жить одним днём».

Выводы

Рассмотрение многоаспектной структуры социально-экономического феномена **конкурентоспособности** и определение его уровня в отдельно взятой социально-возрастной группе является эффективным инструментом социального проектирования и прогнозирования. Отмечается нарастание интенсивности и результативности процесса формирования конкурентоориентированности старшеклассников с последующим её развитием при переходе в социальный статус студента. Практическая **реализация** накопленных конкурентных преимуществ (и, что немаловажно, умение самостоятельно поддерживать на высоком уровне собственный личностный и профессиональный конкурентный потенциал) происходит в повседневных социально-трудовых интеракциях личности (работающей молодежи).

Предпринятая попытка изучения трансформационного перехода конкурентоориентированности в конкурентоспособность обосновывает новизну проведённого теоретико-прикладного исследования и позволяет заключить следующее: в большинстве случаев работающая молодёжь, осознающая собственный конкурентный потенциал, демонстрирует более высокий разрыв в ценностных приоритетах по сравнению с неконкурентоспособными ровес-

никами нежеле учашиеся (студенты и старшеклассники). Об этом свидетельствует зарождающееся в студенческой среде разделение лиц, ощущающих собственную конкурентоспособность, осознанно работающих над совершенствованием конкурентных преимуществ, по сравнению с ровесниками, не ставящими в качестве приоритетной ценности стратегическое развитие собственного потенциала. В результате намеченный в студенческие годы «маршрут» личностного и профессионального развития получает реализацию в краткосрочной перспективе по окончании среднего профессионального или высшего учебного заведения. Соответственно, конкурентоспособная работающая молодёжь в своих оценках контрастирует со сверстниками, не ориентированными на конкурентное взаимодействие и довольствующимися своим реальным положением и социальным статусом.

Конкурентоориентированность молодежи детерминирована высокой успеваемостью в учебном заведении, практикой самообразования и регулярного повышения квалификации, что является свидетельством готовности к накоплению профессионального потенциала с его последующей реализацией, в том числе в рамках применения конкурентных стратегий.

Примечательно, что молодёжь, успешно задействованная в конкурентных взаимоотношениях и обладающая практикой конкурентных стратегий, более позитивно относится к феномену конкуренции, не наделяя её негативными стереотипами. Также данная категория молодёжи более высоко ценит трудолюбие, самостоятельность, активность, свободу и отличается внутренним локусом контроля, проявляет консерватизм (придерживается традиций и классических ценностей), не избегает риска.

Обращает на себя внимание глубина конкурентных диспропорций учащейся и работающей молодежи. Учащаяся молодёжь, в зависимости от собственной конкурентоспособности, демонстрировала лишь начинающиеся различия по ряду ценностей, которые в полной мере проявились в ответах работающей молодежи. Конкурентоориентированные респонденты имеют чёткое представление об образе желаемого будущего и более широкие горизонты планирования (*материальный достаток, интеллектуальная работа, здоровый образ жизни*). Идеализированное представление о будущем имеют учащиеся старших классов; примечательно, что именно они отличаются максимально узким горизонтом планирования, что свидетельствует о несформированности жизненных ориентиров и конкурентоспособности. Таким образом, в отношении социальной группы старшеклассников речь может идти лишь о начальных этапах конкурентоориентирования, которое нарастает в студенчестве и реализуется в форме конкурентоспособности при вступлении в трудовые взаимоотношения. Ожидаемым результатом высокой конкурентоспособности работающей молодежи является повышение дохода. В дальнейшем (на протяжении всего карьерного пути) приоритетной задачей респондента становится поддержание собственной конкурентоспособности.

Результаты исследования могут использоваться в педагогической, воспитательной и профориентационной деятельности общеобразовательных учреждений; образовательном процессе в учреждениях среднего профессионального и высшего образования; при организации программ учебных и производственных практик студентов, а также в процессе трудовой адаптации молодых специалистов.

Литература

1. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент. М.: Дашков и Со, 2002. 892 с.
2. Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З. Профессиональное образование и формирование конкурентоспособности личности, социальной общности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2014. № 8. С. 28-39.
3. Menshikov V. Mobility in the lifestyle of today's youth. *FILOSOFIJA-SOCIOLOGIJA*, 2014, no. 25 (4), pp. 247-253.

4. Серегина Е.А. Теоретические основания конкурентоспособности выпускников вузов // Вестник АПК Ставрополья. 2016. № 2 (22). С. 174-180.
5. Weber M. *Economy and Society. Vol. I.* Berkeley: University of California Press, 1978. P. 38.
6. Антонов Г.Д., Иванова О.П., Тумин В.М. Управление конкурентоспособностью организации. М.: Инфра-М, 2013. 300 с.
7. Андреев В.И. Конкурентология. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 468 с.
8. Резник С.Д., Черниковская М.В., Сочилова А.А. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность выпускника вуза: опыт, перспективы научного поиска // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 399-402.
9. Занаев С. С. Конкурентоспособность и конкурентоориентированность как педагогические категории // Вестник Чеченского государственного университета. 2015. № 4. С. 221-225.
10. Львов Л.В., Перезовова О.В. Содержание феномена «конкурентоустойчивость» в профессиональном образовании // Вестник ЧГАА. 2014. Том 67/2. С. 52-57.
11. Шафранов-Куцев Г.Ф., Черкашов Е.М. Конкуренция и конкурентные поля сферы высшего образования // Альма-Матер. 2017. № 9. С. 49-56.
12. Mok Ka Ho. Massification of higher education, graduate employment and social mobility in the Greater China region. *British Journal of Sociology of Education*, 2015, no. 37 (1), pp. 51-71.
13. Mok Ka Ho. Massifying and internationalising higher education, changing labour markets and social mobility: challenges for education and urban governance. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 2016, no. 38 (3), pp. 233-241.
14. Образовательные, трудовые и миграционные ориентации студентов томских университетов / М.О. Абрамова, А.Ю. Рыкун, Е.В. Сухушина, К.М. Южанинов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 5-18.
15. Резник С.Д., Коновалова Е.С. К проблеме конкурентоориентирования студентов высших учебных заведений // Экономическое возрождение России. 2012. № 1. С. 18-26.
16. Maree K., Ebersohn L., Vermaak B. Confronting the effects of unemployment on achievement motivation: The case for postmodern career facilitation. *Perspectives in Education*, 2008, no. 26 (3), pp. 55-68.
17. Schwartz, S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992, vol. 25, pp. 1-65.
18. Ефимова Г.З. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность в оценке студенческой молодежи // Образование и наука. 2017. Том 19. № 7. С. 97-118.
19. Денисенко М.Б., Варшавская Е.Я. Продолжительность трудовой жизни в России // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 4. С. 592-622.
20. Тавокин Е.П. Российская молодёжь на рынке труда в оценках экспертов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2 (132). С. 175-184.

Сведения об авторах

Геннадий Филиппович Шафранов-Куцев – доктор философских наук, профессор, научный руководитель, академик РАО, главный редактор журнала «Вестник Тюменского государственного университета», Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: g.f.kucev@utmn.ru)

Галина Зиновьевна Ефимова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, зав. лабораторией, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: g.z.efimova@utmn.ru)

Shafranov-Kutsev G.F., Efimova G.Z.

Students and Income-Earning Youths: a Transformational Transition from Competition-Based Approach to Competitiveness

Abstract: Competitiveness as a personal characteristic is strategically important in daily and work activities. The article presents analysis of the process of formation of students' competitiveness (case study of high school students and students from secondary vocational and higher educational institutions) with further implementation of competitive strategies in the work of young workers. The youth socio-demographic group is considered as a battery of creative and competitive potential characterized by the desire to develop their own personality and transform the surrounding society. The article presents the assessment of personal characteristics of students and income-earning youths, analyzes the respondents' self-assessment of the level of competitiveness, value attitudes and desirable life characteristics in the long term. The empirical framework includes data of a representative mass questionnaire survey of the youth of the Tyumen Oblast. The sociological research indicates that high school students have a minimum level of competitiveness among all categories of youth and have the potential to improve it among students. The maximum level of competitive strategies is demonstrated by the income-earning youth with higher education. All respondents focused on competitive relations (among students and income-earning youth) count on their own efforts in labor activity and demonstrate the internal locus of control. Competitive income-earning youth value their own safety less, realizing that the implementation of competitive strategies involves a high degree of uncertainty and risk in labor and daily practices; they realize their willingness to resist the competitors. There is a correlation between the young people to participate in competitive interactions and the scale of planning horizons. The research results expand knowledge about young people's competitiveness, the processes of its transition to competitiveness and can be used by educational institutions in training and educational work, as well as all organizations when making personnel decisions.

Key words: high school student, income-earning youth, competition, competitive relations, competitiveness, competitive factors, competitive sustainability.

Information about the Authors

Gennadii F. Shafranov-Kutsev – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Academic Supervisor, Academician of the Russian Academy of Education, editor-in-chief of the journal *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, Tyumen State University (6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.kucev@utmn.ru)

Galina Z. Efimova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor at department, laboratory head, Tyumen State University (6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.z.efimova@utmn.ru)

Статья поступила 16.03.2018.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в августе – октябре 2018 г., а также в среднем за последние 6 опросов (декабрь 2017 – октябрь 2018 гг.). Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011-й (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012-й (первый год третьего президентского срока В.В. Путина). Представлена годовая динамика данных за последние 2 года (2016–2017 гг.).

В августе – октябре 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ снизился на 2 п.п. (с 66 до 64%). Тенденция снижения поддержки главы государства отмечается с июня 2018 г. За этот период доля тех, кто положительно оценивает деятельность В. Путина, уменьшилась на 6 п.п. (с 70 до 64%).

Удельный вес позитивных характеристик работы Председателя Правительства за последние два месяца снизился на 2 п.п. (с 47 до 45%). За период с июня по октябрь – на 7 п.п. (с 52 до 45%).

Для справки:

По данным ВЦИОМ в августе–сентябре 2018 г. поддержка деятельности Президента существенно не изменилась (64%). По данным Левада-Центра доля людей, одобряющих деятельность главы государства, за этот же период уменьшилась на 3 п.п. (с 70 до 67%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Президент РФ															
Одобряю	75,3	58,7	51,7	67,8	67,3	68,9	68,7	68,1	70,1	65,9	63,5	67,5	0	+9	-8
Не одобряю	11,5	25,6	32,6	18,8	20,0	19,3	20,8	18,4	17,5	22,1	24,1	20,4	0	-5	+9
Председатель Правительства РФ*															
Одобряю	-*	59,3	49,6	52,3	49,5	49,9	48,3	49,9	52,0	47,4	45,2	48,8	-1	-11	-
Не одобряю	-	24,7	33,3	27,6	31,1	31,3	30,8	27,8	27,5	31,9	34,8	30,7	0	+6	-
Губернатор															
Одобряю	55,8	45,7	41,9	37,7	39,8	39,4	39,3	39,5	40,5	37,3	35,7	38,6	-1	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	39,3	40,1	37,9	36,1	35,3	36,9	39,1	37,6	-2	+7	+15
* Вопрос задается с 2008 г.															

В августе – октябре доля людей, считающих успешными действия Президента по решению большинства ключевых проблем страны, незначительно (на 2–3 п.п.) уменьшилась:

- ✓ по укреплению международных позиций России – с 53 до 51%;
- ✓ наведению порядка в стране – с 51 до 49%;
- ✓ по защите демократии и укреплению свобод граждан – с 40 до 37%.

Удельный вес жителей области, положительно отзывающихся о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан, за последние два месяца не изменился, однако по-прежнему остается крайне низким (31%). Противоположной точки зрения, для сравнения, придерживается 57% населения.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	43,1	51,2	55,7	56,5	55,2	56,1	55,6	53,3	51,3	54,7	-1	+8	-4
Не успешно	24,9	33,7	37,9	29,9	26,8	28,3	26,9	26,9	26,7	29,1	30,7	28,1	+1	-6	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>105,2</i>	<i>121,3</i>	<i>129,0</i>	<i>128,3</i>	<i>128,3</i>	<i>129,2</i>	<i>128,9</i>	<i>124,2</i>	<i>120,6</i>	<i>126,6</i>	<i>-2</i>	<i>+14</i>	<i>-7</i>
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	35,4	49,2	50,6	52,0	50,9	54,2	55,1	51,0	48,5	52,0	+1	+15	-1
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,7	36,1	34,6	32,7	30,8	32,9	36,2	37,9	34,2	-2	-16	0
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>84,7</i>	<i>112,6</i>	<i>114,5</i>	<i>117,4</i>	<i>118,2</i>	<i>123,4</i>	<i>122,2</i>	<i>114,8</i>	<i>110,6</i>	<i>117,8</i>	<i>+3</i>	<i>+31</i>	<i>-1</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	28,8	36,6	40,3	43,3	42,8	42,9	43,4	39,8	37,3	41,6	+1	+9	-3
Не успешно	37,0	48,3	52,3	44,3	40,2	39,3	38,7	37,1	38,1	41,4	42,7	39,6	-1	-9	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>76,5</i>	<i>92,3</i>	<i>100,2</i>	<i>103,9</i>	<i>104,1</i>	<i>105,8</i>	<i>105,3</i>	<i>98,4</i>	<i>94,6</i>	<i>102,0</i>	<i>+2</i>	<i>+18</i>	<i>-5</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	28,5	27,2	29,3	31,6	31,0	31,3	32,3	30,6	30,6	31,2	+2	+1	-16
Не успешно	39,1	56,1	57,9	59,4	56,9	56,3	53,7	55,3	55,2	58,3	57,2	56,0	-1	0	+17
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>70,6</i>	<i>67,8</i>	<i>72,4</i>	<i>75,3</i>	<i>77,3</i>	<i>76,0</i>	<i>77,1</i>	<i>72,3</i>	<i>73,4</i>	<i>75,2</i>	<i>+3</i>	<i>+1</i>	<i>-33</i>
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.															

Структура партийно-политических предпочтений населения в августе – октябре 2018 г. существенно не изменилась. Поддержка «Единой России» сохраняется на уровне 37–38%, ЛДПР и КПРФ – 10–11%, «Справедливой России» – 3%. Доля жителей области, считающих, что на сегодняшний день ни одна из парламентских партий не выражает их интересы, как и двумя месяцами ранее, составляет 29%.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
																2017	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	38,4	39,7	38,9	38,1	36,5	38,3	+4	+7	+8
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	11,6	10,1	9,6	9,7	9,7	9,7	10,1	-1	+2	+3
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	8,1	7,1	8,1	8,7	10,3	11,1	8,9	+1	-1	+2
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	4,3	3,5	2,5	2,3	2,7	3,4	3,1	-2	-2	-5
Другая	1,8	-	1,9	-	2,1	0,3	-	0,5	1,1	0,9	1,2	0,5	0,6	0,4	0,8	0	-1	-1
Никакая	17,8	-	29,4	-	31,3	29,4	-	29,2	28,5	28,8	26,2	26,7	28,5	29,0	28,0	-1	-1	+10
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	11,7	12,0	-	12,2	8,6	11,1	12,7	13,3	10,0	9,9	10,9	-1	-2	-10

В октябре 2018 г. по сравнению с августом незначительно снизился удельный вес жителей области, позитивно характеризующих своё эмоциональное состояние (на 2 п.п., с 73 до 71%). Доля людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», за этот же период уменьшилась с 78 до 76%.

В характеристиках текущей динамики и перспектив материального положения за последние два месяца существенных изменений не произошло, хотя ситуацию в целом сложно оценивать позитивно:

- ✓ доля жителей области, считающих себя «бедными и нищими», с июня 2018 г. составляет 45% (для сравнения: удельный вес людей «среднего достатка» составляет 43%);
- ✓ индекс потребительских настроений после позитивной динамики, отмечаемой в декабре 2017 – июне 2018 гг., снизился и в настоящее время сохраняется на отметке 89 пунктов (напомним, что значение индекса ниже 100 пунктов говорит о пессимистических прогнозах населения относительно перспектив развития собственного материального положения и экономики страны в целом).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	70,5	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	71,2	+1	+8	+8
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	24,0	23,4	23,1	22,8	22,5	23,1	23,2	-1	-6	-5
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	76,2	79,0	76,5	78,0	75,7	77,1	-1	+2	+3
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,2	16,3	14,8	16,6	15,5	17,1	16,1	0	+1	+2
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	42,1	43,1	41,7	41,2	41,8	43,1	43,3	42,8	42,3	-1	-1	-6
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	49,0	46,6	47,1	46,2	46,5	45,3	44,1	45,4	45,8	-1	+1	+3
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	77,7	84,6	87,3	89,2	90,3	92,2	89,2	89,2	89,6	+5	0	-16
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»															

Положительные изменения в динамике социального настроения за период с августа по октябрь 2018 г. отмечаются в двух социально-демографических категориях населения: люди в возрасте до 30 лет (на 7 п.п., с 78 до 85%) и жители области, по самооценке доходов относящиеся к категории 20% наименее обеспеченного населения (на 7 п.п., с 53 до 60%).

Также в двух социально-демографических группах отмечается ухудшение оценок социального настроения: среди мужчин (на 3 п.п., с 74 до 71%) и лиц в возрасте от 30 до 55 лет (на 4 п.п., с 75 до 71%).

В остальных социально-демографических категориях населения существенных изменений в динамике повседневного эмоционального самочувствия за последние два месяца не зафиксировано.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2016	2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	68,8	70,6	70,8	71,0	73,4	74,5	73,9	70,8	72,4	+2	+8	+7
Женский	61,7	62,0	65,8	67,4	70,2	70,3	66,6	70,0	70,9	71,3	71,8	70,2	0	+8	+8
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	76,4	78,1	82,2	74,2	79,6	81,3	77,9	85,1	80,1	+2	+10	+9
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	67,4	71,5	73,1	68,8	74,0	75,1	74,9	70,9	72,8	+1	+10	+8
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,0	64,9	61,4	65,6	64,2	64,7	66,5	65,4	64,6	0	+6	+10
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	62,1	63,6	61,2	60,5	65,5	64,8	66,5	63,8	63,7	0	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	68,4	72,0	75,0	68,9	72,7	74,9	72,6	73,5	72,9	+1	+9	+8
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	74,3	75,8	75,6	77,9	76,2	77,4	78,4	76,5	77,0	+1	+9	+8
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,5	52,9	50,7	47,7	61,8	60,0	53,1	59,6	55,5	+3	+10	+4
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	69,4	72,0	72,0	70,3	71,7	72,3	74,5	73,1	72,3	0	+7	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	80,9	83,7	86,2	82,2	81,5	85,5	83,4	81,3	83,4	0	+8	+8
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	69,9	72,6	72,2	71,0	73,5	75,4	70,4	68,8	71,9	-1	+5	+9
Череповец	68,1	71,2	76,2	71,7	75,7	75,2	71,5	75,0	76,7	79,1	77,7	75,9	0	+5	+8
Районы	61,6	57,1	59,8	64,8	66,1	66,9	65,6	68,3	68,6	69,8	69,2	68,1	+2	+11	+6
Область	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	70,5	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	71,2	+1	+8	+8

Заключение

Одним из наиболее значимых событий (которое, на наш взгляд, могло оказать существенное влияние на динамику общественных настроений в августе—октябре 2018 г.) стало телеобращение В. Путина к россиянам по поводу самой резонансной и самой острой темы последних месяцев — пенсионной реформы. Нельзя не отметить, что люди ждали позиции Президента по данному вопросу; надеялись на то, что первоначальный правительственный законопроект (который, как показали результаты социологических исследований, был воспринят в обществе крайне негативно² и даже привел к массовым протестным выступлениям по всей стране) будет если не отменен, то, по крайней мере, существенно скорректирован.

² По данным исследований Фонда «Общественное мнение» в июне 2018 г. негативно восприняли пенсионную реформу 80% россиян. По данным региональных исследований ВолНЦ РАН в августе и октябре 2018 г. это мнение разделяли 74% жителей Вологодской области.

Ожидания населения, в целом, оправдались. Президент в очередной раз выступил в роли «стратега и защитника»³, а предложенные им поправки в проект пенсионной реформы оказались достаточно значимыми⁴, и уже в октябре 2018 г. они нашли своё отражение в конечном варианте соответствующего Федерального закона⁵.

Возможно, именно с президентскими поправками связан рост позитивного настроения людей молодого возраста, а также наименее обеспеченных слоев населения. Однако, в целом, судя по результатам социологических измерений, выступление главы государства не оказало существенного влияния на динамику ключевых индикаторов общественного мнения: продолжилась начатая в июне 2018 г. тенденция ухудшения оценок деятельности органов власти; не наблюдается позитивных изменений в динамике эмоционального состояния, запаса терпения, социальной самоидентификации, потребительских настроений...

Выборы глав регионов, прошедшие 9 сентября 2018 г. в 26 субъектах РФ, подтвердили факт неудовлетворенности населения теми действиями, которые предпринимает Правительство РФ и партия власти в первые месяцы политического сезона (особенно на фоне того факта, что мартовское выступление В. Путина перед Федеральным Собранием нашло широкую общественную поддержку: после него, как отмечают эксперты, «в обществе возникли ожидания быстрого социально-экономического рывка, но не понимание, что для него придется чем-то пожертвовать и всем перестроиться...»⁶). В большинстве регионов снизилась явка на избирательные участки; имели место резонансные скандалы, связанные с процедурами проведения выборов; непосредственно в Единый день голосования прошли широкомасштабные акции протеста.

Тем не менее в середине октября 2018 г. эксперты ВЦИОМ констатировали: «Негативные прогнозы относительно снижения легитимности власти после принятия окончательного решения по формату изменений в пенсионное законодательство не оправдались. Скорее всего, это связано с рутинизацией вопроса»⁷. Результаты общероссийских и региональных социологических исследований позволяют в целом согласиться с этим мнением: общество принимает «горькое лекарство»⁸ в виде новых условий более позднего выхода на пенсию, однако, учитывая вполне однозначную первоначальную реакцию на соответствующий законопроект, делает это скорее обреченно, чем с воодушевлением и сознательным пониманием необходимости данного шага для достижения прорывного развития в уровне и качестве жизни.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

³ Генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров в спецвыпуске программы «60 минут» (телеканал «Россия 1»). Эфир от 29 августа 2018 г. / Официальный сайт программы URL: <https://60-minut.su/60-minut-vyipusk-ot-29-08-2018-putin-smyagchil-pensionnyiy-zakonoproekt.html>

⁴ Уменьшение возраста выхода на пенсию для женщин с 60 лет вместо 63; пенсионные льготы для многодетных матерей; сохранение федеральных и большинства региональных пенсионных льгот для людей нынешнего пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) и т.д.

⁵ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

⁶ Скоробогатый П. Ориентир — 2021 // Эксперт. 2018. № 41 (8–14 окт.). С. 53.

⁷ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. № 3788. 12 октября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9363> (комментарий руководителя практики политического анализа и консультирования Департамента исследований М. Мамонова).

⁸ Кошеленко А. Медведев сравнил пенсионную реформу с «горьким лекарством» // Московский комсомолец 2018. 10.08. URL: https://www.mk.ru/politics/2018/08/10/medvedev-sravnit-pensionnuyu-reformu-s-gorkim-lekarstvom.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьёй в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Технический редактор, верстка	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.10.2018.
Дата выхода в свет 31.10.2018.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 500 экз. Заказ № 322.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscs.ac.ru